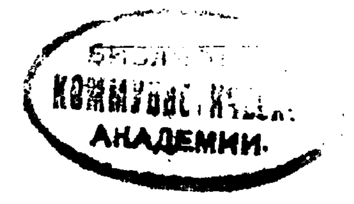
СОДЕРЖАНИЕ

М. Покровский.

АМЕРИКА И ВОЙНА 1914 ГОДА

I

Участие Соединенных Штатов в империалистской войне рассматривают обыкновенно под углом зрения вопроса: «Что побудило САСШ вмешаться в войну?» Безо всякого спора принималось—и принимается до сих пор в общих, популярных изложениях предмета,—что Штаты вначале были нейтральны; затем, под влиянием, главным образом, «бестактностей» немцев («неограниченная» подводная блокада), Штаты перешли сначала от «чистого» нейтралитета к нейтралитету, дружественному по отношению к Антанте, потом к разрыву дипломатических сношений с Германией, затем к войне с последней.

Иногда делались попытки «углубить» вопрос. Выдвигалось хронологическое совпадение вступления Америки в войну и нашей февральской революции. Америка, говорят, «вмешалась», чтобы не дать ослабленной русской революцией Антанте погибнуть под ударами Германии и ее союзников. Для Соединенных Штатов поддержание европейского «равновесия» стало, говорят, таким же догматом, как некогда для Англии: Штаты, точно так же, как Англия, не могли допустить господства в Европе какой-нибудь одной страны в ущерб всем другим—об'единения Европы под одной властью; во имя этого Англия некогда десятилетиями боролась с империей Наполеона I,—во имя этого теперь Соединенные Штаты вступили в бой с «новейшим Наполеоном» Вильгельмом II.

Конечно, это немного серьезнее наивно-психологического об'яснения, что немцы «раздразнили» президента Вильсона своими бестактностями. Но нужно отдать справедливость американцам: настоящей русской революцией они считали Октябрьскую. Ей одной они придавали серьезное значение [1]. С другой стороны, крушение русского фронта давно не было для них секретом—уже гораздо раньше февраля [2].

Если бы об'яснение «от равновесия Европы» было правильно, американцы должны были бы вмешаться еще летом 1916 г.—или дожидаться ноя-

---

[1] «The intimate papers of colonel House», v. III, pp. 299—300.

[2] Там же, v. II, p. 252—донесение американского посла в Берлине Джерарда от 24 мая 1916 г.: «...на русском фронте установилось что-то вроде молчаливого «божьего мира»: нет никаких боев, взаимные визиты в траншеи на началах полной дружбы...» Характерно, что первые симптомы братания появляются уже так рано.

бря 1917 г. При этом надо принять во внимание, что об'явление войны Германии в марте 1917 г. носило чисто «юридический» характер: как боевая сила американцы могли появиться на западном фронте лишь более года спустя—к концу весны или началу лета 1918 г.

Но самой слабой стороной обоих об'яснений является, конечно, теоретическая. Неужели появление на поле сражения империалистской войны одного из колоссов империализма могло быть последствием только плохой дипломатии немцев—или правильного дипломатического расчета американского правительства, т. е. мотивов, которые могли бы действовать во все времена и при всяких экономических условиях? Неужели особенности эпохи монополистического капитализма ни в чем не нашли себе отражения при этом случае?

Это соображение до того бьет в глаза, что даже буржуазные историки, заботливо отгораживающиеся от всякой солидарности с историческим материализмом, не могут не делать уступок этой точке зрения. Об'ясняя причины американско-германского разрыва, один из этих историков говорит: «Очень большую роль играло возрастающее торговое соперничество. Как Германия, так и Соединенные Штаты бурно развивались перед мировой войной экономически, и это вело к конкуренции на мировом рынке. Многие думают, что это было важнейшей и наиболее глубокой причиной охлаждения отношений между обеими странами». И далее, еще более «грубо экономически»: «Если бы мы наши деньги помещали в государственные бумаги центральных держав и главную массу наших товаров продавали бы этим державам, то американские финансовые и промышленные круги были бы столь же яростно настроены в пользу Германии, как они в 1915, 1916, 1917 гг. были настроены в пользу Англии и Франции» [1].

Нам нет никакой надобности полагаться на авторитет буржуазных историков,—хотя бы и из числа наиболее приличных. Америка—одна из немногих стран, опять-таки, — позаботилась снабдить нас документами. Эти документы касаются не только возникновения войны, как большинство документов, опубликованных европейскими странами, они захватывают и очень большой кусок собственно военной эпохи. Для Америки это, впрочем, естественно — поскольку Соединенные Штаты начали воевать только в 1917 г., так что не только 1914, но и 1915 и 1916 гг. для них еще годы возникновения войны. Что особенно ценно, это—не только официальные документы, к каковому разряду относится подавляющее большинство бумаг, опубликованных другими державами; американские сборники дают массу частных, «личных» писем—источник, неизмеримо более жизненный, чем официальная переписка. Один из сборников, наиболее полный, так и озаглавлен: «Личные бумаги полковника Хауса» (Intimate papers of colonel House).

У этого личного и частного характера изданных документов есть, ко-

[1] H. E. Barnes. Возникновение мировой войны, нем. пер., сс. 433 и 445.

нечно, и своя оборотная сторона. Оба издания, которые мы имеем в виду [1], тоже частные, неофициальные—никакое государство за них не отвечает. Для очень широкой и мало осведомленной публики это, конечно, роняет авторитет изданий; мало-мальски осведомленный читатель знает, что официальный штемпель ровно ничего не гарантирует, скорее наоборот, если издает «уличающие» документы правительство, несущее, по традиции, ответственность за тех, кого уличают. Только печать правительства, совершенно непричастного к войне 1914 г. — и не могущего быть причастным, поскольку этого правительства тогда еще и не существовало, — может быть порукой подлинности и полноты публикуемого. Но для официальных сборников обязательны некоторые внешние правила, от которых частный издатель может считать себя свободным. Официальный издатель, может быть, не всегда дает полное собрание соответствующих документов, но он обещает таковое дать. Если собрание, на самом деле, не полное—это уже обман. Частный издатель может этого и не обещать. Так и было в данном случае. Издатели прямо говорят, что ими напечатаны не все документы полностью—многое дано в извлечениях и цитатах. С целью сделать книгу легче перевариМой для массового читателя, ей в обоих случаях придан характер рассказа, лишь обильно уснащенного подлинными текстами. Но последних так много, что книги отличаются от настоящих сборников документов более лишь с чисто литературной стороны.

В настоящем очерке мы не собираемся исчерпать все богатое содержание цитируемых семи томов. Это можно сделать только в ряде очерков. Здесь мы попытаемся только, с документами в руках, проверить ходячее, без критики принимаемое всеми утверждение о якобы нейтралитете Соединенных Штатов в войне 1914 г. Для такой проверки в сборниках мы имеем материал исключительной полноты. Но, прежде чем приступить к самой работе, несколько слов о «действующих лицах».

Обычное, опять-таки без критики воспринимаемое массовое убеждение ставит в центре внешней политики Штатов 1914—19 гг. фигуру президента Вильсона. Об его адресах, речах, нотах и знаменитых «четырнадцати пунктах» всякий знает. Всякий знает и о неудаче, которая в конце-концов постигла американского президента на этом поприще. Кто в самом деле читал эти знаменитые документы, а не только слыхал о них, никогда не мог отрешиться от впечатления какой-то детской наивности, которою документы дышали. Для многих, может быть, это служило признаком «нового слова»—свежей, не закоченевшей в дипломатической рутине, мысли. На самом деле это была печать подлинной наивности, в буквальном смысле этого слова, наивности человека, который понимает сущность международных отношений не лучше, чем любой «человек улицы», чем любой обыватель.

[1] 1) «The intimate papers of colonel House. Arranged as a narrative by Ch. Seymour, prof. of history at Yale Univ.», vol. I—IV, London, Ern. Benn. 1926—1928, 2) «The life and letters of Walter H. Page. By Burton J. Hendrick», vol. I—III, London. Will. Heinemann. 1926. Есть ...

В этом вынуждены признаваться авторы, наиболее почтительные к памяти Вильсона. Проф. Сеймур, обрабатывавший для печати переписку Хауса, говорит о президенте: «В начале его политической карьеры, и даже в течение первых двух лет его президентства, дипломатические вопросы интересовали его гораздо меньше, чем его законодательная программа; у него медленно развивалось то, что можно назвать определенной (иностранной) политикой, и он предоставлял своим послам самим разрешать возникавшие перед ними проблемы. Вскоре после назначения Пэджа послом в Лондон, полковник Хаус, как он сообщает, спросил Вильсона, «дал ли (последний) какие-либо специальные инструкции Пэджу... Оказалось, что нет, но что (Вильсон) считал решенным делом, что он (Пэдж) будет вести себя дипломатично и в примирительном духе». В течение всей войны, сообщает биограф Пэджа, последний получил от Вильсона всего тринадцать писем, включая в это число и рекомендательные письма американцам, ехавшим в Англию [1].

Понятие «первые годы президентства» приходится, таким образом, очень расширить. В другом месте и Хаус должен был признать, что еще и в 1915 г., когда вопрос о роли Соединенных Штатов в войне стоял уже вплотную перед президентом, тот все еще «не ценил, как следует, важности внешней политики и придавал слишком большое значение домашним (т. е. американским) делам». И хорошо делал, нужно прибавить, ибо когда он принимался рассуждать о внешней политике, он не мог пойти дальше обычных обывательских оценок, основанных на чтении английских газет,—других, по-видимому, он читать не мог. Вслед за этими газетами он послушно возмущался нарушением Германией бельгийского нейтралитета (мы увидим скоро, как относились к этому настоящие американские дипломаты), сожжением лувэнской библиотеки и т. д. Разговор его на эту тему с Хаусом, слишком длинный, чтобы здесь его воспроизводить целиком, неудержимо напоминает об уроке политграмоты в начальной школе—политграмоты буржуазной, конечно [2]. И та же святая простота дышет на нас из реплики, которой президент ответил некоторым членам его кабинета, несколько лучше разбиравшимся в военных вопросах и пытавшимся просветить своего председателя: «Джентльмены, союзники (т. е. Антанта) стоят, прижатые к стене, в борьбе с дикими зверями. Я не позволю, чтобы наша страна сделала чтобы то ни было, что могло бы помешать им или затруднить им продолжение войны, пока признанные права грубо нарушаются» [3].

Мы после увидим, что к «признанным правам»—например, праву турок на их столицу Константинополь—Вильсон склонен был относиться весьма либерально. «Признанные права»—это права Антанты и ее союзников. Обыватель, одураченный английскими газетами,—так можно определить личную позицию Вильсона в начале войны. Но легко обманывать того, кто хочет обмануться: американские историки (тот же цитированный выше Barnes)

[1] House, I, p. 181; Page, III, p. 259.
[2] См. House, там же, pp. 298—299.
[3] House, II, p. 49.

правильно подчеркивают демократическую традицию Вильсона. Демократическая партия еще и в XX в. остается партией юга и аграриев. На вторичных выборах Вильсона в 1916 г. «прочными» штатами демократов считались все штаты, входившие в конфедерацию 1861 г. К ним примкнули—но их пришлось отвоевывать — земледельческие штаты среднего и дальнего Запада. Из штатов, оставшихся верными федерации в 1861 г., верны Вильсону были только Нью-Гемпшир и Мэриланд: но последний в 1861 г. был рабовладельческим штатом, оставшимся на стороне Севера по той простой причине, что его оккупировала армия северян. Для довершения характерности выборов 1916 г. Западная Виргиния, отколовшаяся от Юга во время гражданской войны, раскололась и на этих выборах. Вильсон оба раза получил власть, как избранник южан. Индустриальные штаты Новой Англии, опора Севера в гражданскую войну, голосовали за Юза и республиканцев. Но в гражданскую войну Англия поддерживала рабовладельцев Юга, и всякому южанину было естественно смотреть на всякого англичанина, как на друга и союзника. Симпатии к Англии не были личным делом Вильсона — это были симпатии его партии и его избирателей.

Если бы международные отношения определялись симпатиями правителей, Соединенные Штаты уже в августе 1914 г. были бы в рядах Антанты. С этой точки зрения приходится спрашивать не о том, почему Америка «вмешалась» в 1917 г.,—а почему она не вмешалась тремя годами ранее. И тут грубый, суммарный ответ довольно прост. У южан и примкнувшего к ним Запада ум с сердцем был не в ладу. Традиции тянули их в сторону Англии — но Англия об'явила военной контрабандой хлеб и хлопок, т. е. закрыла половину мирового рынка перед фермерами Запада и плантаторами Юга. Такого удара по карману никакая традиция выдержать не могла. Равнодействующая англофильских симпатий и английской блокады нашла себе выражение в тенденциях Брайана, который был министром иностранных дел в кабинете Вильсона и не стал президентом именно потому, что он был уже слишком характерной южной фигурой: выборы американского президента всегда до известной степени компромисс, а герой будущего обезьяньего процесса в компромиссные фигуры не годился. Но точку зрения Юга на войну он представлял гораздо лучше Вильсона. Брайан был фанатиком скорейшего заключения мира. Он не желал поражения англичан—боже упаси!—но он желал, чтобы американский хлопок и американская пшеница невозбранно продавались тому, кто даст за них лучшую цену. Нужно как можно скорее восстановить нормальные рыночные отношения—т. е. прекратить войну. С июля по сентябрь 1914 г. Брайан три раза выступал с предложением посредничества, вызывая тем величайшее негодование Вильсона и его кружка. «Позвольте мне напомнить вам,—писал Вильсону Хаус в самом разгаре предвоенного кризиса (1 августа 1914),—что не следует допускать, чтобы Брайан делал какие бы то ни было предложения той или другой из вовлеченных в конфликт держав. Там смотрят на него как на сумасшедшего, и это (выступление Брайана) ослабило бы ваше влияние в том случае, если бы вы позже

захотели им воспользоваться». Само собою разумеется, что Брайан был решительным противником всяких приготовлений к войне со стороны самих Соединенных Штатов. Когда Хаус, по предложению Вильсона и очень вопреки своему личному желанию, должен был заговорить с Брайаном на эту тему, он нашел, что министр иностранных дел рассуждает, «как моя маленькая внучка Джен Тукер. Он говорил с большим чувством, и я боюсь, что от него может быть много беспокойства...» [1]

Но мы видели, что от рассуждений маленьких детей не далеко ушли и высказывания самого президента. Не подлежит никакому сомнению, что из двух официальных руководителей американской внешней политики Брайан был все-таки сильнее Вильсона. У первого был все же свой план, пусть наивный—у Вильсона не было никакого своего плана, он мог только плыть по течению, а плыть по течению событий в Европе значило плыть против течения среди своих избирателей, которых каждый новый месяц английской блокады все более и более восстановлял против «традиционного» друга. Трудно сказать, что получилось бы, если бы поединок Вильсон—Брайан разыгрывался только между ними двумя; возможно, что кандидатом демократов на выборах 1916 г. стал бы Брайан. Но последний столь же мало понимал в конкретных дипломатических вопросах, как и президент. На деловой почве он был беспомощен. Счастье его противника заключалось в том, что в своем окружении он нашел двух деловых людей, которые среди профессиональных дипломатов, правда, производили довольно неуклюжее впечатление, но все же стояли на бесконечно более высоком уровне, нежели обычные читатели газет, и могли быть проводниками Вильсона в совершенно чуждом для него мире. Что их самих поведут за собой бесконечно более ловкие и тертые английские дипломаты, с этим фактом до сих пор не вполне освоились даже присяжные биографы этих двух людей, довольно комически старающиеся представить двух, по существу, английских агентов, как чуть ли не государственных людей первого порядка. Справедливость, впрочем, заставляет сказать, что одного из этих помощников смог раскусить еще сам Вильсон, после двухлетнего опыта. Как ни прост был президент по этой линии, некоторые вещи слишком уже били в глаза. Этими двумя людьми, которые «ввели» Соединенные Штаты в мировую войну, были полковник Хаус и посол Штатов в Лондоне Пэдж.

«Полковник» Хаус [2] был еще более кровно связан с Югом и его традициями, нежели президент Вильсон. Сын крупного техасского землевладельца, ведшего во время гражданской войны организованную—и весьма для него лично прибыльную—военную контрабанду в пользу конфедератов, он,

---

[1] House, I, 285 и 305.

[2] Его военное звание приходится писать в ковычках, ибо «полковник» никогда военным человеком не был. В южных штатах это просто формула вежливости, иногда почетное звание—в местной милиции. В Европе «чин» Хауса принимали всерьез, что создавало для него, особенно в милитаристской Германии, ряд невообразимо комических положений.

как и его друг Пэдж, всеми детскими воспоминаниями был связан с той эпохой, когда Вашингтон был вражеской столицей, а президент Линкольн—главой чужого, грабящего и разоряющего Юг государства. Пэдж писал в своих воспоминаниях, что похороны конфедератов, убитых на фронте гражданской войны, были самыми сильными впечатлениями его детства. Самым сильным впечатлением детства самого Хауса было известие об убийстве Линкольна. Для англофильских симпатий почва, таким образом, была подготовлена лучше, чем даже у самого Вильсона. Но опять-таки, мы очень недалеко ушли бы в понимании политики Хауса (в приложении к внешней политике Соединенных Штатов это термин более исторически правильный, чем «политика Вильсона»), если бы ограничились личными симпатиями и антипатиями.

Сын техасского помещика был одним из наиболее ярких представителей того политического течения, которое на грубом языке историков-материалистов носит название американского империализма. Не употребляя этого неприятного термина, биограф Хауса, в сущности, описал самую вещь как не надо лучше. «Хаус был одним из немногих людей в Соединенных Штатах,—пишет проф. Сеймур, — которые понимали перед войной, как глубоко предшествующее тридцатилетие изменило наши отношения к Европе, сделав из Штатов, в интеллектуальном и экономическом отношениях, одного из членов семьи мировых держав. За этим должно было следовать, он был убежден, и политическое единение с этими державами. Никогда не имея недостатка в смелости, он готов был принять все последствия. Он чувствовал, что мифическая защита доктрины Монроэ («Америка для американцев»—*М. П.*) должна быть заменена участием Америки (во всех мировых вопросах),—он был убежден, что легенда о политической изоляции от Европы является отжившим остатком давно прошедшей эпохи. Чего он желал, это было сотрудничество с великими европейскими державами в деле сохранения мира, что было жизненным материальным интересом для Соединенных Штатов. И этого убеждения нисколько не ослабляло понимание того факта, что положение дел в Европе—критическое и может в любую минуту вылиться в общеевропейскую войну»[1]

Формула: «если хочешь мира, готовься к войне», устарела к 1914 г. не менее, чем доктрина Монроэ, и ее давно пора было заменить более новой: «если хочешь мира, воюй». Хаус принимал ее, действительно, со всеми последствиями. Уже в апреле 1914 г. он записывал в своем дневнике: «У меня был длинный разговор с генералом Вудом (одним из апостолов американского милитаризма—*М. П.*) о военной подготовке. Мы обсуждали международное положение, в особенности по отношению к Японии и возможным с ее стороны беспокойствам, и говорили о том, что необходимо должно быть сделано. Он сказал, что Манилла так теперь укреплена, что может держаться год по крайней мере, и что очень скоро Гавайские острова будут

[1] House, I, 107 (разрядка моя. *М. П.*)

столь же неприступны. Он думает, что Панамский канал так близок к окончанию, что в случае надобности он сможет быть открыт через 20 дней. Мы обещали с этого времени держать друг с другом тесную связь» [1]. Через несколько месяцев все стало, само собою разумеется, гораздо конкретнее. В ноябре 1914 г., в разговоре с Вильсоном, Хаус уже «настаивает, что наступило время для большой созидательной работы в области армии, такой, которая сделала бы эту страну слишком могущественной, чтобы какая бы то ни было другая нация осмелилась напасть на нее. Он (Вильсон) сказал мне, что есть основание подозревать, что немцы разбросали по всей стране бетонные фундаменты для тяжелых орудий, подобно тому, как это они сделали в Бельгии и во Франции. Он почти не решался говорить об этом вслух, так как, если бы эта весть распространилась, это так раз'ярило бы народ, что последствия могли бы быть опасны. Генерал Вуд расследует это дело...» [2].

Как видим, психология маленькой девочки могла служить точкой опоры для весьма взрослых империалистических проектов. Нелепый разговор о немецких кознях был непосредственным поводом к официальной беседе Хауса с Брайаном, по каковому именно случаю Хаус и вспомнил о своей внучке. Почему эта внучка не пришла ему в голову, когда он беседовал с Вильсоном, можно об'яснить лишь почтительностью техасского демократа к своему лидеру и президенту. Как бы то ни было, уже в ноябре 1914 г. американский милитаризм начал выходить из стадии частных разговоров.

Таков был человек, в руках которого был начитавшийся английских газет «человек улицы», наделенный всеми правами и преимуществами, весьма обширными, какие конституция Соединенных Штатов предоставляет президенту в области внешней политики. «Официально» Хаус занимал положение «друга» президента—положение, почти столь же узаконенное, как положение фаворитки при дворах XVIII в. или фаворита при Екатерине II. Но их дружба была весьма недавней даты, когда началась война 1914 г. Они познакомились во время первых президентских выборов Вильсона, в конце 1911 г. «Он не из самых крупных людей, каких я встречал,—записал о нем Хаус под первым впечатлением,—но один из самых приятных...» Приятность заключалась, повидимому, в том, что Вильсон сразу обнаружил большую наклонность во всем слушаться Хауса. Тот нашел, что в своих речах демократический кандидат недостаточно подчеркивает вопрос о таможенных тарифах (до войны столь дразнивший аграриев, что только английская блокада могла заставить забыть о нем). Хаус, при помощи одного из лучших специалистов по вопросу, составил соответствующую памятную записку, которой потом и пользовался Вильсон во всех своих выступлениях [3]. Это

[1] Ibid., 302—303.

[2] Ibid., 305. Даже проф. Сеймур смутился при виде такой глубины государственной мудрости и сделал к этому месту примечание, что, конечно, Вильсон с Хаусом говорили об этом «не серьезно».

[3] House, I, 48—49.

касалось внутренней политики, в которой и сам Вильсон более или менее разбирался. «Друг» становился всемогущим, когда дело переходило к политике внешней, которая для президента была первое время книгой за семью печатями. «С Хаусом президент обстоятельно обсуждал кандидатуры послов для Лондона, Берлина, Рима, Вены и Парижа», говорит биограф «полковника»[2]. Для Лондона Хаус выдвинул своего близкого друга Пэджа. Довольно талантливый журналист в прошлом, «южанин» еще более, чем Вильсон и Хаус, в деловую сторону дипломатической работы он был посвящен не более их. Для него то, что он стал послом—а для Хауса то, что он «сделал» посла,—было источником чисто детского удовольствия. «Здравствуйте, ваше превосходительство», приветствовал «полковник» своего друга в тот день, когда он добился от президента назначения Пэджа послом (после двухмесячных стараний, узнаем мы по этому случаю...).

Как все новички, Пэдж больше всего был смущен и заинтересован формальной стороной своей новой должности. Тут все было совершенно непривычно для провинциального американского журналиста. При первом свидании со своим другом, после своего назначения, он забросал Хауса рассказами о принцессах и герцогинях и о том, как трудно с ними обходиться (от одной принцессы он ушел, не будучи отпущен милостивым кивком головы—скандал! А одна герцогиня за обедом упорно молчит, как рыба—пойди, занимай ее!). «Вчера вечером была герцогиня—простая и милая», сообщалось Хаусу, как только они расстались; «сегодня вечером будет епископ—качество еще неизвестно; завтра вечером русский посол, великолепнейший тип старого славянина, какой я только знаю...»

Бедный Пэдж—единственный «славянин», которого он узнал, был... граф Бенкендорф.

Что такой человек должен был стать легкой жертвой лучшей дипломатии мира, где традиции международного обмана шли куда глубже, чем всякие традиции южан, это можно было считать само собою разумеющимся с самого начала. Приехав уже англофилом в Лондон, Пэдж скоро стал «более британцем, чем сами британцы», как не мог не заметить даже Вильсон. Уже в январе 1914 г., спустя меньше года после своего назначения, Пэдж «засыпает каждый день с мыслью, что говорящие по-английски народы теперь правят миром». «Предположим, что был бы теснейший союз, оборонительный и наступательный, между всеми британцами, колониями и т. д. и Соединенными Штатами—что бы тогда случилось? Все, что бы мы ни сказали, исполнялось бы, сказали ли бы мы: «приходи к нам под защиту!» или «разоружайся!» Это могло бы быть началом настоящего всемирного союза и об'единения для достижения огромных результатов, разоружения, например, посредничества—массы хороших вещей...» Войну он встретил с восторгом. Уже 2 августа 1914 г., когда британская дипломатия еще спасала мир, Пэдж, захлебываясь, сообщал со слов своего военного атташе (о котором

[1] Ibid., 185.

нельзя было точно сказать—английский это или американский офицер, до того он был своим в английском главном штабе задолго до вступления Америки в войну): «Выхода нет. Если Англия останется в стороне, Германия захватит Бельгию и Голландию, Франция будет предана, и Англию будут обвинять, что она забыла своих друзей...» Война принесет неисчислимые блага Соединенным Штатам. «Она оживит наше мореплавание. В один миг, под давлением общеевропейской войны, сенат Соединенных Штатов принимает закон, позволяющий американцам регистрировать корабли, построенные за границей. Так реальная необходимость сразу сбила с ног старых протекционистов, которые держались пятьдесят лет!.. Соединенные Штаты—единственная великая держава, совершенно не захваченная кризисом. Соединенным Штатам, по всей вероятности, придется сыграть спасительную и историческую роль при окончании войны. Это откроет президенту Вильсону, без сомнения, великие возможности. Война, по всей вероятности, поможет нам политически—и наверное поможет нам экономически» [1].

В декабре 1914 г. Хаус должен был писать своему другу: «Президент желает, чтобы я попросил вас не выражать ненейтральных чувств ни устно, ни письменно, даже в переписке с министерством иностранных дел. Он говорит, что и Брайан и Лэнсинг (товарищ министра) заметили ваш уклон в этом направлении, и он думает, что это могло бы ослабить ваше влияние...» [2].

Увещание не подействовало. 4 марта 1915 г. Хаус записывает: «Вчера, когда Пэдж набрасывал свою депешу президенту, спрашивая, что же предполагается сделать в данный момент в связи с предполагаемой германской блокадой, он вставил массу вещей, которые я посоветовал выкинуть. Это была сильнейшая аргументация в пользу английской точки зрения, и я знал, что она ослабила бы его влияние и в министерстве иностранных дел [3], и у президента. Он неохотно согласился сократить свое изложение...» Пэдж был убежден, что сильнее Англии державы нет. «Я твердо верю, что единственная непобедимая сила в Европе—англичане. Если бы вся Европа была против них вместо германцев, все-таки в продолжительной борьбе они оказались бы победителями... Это единственный непобедимый народ на земном шаре—эта раса...» И он всячески стращал Вильсона великими бедами, если Америка не вмешается немедленно в войну. «Если Англия победит, а она в конце-концов победит, она продиктует условия мира—конец милитаризма, вознаграждение Бельгии и Франции, и английский флот будет сильнее, чем когда бы то ни было, и Британская империя будет скреплена прочнее, чем прежде; а русское военное самодержавие останется до другого дня. Не будет никакого ограничения вооружений, кроме как для Германии! А Соединенные Штаты не будут иметь голоса при составлении условий договора—Англия же

---

[1] «The Life and letters of W. H. Page», удешевл. изд., I, 282—283. 301—302

[2] House, I, 318.

[3] В оригинале, конечно, как всюду, «State Departement», я перевожу термином, более понятным читателю.

будет строить свой колоссальный флот, а Россия будет держать свою бесчисленную армию».

Когда хороший предлог для вооруженного вмешательства Америки, казалось, был налицо—германская подводная лодка утопила «Лузитанию»,—Пэдж был уверен, что минута наступила: не упустит же даже Вильсон такой возможности. «Официальные комментарии сдержанны», телеграфировал он президенту на другой день. «Но свободно выражаемое неофициальное мнение таково, что Соединенные Штаты должны вмешаться—или потерять уважение Европы. Насколько я знаю, это мнение—всеобщее». И когда президент Вильсон даже в этом случае «струсил» (в частных разговорах Пэдж употреблял именно это слово), негодованию его лондонского представителя не было предела. «Даже консервативного образа мыслей люди здесь твердо убеждены, что иностранные государства Соединенных Штатов более не боятся, а общественное мнение заграницы с ними более не считается», писал он Вильсону через четыре месяца [1].

Американские документы содержат столько интересных подробностей о гибели «Лузитании», что нельзя попутно не остановиться на этом на минуту. Прежде всего, «неслыханное» и «совершенно неожиданное» попрание немцами «основ международного права», выразившееся в утоплении корабля, принадлежавшего вражеской стране и нагруженного боевыми припасами, наиболее близко заинтересованными лицами предусматривалось, вполне деловым образом, по крайней мере за три месяца. В феврале 1915 г. Хаус именно на «Лузитании» плыл в Европу для секретных англо-германских переговоров: официально это называлось примирительной попыткой американских друзей мира (отнюдь не американского правительства! Только Брайан мог делать такие бестактности...), на деле, как мы увидим в следующем очерке, это были именно англо-германские переговоры. И вот что, по словам Хауса, случилось во время этого путешествия (в феврале, повторим это еще раз—а утопление «Лузитании» имело место в мае): «Сегодня после полудня,—записал Хаус 5 февраля,—когда мы приближались к берегам Ирландии, был поднят американский флаг. Это создало большое возбуждение (среди пассажиров) и дало повод ко всякого рода толкам и комментариям. 6 февраля 1915 г. от м-ра Бересфорда, брата лорда Decies, едущего вместе с нами, я узнал, что капитан Дау (командир «Лузитании») был очень встревожен прошлый вечер и просил его, Бересфорда, оставаться с ним на мостике всю ночь. Он ожидал, что его будут торпедировать, и по этому случаю поднял американский флаг. Ясно, что такой инцидент мог дать повод ко всевозможным осложнениям. Все газеты в Лондоне спрашивали меня об этом, но, к счастью, я не был очевидцем и мог сказать, что ничего не знаю, кроме слухов. Беспокойство капитана за безопасность его судна побудило его разработать полную программу спасания пассажиров, спуска шлюпок и т. д., и т. д. Он сказал Бересфорду, что если котлы не лопнут от взрыва, то судно

[1] House, I, 460; Page, III, 205, 172, 173, 200

сможет продержаться на воде по крайней мере час, и в это время он постарается спасти всех пассажиров».

Итак, что «Лузитания»—судно, на котором опасно плавать, это каждый разумный—и не обманутый нарочно—человек мог знать за три месяца до катастрофы. Почему людей нарочно обманывали, внушая им, что на «Лузитании» путешествовать безопасно? Весьма правдоподобную гипотезу на этот счет помогает построить другое показание Хауса, еще более любопытное. Утром 7 мая Хаус, вместе с Эд. Греем, ехали в Кью, на прием к королю Георгу V. «Мы говорили о возможности, что какой-нибудь океанский пакетбот будет потоплен (германской подводной лодкой—*М. П.*),—сообщает Хаус,—и я сказал ему (Грею), что если бы это случилось, пожар негодования охватил бы всю Америку, и это, вероятно, само собою втянуло бы нас в войну». Часом позже Хаус беседовал с английским королем. «Мы разговаривали странным образом,—записывал полковник в этот вечер,—о возможности потопления трансатлантического пакетбота немцами... Он (король) сказал: «Предположите, что они утопят «Лузитанию» с американскими пассажирами на борту...». В этот вечер Хаус обедал в американском посольстве. Принесли телеграмму, извещавшую, что в два часа пополудни германская подводная лодка пустила ко дну «Лузитанию» у южного берега Ирландии. Много людей погибло».

Не подлежит никакому сомнению, что гибель «Лузитании»—одно из самых гнусных дел империалистской войны. Но немцы, с их неутомимым стремлением нарушать «простые законы права и нравственности», тут были в роли чисто «механического» виновника, выполнявшего чужое задание. Утопление «Лузитании» с их стороны хуже, чем преступление—это ошибка: они сыграли в руку своему противнику. Но моральным виновником был, конечно, этот последний. Приведенные цитаты[1] не оставляют на этот счет тени сомнения. Гибели «Лузитании» ждали в Лондоне с таким же нетерпением, как нарушения бельгийского нейтралитета германской армией в августе 1914 г. И нам становится понятной одна фраза Пэджа, своим цинизмом смутившая в первую минуту самого писавшего. «Я хочу сказать странную вещь,—говорится в письме к Хаусу от 15 июля 1915 г.,—но единственное разрешение вопроса, какое я вижу—это потопление второй «Лузитании»—что заставит воевать. Мертвое молчание!»

Журналисты плохо умеют молчать—не такой народ; и Пэдж написал—и сохранил тем для потомства—то, о чем Грей и Георг V только разговаривали—и то без свидетелей.

У читателя может сложиться впечатление, что завзятым англофилом и немцеедом был в этой паре Пэдж—впечатление, которое автор биографии Хауса не прочь внушить своему читателю. Конечно, Пэдж был почти столь же «неприличной» фигурой в лагере американских милитаристов, как Брайан в противоположном лагере. Но противополагать Пэджа Хаусу было бы совершенно неправильно. Только то, что у журналиста было на языке и под

[1] House, I, 367, 435.

пером, то у дипломата было лишь на уме. Характерно, что именно дипломатические способности Хауса были исходной точкой его «фавора» при Вильсоне. Гораздо раньше, чем он предпринял неудачную попытку примирить Германию и Англию (летом 1914 г.), Хаус имел успех в не менее, может быть, трудной попытке—примирить Вильсона с Брайаном и убедить второго отказаться от кандидатуры на президентство в пользу первого. С этого именно дипломатического подвига Хаус и пошел в ход. Так вот, хороший дипломат Хаус не болтал направо и налево о том, что он думает—но думал он то же, что и Пэдж. «Наши надежды, наши чаяния и наши симпатии тесно связаны с демократиями Франции и Англии, и это влечет к ним и наши сердца, и нашу могущественную экономическую поддержку—а не страх тех последствий, какие могло бы для нас иметь их поражение», писал Хаус этому последнему в августе 1915 г. «Сам полковник очень хотел бы, чтобы Германия была достаточно побита—и чтобы судьба милитаризма была решена на все будущие времена», говорит биограф Хауса: мы видели уже, что даже Пэдж понимал, что речь идет о судьбе только германского милитаризма,—а никак не английского или даже русского. «Он (Хаус) более, чем когда-либо (речь идет о начале 1916 г.—*М. П.)* был убежден, что будущее Соединенных Штатов связано с победой союзников (т. е. Антанты—*М. П.)*—и он искал путей помочь союзникам», пишет тот же автор в другом месте [1].

Мы упоминали выше об одном американском военном, который неведомо был на чьей службе—Англии или Соединенных Штатов. Но подобное же сомнение легко возникает и относительно псевдо-военного друга президента Вильсона. Трудно было иногда решить, с каким правительством он теснее связан—своей родины или родины основателей северо-американского союза. Во всяком случае его отношения с Эд. Греем были более интимные, близкие и теплые, чем с Брайаном. «Он отвечал мне с чрезвычайной искренностью,—отмечает Хаус по поводу своего разговора с Греем в феврале 1915 г.,—рассказывая мне все так, как если бы я был членом его правительства. Это был необыкновенный разговор, и я чувствовал себя выше всякой меры польщенным таким его доверием к моей скромности и добросовестности» [2]. Как видим, была слабая струнка и у Хауса—только ему мало было разговоров с герцогинями и принцессами. Играя на этой струнке, англичане добивались от фактического министра иностранных дел Штатов чудовищных вещей. Вместе с английским послом в Вашингтоне, Спринг-Райсом, Хаус цензуровал депеши Брайана к Пэджу—формально это шло, конечно, как «редакция» самого президента Вильсона; в обмен за эту услугу Спринг-Райс обсуждал вместе с Хаусом свои донесения Грею: раз Хаус трактовался, как член английского кабинета, это было довольно естественно—но едва ли Брайан когда-либо соглашался трактовать Спринг-Райса, как члена американского правительства. Естественно, что работу такого рода приходилось держать в величайшей тайне—и сношения Хауса с английским послом принимали совсем конспира-

[1] Hose, I, 344, II, 61, 154.
[2] Ibid., I, 370.

тивный характер: у них была «явка», в доме одного из чиновников State Departement Филиппса, условный язык (Спринг-Райс подписывался «Беверлей») и шифр для сношений. А для сношений с Греем Хаус имел разрешение пользоваться шифром английского министерства иностранных дел: единственный не-англичанин, которому это было когда-либо позволено, с гордостью сообщает его биограф. Нужно, однако, отметить, что и тот американский офицер, о котором речь шла выше, полковник Сквайер, был единственным не-английским военным, имевшим доступ к секретным материалам английского главного штаба.

Такая доверчивость была очень рентабельна. Поездка Сквайера по западному фронту была очень существенным моментом в деле вовлечения Америки в непосредственные военные действия против Германии (что страна, без материальных ресурсов которой Антанта, по признанию самого Грея. не могла бы выдержать и года войны, фактически была союзницей Антанты задолго до появления первого американского солдата во Франции, это разумеется само собою). Доверие, оказанное Греем Хаусу, доводило последнего до поступков, от которых до прямой «измены отечеству» уже меньше одного шага.

2 августа 1915 г. Хаус записал: «Вечером приходил английский посол. Мы обсуждали положение с хлопком и аттитюду его правительства по отношению к нейтральной торговле. Он подтвердил мнение, которое я высказывал президенту и статс-секретарю Лэнсингу, что английское правительство скорее пойдет до какого-угодно предела (уступок), чем согласится на серьезный разрыв с нами. Но он также подтвердил мое мнение, что они нам никогда не простят, если мы станем нажимать на них дальше того, что они считают справедливым, пользуясь их несчастным положением.

Я посоветовал ему телеграфировать сэру Эд. Грею, чтобы он выдвинул вперед правительства Франции, Италии, Бельгии и России, так чтобы эта страна (т. е. Соединенные Штаты—*М. П.*) могла видеть, что не только одна Великобритания мешает нашей торговле, но что это делается по серьзному настоянию всех союзников. Что Англия сама не могла бы действовать иначе, даже если бы она этого желала, потому что другие нации требуют такой политики. Я об'яснил, что это помогло бы нам уладить вопрос в желательном для них направлении» [1].

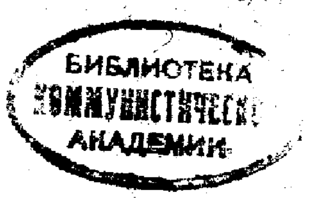
Лучше этого совета чужому правительству, как оно может надуть американский народ, мы едва ли что найдем в дипломатической переписке всей мировой войны. Само собою разумеется, что оба друга вполне разделяли империалистские цели Антанты. Конечно, Пэдж и здесь был откровеннее и торопливее. Уже в октябре 1914 г. он писал Хаусу: «От времени до времени они (англичане) высказываются относительно условий желательного для них договора. Бельгия и Сербия, конечно, освобождаются и по мере возможности получают вознаграждение; Россия получает славянские государства Австрии и Константинополь; Франция, конечно, Эльзас-Лотарингию; Польша тоже

отходит к России; Шлезвиг-Голштиния и Кильский канал больше не будут германскими; все южно-германские государства становятся австрийскими, и ни одно германское государство не остается под властью Пруссии; Гогенцоллерны устраняются; германский флот или то, что от него останется, достается Великобритании; а германские колонии пойдут тем из союзников, которые не удовлетворятся тем, что им досталось». Вы думаете, что Пэдж сопровождает этот перечень требований замечанием о явной его нелепости— и несправедливости? Ничего подобного: дальше идут комплименты «непобедимой расе»—т. е. все тем же англичанам [1].

Хаус вел более деловые разговоры и получал свою информацию из более авторитетного источника (характерно, что Пэджа к интимным разговорам Хауса с Греем, Асквитом и т. д.—не привлекали), но его отношение к антантовскому империализму было не иное. В одном из тех разговоров, где Грей беседовал с «полковником» как с одним из членов английского кабинета (февраль 1915 г.), английский министр высказывал мнение, что «Россия может быть удовлетворена Константинополем, и мы обсуждали это довольно подробно». Ровно год спустя Хаус настолько привык к подобным занятиям, что даже шутил по их поводу. «Мы весело делили Турцию как в Азии, так и в Европе». Против передачи Константинополя России возражал не американец, но английские коллеги Грея—Ллойд Джордж и Бальфур. Идя навстречу их желаниям, Хаус предложил интернационализацию турецкой столицы: что самих турок никто не собирается об этом спрашивать, разумелось само собою. А еще год спустя привык к этому занятию и Вильсон. 3 января 1917 г. у него был разговор с Хаусом, где оба друга соглашались, что «европейская Турция должна перестать существовать» и что «должно быть сделано что-то для удовлетворения прав (!) России на теплый морской порт. Если этого не сделать, останется обида, которая со временем может повести к новой войне». О Константинополе прямо предпочитали уже не говорить, ибо ясно было, что великобританские друзья в этом вопросе между собою не вполне согласны [1].

Повторим еще раз: если итти от симпатий правителей, вопрос нужно ставить не о том, почему Соединенные Штаты вмешались в войну в 1917 г.,— а о том, почему они не сделали этого гораздо раньше. Ибо настоящая, не номинальная, дипломатия Штатов, воплощавшаяся в Хаусе и Пэдже, была душою и телом на стороне Антанты уже в 1914 г. (по существу дела даже ранее, как мы увидим дальше). Об'ективные условия, определившие извилистый путь американской внешней политики за эти годы—и об'ективные результаты, которые давала эта политика — мы рассмотрим в следующем очерке. Были силы и обстоятельства сильнее всех Хаусов—одного антантоугодничества этих последних было мало. Но одной силы, суб'ективного порядка, можно коснуться уже сейчас. Американские массы и даже большая часть американской буржуазии питали непобедимое отвращение к вмеша-

[1] Page, удешевл. изд., I. 340.
[2] House, I, 369, II, 181, 417—418.

тельству Америки в европейскую бойню. В июле 1915 г., как раз тогда, когда Пэдж мечтал о том, как бы хорошо было утопить еще одну «Лузитанию», Хаус должен был об'яснять Грею: «Страна продолжает быть настроенной определенно против войны, и я серьезно сомневаюсь, нашел ли бы президент прочную поддержку конгресса, если бы он прибег к решительным мерам—разве что немцы выведут нас из границ терпения» (письмо от 8 июля 1915 г.). «Сэр Эдвард (Грей) и вы не знаете истинного положения здесь», писал он немного позже Пэджу. «Я его сам не знал, пока не вернулся (из Европы.—*М. П.*) и не начал измерять его. Девяносто процентов нашего народа не желают, чтобы президент впутал нас в войну» (письмо от 4 августа). «К западу от Миссисипи и к югу от Охайо,—комментирует эти письма автор биографии Хауса,—в трех четвертях страны ни война, ни наша ссора с Германией (из-за подводной блокады) не вызывали сочувствия. Люди наживали деньги. Даже на востоке, ближайшем к театру конфликта и более враждебном к Германии, оставалось до известной степени правильным наблюдение Хауса: я замечаю, что наиболее воинственные люди у нас—это старики и иногда женщины». Настроение менялось туго. В мае 1916 г. Хаус должен был писать Грею: «Здесь все растут требования к президенту, чтобы он как-нибудь положил конец войне. Растет впечатление, что союзники больше интересуются тем, чтобы наказать Германию, нежели тем, чтобы создать такие условия, которые кажутся желательными общественному мнению нейтральных стран. Это настроение усилится, если Германия прекратит нелегальные действия своих подводных лодок». Это настроение продолжало держаться даже накануне войны, в феврале 1917 г. «Приходил Дюрант, глава General Motors Company,—записывает в этом месяце Хаус,—с выражением надежды, что президент спасет нас от войны. Он только что вернулся с Дальнего Запада и уверяет, что между Нью-Иорком и Калифорнией он встретил только одного человека, настроенного воинственно. Он думает, что мы все сидим на вулкане и что война может послужить поводом к извержению».

Немалого труда стоило втянуть народ Соединенных Штатов в войну— и понятно, почему Вильсон не имел на это духа, пока вторичные выборы его, как президента, были еще впереди. Только перевалив за выборы 1916 г. (когда кандидатура Вильсона шла под лозунгом: «Он спасет нас от войны!») и имея перед собою еще четыре года власти — притом в последний раз: третьи выборы в президенты одного и того же человека не допускаются американской конституцией—Вильсон нашел в себе решимость твердо пойти за своим другом, и сам этот друг признал, что по части одурачения масс сделано достаточно. Из поездок Хауса в Европе хоть что-нибудь вышло: достаточное количество наивных людей приобрело уверенность, что американским правительством «сделано все», чтобы восстановить мир и справедливость. Надо было и этим пользоваться.

(Продолжение следует).

В. Хвостов

БЛИЖНЕ-ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 1895—97 ГГ.

Тот период в истории Восточного Вопроса, который совпал с расцветом дальне-восточной политики России, относительно слабо изучен. Кризис 1895—1897 гг., являющийся первым ярким моментом этого периода, не составляет счастливого исключения. Между тем, он заслуживает большого внимания. До войны 1914 года Ближний Восток занимал столь значительное место в комплексе империалистических противоречий, что без изучения любого этапа в истории ближне-восточного вопроса невозможно понять и современного ему международного положения в целом. Это относится в полной мере и к кризису 1895—97 гг. Этот период вовсе не был временем какого-то затишья на Ближнем Востоке и полного «ухода» русской политики на Дальний Восток. Наоборот, мы знаем теперь, что оба эти направления русской внешней политики друг с другом тесно связаны [1]. Внимание царской дипломатии ни на минуту не отрывалось от Проливов.—Ближне-Восточный кризис 90-х годов составлял важный ингредиент как старой, но все еще острой англо-русской и англо-французской борьбы, так и нарождающегося англо-германского антагонизма. Без него не понять специфической ситуации этих лет, ситуации, предшествовавшей эпохе «окружения Германии».

I

Международные конфликты 1895—1897 гг. стоят в связи с внутренним кризисом, который разразился в эти годы в Турции. Но не каждый из очередных взрывов национального движения среди угнетенных наций старой Турции приводил к международным осложнениям. Кризис начала 90-х годов к таким осложнениям привел,—ибо были причины, которые заставили некоторые «великие державы» вмешаться в дела Турции под старым предлогом защиты христиан.

Мотивы к этому нашлись у Англии. В 1895 году к власти пришел консервативный кабинет лорда Солсбери. Его наиболее общие цели остались

[1] Покровский М. Н., Внешняя политика России в XX веке, М. 1926, стр. 17 и др.

те же, что были у консерваторов и раньше. Это была чисто империалистическая политика, политика возможного расширения и укрепления Британской Империи. Но в отношении Ближнего Востока это означало изменение политических методов по сравнению с эпохой Биконсфильда и даже началом 90-х годов. «Политическая программа Солсбери со времени его последнего министерства в одном существенном пункте несомненно изменилась. Если раньше он выдвигал сохранение Турции как один из важнейших английских интересов, то теперь он рассчитывает на ее разложение» [1].

Начиная с 70-х годов, в 80-х и 90-х годах идет процесс перемещения центра экономических интересов английского капитализма с Ближнего Востока в Индию и на Дальний Восток [2]. И вот тут для Англии приобретают совершенно исключительный интерес те области Оттоманской Империи, которые оказались господствующими над путями в Китай и Индию.

Чтобы обеспечить морской путь в Индию, нужно было укрепиться на Суэце, а это значило—укрепиться в Египте. Эту задачу начали осуществлять уже в 70-х—80-х годах, захватив Кипр и «временно» оккупировав Египет. Теперь надлежало окончательно решить этот вопрос.

Но кроме морского пути, в Индию существует и сухопутная дорога. Она идет через Северную Аравию, Месопотамию и Южную Персию. И интересы британской дипломатии приковываются ко всему этому поясу земель, расположенных вокруг Индийского океана и Персидского залива, в первую очередь—к Месопотамии [3]. В кругах английских империалистов носились грандиозные планы железно-дорожного строительства. В связи с захватами в Южной Африке стал намечаться проект сооружения линии Капштадт—Каир—Калькутта [4]. Постепенно вырисовываются контуры создания грандиозной азиатско-африканской империи с Индийским океаном как английским озером посредине. Набрасываются планы тех колониальных захватов, которые реализовал Севрский договор. При таких условиях крах и раздел Турции становятся выгодными для британской дипломатии. Это окончательно обеспечило бы за Англией Египет, а может быть позволило бы встать твердой ногой и на Персидском заливе [5].

[1] «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette», Band X, № 2375, донесение Гатцфельда от 2 августа 1895 г. (В дальнейшем для этого издания принято сокращенное обозначение—X, № 2375, Гатцфельд 2 авг. 1895). Немецкий посол в Лондоне тут не совсем точен: лично Солсбери и в дни Берлинского конгресса уже не был таким ярым сторонником сохранения Турции, как Биконсфильд. Но политика консервативного кабинета в целом была в те годы действительно иной.

[2] Holborn, Deutschland und die Türkei, S. 38—39.

[3] Jastrow, Die Weltstellung Konstantinopels in ihrer geschichtlichen Entwicklung, S. 29 (Deutsche Orientbücherei, 4). Meinecke, Deutsch-Englisches Bündnissproblem», S. 46, 72—73.

[4] X, Записка Гогенлоэ 22 ноября 1895 г. Williams, Cecil Rhodes, 1921.

[5] Ламздорф, Дневник, 1895, тетрадь IV, стр. 26, 42 и др.

Летом 1895 года Солсбери излагает немецкому послу Гатцфельду наброски проекта раздела Турции—себе он хотел взять Египет, указывал и на Месопотамию. Германия не пошла на это, и попытка провести раздел Турции в компании с Тройственным Союзом не удалась [1]. Но отказ Германии не помешал британскому кабинету стремиться к расчленению Турции. По весьма сочному выражению лорда Солсбери, Англия «ставила не на ту лошадь», когда в 70-х годах она поддержала Турцию против России. Солсбери продолжает поддержку национально-автономистских движений в Турции, которую либеральное министерство лорда Розбери оказало обострившемуся в 1894 году армянскому движению. Помогая армянам, Солсбери поддерживает также и волнения в Македонии и на Крите. Поддерживая любое национальное движение, которое могло вести к отпадению от Турции одной области за другой, Англия, понятно, способствовала ее расчленению и тем подготовляла окончательный кризис Оттоманской Империи и ее раздел.

В Армении можно предположить, кроме того, еще и особые цели. Автономная Армения, с помощью Англии получившая свою автономию, и поэтому ориентирующаяся на Англию, имела бы очень существенное значение для утверждения в Месопотамии. Стратегически, армянское нагорье господствует над долиной Тигра и Евфрата; укрепить на нем свое влияние было бы чрезвычайно важно. В Месопотамии же Англия начинает проявлять в эти годы значительную активность. «Более чем когда-либо, английское правительство заявляет Порте» резкие требования, касающиеся местности около впадения Шат-Эль-Араба в Персидский залив, «представляющей с давних пор цель последовательных посягательств Англии». Англия требует учреждения там своих консульств, которые, как опасались и турки и русские, станут центром «враждебной деятельности английских агентов в крае среди арабов» [2]. Англия производила понемногу и прямые захваты—так она заставила два арабских селения на берегу Персидского залива против Бахрейнских островов признать свой протекторат [3]. Но эти прямые захваты—пока эпизоды, хотя и показательные. Основным методом была поддержка национальных движений. Она, конечно, не имела никакой иной цели, кроме облегчения колониальных захватов в будущем.

Эта линия британской дипломатии наталкивалась на энергичное сопротивление России, за которой шла и Франция. Когда, действуя формально на основании 61 параграфа Берлинского трактата, Англия вмешалась в армян-

[1] Переговорам относительно этого предложения Солсбери в X т. «Grosse Politik» посвящена специальная глава.

[2] Архив русского Министерства Иностранных Дел, папка «Constantinople, III», 1896; донесение Жадовского от 19 ноября 1896 г.—В дальнейшем принято сокращенное обозначение: АМИД, Конст., III, 1896 (Жадовский, 1 ноября 1896); Стиль везде, где не оговорено обратное, изменен на новый.

[3] Там же, Париж, 1896, I (Гирс, 28 мая 1895).

ские дела, обе союзницы последовали за ней с исключительной целью помешать Англии в ее нажиме на султана в пользу армян [1], не дать ей устраивать все эти дела одной: «наш отказ от интервенции в армянском вопросе,—писал русский министр,—мог бы толкнуть английское правительство на сепаратные действия» [2]. Русское правительство настояло, чтобы от султана, вместо автономии, потребовали для Армении лишь довольно умеренных административно-полицейских реформ [3]. Оно ободряет султана в его борьбе против армян. «У них надо вырвать»—говорили султану—«всякую надежду добиться автономии» [4], и «султан никогда не должен сомневаться в дружбе русского императора» [5]. Эта «дружба» стояла в эти годы на пути всех национально-освободительных движений в империи султана.

Политика сближения с Турцией намечается русским правительством едва ли не тотчас же после того, как смолкли выстрелы русско-турецкой войны [6].

После неудачной попытки захватить в 1878 году выход в Средиземное море, Россия всеми мерами стремится, по крайней мере, запереть вход из него в море Черное, и для этого, в полную противоположность Англии, поддерживать до поры до времени целость Турции, этого сторожа на Босфоре. До того самого момента, пока Россия не решила бы, что настал момент захватить Проливы, интересы России и Турции совпадали. Они сходились на защите принципа закрытия Проливов и охране самостоятельности и целости империи султана.

На почве защиты Проливов от возможных покушений стянутого в эти дни к Дарданеллам английского флота—усиливается сближение между султаном и Россией. Русский генерал по просьбе султана, «подсказанной ему русским посольством», приезжал осматривать укрепления Дарданелл. Султану предлагали и техническую помощь [7]. Начинаются также переговоры о формальном соглашении для совместной защиты Дарданелл [8].

[1] X, 2446 (Радолин, 29 октября 1895).

[2] АМИД, Берл., 1895, II, EXP., Lettre de transmission от 28 августа 1895 г., ср. XII, № 2908; (Саурма 25 октября 1896).

[3] АМИД, Берл., 1895, II, EXP., Lettre de transmission от 1 авг. 1895).

[4] АМИД, Конст., I, 1896 (донес. Нелидова № 142, от 25 октября 1896 г., приложение).

[5] АМИД, «Всеподдан. доклады за 1895» (докладная записка от 19 мая 1895 года); впрочем, иногда султана одергивали, напр., когда он доводил разгул реакции до армянской резни; одергивали, чтобы устранить повод для иностранной интервенции, «которая может существенно помешать русским планам в отношении Турции, рассчитанным на более отдаленное будущее» (Донес. Саурма, XII, № 2908). Но «Россия избегает всего, что может доставить серьезные затруднения султану» (там же).

[6] Сказкин, Конец Австро-Русско-Германского Союза», I, стр. 121.

[7] Нелидов, 25 сент. 1896 г. (АМИД., Конст., 1896, I).

[8] Он же, 4 сентября 1896 г., № 129 (там же) и телеграмма от 3 сентября 1896 г.

Однако, для русского правительства была не безразлична и физиономия этого турецкого сторожа. Он должен был быть надежным, т. е. послушным России. Для понимания дальнейшего мы должны в двух словах коснуться внутреннего положения Турции.

В 80-х годах в Турции торжествует крайняя абсолютистская реакция, которая приняла форму личного деспотизма султана. Опираясь на определенные социальные слои, он свел на-нет влияние министерства так называемой Порты. «Все дела сосредоточены в Ильдызе [1]. Отсюда отправляются важнейшие инструкции турецким послам и посылаются сообщения пребывающим здесь иностранным представителям. Составлением их занимается большей частью сам Абдул-Гамид» [2]. Султан, на которого со всех сторон надвигались волны подымавшейся буржуазной революции [3], султан, колеблющаяся власть которого требовала опоры не только против внешних, но и против внутренних врагов, был для России самым удобным из всех возможных турецких «сторожей» на Босфоре. Таким образом, царская Россия должна была поддерживать султана и выступать в роли душителя национально-освободительных движений. Турецкая реакция с основанием видела в царской России опору для себя. Наоборот, все элементы буржуазной революции в Турции пытаются ориентироваться на Англию. Такова связь между внутренними отношениями Оттоманской Империи и международной стороной ближне-восточной проблемы в эти годы. Султан Абдул-Гамид II становится проводником русского влияния в Турции, Россия становится там доминирующей державой [4].

В целом, России и султану удалось одержать победу над британской дипломатией в армянском вопросе. Но потерпев здесь поражение, Англия пытается организовать новую интервенцию во внутренние дела Турции—теперь уже не под предлогом защиты армян, а ради проведения коренных «реформ» во всем государственном устройстве Турции, с тем, чтобы, если понадобится, навязать их султану силой. Выработать эти реформы должна была конференция послов шести держав в Константинополе.

Какова была действительная цель этого предприятия Солсбери?

Германская дипломатия видела ее опять-таки в стремлении ускорить развал Турции [5]. Вполне возможно, что это и правильно, но не подлежит сомнению, что, пытаясь организовать конференцию послов, британская ди-

---

[1] Ильдыз-Киоск—резиденция султана.

[2] АМИД, Конст., 1896., I (Нелидов, 7 окт. 1896 г., № 152).

[3] О росте революционного движения не только среди христиан, но и среди самих мусульман, см. Von Sax, Geschichte des Machtverfalls der Türkei; см. также донесение Нелидова № 6 от 20 января 1896 и друг., особенно за авг.—окт. 1896 г.

[4] Debidour, Histoire diplomatique de l'Europe depuis le Congrès de Berlin, I, 231.

[5] XII, № 2885.

пломатия преследовала еще и другую цель. Посмотрим, как она представляла себе эти «реформы». Программа английского посла, доносил немецкий дипломат, заключается в свержении Абдул-Гамида и возведении нового султана с великим визирем, независимым от своего господина, но послушным сэру Ф. Керри [1]. Этим путем будет восстановлено влияние Англии в Константинополе, утерянное ею в настоящее время [2]. Формально это могло бы иметь и вид интернационализации Константинополя: великий визирь назначался бы султаном по выбору шести великих держав [3], а турецкие финансы ставились бы под международный контроль.

Какова была истинная цена всем либеральным фразам английского кабинета и его попечениям об ограничении «деспотизма» в Турции, мы поймем, если узнаем, что проекты этих реформ и нажим на султана иной раз вдруг прерывались форменными заигрываниями, и «лорд Солсбери унижается до лести, чтобы заслужить доверие падишаха и оторвать его от интимности с Францией и Россией» [4]. Очень любопытны две телеграммы турецкого представителя в Лондоне о его беседах с Солсбери, которые турецкие чиновники продали русскому послу. «Если Оттоманское правительство хочет действовать сообразно своим интересам, финансовым или всем остальным»,—говорил Солсбери турецкому дипломату,—«оно должно изменить нынешнюю политику. Поднимая вопрос об Египте, Порта причинит себе лишь беспокойство, ничего не выгадывая» [5]. А в другой раз Солсбери намекал на возможность финансовой помощи за переход к английской ориентации [6].

«Реформы» имели, значит, и еще одну цель. Они могли быть простым пугалом, средством нажима на султана, чтобы побудить его к уступчивости Англии в Египте, к смене русской ориентации на английскую. И в немалой мере с этой же самой целью —запугать султана возможностью вооруженной интервенции—был выдвинут в эти годы Англией и армянский вопрос.

В конце концов англичане так и не добились от султана ничего существенного. Но минуты колебания у Абдул-Гамида все же были: «Глуп я был,—говорил он в минуту отчаяния одному из своих приближенных,—что рассорился с англичанами. Отсюда все мои несчастья» [7].

---

[1] Английский посол в Турции.

[2] XII, № 3073, стр. 227—228 (Меттерних, 25 ноября 1896). О необходимости низвержения Абдул-Гамида неоднократно говорил Гатцфельду и сам Солсбери (XII, №№ 3040, 3078, 3084). Официально на конференции послов говорилось, что проект реформ должен иметь в виду «изменение организации центральной власти и в слишком преувеличенной власти султана». (АМИД, Конст., III, 1896, Нелидов, 24 дек. 1896).

[3] АМИД, Париж, 1896, I (Моренгейм, 10 сент. 1896; ср. он же 10 дек.).

[4] Нелидов, 9 апреля 1896 (АМИД, Конст., III, 1896).

[5] Телегр. турец. посла от 1 марта (АМИД, Конст., 1896, III, Приложение к донесению Нелидова от 9 апреля).

[6] Жадовский, 28 ноября 1896 (там же).

[7] Ламздорф, Дневник, 1895, IV, стр. 32, запись от 5 декабря (23 ноября).

Как видим, тут дело шло не только о развале Турции. Очень верно резюмировал две линии английской политики Гатцфельд: «или удастся план сохранить турецкое государство в живых путем проведения действительных реформ под контролем Европы и этим вырвать его из-под исключительного влияния России, или этот план не удастся и дело дойдет до краха и раздела Турции» [1]. Только порядок, в котором следовали эти две линии, следовало бы изменить: раз не удается раздел, то надо было по крайней мере вырвать Турцию из-под влияния России. А так как последняя опиралась на султана, то англо-русская борьба за гегемонию на берегах Проливов приняла форму борьбы за ограничение султана.

В России очень хорошо понимали, в чем дело. Все попытки вынудить согласие России на участие в каких-либо международных конференциях относительно Турции, по мнению русского министра, имеют своей целью связать ее свободу действий на Ближнем Востоке [2]. Проливы из рук слабого султана можно было взять в будущем себе. Наоборот, «иностранное вмешательство на Босфоре представляет для нас огромную опасность», ибо оно «навсегда запрет нас в Черное море» [3]. Интернационализация Константинополя и кондоминиум шести держав обозначают, что Россия должна удовольствоваться одной шестой влияния там, определял положение Нелидов [4]. Россия выступает и против «оздоровления» турецких финансов путем европейского контроля: «Не говоря о том, что упрочение здесь западного влияния прямо противоположно нашим интересам, для нас невыгодно и самое упорядочение турецких финансов, могущее придать турецкому государству большую силу» [5]. Мы видим, что упрочить пресловутое «status quo» слишком уже основательно Россия вовсе не желала.

Если бы Англии удалось сколотить коалицию держав для проведения интернационализации Константинополя, «для водворения там прочного порядка, гарантированного Европой» [6], то этим самым она чрезвычайно затруднила бы для России захват Проливов в будущем. Так как Франция была союзницей России, то от позиции Тройственного Союза зависело, на чьей стороне окажется европейский концерт—с Англией ли против России или с Россией против Англии. Та держава, которая была главой Тройственного

[1] Гатцфельд, 22 дек. 1896, XII, № 3086.

[2] Ламздорф, Дневник, 1896, I, стр. 12 (собственноручное письмо Лобанова Моренгейму от 22 янв. 1896 г.).

[3] Нелидов, телегр. 26 августа 1896 (АМИД, Конст. 1896, III);

[4] Архив Конст. Посольства за 1896 г.; черн. письма Нелидова от 7 окт. 1896 г. (папка «Dépêche par Courrier. Minutes») и пометки на инструкции 23 окт. 1896 (папка «депеши министерства»).

[5] Нелидов, 14 января 1896 г., № 2 (АМИД, Конст., 1896, I).

[6] Как формулировал задачи Англии Керри (АМИД, Констант. 1896, I, Нелидов, 25 сент. 1896 г.).

Союза, решила дело в пользу последней комбинации, вопреки воле двух других его членов. От Германии английский кабинет получил решительный отказ поддержать его начинания с «реформами» [1]. Еще одна карта оказалась у него битой.

Реальная опасность для царского правительства заключалась в том, что к Дарданеллам в моменты обострения армянского движения стягивалась сильная английская эскадра. Осенью 96-го года, например, она состояла из 34-х вымпелов [2]. Когда читаешь дневник Ламздорфа, обычно такой бесцветный, то определенно чувствуется тревога, охватившая в эти дни русскую дипломатию.

Русское правительство твердо решило, что одновременно с появлением английских судов у входа в Дарданеллы, русский флот войдет в Босфор. Черноморский флот был мобилизован и английские суда, войдя в Золотой Рог, должны были увидеть рядом с собою русскую эскадру [3].

Что в будущем Проливы должны стать русскими—было для русских правящих сфер, за единичными исключениями, аксиомой. Разногласие могло быть лишь в одном, чрезвычайно существенном, но все же не принципиальном, а тактическом вопросе. Этот вопрос стоял так: надлежит ли Проливы захватить немедленно, пользуясь именно данным текущим кризисом в Турции, или же сейчас это невозможно, и этот шаг надо отложить, а пока что ограничиться тем, чтобы препятствовать всяким попыткам, которые могли бы помешать осуществлению этого захвата в будущем. Первую линию защищал посол в Константинополе Нелидов и некоторые военные круги. В конце 1896 г. был момент, когда чуть-чуть не удалось повернуть русскую политику по этому руслу. Но в итоге, нелидовский проект захвата Босфора остался эпизодом, весьма показательным для настроения русских правящих кругов, но не имевшим практических последствий. Восторжествовала вторая линия, которая разделялась официальным руководством министерства иностранных дел во главе с Лобановым-Ростовским [4]. Имела она, конечно, и других сторонников. Но во всяком случае, и по отношению к задачам текущего момента обе эти точке зрения сходились в том, что надо во что бы то ни стало помешать англичанам войти в Проливы.

Надо сказать, что все военные операции против Проливов чрезвычайно осложнялись из-за слабости черноморского флота, а между тем, целых два особых совещания, обсуждавших этот вопрос в 1895 году, признали, что в отличие от эпохи 77 и 78 гг., после образования Румынии и при на-

[1] XII, №№ 2885, 3065, 3076, 3094 и др. Конференция по вопросу о реформах, как известно, состоялась, но не дала тех результатов, которых добивалась Англия.

[2] Моренгейм, телегр. 2 и 1 сент. 1896 г., (АМИД, Париж, 1896, I).

[3] АМИД, Берлин, 1895 (Остен-Сакен, 18 декабря 1895 г.; Ламздорф, Дневник, 1895, IV, 4; запись 13/I ноября 1895 г.

[4] Был министром с начала 1895 г. до своей смерти в конце августа 1896 года.

тянутых отношениях с Болгарией, к Проливам остается только морской путь[1]. Морская программа, определенно ориентированная на подготовку к захвату Проливов, была намечена уже в 1881 году. Особое Совещание этого года постановило «иметь на первом плане заботу о восстановлении морских сил России на Черном море, а затем уже о развитии флотов на других морях». Черноморский флот должен был при этом располагать транспортными средствами, необходимыми для быстрой перевозки 30 тысячного дессантного корпуса[2].

Официально, эта программа считалась теперь выполненной. «Морской и военный министр меня заверили,—говорил Лобанов Ламздорфу,—что мы совершенно готовы. По первому сигналу могут выйти в море 5 броненосцев со всем необходимым для транспортирования 30 тыс. человек в Константинополь, и мы можем его оккупировать менее, чем через два дня. Но я нисколько не хочу—добавил Лобанов—этого шага без крайней необходимости»[3]. Я уже говорил, что Лобанов не принадлежал к энтузиастам немедленного захвата Проливов. На это были хорошие об'ективные основания.

В действительности положение черноморского флота было гораздо печальнее. В Севастополе знакомые морские офицеры говорили тов. мин. ин. дел Шишкину, что их сильно взволновал приказ о мобилизации. Они передавали ему, что «наши суда плохо вооружены и не снабжены в достаточной степени углем и боевыми припасами. Максимальное количество войск, которое может быть перевезено из Севастополя, не превышает 8 тыс.»[4]. Я привел это свидетельство лишь для того, чтобы показать, что уже в 1895 г. в министерстве иностранных дел было известно о жалком состоянии черноморского флота. Надо отметить, что Шишкин сгустил краски уже чересчур. Но официальные документы, опубликованные в «Красном Архиве», во всяком случае доказывают, что с флотом дело обстояло далеко не благополучно[5]. Такое положение дел располагало к умеренности, т. е. к тому, чтобы всеми мерами отсрочить окончательный кризис, поддерживая пока существующий статус в Турции и ограничиваясь в течение текущего кризиса Оттоманской Империи тем, чтобы не дать утвердиться в Проливах кому-либо другому, т. е. Англии, или режиму международного контроля. Ради этого готовы были итти на все. Почему—это с кристально-ясной экономической мотивировкой раз'яснил сам руководитель русской внешней политики, дипломат, если не талантливый, то во всяком случае умный и очень блестящий—князь Лобанов-Ростовский: «Вся торговля южной России, не имея

---

1 Ламздорф, Дневник, 1895 г., IV, 5 и сл.

2 Там же, IV; стр. 26.

3 Там же, III, стр. 44—45; Запись от 11 ноября (30 окт).

4 Там же, IV, запись от 19/7 ноября.

5 Красный Архив, I, стр. 167, письмо ген. Ванновского Муравьеву от 2 мая 1897 г.; т. XVIII, стр. 19, письмо управляющего морск. мин. от 28 февр. 1900 г.

другого выхода, кроме Проливов, окажется отданной на произвол Англии»[1]. Нельзя было яснее выразить, что руководящая идея внешней политики царской России продиктована интересами торгового капитализма, в первую очередь—интересами хлебного экспорта.

Побаиваясь английской интервенции и готовясь всячески ей противодействовать, русская дипломатия в то же время не теряла надежды, что англичане не решатся на сепаратное военно-морское выступление. «Вопреки всем признакам,—а вы знаете, что количество военных английских судов у входа в Проливы теперь 18[2],—я с трудом могу думать—говорил Лобанов Ламздорфу,—что Солсбери решится войти в Проливы; момент слишком плохо выбран. Англия может рассчитывать лишь на поддержку Италии. Вы знаете, что из-за африканских дел отношения между Берлином и Лондоном натянуты», Австрия же «не посмеет ничего предпринять без Германии»[3]. Если только у Солсбери не повредились мозги, рассуждал Лобанов, он не пошлет британский флот в Проливы[4].

Лобанов не ошибся. Пока Россия оборонялась, несмотря на слабость черноморского флота, ее позиции против Англии были довольно сильны. Кроме Германии, дипломатическая поддержка которой была ценна из-за Австрии, на стороне России—однако лишь до тех пор, пока последняя оборонялась—была Франция и ее флот[5]. Английский посол в Берлине рассказывал немецким дипломатам, что в дни армянской резни Солсбери был готов форсировать Проливы, но встретил отпор со стороны кабинета. Первый лорд адмиралтейства (Гошен) заявил, что английский флот, войдя в Проливы, может там оказаться запертым Россией и Францией, как в мышеловке. Солсбери на это будто бы раздраженно ответил Гошену, что если его корабли сделаны из стекла, то он, конечно, будет вынужден вести другую политику[6].

На сепаратную интервенцию Англия не шла. «Английский флот,—заверял Керри,—никогда не войдет в проливы один»[7], ибо «изолированное выступление означает европейскую войну. Лишь совместное выступление держав, — говорил Розбери, — является средством разрешения Восточного во-

---

[1] Ламздорф, Дневник, 1895, III, (Приложение — запись беседы Лобанова с Вильгельмом 13 окт. 1895 г. Курсив мой—*В. Х.*

[2] Речь идет об осени 1895 года.

[3] Ламздорф, Дневник, 1895, III стр. 44—45, запись 11 ноября (30 окт.)

[4] Там же.

[5] Таж же. Запись от 18/6 окт. и др.

[6] XII, №№ 2918 и 2934; Солсбери тоже заявлял Гатцфельду, что Англия не согласится теперь форсировать Дарданеллы (XII, № 2929).

[7] Нелидов, 1896 г., донес. № 139; (АМИД, Конст., 1896, I).

проса»[1]. Но Англии представлялась возможность для военно-морского выступления и в довольно большой компании. Желая предупредить оккупацию Проливов Россией, австрийский министр иностранных дел граф Голуховский обратился осенью 1895 г. к европейским кабинетам с предложением ввести по равному числу судов в Проливы, ибо «совместная интервенция гарантирует от изолированного выступления какой-либо одной державы»[2]. В то же время Австрия ищет соглашения с Англией для защиты Проливов от России.

Но когда Австрия предложила Солсбери возобновить «accord á trois» 1887 года, она неожиданно получила решительный отказ[3]. Такой же отказ был дан и Италии. Солсбери заявил, что он готов действовать в Леванте лишь «вшестером», но не «втроем». Вдобавок, он не слишком-то лойяльно рассказал об итальянском предложении русскому послу[4]. В сущности он сорвал и предложение Голуховского о вводе судов в Проливы, заявив, что он пойдет на этот шаг лишь в том случае, если на это последует согласие всех держав. Это был срыв всего дела, так как было ясно, что Россия на предолжение Голуховского не пойдет. На вопрос Гатцфельда, что же при таком положении следует предпринять в случае, если дела в Турции примут такой оборот, что иностранное вмешательство станет необходимостью, Солсбери ответил, что при отсутствии согласия всех великих держав, он тут ничего не сможет сделать[5]. Иначе говоря, он дал понять, что не пойдет с Австрией и Италией против России. Явным образом, английский кабинет не желал итти на конфликт с Россией, хотя имел верных союзников. И в то же время, несмотря на это, борьбы англичане не прекращали—как раз отказ Италии совпал с новым нажимом на султана по вопросу о реформах[6].

Об'яснение этой политики лежит в том, что весь этот жестокий англо-русский конфликт, поскольку дело шло о Проливах, был конфликтом такого рода, что воевать из-за него англичане вовсе не собирались. Для Англии (отнюдь не для России), в противоположность более раннему времени, это был конфликт дутый, искусственно разжигаемый английским кабинетом. Когда-то очень значительная торговля Великобритании на Черном море и в Леванте теперь относительно падает. Точно так же, если когда-то сооружение железных дорог, начавшееся в Турции, целиком находилось в английских руках, то теперь и тут положение меняется. К 1896 г. Англия сохранила в Малой Азии одну лишь Смирно-Айдинскую жел дор. Обследование малоазийских железных дорог, проведенное по поручению английского пра-

[1] Гуч, История современной Европы, стр. 146; ср. Меттерних, цитир. донес., XII, стр. 227.

[2] Капнист, 23 дек. 1895 г. (АМИД, Вена, 1895, I). Русскому послу Голуховский говорил, конечно, об изолированном выступлении не России, а Англии. Но на деле австрийцы боялись, несомненно, не ее, а именно России.

[3] Гатцфельд, 8 февраля 1896; XI, № 2664.

[4] Стааль, 11 дек. 1895 (АМИД, Лондон, 1895, I); X, № 2561, № 2660.

[5] Гатцфельд, 20 нояб. 1895; X, № 2525; там же, № 2564.

[6] X, № 2475 и др.

вительства, выяснило «невозможность для Англии бороться в деле железнодорожного строительства в Турции с предпринимателями других национальностей»[1]. Английский капитал уже в 80-х годах теряет свое доминирующее положение в Турции, и Лондонское Сити перестает так сильно интересоваться турецким рынком, как раньше[2].

В связи с перемещением центра интересов английского капитала с Ближнего Востока, Константинополь в качестве ключа к Балканам, Малой Азии и Черному морю теряет свое прежнее значение для Англии[3]. И Солсбери, и другие английские дипломаты неоднократно заявляли, что Англия готова пожертвовать Проливами. На эксцентричный вопрос Вильгельма—не собирается ли Англия сменять России Проливы за Египет, Ласцельс, английский посол в Берлине, ответил, что «он не может отрицать, что в английском общественном мнении становится заметным очень решительное, достойное внимания течение, которое не намерено непременно запирать Константинополь от России. Это течение восходит до высших сфер». Солсбери, добавил Ласцельс, тоже согласен отдать Стамбул России, но колеблется относительно Дарданелл[4]. Заметим, что и Чемберлен был сторонником того течения, о котором говорил Ласцельс[5]. Смысл того плана раздела Турции, который Солсбери развил летом в 1895 г. Гатцфельду, в сущности и заключался в обмене: Проливы—России, Египет и, может быть, Месопотамия—Англии. Центром английских интересов на Ближнем Востоке, вместо Проливов, окончательно становится Египет: «Pour nous l'orient—c'est l'Afrique[6]».

За влияние в Проливах жестоко боролись. В этой борьбе, как мы видели, заключается истинный смысл вопроса о «реформах». Но, как очень метко заметил Ганото, реально Англия была заинтересована именно Египтом, а вовсе не внутренним положением Турции[7]. За влияние в Проливах боролись, но эта борьба велась лишь для того, чтобы их дороже продать. Нельзя же было их отдать России даром!

Будет, конечно, страшным преувеличением сказать, что Проливы потеряли всякое значение для Великобритании—они ведь сохранили его и до наших дней, это лорд Керзон доказал в Лозанне. Но по сравнению с эпохой Крымской войны, эпохой 1878 г. и даже 1887 г., года заключения «accord à trois», их значение как ключа к Балканам, Черному морю и Малой Азии

[1] АМИД, Лондон, 1896; донес. Лассара 27 мая 1896 г. об отчете Майора Ло; отчет составл. синюю книгу «Turkey № 4», 1896.

[2] Holborn, op. cit, 38—9, 74, 103 и др.

[3] См. также Friedjung Zeitalter des Imperialismus, I, 158, и Meinecke, op. cit.

[4] XII, Записка Вильгельма 27 авг. 1896, № 2918.

[5] Holborn, op. cit. S. 62.

[6] Как сказал однажды Монсон (англ. посол в Париже) в беседе с Ганото; (Моренгейм 10 декаб. 1896; АМИД, Париж, 1896 г., I).

[7] Там же; стр. XI, № 2689, стр. 141.

пало. Осталось в силе, однако, их стратегическое значение. Проливы в руках России означали соединение русского флота с французским в Средиземном море. Этим еще раз ставилась под шах основная коммуникационная линия Британской империи: Средиземное море—Суэц—Красное море. Но при морском превосходстве Англии, при господстве над всеми опорными пунктами на этом пути, это было не так уже страшно—во всяком случае Египет и с этой стороны был важнее. Солсбери, будучи готов отдать Босфор, т. е. вход в Черное море, иной раз, как мы видим, колебался отдать Дарданеллы—выход в море Средиземное. Все же, развивая свои планы Гатцфельду, он соглашался дать России и Дарданеллы—«Константинополь со всем, что к нему относится». Ничего подобного такой уступчивости Британская империя не проявляла до 90-х годов. Пожалуй и позднее, когда англо-русское соглашение стало фактом, она не была так склонна к уступкам в вопросе о Проливах, как теперь.

Об'яснить эту тенденцию английского кабинета можно лишь в связи с общим международным положением Англии. Это были годы грандиозного, пожалуй, наивысшего размаха британской колониальной экспансии едва ли не во всех частях света. Сталкиваясь повсюду то с той, то с другой державой, Англия перессорилась буквально со всеми. Это были годы, когда англо-германский антагонизм уже возник и достаточно обострился, а старые англо-французские и англо-русские противоречия еще не были изжиты. Наоборот, заключение франко-русского союза их обострило и, притом, усилило позицию Франции [1]. То Германия, то Россия стараются в эти годы составить блок континентальных держав против Англии. Последняя оказывается изолированной, и это «одиночество» было, по существу, далеко не блестящим [2].

С Америкой у Англии идет конфликт из-за Венецуэлы. От об'единенного континента Европы она терпит в 1895—97 гг. поражения на Дальнем Востоке. Неудача постигает ее и с вмешательством в армянский вопрос. Экспедиция в Судан обострила отношения с Францией, Южная Африка—с Германией. Наконец, набег Джемсона принес один только конфуз.

При таких условиях совершенно понятно, что в Англии начинают расти стремления выйти из состояния изоляции [3], уменьшить число своих врагов, договорившись с кем-либо из них. Мы имеем в конце 90-х годов ряд попыток в этом направленнии. В 1898—1901 гг. делаются шаги для сближения с Германией. Эти попытки исходили, повидимому, главным образом, из юнионистских кругов, от Чемберлена и герцога Девонширского. К соглаше-

[1] Debidour, op. cit, I, 193—4.

[2] Ed. Grey, Mémoires, стр. 28, (франц. перев.); Halévy, Histoire du peuple anglais. Epilogue, I, 29—30 и 35. Эта оценка является более или менее общепризнанной. (Debidour, op. cit, 225 и др., Brandenburg, Von Bismarck zum Weltkriege, S. 82, Гуч, цит. соч. 153).

[3] См. Ed. Grey, цит. сочин. стр. 50—55. Эта мысль высказана и Стаалем в донес. от 16 марта 1896 г. (АМИД, Лондон, 1896).

нию с Германией склонялись в те годы и либералы—империалисты во главе с Розбери[1]. Но ориентация на Германию не была единственной дорогой, по которой пытались выйти из состояния изоляции.

Еще до начала переговоров с Германией о союзе, в обеих группах, стоявших у власти в Англии, и у Солсбери, лидера старых ториев, и у Чемберлена, лидера юнионистов,—замечались известные тенденции договориться с Россией. В речи на банкете лорда-мера осенью 1896 г. Солсбери энергично отверг мысль, что англо-русский антагонизм составляет неизбежный составной элемент современной ситуации. Наоборот, отношения обеих держав допускают самое лучшее согласие. Из всех великих держав Россия является, быть может, той, с которой у Англии всего менее противоречивых интересов. «Английское правительство и здешнее общественное мнение,— доносит германский представитель в Лондоне,—кажется, считают момент подходящим для сближения с Россией и Францией»[2]. Как раз в изучаемые нами годы у Англии существовали весьма серьезные основания, чтобы желать сближения именно с Россией. Никогда Россия не имела столько козырей против Англии, как именно теперь. Первым козырем были успехи России в Китае, где при этом Россия явно готовилась итти и еще дальше. «Стремление России захватить порт на Тихом океане», в Лондоне, по словам Стааля, уже в 1895 г. «не подлежит сомнению»[3]. Англичане не ошибались; такая цель уже тогда действительно стояла перед русским правительством. Между тем, это представлялось концом гегемонии, которой Англия так давно привыкла пользоваться на всей территории Китая[4]. Вполне вероятным представляется нам предположение Мейнеке[5], что, идя на уступки на Ближнем Востоке, Англия рассчитывала «основательно занять здесь Россию и этим автоматически уменьшить русское давление в Восточной Азии».

Но в период кризиса 1895—97 годов, вплоть до оккупации Порт-Артура, особенно же в 1896 году, дальне-восточная проблема стоит для Англии все-таки менее остро, нежели вопрос о Египте. В марте 1896 г. Англия, как известно, начала завоевание Судана, и вот тут-то оказалось, что самое непримиримое отношение она встретила не со стороны Франции, как это следовало бы, казалось, ожидать, а со стороны России. Обе державы воспротивились финансированию экспедиции из резервных фондов кассы египет-

---

[1] Сам Солсбери относился к сближению с Германией гораздо холоднее и, повидимому, был больше склонен договариваться с Францией (Halévy, Histoire du peuple anglais au XIX Siècle; Epilogue, I, 33—34).

[2] XII, № 3064, донес. 15 окт. 1896 г. Ср. аналогичные впечатления русского посла в донес. от 16 марта 1896 г. (АМИД, Лондон, 1896).

[3] АМИД, Лондон, 1896, I; донес. от 18 сент. 1896.

[4] Page, Commerce and Industry... I, p. 363.

[5] Meinecke, op. cit., S. 57—59. Предположение это, при всем его правдоподобии, нельзя подтвердить источниками. Впрочем, мы не имеем пока английских документов 1896—97 гг.

ского долга. Но в то время, как ответ Франции на запрос лондонского кабинета о возможности использовать резервный фонд «оставлял открытой дверь для переговоров и дальнейших об'яснений», ответ русского правительства «означал определенный отказ» [1].

Понятно, что в дальнейшем обе союзницы попытались скрыть от посторонних взоров свои разногласия, но по существу последние остались: «Россия кажется хочет действительно прогнать англичан из Египта, ибо английское владычество над Египтом, Суэцом и Красным морем стесняет мировые планы России; напротив, Франция оказывает англичанам в Египте больше кажущееся сопротивление, с целью получить таким путем компенсации в других местах [2]».

Надо сознаться, что пока мы не имеем публикации секретных архивов Франции за эти годы, ее позиция в египетском вопросе остается не вполне ясной. Но повидимому, ее целью было соглашение с Англией об окончательном урегулировании египетского вопроса, путем взаимных уступок и компенсаций во всех колониальных проблемах, разделявших обе страны, на манер того, как это и осуществилось в 1904 г. [3]

Такое соглашение между Англией и Францией по колониальным вопросам для России было бы по меньшей мере бесполезно, а вернее—просто вредно. Устранив англо-французский антагонизм, оно ослабляло бы франко-русский союз, поскольку он был направлен и против Англии, ослабляло бы поддержку Франции против английского империализма. Русское правительство тщательно подчеркивает, что египетская проблема представляет не исключительно англо-французский, а общеевропейский интерес [4]. Мечтой Лобанова-Ростовского был созыв международной конференции по египетскому вопросу [5],—идея, которая не могла увенчаться успехом из-за позиции Германии, которая, как и во время Бисмарка, в вопросе о Египте продолжала стоять на стороне Англии [6]. В 1896 г. Солсбери считал именно Лобанова, а не французское правительство главным врагом в египетском вопросе [7].

Россию привыкли считать материально совершенно незаинтересованной в Египте. Понятно, что при таких условиях ее сильнейший нажим мог легко вызвать мысль о компенсациях, т. е. снова привести к схеме, изложенной Солсбери Гатцфельду: Проливы—России, Египет, плюс, быть может,

[1] АМИД, Лондон, 1896, II; телегр. Стааля 21 марта и его позднейшие об'яснения в письме от 1 апреля.

[2] XI, № 2740 (Донесение Бюлова из Рима со слов Рудини); ср. №№ 2728, 2730.

[3] Hanotaux, Le partage de l'Afrique. Ср. также АМИД, Париж, 1896, I, Моренгейм, 28 окт. 1896; ср. там же телегр. от 8 мая.

[4] XI, 2731 и др., а также многочисленные документы АМИД.

[5] АМИД, Лондон, Exp., 1896; телегр. Лобанова 31 марта; его же письмо от 17 апреля; XI, № 2737 и (там же) примечан. к стр. 209.

[6] XI, № 2733, № 2734, 2735; АМИД, Париж, 1896, Exp., телегр. Лобанова 16 мая.

[7] XI, № 2742, стр. 203.

Месопотамия—Англии. Нажим России в египетском вопросе в итоге оказался мыльным пузырем. Англию заставили, правда, финансировать Суданскую экспедицию за собственный счет. В начале экспедиции это грозило для кабинета затруднениями в парламенте. В значительной мере это и побудило Солсбери поднять вопрос об использовании резервного фонда. Но после победы при Фаркеллах, когда предприятие стало казаться явно выгодным и успешным, испросить кредиты у парламента стало значительно легче. Никаких иных последствий, кроме отказа от резервного фонда, русский нажим не имел. В конце-концов Франция, несмотря на большую склонность к соглашению, поскольку такового достигнуть не удалось, оказалась в состоянии угрожать Англии все-таки гораздо серьезнее. Когда в 1898 году кризис стал действительно грозить войной, к отступлению толкала уже Россия. Но все это стало ясно лишь позже. В 1896 году нейтралитет России в египетском вопросе мог казаться весьма ценным. Надо принять во внимание, что по авторитетному свидетельству Грея, англичане не могли держаться в Египте «без дипломатической поддержки иностранных представителей в Каире». Так как Россия и Франция шли там против Англии, то поддержка тройственного союза была незаменима [1]. Германия ее все еще оказывала, но с обострением англо-германского антагонизма эта поддержка становилась все менее и менее надежной. Это не могло не толкать к мысли договориться с Россией и Францией. «Англия старается отвлечь интересы держав, особенно России, от египетского вопроса». Поэтому она готова дать им любые гарантии свободы Суэцкого канала, с тем, чтобы обеспечить себе свою военную позицию в Египте, которую она хочет упрочить экспедицией в Судан [2]. Вполне возможно, что Солсбери, пытаясь сблизиться с Россией, думал не столько о том, чтобы действительно продать ей Константинополь за Египет, сколько о том, чтобы завести переговоры и разными посулами смягчить ее позицию, пока длилась опасная для него ситуация. Ведь и в англо-германских переговорах о союзе в последующие годы этот мотив был очень силен у англичан, только роль Египта играла Южная Африка. Возможно также предположение, что Солсбери торопился предложить проливы России, боясь как бы она не получила их из рук Германии [3], которая в эти годы под влиянием той же причины—растущего англо-германского антагонизма—тоже выказывала, как увидим ниже, энергичную тенденцию к сближению с Россией. В этом аспекте, мне кажется, и следует понимать все последующие попытки Англии сблизиться с Россией. Так, сквозь жесткий англо-русский антагонизм начинают просвечивать первые проблески англо-русского соглашения.

---

[1] Ed. Grey, op. cit. pp. 24—25, 27.

[2] АМИД, Лондон, I, Стааль. 11 ноября 1896.

[3] Это предположение высказывает Мейнеке, указ. соч.

Со стороны Англии в этом направлении с начала 1896 г. ведется осторожное зондирование почвы.

В феврале 1896 г. Чемберлен «с большим жаром» говорил Стаалю о необходимости взаимного сближения России и Англии. Через несколько дней, правда в более сдержанном тоне, то же самое повторил ему Бальфур, третий по влиятельности член кабинета и племянник Солсбери. Однако, и пресса, и тон парламентских дебатов оставались весьма враждебными России [1].

В июне в Петербург приехал принц Людвиг Баттенбергский, близкий родственник королевы, со специальной миссией от королевы Виктории «выяснить и устранить те недоразумения, которые препятствуют полному соглашению между обоими правительствами». «Выяснить» Лобанов не отказался, «устранить» же недоразумения он предоставлял Англии. «Наши интересы—сказал он принцу—повелительно требуют абсолютной свободы навигации по Суэцкому каналу и Красному морю. Если Сибирская железная дорога должна, между прочим, облегчить транспорт наших сухопутных сил, то она не может повлиять на морские сообщения, которых отныне требует прогрессирующее развитие наших отношений с Дальним Востоком». Однако, вследствие оговорок, сделанных британским правительством, «конвенция о нейтрализации Суэцкого канала фактически сведена на-нет вплоть до тех пор, пока не будет произведена эвакуация английских войск из Египта» [2].

Зондирования со стороны Англии продолжались однако и дальше, при чем они стали принимать характер более определенных предложений.

В тревожные дни, после августовской резни армян в Константинополе, Керри, только что вернувшись из Лондона, «сделал мне,—пишет Нелидов,—следующее экспозе, которое мне показалось предписанным из Лондона». «Единственная тенденция, высказываемая общественным мнением,—заявил Керри,—это желательность соглашения с Россией по восточным делам. У нас очень хорошо знают, что нельзя предпринять ни одного шага, ни одного решения, которое не было бы согласовано с Россией». «Вы знаете,—продолжал Керри,—что это всегда было моим заветным желанием. Я спросил лорда Солсбери, могу ли я продолжать действовать в этом смысле. Он мне ответил, что это абсолютно согласно с его мыслями и что это также мнение его коллег» [3].

Осенью, когда все еще продолжала держаться возбужденная атмосфера, созданная армянской резней, атмосфера чрезвычайно удобная для подыскания всяческих предлогов для интервенции, была произведена еще одна попытка позондировать почву относительно соглашения с Россией. Николай приезжал в это время в Англию. 26 сентября он беседовал с Сол-

[1] АМИД, Лондон, 1896, Стааль, 19 февр. 1896.

[2] АМИД, 1896, Лондон, Exp., Лобанов Стаалю 18 июня 1896.

[3] Нелидов, 9 сент. 1896, АМИД, Констант., 1896, III.

сбери в замке Бальмораль[1]. Мы знаем об этом разговоре лишь косвенно из записки Стааля о беседе, которую он вел с премьером через несколько дней. Их беседа вращалась, главным образом, вокруг восточного вопроса— как текущего положения в Константинополе, так и вопросов будущего. «Эта беседа была, таким образом, не чем иным, как эхом того, что говорилось в Бальморале». Из немецких источников мы знаем, что Солсбери остался недоволен Николаем и своим свиданием с ним. «Я не сомневаюсь,—писал Гатцфельд,—что это недовольство является следствием неуспеха его усилий в Бальморале»[2]. И тем не менее, Солсбери сделал Стаалю весьма решительные заявления, назвав при этом, в отличие от Керри, все об'екты возможного соглашения своими именами. Поговорив о «текущих вопросах», «мы перешли, наконец,—пишет Стааль,—к вопросам будущего». Посол заметил, что хотя задачей всех держав является поддержание status quo, но надо подумать и о будущем, ибо разложение Турции делает быстрые успехи. Инициатива постановки вопроса исходила таким образом, повидимому, от русского дипломата. «Лорд Солсбери тотчас же вошел в этот круг мыслей. Он не скрыл от меня, что наиболее неприятным для него режимом на Босфоре является режим двусмысленный и непрочный», «как, например, призрак султана рядом с Россией, действующей от его имени. Он предпочитает твердые решения. Он думает, что он смеет заключить из слов его величества императора, что интересы России сконцентрированы на вопросе о Проливах. Несомненно, решение этого острого вопроса в смысле требования России встретит резкую оппозицию Европы. Но эта оппозиция придет не со стороны Англии. Последняя, напротив, не увидит в этом нарушения своих интересов и готова договориться с нами». Конечно, добавляет Стааль, это не есть вполне «положительная декларация», но это тем не менее, «вехи для возможных гипотез»[3].

Казалось бы, можно было думать, что англо-русское соглашение стало вполне возможным: в самом деле, наконец-то Англия готова отдать Проливы. Но это не так. Англо-русское соглашение оказалось теперь столь же невозможным, как и раньше. «Я против соглашения с Англией,—писал Николай,—это было бы на деле первым шагом к постепенному разделу Турции»[4].

Довольно естественно об'яснить отказ России поворотом на Дальний Восток: занявшись Китаем, Россия перестает интересоваться Проливами. Этот поворот сыграл свою роль — Россия, занятая на Дальнем Востоке, старалась избежать войны на Ближнем, пока ее новые позиции на Тихом Океане и в Китае не упрочились. Она должна была избегать войны еще и

[1] Николай был в Англии с 22 сент. по 5 окт. 1896.

[2] XII, № 3078.

[3] Стааль, 3 окт. 1896 («Notice secrète», предназначенная специально для Николая; АМИД, Лондон, 1896, I).

[4] АМИД, Конст., 1896, III, Exp., лист 434 (12 сент. 1896).

просто потому, что была не готова в военном отношении не только на Тихом океане, но, как мы видим, и на Черном море. К тому же, подготовлялся переход к золотой валюте: интересы промышленного капитализма заставляли избегать всего, что может поколебать кредит России на парижской бирже, а всяческие слухи об авантюрах на Ближнем Востоке отражались на нем крайне неблагоприятно. Понятно, что Витте как представитель интересов промышленного капитала был главным врагом этих авантюр. Все это обусловливало перевес той линии русской политики, которая стояла за поддержание status quo в Турции в течение текущего кризиса.

Но стремление избежать в данный момент серьезных осложнений отнюдь не следует понимать таким образом, что в связи с поворотом на Дальний Восток пропал или уменьшился интерес к Проливам.

Интерес к Проливам у русской дипломатии, как мы видели, ни мало не уменьшился, а может быть даже и совсем напротив—возрос. Когда Витте говорил, что «вопрос о Проливах потерял свое значение» [1], то он этим обнаруживал только, что он гораздо меньше был в те годы посвящен в смысл дипломатической игры, чем он хочет это изобразить в своих мемуарах. Лобанов и Муравьев думали иначе. Записка Муравьева от 1900 г. показывает, что с Проливов не спускали глаз [2].

Но вот мы видим, что Англия готова как-будто отдать Проливы России, и тем не менее эта последняя не принимает руки, протянутой Англией. На пути англо-русского соглашения в те годы стоял один вопрос, который делал это соглашение невозможным. На пути этого соглашения стоял Египет. Интерес к Проливам у России ничуть не ослабел, но он стал такого рода, что платить за них Египтом стало неинтересно — это в половину обесценивало покупку. Проливы получали теперь новое значение—как калитка к Суэцу, к большим воротам морского пути на Дальний Восток. «Все наше внимание направлено на Дальний Восток, что мы будем делать без канала», говорил Лобанов Эйленбургу [3]. Еще резче Лобанов развил эту мысль уже раньше в телеграмме Стаалю, носившей характер программного заявления [4]. Россия заинтересована в египетском вопросе в двояком смысле, пишет он: в виду наших отношений с Францией, что не требует особых пояснений, и, во-вторых, «из-за наших собственных интересов в Египте». «Наши все более и более значительные интересы на Дальнем Востоке повелительно требуют свободы прохода для наших военных и торговых судов через Суэцкий канал». Формально эта свобода установлена конвенцией 88 г., но реальную цену эта конвенция может иметь

---

[1] XII, № 2941.

[2] Красный Архив, т. XVIII.

[3] XI, № 2747 (Эйленбург, 28 авг. 1896). То же самое Николай повторил Гогенлоэ (Hohenlohe, Denkwürdigkeiten, II, S. 528).

[4] АМИД, Лондон, 1896, Exp., тел. 31 марта.

«лишь при условии, что Великобритания окажется в Египте на положении тождественном с другими державами. В действительности это не может иметь место до тех пор, пока Египет останется оккупированным английскими войсками». Экспедиция в Судан—новый признак, что оккупация Египта грозит продлиться бесконечно. Это заставляет нас стремиться поставить этот вопрос на обсуждение «Европы».

Нежелание уступить англичанам в египетском вопросе и делало англо-русское соглашение невозможным. На заявление Керри, приведенное нами выше, Нелидов возразил ему в точности то же самое, что и Лобанов принцу Баттенбергскому. Керри на это ничего не ответил[1]. Примерно этим же закончились и беседы Солсбери со Стаалем. Через месяц после описанного разговора, на который с русской стороны не последовало никакой реплики, премьер-министр и Стааль говорили о египетском вопросе. Если в тот раз Солсбери показал свой товар, то теперь он определенно назвал, так сказать, и цену соглашения с Англией. Солсбери заявил, что Англия согласна взять назад те оговорки, которые она сделала при подписании конвенции 1888 г. Эти слова были только повторением того, что он сказал Стаалю уже раньше, в начале той беседы, конец которой изложен выше. «Если Вам,—продолжал далее Солсбери,—нужны еще какие-либо гарантии свободы Суэца, то мы готовы их обсудить. Но если дело идет отныне об эвакуации долины Нила и о том, чтобы поднять египетский вопрос в его целом, тогда дело неизбежно меняет свой вид». Этим затрагиваются проблемы, «неразрешимые в ближайшем будущем», и для подобных переговоров момент сейчас неподходящий[2].

Итак, для соглашения с Англией надо было навсегда отказаться от мысли сделать свободу навигации по Суэцкому каналу «реальной». На это Россия не шла. Как и в 80-х годах, в вопросе о конвенции Друммонда—Вольфа, Россия предпочитала и теперь не признавать прав Англии на Египет. Только если раньше это делалось частью ради поддержки Франции, частью же Египет был просто средством давления на Англию, компенсационным об'ектом, то теперь, если доверять буквальному тексту источников, он приобрел реальный интерес. Говоря о «собственных интересах России в Египте», мы до сих пор лишь излагали документы—не более. Может явиться вопрос—так ли это было на деле. Может быть все эти заявления дипломатов говорят вовсе не о том, что они сами были действительно убеждены в реальности этих интересов. Может быть все это только дипломатическая аргументация, имеющая цель придать вопросу «европейский» характер, чтобы помешать англо-французскому соглашению или сохранить на будущее тот могучий рычаг давления на Англию, который представлял Египет. Нам кажется несомненным, что имели место оба мотива. Сомневаться в том, что

[1] Нелидов, 9 сент. 1896, АМИД, Конст. 1896, III.

[2] Стааль, 11 ноября 1896, № 71, АМИД, Лондон, 1896, I.

русские правящие круги свободу Суэца действительно считали необходимой для России, не приходится просто потому, что это вполне отвечает реальному положению вещей: путешествие русского флота к Цусиме вокруг Африки доказало это с полной наглядностью. Другое дело, что у России не было достаточных средств, чтобы эти интересы отстоять, и что это могло бы быть ясным с самого начала. Нельзя не признать, однако, что если мотивы для взаимного сближения со стороны Англии нам более или менее ясны, то в мотивах отказа России от схемы—Египет за Проливы—многое все же остается неясным. Быть может, дальнейшая разработка архива внешней политики поможет найти окончательный ключ к решению этого вопроса. Во всяком случае, английские попытки к сближению с Россией потерпели тогда крах, и лорд Солсбери признавался Гатцфельду, что Россия не принимает дружбы, которую ей предлагает Англия[1].

II

Итак, англо-русское соглашение было невозможным. Готовность Англии к сближению с Россией, имея своим следствием конец средиземноморской антанты 1887 года, привела не к англо-русскому, а к австро-русскому соглашению, была одной из его предпосылок. Но обе стороны дошли до этого не сразу.

Мы остановимся сейчас на австро-русском антагонизме и на попытках Австрии найти союзников против России, а потом уже на той стороне русской политики этих лет, которая позволила Австрии, не найдя таких союзников, заключить договор со своим врагом.

Монархия Габсбургов переживает глубокий внутренний кризис. В ней идет борьба немецкого, мадьярского и славянского элементов. К старой борьбе между немецкими либералами-централистами и венграми против феодально-клерикально-федералистических элементов присоединяется волна демократических национальных движений: младочешского, а затем и южнославянского. Эта борьба принимает иной раз острые формы. Я имею в виду антидинастические демонстрации в Праге в 1890 году, беспорядки в 1897 году в Вене и Праге и т. д.

При таких условиях, австрийское правительство и при Кальноки, и при Голуховском[2] боится каких бы то ни было аннексий на Балканах, ибо это усилит славянский элемент в Австро-Венгрии и еще больше затруднит лавирование между немцами и славянами, на котором держались в это время все австрийские кабинеты. «Усиление южно-славянского элемента не же-

---

[1] XI, № 2694; ср. XII, № 3078 и др.

[2] Кальноки был министр ин. дел до 1895 г., после его отставки был назначен Голуховский.

лательно с точки зрения сохранения равновесия австро-венгерской монархии» [1].

Таковы же были и интересы венгерских аграриев, с той только разницей, что включение аграрных славянских областей в состав Австрии наносило бы им и непосредственно-экономический ущерб. Уже и без того, соперничество чешских и польских аграриев давало себя чувствовать на австрийском рынке, а тут еще грозила прибавиться южно-славянская конкуренция, грозила пасть та таможенная стена, которая защищала империю Габсбургов от балканского сырья [2]. Венгерский хлебный экспорт, интересы которого могли играть значительную роль в борьбе за торговые пути по Дунаю и на Салоники, к 90 годам значительно сокращается [3]. В Венгрии в экономической экспансии на Балканах были заинтересованы может быть лишь отдельные элементы торгового капитала, который работал и в балканских странах. Но интересы самих мадьярских магнатов требовали не экономического проникновения на Балканы, а экономической изоляции от них. Исключение среди них представляли разве лишь сахарозаводчики. Наоборот, в противоположность венграм, немецкая буржуазия, хоть и боялась усиления славянского элемента, но зато в экономическом завоевании балканского рынка была кровно заинтересована, с тем, однако, чтобы оно не переходило в политическую аннексию. Таковы классовые интересы, обусловливавшие австрийскую политику. В то время, как политика других западных держав в изучаемые годы уже была политикой современного империализма, политика Австро-Венгрии направлялась еще интересами промышленного капитала Австрии и венгерских аграриев—того блока, господство которого политически выражалось в системе дуализма.

Из интересов этого блока вытекают три внешне-политические задачи. Во-первых, поддержание территориального status quo. Во-вторых, в рамках этого «status quo»—усиление австрийского влияния. Наконец, в третьих, решительная борьба с русским влиянием на Балканах. Все это приводило к формуле—экономическая гегемония без политической аннексии.

«О компенсациях для Австрии в случае развала Турции не может быть речи, так как каждое приращение на Балканах будет означать для существующего государственного устройства Австро-Венгрии затруднение первого ранга» [4]. «Status quo единственно возможно», «Турция должна быть сохранена, поддержана и усилена» [5]. Что Австрия в эти годы не хотела аннексий на Балканах, это неоспоримо [6]. Но это не означало отказа от весьма активной политики там. В 1895 году должен был уйти граф Кальноки, ко-

[1] XII, № 2886; ср. письмо Капниста, 21 янв. 1896, АМИД, Вена, 1896, II.
[2] Донес. ген. консула в Будапеште Базили 31 июля 1896, АМИД, Вена, 1896, II.
[3] Донесение Бенкендорфа 10 окт. 1896., № 56, АМИД, Вена, 1896, I.
[4] X, № 2497.
[5] X, 2500. Ср. Sosnosky, Die Balkanpolitik Oesterreich-Ungarns, II, 116.
[6] В этом согласны и немецкие и русские документы.

торый с 80-х годов руководил внешней политикой двуединой монархии. Его выжили венгерские магнаты в блоке с немецкими либералами[1]. Кальноки не сумел поддержать австрийское влияние. Назначение Голуховского означало усиление активности на Балканах[2]. Голуховский изменил лишь метод Кальноки, метод угроз и нажима на более мягкий[3]. Голуховский распространяет свою активность и на Грецию, лежавшую ранее вне сферы австрийских интересов. Одновременно на Грецию распространяются и аппетиты венского капитала, появляются проекты железнодорожных концессий в Греции[4]. Голуховский старается подготовить почву и для проникновения австрийского капитала в Турцию. В январе 1896 года Голуховский настойчиво убеждал Капниста, что в Турции необходимо провести финансовые реформы: европейские денежные рынки непрочь предоставить ей заем, но конечно, лишь в том случае, если будут даны соответствующие гарантии. Русскому послу удалось выяснить, что существует «финансовая группа, представляемая венским Credit Bank, которая готова» реализовать для оттоманского правительства «довольно солидный заем». Эта комбинация, по мнению Капниста, и руководила Голуховским, когда он говорил о финансовых реформах. Существуют еще проекты, более мелкие, относительно государственных монополий в Турции на спички и на папиросную бумагу[5]. Существовал еще и проект монополии на керосин, которую хотел взять на себя нефтяной завод дома Ротшильдов[6]. Тут интересы австрийского капитала сталкиваются с интересами русского: керосин ввозился в Турцию исключительно из России. Нелидов выставил в противовес Ротшильдам проект передачи монополии в русские руки[7]. Об этом велись даже переговоры с турецким правительством председателем «Русск. Общ. Пароходства и Торговли»[8]. О дальнейшей судьбе этого дела нам неизвестно, и, конечно, такие факты не сыграли решающей роли: проникновения русского промышленного капитала в Турцию и на Балканы, как сколько-нибудь массового явления, тогда не было.

После поражения России в Болгарии на Балканах окончательно установилось экономическое и политическое засилие Австро-Венгрии. И точно так же, как когда-то засилие России вызвало реакцию в пользу Австрии, так и сейчас засилие этой последней вызвало в балканских государствах снова поворот к России. С падением министерства Стамбулова в Болгарии,

[1] Базили, 9 мая 1895, АМИД, Вена, 1895, II, Бенкендорф, 11 июля (там же).
[2] Капнист, 22 авг. 1895, АМИД, Вена, 1895; X, № 2489.
[3] Он же 12 ноября 1896 (там же, 1896, II).
[4] Бенкендорф, 29 октября 1896, АМИД, Вена, 1896, I.
[5] Капнист, 27 янв. и 3 февраля 1896, №№ 7 и 9, АМИД, Вена, 1896, I.
[6] Нелидов, 14 янв. 1896, АМИД, Конст., 1896, I.
[7] Он же, 23 янв. 1896, № 10 (там же).
[8] Он же, 22 апр. 1896 (там же, 1896, II).

с падением Милана в Сербии, обе страны, казалось, снова переходили к русской ориентации. В Болгарии вставшее у власти после падения Стамбулова министерство Стоилова ищет политической поддержки вне Австрии. Отсюда попытки добиться признания Фердинанда Кобургского со стороны России. Признание последовало. Лобанов обставил его так, что после крещения наследника болгарского престола по православному обряду Россия разрешила султану, вассалом которого формально числился болгарский князь, предложить державам признать Фердинанда. Наступал конец той «политической монополии», которой в течение 8 лет привыкла пользоваться здесь Австро-Венгрия [1]. Это сразу же ударило по карману австрийской буржуазии. Болгария отменила крайне выгодную для Австрии торговую конвенцию 1889 года и, кроме того, нарушила режим капитуляции по отношению к австрийским купцам. Австрии пришлось согласиться на повышение пошлин на австрийские фабрикаты на 25%, и, вдобавок, многие из них были, кроме пошлины, обложены акцизом. При этом новый закон об акцизе был составлен так, что обложение падало как раз на предметы, которые ввозились почти исключительно из Австрии [2]. В Сербии экономические позиции Австрии держались еще вполне крепко. Как раз в 1895 году Сербия заключила в Вене заем на крайне тяжелых условиях. Русский дипломат сообщает, что экс-король Милан получил при этом взятку от венских банкиров за «советы», преподанные им своему сыну [3]. Но и тут австрийская политическая гегемония, как она существовала при Милане, кончилась, и в 1894 году перестал существовать заключенный за десять лет перед тем договор, фактически отдававший Сербию под австрийский протекторат. В Константинополе русское влияние доминировало. Если мы добавим ко всему этому опасения, что балканские государства могут забыть свою взаимную борьбу [4] и, опираясь на Россию, стать центром притяжения для юго-славян Австро-Венгрии, то нам станет понятным австро-русский антагонизм в эти годы, годы так называемого «ухода» России на Дальний Восток [5].

Что в будущем конфликт неминуем, в этом с обеих сторон были совершенно уверены.

Надо отметить, что в те годы уже зарождается «новая идея»—«трансформации Австрии в великую славянскую империю» и аннексии пути на Салоники. Это было новое течение, которое шло на смену старому принципу—экономическая гегемония без политической аннексии. Правда, пока

[1] Капнист, 22 авг. 1895, АМИД, Вена, 1895; он же 5 авг. 1896, № 50 (там же, 1896, I).

[2] Бенкендорф, 7 февр. 1895 (там же, 1895).

[3] Он же, 2 мая 1895.

[4] Капнист, 26 мая 1896, № 22, АМИД, Вена, 1896, I.

[5] Венгры требовали даже поддержки притязаний автономной болгарской церкви на Македонию, ибо иначе Россия может оказаться единственной покровительницей православия на Балканах (Капнист, 21 мая 1896; АМИД, Вена, 1896, I).

сторонники этой новой идеи были малочисленны. Капнист называет в своих донесениях министра финансов и наместника Боснии графа Каллая и бана Кроатии графа Куен-Гедовари, как лидеров этого течения[1]. Это были зародыши политики Эренталя и той идеи триализма, носителем которой стал эрцгерцог Франц-Фердинанд. Эта политика стала впоследствии политикой финансового капитала в Австрии. Эта новая политика неизбежно влекла бы за собой и внутреннюю перестройку монархии Габсбургов, ибо с одряхлевшей системой дуализма аннексии были плохо совместимы. Но это было будущее, а пока, во всяком случае, были бесспорные основания, чтобы бояться роста русского влияния.

Австрийское правительство боится возврата русской гегемонии в Болгарии. Но, конечно, самым страшным для него было бы покушение России на Проливы: «Австрия не может потерпеть Россию в Константинополе, ибо тотчас же балканские государства, особенно Болгария, кристаллизуются вокруг этого нового центра»[2]. Он может стать магнитом для угнетенных славянских наций Австро-Венгрии.

В своем страхе, часто паническом, перед грядущим балканским кризисом монархия Габсбургов лихорадочно ищет союзников против России. И тут надежды Австрии, естественно, по традиции обращаются на Лондон. «Эта тенденция, более или менее явная при Кальноки, обрисовалась более открыто при Голуховском»[3]. Понятно, что Австрия старается поддерживать Англию в вопросе о реформах. Голуховский является энергичным сторонником и военно-морской интервенции 6 держав в Проливах. Ведь это «обеспечит от преобладания одной державы в Константинополе посредством систематического разделения влияния между всеми шестью»[4] — оккупация Проливов Россией этим исключалась бы, может быть, навсегда.

Голуховский воображал, что и он дозарезу нужен Англии и что Солсбери только и делает, что ждет австрийских предложений[5]. Как Солсбери на самом деле отнесся к этим предложениям, мы уже знаем. Его отказ—после тех надежд, которые на него возлагались, означал для Вены страшный удар[6]. Австрия осталась без союзника перед лицом России как раз в момент успеха русской дипломатии—это были дни крещения болгарского наследника[7]. В таких условиях Австрия в конце концов пришла к необходимости договориться со своим противником. Но это было очень нелегко для австрийских дипломатов, и они пришли сюда большим зигзагом—зигзагом на Берлин.

[1] Капнист, 21 января 1896, АМИД, Вена, 1896, II.
[2] X, № 2497. Ср. № 2490.
[3] Капнист, 29 марта 1896, АМИД, Вена, 1896, II.
[4] Капнист, 11 ноября 1896, № 62, АМИД, Вена, 1896, I.
[5] X, № 2568.
[6] X, № 2488; XI, № 2673 и др.
[7] Февраль 1896.

Отказ Англии вызывает попытки заручиться более активной помощью Германии на случай ближневосточных осложнений с Россией. 29 февраля один из виднейших сотрудников министерства иностранных дел граф Вельзерсхеймб имел довольно необычный разговор с кн. Лихновским—секретарем германского посольства в Вене. Вельзерсхеймб начал с того, что очень пессимистически обрисовал положение Австрии. Каждый, кто знаком с австрийскими условиями, должен понять, об'яснял он Лихновскому, что успехи России на Балканах не могут здесь не беспокоить. Австрия вынуждена защищать изо всех сил свои ближневосточные интересы. Для Австрии является вопросом жизни или смерти не допустить, чтобы русское влияние растекалось до Адриатики. Уже сейчас оно растет и в Сербии и в Болгарии. Что же будет, если Россия захватить Константинополь? Австрия совершенно изолирована в защите своих важнейших интересов. Италия—союзник никуда негодный; Англия видимо хочет совсем отойти от балканских дел; Германия смотрит на них с безразличием и советует договориться с Россией о разделе сфер влияния. Это, однако, ни к чему не поведет, ибо Россия все равно не прекратит своих интриг и в австрийской сфере. Чего же стоит тройственный союз для Австрии—спрашивал граф Вильзерсхеймб? На что он ей? Ведь Австрии, собственно говоря, безразлично, кому принадлежит Эльзас-Лотарингия—«So?!»—начертал тут Вильгельм на полях донесения Лихновского. Вильзерсхеймб заметил еще, что, поссорившись с Англией, Германия испортила для Австрии возможность договориться с Солсбери. Интересы держав тройственного союза расходятся, заключал граф; стремясь к сближению с Россией, Германия приносит в жертву восточные интересы Габсбургов. После такого выступления граф перешел к делу и заявил, что Австрия должна знать, чем поможет ей Германия в случае столкновения с Россией на Востоке—в единственном случае, где Австрии собственно и нужна немецкая помощь [1].

В ответ на это последовала такая отповедь, какой австрийцы вряд ли ждали. Гогенлоэ придрался к замечанию Вильзерсхеймба, что Германия, поссорившись с Англией, помешала австро-английскому соглашению. Если австрийское правительство полагает, что ее союзница мешает ей в ее внешней политике, то Германия охотно освободит ее от всяких союзных обязательств. Это сопровождалось категорическим отказом распространить свои обязательства на ближневосточные осложнения [2].

В результате этого ответа немецкий посол мог сообщить, что Голуховский все свои надежды возлагает ныне на тройственный союз. Когда же через несколько дней Глуховский, в состоянии «обманутых надежд» и «полный опасения и неуверенности», приехал в Берлин, как об'яснял Эйленбург, вследствие потребности «получить надежду и совет, а вместе с тем, уверен-

[1] Записка Лихновского 29 февр. 1896 (прилож. к № 2673, XI).

[2] Гегенлоэ, 2 марта (XI, № 2674); он же 5 марта (там же, № 2676).

ность, что наша политика не примет нежелательного для него направления» [1], то он решился просить «совета и уверенности» только по таким «актуальным» вопросам, как испано-итальянские отношения [2].

Причины отказа английского кабинета мы уже выяснили выше. Теперь нам необходимо остановиться на позиции Германии в восточном вопросе. Германское правительство по крайней мере до 1897 года продолжало держаться бисмарковского тезиса о полной незаинтересованности Германии на Востоке. Лишь с самого конца 90-х годов германский капитализм приобретает в Турции интересы первостепенной важности. И лишь еще позже эти интересы (т. е. Багдадская дорога) заставляют отказаться от взгляда Бисмарка, что «из-за вопроса, кто правит на Босфоре», Германии воевать не стоит [3]. В изучаемые нами годы, этот момент еще не наступил: «Основания, которые в свое время заставили исключить из союзного договора все вопросы, относящиеся к Востоку и Средиземному морю и ограничить casus foederis с Австро-Венгрией лишь случаем прямо направленного на это государство нападения России, сохраняют для Германии свою прежнюю силу» [4]. Австрийцам указывали, что в войне из-за Проливов они будут действовать на свой собственный страх и риск. Германия вступит в войну лишь в тот момент, когда станет под угрозу самое существование Австрии как великой державы. Но когда наступит этот момент, какие действия России считать такой угрозой—решать этот вопрос Германия сейчас отказывалась, несмотря на все домогательства австрийской дипломатии [5]. «Если мы,—продолжал Гогенлоэ в только что цитированном документе,—обещаем Австро-Венгрии поддержку на случай, если она в движении России на Константинополь усмотрит повод для войны, то мы пожертвуем основами нашей восточной политики и приблизим опасность войны на два фронта» [6]. Тут перед нами целиком бисмарковская схема. Война с Россией влекла за собой войну с Францией, войну на два фронта, становился реальностью тот «кошмар коалиций», который всегда преследовал Бисмарка. Но ведь если бы австро-русская война все-таки началась, то практически Германия не могла бы не оказать помощи Австрии. Сил последней нехватило бы для борьбы с Россией. «Германия будет, следовательно, поставлена перед неприятной альтернативой или оказать» Австрии «вооруженную поддержку, или стать перед перспективой остаться изолированной перед победившей франко-русской группой» [7]. Во избежание таких неприятностей, немецкая политика ставит своей зада-

[1] Эйленбург, 6 марта (XI, № 2678).
[2] XI, № 2680; ср. стр. 126, прим.
[3] VI, № 1343.
[4] Гогенлоэ, 2 февр. 1896 г. XI, № 2671.
[5] XI, №№ 2672, 2676.
[6] XI, № 2671.
[7] XI, Записка Гогенлоэ от 22 ноября 1895 г.

чей предотвращение австро-русского конфликта. Отказывая Австрии в гарантии своей поддержки на Балканах, Германия этим самым удерживала ее от конфликта с Россией, как и во времена Бисмарка. Для достижения этой цели, т. е. для предотвращения австро-русского конфликта, «надо избегать всего, что может ускорить развал Турции, но если его нельзя будет остановить, то надо оставить балканские народы драться друг с другом [1] и беспрепятственно пустить Россию в Средиземное море». Для Австрии и Германии это будет только выгодно. Ведь Дарданеллы—это лишь подступ к Суэцкому каналу, и захват Россией Проливов будет означать только страшное усиление англо-русского антагонизма, «еще на шаг приблизит англо-русский конфликт». Это заставит и Англию и Россию еще больше дорожить расположением могущественной австро-германской группы [2] и отвлечет военную мощь России от границ центральных держав [3]. Вследствие всего этого Австрия тоже не должна торопиться мешать России утвердиться в Проливах. «Мы должны добиваться, чтобы венский кабинет не вводил свою восточную политику во враждебное России русло до тех пор, пока по отношению к Англии дело идет лишь о настроениях и надеждах, а не о твердых договорных условиях» [4].

И продолжая и тут систему Бисмарка, у которого соглашение с Россией дополнялось соглашением Австрии с Англией против России, германская дипломатия и теперь стремится добиться от Англии этих «твердых, договорных обязательств». Осенью 1895 года немецким послам в Вене, Риме и Лондоне предписывается действовать «в смысле поощрения австро-английского соглашения» [5], которое «рассматривается нами как важнейшая цель как австрийской, так и английской политики» [6]. Однако, в скором времени германскому правительству пришлось признать безнадежной попытку добиться от Англии прочного соглашения [7].

В этом заключается тот слабый пункт, в котором уже в 1895 году терпела крах старая бисмарковская система политики. Закулисный руководитель германской политики, барон Гольштейн, никак не хотел понять, что изменились реальные интересы Англии в Проливах. В отказе от соглашения 1887 года он видел только простой дипломатический трюк Солсбери с целью заставить Австрию «таскать для него каштаны из огня», заставить ее выступить против России без Англии, и, таким образом, решить восточный

[1] На этот случай австрийцам рекомендовали «старый рецепт кн. Кауница по отношению к французской революции—laisser la France cuire dan son jus» (XII, № 2885).

[2] XII, № 2914; XI, № 2665.

[3] XI, № 2676.

[4] XI, № 2665.

[5] X, №№ 2541, 2546, 2555.

[6] X, № 2552.

[7] X, № 2663 и др.

вопрос путем войны континентальных держав. Гольштейн ошибался в оценке позиции Англии в Проливах. Он недооценивал возможностей англо-русского соглашения. Но в ближайшие годы эта ошибка не оказала роковых практических последствий для Германии, ибо, несмотря на изменение позиции Англии в Проливах, на пути англо-русского соглашения пока что стоял Египет и, следует добавить,—Китай.

Отказ Англии от соглашения с Австрией заставил немецкое правительство еще сильнее добиваться того, что опять-таки всегда было идеей Бисмарка,—австро-русского соглашения о Балканах.

Тут следует отметить еще одно обстоятельство, делавшее это соглашение теперь вдвойне желательным для Германии. Начинающееся англо-германское соперничество вызывает на грани 1895 и 96 годов у Гольштейна идею континентального блока против Англии, идею, за которой скрывалась мысль, изолировав Англию, заставить ее этим самым пойти на уступки Германии в колониальных вопросах, пойти на сближение с ней [1]. Это следует подчеркнуть, так как антантовская публицистика склонна искажать смысл этой антианглийской политики Германии.

Ближневосточный кризис был одним из тех международных осложнений, которые были использованы с этой целью и с большим успехом, чем Трансвааль—этот опыт, впрочем, был совсем неудачен—с большим, чем даже Симоносеки. Уму Гольштейна рисовалась перспектива соглашения тройственного союза с двойственным. Гольштейн мыслил себе не настоящий союз, а серию соглашений по конкретным вопросам. Франция получила бы свободу рук в Конго, Россия—в Корее, Германия—угольную станцию на Дальнем Востоке, Австрия—гарантию России блюсти status quo в Турции, «т. к. Австрия, по заверению Глуховского, не желает ничего, кроме как status quo на Балканах». Индия, Персия и Египет исключались бы из числа об'ектов соглашения. Тут Германия желала сохранить себе свободу действий. Эти вопросы и заставили бы Англию искать поддержки у Германии. Англия поймет необходимость последнего лишь тогда, когда убедится, что тройственный союз может об'единиться с ее врагами—с Россией и Францией [2]. В частности, на Ближнем Востоке Австрия должна показать Англии, что она не станет таскать для нее каштаны из русского огня, и для этого должна обеспечить свои интересы путем соглашения с Россией.

Если на Ближний Восток молодой германский империализм в эти годы еще не проник, то этого нельзя сказать про ряд других пунктов земного шара. Рост германского империализма создал в эти годы начало англо-германского антагонизма. Это давало немцам новый повод желать сближения

[1] Brandenburg, Von Bismarck zum Weltkriege, 2 Auflage, S. 73, 74, 79; см. также Grosse Politik, Bd. XI, Kapit. LXIV.

[2] XI, № 2640.

с Россией. Старые задачи предотвращения «двухфронтовой войны» сочетались при этом с идеей континентального блока. А то обстоятельство, что Ближний Восток был тем участком, где германский империализм еще не проявлялся, делало пока еще возможным и осуществление этой идеи. В этом своеобразие этого этапа международных отношений.

Русско-германские отношения, наладившиеся было после подписания торгового договора в 1894 году [1] и снова охладевшие вскоре после Симоносеки, когда Россия и Франция обошли Германию в истории с китайским займом, теперь осенью 1895 года опять быстро улучшаются [2].

Это следует поставить в связь с обострением англо-германского антагонизма в эти месяцы из-за Южной Африки. Германская дипломатия идет в ногу с Россией на Ближнем Востоке. Особенно ярко это проявляется в деле ликвидации взрывов национального движения в Турции, где, как мы видели, Россия сталкивается с Англией. Так, в критском вопросе германский посол получает инструкцию действовать, «учитывая согласие не всех держав, а лишь России, Австрии и Италии», но не принимая в расчет Англии [3]. Те же инструкции он получил и по случаю конференции послов о «реформах», но с весьма характерной добавкой: «Против предложений России вы даже и тогда не должны итти, когда Россия и Австрия не единодушны. В случаях этого последнего рода вы должны соблюдать строжайший нейтралитет» [4]. Нечего и говорить, как это помогало русской дипломатии: такая позиция главы тройственного союза действительно означала изоляцию Англии. Когда Николай был в Германии осенью 1896 года, обе стороны могли констатировать полное согласие «в деле охранения авторитета султана и «status quo» на Ближнем Востоке» [5]. Это соглашение было в сущности предтечей австро-русского соглашения, последовавшего через полгода. Более того, Муравьеву [6] дают понять, что Россия может рассчитывать на сочувствие Германии, даже «если она в определенных вопросах должна будет перейти к решительным действиям». Германия должна быть только уверена, что будут приняты во внимание интересы Австрии. Это был намек совсем бисмарковского пошиба [7]. Сам Вильгельм шел еще дальше и прямо спросил Лобанова: «почему вы не возьмете Константинополь? Я с своей стороны не сделаю на этот счет ни одного замечания» [8].

[1] Чарыков, 3 апреля 1895, АМИД, Берлин 1895, II.

[2] Остен-Сакен, 19 июня, 22 июля и 1 августа 1895, АМИД, Берлин, 1895, I и II.

[3] XII, №№ 3029 и 3024.

[4] XII, № 3094.

[5] XI, № 2858.

[6] Был назначен министром после последовавшей 31 авг. 1896 г. смерти Лобанова-Ростовского.

[7] XIII, № 3427.

[8] Ламздорф, Дневник, 1895, III, Приложение.

Как видим, современная немецкая бисмаркианская литература чрезвычайно преувеличивает зависимость, в которую будто бы попал «Новый Курс» от Австрии, не возобновив договора «перестраховки» с Россией. Из источников никак нельзя усмотреть, чтобы Германия была теперь увлечена на более активную поддержку Австрии, чем при Бисмарке,—пока того не потребовали собственные интересы германского капитализма на Ближнем Востоке.

Обстоятельства ближневосточной политики, таким образом, не мало помогли еще раз оживить русско-германский союз, направленный, как известно, прежде всего на Дальний Восток[1]. Для Германии Дальний Восток приобретал, между прочим, значение и с точки зрения предотвращения австро-русского конфликта. Считали полезным «привязать Россию к Восточной Азии, чтобы она меньше занималась европейским Востоком»[2]. Не мешая России в Проливах, ее все-таки старались занять где-нибудь в другом месте.

С 1898 года—и чем дальше, тем больше—багдадская политика Германии создает трещину в русско-германской дружбе, которая постепенно растет[3], оставаясь, правда, относительно долгое время скрытой. Поражение России в японской войне уничтожило навсегда русско-германский союз,—но и без него конец «незаинтересованности» Германии на Ближнем Востоке неизбежно похоронил бы его. Но до этого, начиная с 1895 года, еще раз—последний раз—мы имеем оживление этой старой комбинации.

III

Сближение Германии с Россией и ее отказ более активно поддержать Австрию в Балканских делах заставили Австрию почувствовать себя уже совершенно изолированной перед лицом России.

Интересно, что уже в 1893 году, в связи со слухами об уменьшении интереса Англии к Проливам, в Австрии мелькает мысль о соглашении с Россией.

Мы постарались показать, почему Австрия искала союзников для борьбы с Россией. Мы видели, что поддержание территориального status quo составляло одну из важнейших задач австрийской дипломатии той эпохи. При этом Австрия особенно интересовалась поддерживанием этого status quo в одном месте—на той территории, которая на старой[4] карте Турции идет полосой от австро-турецкой границы Новобазарского Санджака до Эгейского моря и которая представляет путь из Австрии на Салоники. Поэтому в центре внимания австрийской дипломатии на Балканах стоит македонский вопрос:

[1] Покровский, указ. сочин.

[2] Brandenburg, op. cit. S. 59.

[3] Эта трещина проявилась в первый раз в связи с критским вопросом в 1898 году, когда Австрия и Германия отделились от европейского концерта. Эти события стоят, таким образом, под знаком уже несколько иной международной ситуации. Поэтому они не затрагиваются в настоящей работе.

[4] До балканской войны 1912 г.

«опасности, которые грозят в Македонии, для Австрии страшнее всех других»[1]. «Внимание Австрии также приковано к Македонии, как наше к Проливам», писал Нелидов[2]. Опасность заключалась в том, что в Македонии шло брожение против Турции, которое могли поддержать претенденты на Македонию—Сербия, Болгария и Греция. Македония могла вызвать не только войну их с Турцией, но и друг с другом. Результат всего этого мог получиться весьма нежелательный для Австрии[3].

Признание Фердинанда Кобургского и рост русского влияния в Болгарии в умах австрийских дипломатов вызывали призрак болгарского ирредентизма, подымающегося под русским протекторатом. Если Россия толкнет Болгарию на захват Македонии, то ведь это означало бы, что, во-первых, путь на Салоники попадет под угрозу России и ее вассалов и что, во-вторых, на Балканах образуется крупное славянское государство. Не допустить образования такой державы—это с давних пор составляло постоянную задачу австрийской политики: ее преследовали и в Рейхштате, и на Берлинском конгрессе, и, как увидим, при соглашении 1897 года. Не имея союзников, Австрия боялась остаться один на один в решении македонского вопроса со своим врагом. Одно время Голуховский носился с мыслью поставить македонский вопрос на решение европейской конференции[4]. Но всего удобнее казалось просто замять этот вопрос. Для этого надо было задавить национальное движение в Македонии и, главное, удержать от интервенции Болгарию, Сербию и Грецию. И вот, в исполнении этой-то задачи Австрия нашла себе ревностного помощника в лице той самой России, интриг которой так боялись[5] и которая на деле вовсе не намеревалась поощрять болгарский ирредентизм. В балканских столицах и Россия, и Австрия сообща предостерегают от вмешательства в македонские волнения. Армянский и критский вопросы сами по себе, собственно, не интересуют венский кабинет. Их опасность, особенно критского (ибо Крит был ближе к Македонии), заключалось в том, что они могли повлиять как пример и на македонских революционеров[6]. Отсюда линия на подавление национального движения вообще, т. е. на то самое, чем не без ус-

[1] XII, № 2969.

[2] Донесение 31 дек. 1896, АМИД, Конст. 1896, III.

[3] Вот образчик того, как боялся глава австр. кабинета войны. Граф Бадени говорил в частном разговоре Волькенштейну (герм. послу в Париже): «всякая война для Австрии представляет невозможность. Если на нас нападут, то мы, с божьей помощью, должны акцептировать положение. Но наступательная война, например, из-за Константинополя или других балканских вопросов—есть безумие. Многонациональное государство не может вести войну без ущерба для себя. Победа или поражение для конгломерата наций представляют почти одинаковые трудности» (10 ноября 1895 г.; X, № 2499).

[4] XII, № 2969 (Эйленбург 8 дек. 1895).

[5] «Македонский вопрос давно бы успокоился, если бы Россия убрала оттуда свои руки», говорил Голуховский Эйленбургу (донесение 23 января 1896, XII, № 2972).

[6] XII, № 3033, ср. № 3018, АМИД, Вена, 1896, II, Капнист 9 июля 1896; Ср. Sosnosky, Die Balkanpolitik Oesterreich-Ungarns», II, 125.

пеха уже занималась царская Россия[1]. Таким образом, неожиданно сошлись на одной задаче политические линии обоих противников[2]. Русское правительство не хотело в то время впутываться в болгарско-македонский вопрос. Поэтому ему тоже надо было, по возможности, снять этот вопрос с повестки дня. Русскому правительству «обострение кризиса» было «нежелательно»[3] в момент, «когда наше внимание занято в другом месте»—подразумевался Дальний Восток[4]. Укрепляя свое влияние на будущее, Россия избегала на Балканах таких шагов, которые могли бы вызвать осложнения в данный момент. Тотчас по признании Фердинанда, русское правительство делает Болгарии предостережение, что Россия не хочет осложнений в Македонии и что Болгария ответит перед Европой за помощь македонским революционерам[5].

При таких обстоятельствах, уже летом 1895 г. между русским послом в Вене и Голуховским начинаются разговоры о согласованных действиях на Балканах. Инициатива исходила, повидимому, от русского посла в Вене графа Капниста. Голуховский шел на это с большими колебаниями, не доверяя России[6]. Зато германское правительство ведет активную пропаганду за сближение с Россией перед австрийскими правящими сферами[7], стремясь уверить Австрию в мирных намерениях России. Точно так же, русское правительство немцы стараются уверить в миролюбии Австрии[8]. Гогенлоэ говорил Капнисту, что в австро-русском соглашении он видит лучшую комбинацию на Ближнем Востоке[9]. И тут пробивается этот новый штрих—идея блока против Англии: «я могу вам гарантировать, что с нами будут Австрия и Италия,—говорил Маршаль-фон Биберштейн,—а Франция не покинет вас, и мы сумеем оставить Англию в изоляции»[10].

Австрия долго упиралась, не желая итти против Англии. «Никогда, никогда,—восклицал Голуховский,—я не соглашусь» на исключение Англии из

[1] «Программа русского правительства,—писал Лобанов,—заключается в том, чтобы уничтожать все элементы беспорядка, которые проявляют балканские народы».

[2] Ср. Sosnosky, op. cit. II, 130.

[3] АМИД, Вена, 1896, II; Лобанов, 30 янв.—послу в Вене: «конечно, не в интересах России водворять в Софии своего ставленника, так как это причинило бы более затруднений, чем пользы нашим интересам».

[4] Капнист. 22 октября 1895, АМИД, Вена, 1895, II.

[5] XII, № 2978.

[6] XII, №№ 2972, 2974; АМИД. Вена, 1895. Капнист. 22 октября и 12 декабря. Ср. Лобанов Капнисту 21 янв. 1896, АМИД, Вена, 1896, Exp.

[7] XII, №№ 2973, 2955 и др.

[8] «Маршаль почти что гарантирует» исключительно «миролюбивые намерения Австрии». Наконец, в «крайнем случае», заявил он, «мы ведь находимся на своем месте и мы вполне разделяем вашу точку зрения на текущие вопросы; вы можете рассчитывать на нас» (АМИД, Берлин, 1895, Остен-Сакен, 16 ноября 1895).

[9] АМИД, Вена, 1895, Капнист. 9 янв. 1896.

[10] АМИД, Берлин, 1895, Остен-Сакен. 16 декабря 1895.

европейского концерта, «на континентальный блок против нее»[1]. Положение Австрии было в высокой степени противоречивым: всеми силами стремясь к союзу с Англией, вместе с которой она и шла там, где дело шло о борьбе с русским влиянием—например, в вопросе о «реформах»,—не достигнув этого союза, Австрия оказывалась вынужденной цепляться за status quo[2] и подавлять вместе с Россией национальное движение, т. е. выступать против Англии, втянуться в фарватер германской политики континентального блока[3].

Теперь Австрия и Россия нашли общий язык, общую задачу в деле подавления национально-освободительного движения. Конечно, это вело к усилению взаимного доверия. Царь нанес в 1896 году визит в Вену.

В дни критского восстания отношения стали прямо-таки «нежными», («zärtlich»)[4]. Понадобились, однако, еще две неудачных попытки австрийской дипломатии в начале 1897 года заполучить союзников против России—одна в Лондоне[5], другая в Берлине[6],—чтобы притти, наконец, к соглашению с последней. Кстати, и русскому правительству понадобилось известное время, чтобы привыкнуть к мысли о соглашении. К первым разговорам между Капнистом и Голуховским об австро-русском соглашении (инициатива их исходила, кажется, от русского посла, большого сторонника этого соглашения, который старался тут иногда вести собственную линию и представлял при этом иной раз в Петербурге дело так, будто инициатива переговоров исходит от Австрии) Лобанов отнесся довольно подозрительно. Предложение о соглашении с Австрией совпало с английским предложением созвать конференцию послов по вопросу о «реформах». «Обе державы, писал Лобанов, хотят связать нам свободу действий», на случай, если весной,—как тогда ожидали,—разразится общий кризис в Турции[7].

Соглашение было заключено лишь в 1897 году в Петербурге, куда Франц-Иосиф прибыл с ответным визитом к Николаю. Оно открыло собой эру австро-русской «дружбы», совпавшей—хронологически и логически—с русско-германским сближением. Собственно говоря, все, о чем действительно

---

[1] XII, № 2927 (Эйленбург, 21 сент. 1896, т. е. уже после отказа Англии от соглашения 1887 г.).

[2] «Беречь status quo как зеницу ока» (Капнист, 21 янв. 1896 АМИД, Вена, 1896 II).

[3] Когда было заключено австро-русское соглашение, Вильгельм так и поздравил Франца-Иосифа—«с об'единением континентальных держав» (XII, № 3123).

[4] XII, № 3049, Эйленбург, 6 авг. 1896. Он отмечает также раздражение против Англии в Вене в дни критского восстания, когда Англия поддерживала повстанцев. (XII, № 3058). После этого, когда Солсбери поставил вопрос о реформах, снова наступает скачок в сторону Англии с тем, чтобы весной 1897 г. придти к соглашению с Россией.

[5] XII, №№ 2934, 2935, 2937, 2938, 3106.

[6] XII, №№ 2933, 3114, 3116, 3117.

[7] Ламздорф, Дневник, 1896, I, стр. 12.

договорились, сводилось к обязательству поддерживать status quo на Востоке [1].

В случае же, если status quo поддержать не удастся, обе стороны обязуются не стремиться к аннексиям и договориться о взаимных интересах, которые надлежит принять во внимание при территориальных переменах на Балканах. При этом, однако, вопрос о Проливах совершенно исключался как из сферы данного соглашения, так и будущих переговоров—как вопрос не австро-русский, а «европейский». Россия и Австрия в своем «соглашении» заранее расписывались таким образом, что по основному вопросу соглашение между ними невозможно. Гольштейн справедливо усматривал в этом признак неизбежности столкновения в будущем [2]. Но на деле оказывалось, что и по другим вопросам будущего устройства Балкан общей точки зрения не было. Австро-русскому соглашению 1897 года была придана форма обмена нотами. Эта форма очень хорошо выявила любопытное явление: за исключением тезиса об охране status quo, тут не одна общая точка зрения, а две. Одна—выявлена в ноте Голуховского, резюмирующей петербургские переговоры, как их понимали австрийцы. Другая—в ответе Муравьева. Австрийская нота перечисляет ряд пунктов, по которым Австрия хочет обеспечить себе согласие России. Эти пункты следующие: в случае если поддержание status quo окажется невозможным, Австрия имеет право аннексировать оккупированные ею Боснию и Герцеговину и сверх того часть Новобазарского Санджака, необходимую для раз'единения Сербии от Черногории [3]. Далее, остальная европейская Турция, кроме полосы у берегов Проливов, делится между Балканскими государствами, но так, чтобы не было нарушено равновесие между ними. Цель обоих этих условий одна: Австрия хочет помешать созданию одного большого славянского государства на Балканах. Третье условие касалось Албании. Она должна была стать самостоятельной—выход из Адриатики не должен был стать итальянским. Ответная нота Муравьева отказывалась фиксировать сейчас все эти условия: не следует предвосхищать будущего. Он возражал Голуховскому и по отдельным пунктам. Берлинский трактат, на который ссылался Голуховский, дает Австрии лишь право оккупации Боснии и Герцеговины, но ничего не говорит об их аннексии. Что касается границ Санджака и Албании, то они еще нуждаются в более точном определении и т. д. В инструкции Капнисту Муравьев об'яснил смысл своей ответной ноты. Дело не в том, что России страшна аннексия Боснии, или она возражает против самостоятельности Албании. Но дать согласие на все это, поскольку Голуховский ничего не предлагает России относительно Проливов, сейчас неце-

[1] К этому добавлялось еще пожелание не искать «преобладающего и исключительного» влияния в балканских государствах—намек на положение России в Болгарии в 80-х годах, зафиксированное договорами 1881 и 1884 гг. (см. «Красн. Арх.», I).

[2] XII, № 3130, записка Гольштейна 13 июля 1897. Ср. также № 3118, стр. 286.

[3] XII, № 3126.

лесообразно. Это означает отдать все это Австрии даром. Если для Австрии «европейским вопросом» являются Проливы, так для нас—им является Босния. И вообще обсуждение «вопросов будущего» может повести к одним только осложнениям, которых сейчас лучше избегать [1].—Таким образом, от всего соглашения реальным оставалось лишь обязательство блюсти status quo, «пока возможно», т. е. до тех пор, пока какая-либо из сторон не сочтет это для себя невыгодным. Это было решение—не решать балканского вопроса. Понадобилось еще шесть лет, чтобы в Мюрцштеге договориться о реформах в Македонии, т. е. вынести решение, которое имело своей целью предотвратить решение более радикальное.

[1] Муравьев, 25 мая 1897, АМИД, отдельн. конверт с надписью: «Австро-русское соглашение 1897 г.»; см. там же черновик этого же письма.

В. Максимовский

ИДЕИ ДИКТАТУРЫ У МАКИАВЕЛЛИ[1]

В политическом учении Макиавелли есть глубокое противоречие, которое давно возбуждало общий интерес исследователей. Каждый, кто изучал или даже только читал его основные работы «Discorsi» и «Il Principe», невольно задавал себе вопрос: как мог республиканец, демократ, включивший в «Discorsi» настоящую «похвалу народу» под заглавием: «народная масса умнее и постояннее государя», сочинять в то же время по собственному почину в «Il Principe» советы единоличным правителям, случайным захватчикам власти, может быть даже тиранам? Этот вопрос, на разные лады ставившийся различными писателями свыше четырехсот лет, стали, в конце концов, считать какой-то загадкой. И каждый интересовавшийся работами Макиавелли исследователь пытался дать свое решение этой загадки. Нам кажется, что теперь есть достаточно данных для того, чтобы попытаться об'яснить указанное противоречие с точки зрения материалистического понимания истории. Это даст нам очень ценный материал для изучения истории идеи диктатуры.

1. МАКИАВЕЛЛИ И ЕГО ЭПОХА

Учение Макиавелли живыми нитями связано с основными фактами его эпохи. Он сам был довольно крупным политическим деятелем. Активную роль Макиавелли играл, главным образом, в 1498—1512 гг., когда он был секретарем правительства Флорентийской республики и ездил с дипломатическими поручениями в разные страны. В это время во Флоренции господствовала буржуазная демократия, установленная при участии Савонаролы. По своему происхождению, Макиавелли принадлежал к одному из знатнейших феодальных родов Флоренции, но феодальные права были там уже отменены, родители его, небогатые люди, принадлежали к числу юристов, и та-

[1] Настоящая статья—результат работы в Институте Маркса и Энгельса по изучению истории идеи диктатуры. Основная часть ее была прочтена в качестве доклада в Секции истории Запада О-ва историков, марксистов в апреле 1929 г.

ким образом он воспитывался с детства в обстановке совершенно буржуазной. Всю свою жизнь он честно служил Флорентийской республике и был ближайшим помощником «гонфалоньера народа» Пьетро Содерини, когда олигархия Медичи в 1498 г. была свергнута и во главе республики стали более широкие круги флорентийской торговой буржуазии. В 1512 г. после падения демократии и восстановления Медичи он был смещен, обвинен в заговоре против нового правительства, подвергнут пытке, аресту в тюрьме и высылке из Флоренции. Во время высылки в 1512—14 гг. написана основная часть его работ: «Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio» (Рассуждения на первую декаду Тита Ливия) и «Il Principe» (Государь)[1]. Позднее он написал «Arte della guerra» (О военном искусстве). Желая вернуться к активной политической деятельности, он посвятил книгу «Il Principe» одному из Медичи, которые в то время чувствовали себя еще недостаточно прочными у власти и правили очень умеренно. Однако, он не добился ничего, кроме «легализации», возвращения на службу. Ему поручили написать историю Флоренции и послали несколько раз в ничтожные командировки. Папа Лев X (Джованни Медичи), очень ценивший беллетристические произведения Макиавелли, предложил ему написать проект организации управления Флоренции, и таким образом появилась еще одна весьма интересная работа «Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze» (Рассуждение о реформе Флорентийского государства). Это произведение человека, который был перед тем около 14 лет секретарем правительства республики, считался авторитетом в политических вопросах, было положено под сукно, очевидно вследствие его республиканского характера. В конце жизни Макиавелли закончил свою работу в качестве официального историографа Флоренции, написав 8 книг «Storie fiorentine» (Флорентийская история), и вновь вернулся, наконец, к более активной политической деятельности в связи с походом в Италию императора Карла V. Но это продолжалось недолго: пережив новое падение Медичи, он умер в 1527 году.

Макиавелли—крупнейший политический писатель времен Возрождения. Эта эпоха представляла собой, как известно, начало переходного периода от феодализма к капитализму в Западной Европе. Огромный рост ремесла, развитие торгового капитала, привели к радикальной ломке старых феодальных отношений. Началась великая социальная революция, которая завершилась только в XIX веке установлением капиталистического способа производства и переходом власти в руки буржуазии. Переворот начинался с Италии, где было больше всего остатков античной римской культуры, и где поэтому наиболее оживляющим образом сказалось влияние арабов.

До сих пор еще мало исследованы итальянские революции XIV—XVI вв., результатом которых было свержение феодалов и отмена феодальных при-

[1] Ср. Fr. Mordenti, Diario di Niccolò Machiavelli, Firenze, 1880, pp. 379—380, 505. P. Villari. Niccolò Machiavelli e i suoi tempi, Milano, 1927, v. II, p. 40.

вилегий в итальянских мелких государствах [1]. Во всяком случае, родина Макиавелли—Флоренция была тогда в промышленном отношении самым передовым государством Италии, а в торговом отношении конкурировала с Венецией [2]. Она избавилась от господства феодалов уже в 1343 году, и с тех пор в ней стояли у власти различные буржуазные группировки, если не считать кратковременного господства восставших ремесленников и рабочих—«чомпи» (в 1378 г.). Вышедшая из средней буржуазии купеческая семья Медичи в течение многих десятилетий управляла республикой. Медичи были европейского масштаба купцами и банкирами. Они давали взаймы королям, нанимали лучших военных руководителей (condottieri) для ведения войн и платили даже регулярно жалованье государственным деятелям союзных государств за поддержку своих замыслов в области внешней политики. Так, они были, например, в союзе с Людовиком XI, и крупнейший политик его царствования Филипп де Комин получал от них деньги. Позднее Медичи стали папами, герцогами, породнились с королями (французские королевы Екатерина и Мария Медичи). Только начавшаяся в Италии буржуазная революция могла вознести на такую головокружительную высоту рядовых купцов Флорентийской республики, избранников народа, ставших его тиранами.

История Италии того времени полна переворотов и войн. Все находится там в величайшем брожении. Сами римские папы, представлявшие собой в течение нескольких столетий вершину феодальной пирамиды в западноевропейском масштабе, здесь в Италии пытаются создать сильное светское государство: естественно, что они сталкиваются с подчиненными им феодалами средней Италии, и в ходе этой борьбы папский военный руководитель, сын папы Александра VI, Чезаре Борджиа, так называемый герцог Валентинский, начинает создавать уже не папское, а свое собственное государство; громя феодалов, разрушая их власть, опираясь то на Францию, то на Флоренцию, он сколачивает «кровью и железом» это новое государство, стремясь к об'единению под своей властью всей Италии [3].

В то же время, пользуясь революционными потрясениями и войнами, французы, испанцы, немцы, все, кто только может, стремятся отхватить от Италии тот или другой кусок в свою пользу. Несколько раз проходят по ее территории эти иноземцы, на которых более культурные и передовые

[1] Ср. новую работу M. V. C l a r k e, The Medieval City-State, London, 1926.

[2] В тогдашней Европе Флоренция была довольно значительным государством. Во всяком случае, усиленное подчеркивание малых размеров Флоренции, которое мы встречаем даже у некоторых из новых биографов Макиавелли (напр. Oresto Ferrara), по нашему мнению, неосновательно.

[3] Ср. Я. Б у р к г а р д т, Культура Италии в эпоху Возрождения, СПБ, 1905, I, 138 (со ссылкой на Ch. Yriartes). L. C o u z i n e t, «Le Prince» de Machiavel et la théorie de l'absolutisme, Paris, 1910, pp. 72, 182. G. P r e z z o l i n i, Vita di Niccolò Machiavelli fiorentino, Milano, 1927, p. 121.

итальянцы смотрят, как на варваров; богатейшие местности Италии подвергаются разгрому, и ей, несмотря на все усилия, не удается довершить начавшейся революции созданием единого национального государства, соответствующего потребностям капиталистической эпохи.

Общий характер движений, происходивших тогда в Италии, буржуазный, в том смысле, в каком употребляет Маркс это слово в характеристике английской революции XVII в. и французской XVIII в.: «то не была победа определенного общественного класса над старым политическим строем, то было лишь провозглашение политического строя для нового европейского общества»[1].

Вся эта торговая и ростовщическая буржуазия, ее вожди, ее политические и военные руководители играли революционную роль, двигали историю вперед, разрушая феодальный строй. Но они часто играли эту роль бессознательно, может быть преследуя суб'ективно иные цели. Кроме того, очищая путь для такого строя, который означает новую форму эксплоатации, и сами являясь по существу эксплоататорами, они применяли при этом те средства, которые свойственны именно эксплоататорам—угнетение, обман и грабеж.

В обстановке революций и войн все обветшавшие феодальные декорации пали, и на арену истории вышла открытая классовая борьба, в которую каждый из борющихся между собой эксплоататорских классов стремился вовлечь широкие массы простого народа (по Макиавелли la plebe), т. е. прежде всего городские массы ремесленников и рабочих, а затем и крестьянство. Макиавелли жил в начале этой эпохи. Он был идеологом этой буржуазии. Гениальность его в том, что он продумал все перспективы своей эпохи и своего класса до конца. На основе своего обширного политического опыта и основательного знания античных политических сочинений, он впервые в Западной Европе построил теорию нового буржуазного государства.

Лучше всего мы поймем историческое место учения Макиавелли, если вдумаемся в известную характеристику буржуазии той эпохи, данную «Коммунистическим манифестом». Здесь подчеркивается революционная роль буржуазии, ее борьба против феодального строя, за развитие торговли и производительных сил, за государственную централизацию. Здесь же указано и характернейшее явление эпохи—вторжение денег во все общественные и личные отношения, начиная с распределения продукта и кончая религиозными убеждениями людей. Этим об'ясняется трезвая, рационалистическая, полная неотразимой логики постановка всех вопросов у идеологов буржуазии того времени, сводящая все связи между людьми к «голому интересу», «бессердечному чистогану». Это открытое, не считающееся ни с какими фео-

---

[1] Маркс, ст. в «Новой Рейнской газете» от 11 декабря 1848. См. Aus dem liter. Nachlass von K. Marx etc., III Bd., Stuttg., 1902, S. 211.

дальными понятиями—религиозными, моральными или правовыми, смелое и последовательное провозглашение новой всемирно-исторической позиции в области политики мы впервые встречаем в научной форме у Макиавелли, несмотря на то, что практически эта же самая постановка вопроса была намечена до него целым рядом политических деятелей той эпохи во всех попытках образования новых централизованных национальных государств на место старых феодальных княжеств и уделов.

2. ИДЕИ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ У МАКИАВЕЛЛИ

В книге «Discorsi» Макиавелли высказывает свои основные политические идеи. Анализируя на основании истории Тита Ливия римский государственный строй, он дает нам изображение образцового с его точки зрения государства. Влияние политических мыслителей античного мира на Макиавелли было довольно значительно, однако, в основном его социально-политический идеал сложился в обстановке флорентийской республики[1]. Иногда он целиком исходит из демократической традиции своей родины, иногда он критикует ее, но всегда он блюдет интересы этого нового, противопоставляющего себя феодализму купеческого общества и государства.

Макиавелли — враг феодального строя. Он стоит за самое радикальное его разрушение, за полное искоренение всех его основ. Феодалы, светские и духовные, одинаково—паразиты, живущие за счет чужого труда. Они вредны во всякой республике. «Это отродье—заклятый враг всякой гражданственности»[2]. Весь феодализм—«честолюбивое тунеядство» (ambizioso ozio)[3].

Это означает прежде всего, что Макиавелли сторонник политической свободы. Проповедь политической свободы обязательна для всякого порядочного флорентийского гражданина. Она звучит весьма торжественно в той речи, черновик которой сохранился в бумагах Макиавелли[4]. Una libera libertà—вот что восхищает Макиавелли у швейцарцев или в немец-

[1] В дальнейшем мы оставляем в стороне те идеи Макиавелли, на которых особенно сильно сказалось влияние античных писателей. Это не имеет особенно большого значения для нашей темы, так как в области политической теории Макиавелли более оригинален, чем, положим, в области своих социологических идей. Ср. G. Ellinger, Die antiken Quellen der Staatslehre Machiavelli's («Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft», 1888).

[2] «Discorsi», русский перевод: Николай Макиавелли, «Государь» (Il Principe) и «Рассуждения на первые три книги Тита Ливия», под ред. Н. Курочкина, СПБ, 1869, стр. 248.

[3] «Discorsi» («Il Principe» e «Discorsi» di Niccolò Machiavelli, Milano-Torino, 1860), p. 152, русск. пер., стр. 120.

[4] Oeuvres complètes de N. Machiavelli (avec une notice biographique par. J. A. C. Buchon), Paris, 1867, t. I, p. 313.

ких городах, когда он посещает с дипломатическим поручением германского императора [1].

Он—сторонник политического и гражданского равенства. В новом правильно устроенном государстве, где нет феодальных привилегий, необходимо полное равенство [2].

Несомненно, считаясь с интересами мелкой буржуазии, Макиавелли выдвигает также некоторые идеи эгалитаризма. Для образцовой, полной демократии мало политического равенства, нужно некоторое экономическое поравнение. Только такая республика может быть прочной, в которой граждане не слишком превосходят друг друга в имущественном отношении. Макиавелли пишет про это в «Discorsi» и возвращается к этой мысли в «Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze» [3].

Однако, эти мысли не получают у него такого развития, как до него, хотя бы у Аристотеля, а после него у Руссо.

Макиавелли—сторонник единого централизованного национального государства. Современное понятие государства (stato, l'Etat, Staat), впервые складывается у Макиавелли и его современников. Мы можем систематически проследить образование этого понятия по его основным работам [4].

Наблюдая социально-политический строй Франции в качестве посла при Людовике XII, он констатирует, как величайшее достижение, тот факт, что здесь корона обуздала феодалов. «Раньше,—пишет он в «Ritratti delle cose della Francia»,—Франция не была об'единена из-за могущественных баронов, которые были смелы и у которых хватало мужества затевать всякие предприятия против короля, так как он был всего только герцог Гиэни и Бурбоннэ, а теперь они очень послушны, и поэтому он более смел». В прежние времена, когда кто-нибудь нападал на Францию извне, всегда находился какой-нибудь герцог Бретанский, Бургундский, Фландрский, который открывал врагу дорогу в страну [5]. Теперь, благодаря системе королевских доменов и обузданию феодалов, Франция стала единым государством.

Иначе дело обстоит в Германии, которую Макиавелли особенно пристально изучал во времена Констанцского сейма в 1508 г., когда он был

[1] Rapporto di cose della Magna, Opere di Niccolò Machiavelli, Italia, 1813, v. IV, p. 169.

[2] «Discorsi», русск, пер., стр. 172.

[3] «Discorsi», там же. «Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze», Opere, v. IV, p. 112.

[4] Этот вопрос обстоятельно анализирован Francesco Ercole в его книге «La Politica di Machiavelli», Roma, 1926, pp. 64—96. По нашему мнению, Макиавелли уже в 1-й главе «Il Principe» в основных принципиальных положениях употребляет термин «stato» в современном смысле слова. Ср. Wilhelm Schwer. Katholische Gesellschaftslehre, Paderborn, 1928, S. 177.

[5] Opere, v. IV, p.133—135.

послан туда с весьма ответственным информационным поручением. В цитированном уже отчетном докладе о его поездке изображены главные пружины государственного механизма тогдашней Германии: борьба императора с князьями, городов с феодалами, особая роль демократической Швейцарии и т. д. Здесь императору служат только его наемные войска, да и те только до тех пор, пока им регулярно платят деньги. Если жалованье в срок не выплачено, «они расходятся, и он не может их удержать ни просьбами, ни обещаниями, ни угрозами, если у него нет денег»[1]. Германия не едина, но Макиавелли нравится то, что в ней сильнее всего свободные города и швейцарцы. Народ весь вооружен и умеет драться. «Городские коммуны—нерв этой страны, от них исходит ее богатство и порядок»[2].

Известно, что Макиавелли, командированный к Чезаре Борджиа, много раз беседовал с ним, учился у него политическому искусству (это было в конце 1502 г. и в начале 1503 г.) и, несомненно, видел в нем тогда человека, который может об'единить Италию.

Макиавелли очень ценит Чезаре Борджиа прежде всего за то, что он громит феодалов и организует свое самостоятельное государство. Изучая донесения Макиавелли, посылавшиеся им из резиденции герцога Валентинского во Флоренцию, убеждаешься, что герцог вовсе не был тем воплощением порока и деспотизма, каким его обыкновенно изображают. Это был действительно выдающийся политик, упорно и систематически боровшийся за создание собственного государства. Уклоняясь от его услуг в качестве кондотьера, Флоренция рекомендовала ему именно этот путь. Флоренция рассматривает герцога, говорил ему Макиавелли на аудиенции, «как новую державу (un nuovo potentato) в Италии»[3]. Она предлагает ему союз. Чезаре Борджиа ценен еще потому, что он, по наблюдениям Макиавелли, уже освободился от подчинения папе. Фактически он сильнее папы. Договор надо заключать с ним, а не с папой, пишет Макиавелли своему правительству, потому, что договор, заключенный с папой, герцог может пересмотреть, а заключенный с ним папа не пересмотрит[4].

Макиавелли был очевидцем того, как Чезаре, разбитый и окруженный со всех сторон своими врагами, феодалами Средней Италии, внезапно переменил оружие войны на оружие дипломатии: затеяв мирные переговоры и приостановив военные действия, он вновь собрал и организовал армию, получил помощь из Франции, поддержку Флоренции и, заманив опаснейших своих врагов в ловушку в Синигалии, захватил их в плен и истребил, вернув себе одним ударом прежнее могущество. Макиавелли описал эту операцию в своем донесении, затем в литературно-обработанном виде, в очерке:

[1] Opere, v. IV, p. 167.
[2] Ibid., p. 171.
[3] Opere, v. VI, p. 260—261.
[4] Ibid., p. 313—314.

«Описание способа, примененного горцогом Валентинским для истребления Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, сеньера Паоло и герцога Гравина Орсини» (Descrizione del modo tenuto dal duca Valentino nello ammazzare Vitellozzo Vitelli, Oliverotto da Fermo, il signor Pagolo e il duca Gravina Orsini). Он коснулся этой истории также в своем стихотворном произведении Decennale primo, описывающем крупнейшие события в Италии за десять лет с 1494 по 1504 гг.

Он не идеализирует герцога: это—василиск.

E per pigliare i suoi nimici al vischio
Fischiò soavamente, e per ridurli
Nella sua tana, questo bavalischio.

(И этот василиск принялся сладко свистеть для того, чтобы поймать в западню своих врагов и затащить их к себе в гнездо) [1].

Но политически Макиавелли одобряет операцию при Синигалии как один из шагов по пути к об'единению Италии. Герцог конечно не ангел, он не лучше других своих современников с моральной точки зрения, но он играет прогрессивную роль, как новый правитель (il principe nuovo).

Политический строй, который Макиавелли считает наилучшим—республика, свободное государство (città libera).

Республика лучше монархии. Она более прочна, потому что легче может приспособляться к изменяющимся обстоятельствам: ведь она может выдвинуть «длинный ряд самых превосходных вождей, преемственно следующих друг за другом» [2]. Она может, «имея граждан различного характера, лучше соображаться с обстоятельствами, нежели монархия» [3]. В зависимости от меняющихся обстоятельств она меняет вождей, каждый раз выдвигая наиболее подходящих к требованиям момента.

Республика и внешне бывает очень сильна: «опыт показывает, что государства приобретают могущество и богатство только в свободном со стоянии» [4]. Пример—успехи Афин после освобождения от тирании Писистрата и римлян после свержения власти царей. «Народное правление лучше монархического» [5]. Это и понятно, потому что внешнее могущество государства основывается не на частной выгоде отдельных лиц, а на общем благосостоянии всего народа. Между тем—говорит Макиавелли—«общая польза без сомнения соблюдается только в республиках», тот или иной закон, нарушающий чьи-нибудь частные интересы, всегда пройдет в республике, если он выгоден большинству [6]. И с презрением истинного флорентийского де-

[1] Tutte le opere di Niccolò Machiavelli, in Geneva, 1550, parte V, p. 66.
[2] «Discorsi», русск. пер., стр. 179.
[3] Там же, стр. 405.
[4] Там же, стр. 271.
[5] Там же, стр. 256.
[6] Там же, стр. 271.

мократа он называет монархию дрянной формой правления (trista forma) [1].

Республика имеет один существенный недостаток—медленность течения дел ввиду необходимости совещаний и соглашений, «согласований» по каждому вопросу между республиканскими учреждениями. Для того, чтобы избежать этого, римляне устанавливали временную единоличную диктатуру, когда надо было действовать быстро, венецианцы учредили постоянный институт инквизиторов. Какое-нибудь подобное учреждение бывает иногда неизбежно в республике, но это нежелательно. «Вообще республика должна избегать таких обстоятельств, против которых нужно пускать в ход чрезвычайные меры... пример их всегда действует вредно; когда позволяют себе нарушать законы в видах пользы, потом не мудрено уже, что найдутся такие, которые нарушат их со злым умыслом» [2].

Макиавелли указывает еще, что некоторые республики вверяли иногда верховную власть на долгий срок отдельным лицам, напр., в Спарте—царям, в Венеции—дожам, но в таких случаях республика устанавливала над этими правителями специальный надзор, не позволявший им злоупотреблять властью. Однако такие порядки опасны, даже там, где общество не развращено, потому что «всякая абсолютная власть в кратчайший срок развращает общество, приобретая себе друзей и приверженцев» [3].

Интересны еще несколько частных замечаний Макиавелли о республиканском строе. В правильно организованной республике должна господствовать, с одной стороны, дисциплина, с другой—законность. Поэтому должен быть хорошо поставлен судебный надзор. Чиновники должны избираться и избираться на короткие сроки. Ошибкой было избрание цензоров в Риме сроком на пять лет. Управляющие органы должны быть возможно многочисленнее, так как «малочисленное правление всегда бывает орудием влиятельного меньшинства», т. е. аристократов или какой-нибудь олигархической группы [4]. Из этих замечаний мы видим, насколько последовательно отстаивает Макиавелли демократический строй.

Очень важно отметить также неоднократно подчеркиваемое Макиавелли право неприкосновенности частной собственности и жилища граждан—одно из самых основных буржуазных прав, торжественно провозглашавшееся во всех декларациях прав «человека и гражданина».

Опорой политической свободы в республике должен быть народ, а не аристократия. В «Discorsi» Макиавелли доказывает, что народ (popolani,

[1] «Discorsi», русск. пер., стр. 401, итал., p. 420, Русский переводчик говорит: «подлая форма».

[2] Там же, стр. 204—205.

[3] Там же, стр. 207.

[4] Там же, стр. 236.

ignobili) стремится не к господству, а только к тому, чтобы не быть угнетенным. Поэтому он «больше стремится к свободной жизни, чем знатные, и у него меньше средств узурпировать власть в свою пользу»[1]. Власть народа поэтому не опасна для политической свободы. Не имея возможности сам отнять у других свободу, он не позволит и другим это сделать. Отсюда ясно, что народ является лучшим хранителем свободы. Государственный порядок вообще «хорош тогда, когда он предоставлен попечению большинства и когда охрана его в руках большинства»[2].

Обращаясь к классовым основам образцового государства, по Макиавелли, мы должны прежде всего указать, что из оценки восстания «чомпи», сделанной во «Флорентийской истории», а также из других замечаний Макиавелли в разных его работах, мы знаем, что он был противником полновластия простого народа (la plebe); управлять государством и руководить народом должны богатые граждане, буржуазия, хотя участвовать в управлении должен весь народ в целом (il popolo). Во всяком случае, простой народ должен участвовать в законодательстве путем избрания депутатов в законодательные органы (во Флоренции—совет, il Consiglio) и высших властей.

Управление республикой должно быть смешанным, так заявляет Макиавелли, повторяя Аристотеля[3], но он на этом не останавливается. Тот же Аристотель показал в своей «Политике», что основное различие между государствами в том, каково в них соотношение между политической силой богатых и бедных. Идя тем же самым путем, Макиавелли утверждает, что политическая свобода обеспечивается в государствах разделением (disunione) и борьбой между высшими и низшими классами, будет ли это борьба между аристократией и народом в целом (popolo) или между буржуазией и простонародьем (plebe)[4].

Таким образом простонародью, которое, по мнению Макиавелли, неспособно управлять государством, должно быть обеспечено право открыто отстаивать свои интересы и вести борьбу против богатых классов. Это право может выразиться, как было в древнем Риме, в установлении должности народных трибунов, официальных защитников простонародья.

Для сохранения легального характера борьбы, введения ее в законные рамки и обеспечения этим государства от гражданской войны, очень существенно право обвинения народными трибунами или гражданами любого гражданина или чиновника, затевающего что-нибудь опасное для республикан-

[1] «Discorsi», русск. пер. стр. 134, итал., р. 165.

[2] Там же, стр. 149, итал., р. 181.

[3] Под смешанным управлением оба они разумеют такое, в котором гармонически сочетаются формальные элементы единовластия, олигархии и демократии.

[4] См. предисловие к «Storie fiorentine», затем «Discorsi», русск. пер., стр. 130—134, passim.

ских вольностей. Такое установление устранит клеветы (calunnie), тайные обвинения, сплетни и пересуды, сохранив в государстве здоровую атмосферу честных и открытых отношений между гражданами.

Некоторые думают, что Макиавелли считал идеальными республиками Спарту и Венецию, сохранявшие различные аристократические учреждения, но это неверно. В 6-й главе книги «Discorsi», имеющей большое принципиальное значение и отмеченной Марксом в его тетрадях, Макиавелли признает, что Спарта и Венеция—лучшие республики, если смотреть только с точки зрения внутренней прочности их строя. Но там были совершенно своеобразные условия, которые смягчили противоречие между аристократией и народом и обратили эти республики в аристократические государства, не предоставлявшие никакого участия в управлении простому народу, в высшей степени замкнутые, потому что или народ там не посылался на войну, или страна не расширяла своих границ, или она не допускала к себе иностранцев. Такие государства, конечно, могут быть прочны: «я не сомневаюсь—пишет Макиавелли—что, если бы можно было поддержать таким образом равновесие, это была бы действительно лучшая политическая жизнь (il vero vivere politico) и полнейшее гражданское спокойствие»[1]. Но так можно говорить только рассуждая отвлеченно, на самом же деле, с точки зрения Макиавелли, «все человеческие дела находятся всегда в движении, не могут стоять крепко, подымаются или падают», каждое государство сталкивается с другим, оно не может быть замкнуто, население его растет, и государственный строй должен следовать за изменяющимися условиями. На основании этих соображений Макиавелли приходит к выводу, что в учреждениях республики необходим демократизм, как это было в Риме. В интересах развития и внешнего усиления страны, надо допустить весь народ к законодательству и предоставить простонародью возможность отстаивать свои интересы. Поэтому настоящим идеалом для развивающегося современного государства с большим числом граждан, а значит и простонародья, должна быть Римская республика. Нельзя целью организации республики ставить только ее собственное сохранение, надо стремиться к чему-то более высокому, к росту и усилению государства. Он говорит: «я убежден, что полное равновесие здесь невозможно, что нельзя сохранить настоящего среднего пути; вследствие этого при учреждении республики надо выбирать то, что более достойно славы (più onorevole), и устроить так, чтобы в случае, если необходимость вынудит ее к расширению, она могла бы удержать за собою занятые территории». И дальше: «я убежден, что необходимо подражать римскому строю, а не строю других республик, так как я не считаю возможным найти какой-нибудь средний порядок между тем и другим. Должно, следовательно, терпеть столкновения (inimicizie), возникающие

[1] «Discorsi», русск. пер., стр. 140, итал., р. 172.

между народом и сенатом, предпочитая ценой неизбежного неудобства достичь римского величия»[1]. Этого, нам кажется, достаточно для решения спора о том, какое государство Макиавелли брал за образец.

Существеннейшее значение для государства имеет вопрос об организации его вооруженной силы, об организации армии. Работа Макиавелли в этой области далеко выходит за пределы его литературной и публицистической деятельности. Кроме того, что он был первым серьезным военным теоретиком нового времени, он очень много сделал и непосредственно для организации армии на новых основаниях. Состоя секретарем правительства Флорентийской республики, Макиавелли выполнил большую работу по созданию флорентийской регулярной армии. Он составил проект ее организации, снабжения, управления, провел соответствующие законы, сам ездил по республике, производя первые мобилизации. Сохранился ряд записок его, связанных с этой работой. Он был затем с 1507 по 1512 год секретарем коллегии «девяти», руководившей вновь организованной армией. На основе этого обширного практического опыта он написал потом, после падения республики, свою работу «Sette libri dell'Arte della guerra», где в форме диалогов, устами крупного военного деятеля того времени Fabrizio Colonna, он излагает свою систему новой армии. Когда в конце своей жизни Макиавелли вернулся к более активной политической деятельности, ему пришлось вновь потрудиться над организацией армии, а затем и обороной Флоренции. Правда, будучи крупнейшим военным писателем и выдающимся организатором армии, Макиавелли сам не командовал войсками и в полководцы не годился. Некий аббат Маттео Банделло очень живо описал, как Макиавелли, находясь в 1526 г. в Милане при войске известного кондотьера из рода Медичи—Джованне делле Банде Нере, пытался построить на параде войско в том порядке, который указан им самим в Arte della guerra, и как он трудился над этим бесплодно три часа, пока Джованни не попросил его отойти в сторону и не распорядился сам, построив в несколько минут войско в требуемом порядке.

В «Arte della guerra» Макиавелли отстаивает систему постоянной армии, составляемой путем мобилизации из граждан. Он противопоставляет ее системе феодальных ополчений, уже отживших свое время, и системе наемных войск, применявшейся тогда как переходная стадия к новой армии и тоже показавшей свою несостоятельность. В «Storie fiorentine» Макиавелли показывает, до какого разложения доходит система наемных войск, он изображает там, как кондотьеры обманывали своих нанимателей и за хорошие деньги воевали друг с другом почти без пролития крови. Макиавелли высмеивает эти войны, в которых после многочасовых боев с участием нескольких тысяч человек, оставалось на поле битвы по одному-два человека

[1] «Discorsi», русск. пер., стр. 141, итал., p. 173.

убитых или раненых, а военные операции продолжались без конца «с переменным успехом». Наемные войска беспощадно грабили и притесняли население, требовали все время денег, не подчинялись никакой дисциплине и не ценили ничего, кроме легкой наживы.

Для создания нового государства, необходимо радикально изменить организацию армии. Новая армия должна состоять из граждан, она должна снабжаться государством, быть правильно организованной и воспитанной в дисциплине, нужно привить ей патриотизм, поднять ее боевой дух. Новая армия должна быть крепко связана с населением, она близка к гражданской милиции. Немцы и швейцарцы—лучшие солдаты, потому что у них все население обучается военному делу, учится строю, во время праздников практикуется в стрельбе и т. п.

Не разбирая здесь подробно военных работ Макиавелли, приведем несколько наиболее интересных мыслей о новой армии, высказанных им в «Arte della guerra».

Основной массой армии должна быть пехота. Солдаты должны получать хорошее содержание, надо заботиться об их здоровье, о санитарном состоянии лагерей. Надо вести среди солдат постоянную пропаганду, воспитывая в них патриотические чувства, надо использовать для этого и религию. Необходима железная дисциплина; надо запретить женщинам находиться в лагерях, не допускать развлечений, которые могут избаловать солдат. Военная техника должна быть на высоте. Артиллерия—очень существенная часть армии. Необходим полный переворот в стратегии и тактике. Нужно научиться действовать массами, применять активную, наступательную тактику, расчитанную на разгром противника.

Однако армия не должна обращаться в независимую от государства силу, государство в государстве. Полководец—или сам правитель государства или его слуга. Все командиры армии—служащие лица, и Макиавелли предлагает установить короткие сроки службы на командных должностях, не создавать в армии самостоятельной власти.

Со всех этих точек зрения Макиавелли и судит современников, ставя им в образец древних римлян, их военное искусство и военную мощь [1].

Новое государство несет с собой новую политику в области экономической и культурной. И Макиавелли набрасывает мимоходом основы экономической политики, близкой к протекционизму, но, пожалуй, несколько более либеральной. В «Il Principe» он рекомендует «побуждать подданных к мирному производству всего полезного для страны как в торговле и земледелии, так и во всякого рода занятиях, чтобы никто... не останавливался перед расширением и улучшением своего хозяйства (ornare le sue possessioni) из страха, что оно будет у него отнято, не избегал откры-

[1] Для военного историка представляют большой интерес также многие места «Discorsi» и «Il Principe».

вать предприятия, боясь налогов». Даже единоличный правитель должен «поощрять наградами всякое полезное изобретение и усовершенствование, награждать всех, кто каким-либо способом содействует обогащению и росту своего города или государства»[1]. В области религии, надо обратить внимание на использование религиозных верований в интересах воспитания граждан. Религия должна служить государству. Католичество должно быть радикально реформировано, возвращено к форме первоначального христианства, так как оно совершенно разложилось под влиянием папства. Макиавелли признает религию только как чисто политическое и воспитательное средство, приспособленное к нуждам буржуазного государства[2].

Такова политическая программа Макиавелли. Самый тщательный анализ ее может привести только к одному выводу: в отношении своего политического идеала, Макиавелли—последовательный буржуазный демократ. Откуда же взялись «монархические» идеи «Il Principe»? Каким образом демократ стал «советчиком тиранов»? Дело в том, что, набросав картину свободного демократического государства, Макиавелли ставит вопрос: как организовать это государство, как отстоять его от нападений старых феодальных сил и внешних врагов? Тут начинается политическая стратегия Макиавелли. Изучая историю Флоренции и политику современных ему государств, он пришел к заключению, что городские республики его времени оказались неспособными создать прочное, обширное и могущественное демократическое государство. Для того, чтобы обуздать феодалов, создать централизованное управление, организовать мощную и дисциплинированную армию, сосредоточить крупнейшие материальные силы в руках государства, установить твердый порядок и законность, для всего этого нужна совершенно исключительная власть, нужна единоличная диктатура.

III. МАКИАВЕЛЛИ И ДИКТАТУРА

Что такое диктатура? Только теперь, после работ Маркса и Ленина, после опыта Октябрьской революции, мы можем дать правильное научное определение диктатуры. Диктатура есть «неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть»[3]. Диктатура характеризуется прежде всего неограниченностью. Она отличается своим полновластием от всех систем компромиссного характера. Ей глубоко противоречит отстаивавшаяся, на-

[1] «Il Principe», русск. пер., стр. 98, итал., p. 133.

[2] См. «Discorsi», кн. I, гл. 11—15.

[3] Ленин, Победа кадетов и задачи рабочей партии, 1906. Собр. соч., 1924, т. VII, ч. I, стр. 122.

пример, Монтескье государственная система «противовесов», отражавшая социальный компромисс между феодальным и капиталистическим строем. Ей противоречит также двоевластие, которое начало складываться, например, во время русской революции 1905 г., когда советы рабочих депутатов в отдельных центрах превращались в органы революционной власти рядом с сохранявшими еще власть органами царского правительства. Здесь одна власть фактически ограничивала другую. Такое же двоевластие сложилось на более долгий срок в начале Февральской революции. Оно блестяще анализировано Лениным в его статьях, относящихся к тому времени[1]. Подобное двоевластие, будет ли это двоевластие Людовика XVI и Национального Собрания или двоевластие правительства Львова—Милюкова и совета рабочих депутатов, является взаимным ограничением двух враждебных сил, которое в момент наивысшего развития их антагонизма можно рассматривать как своеобразное «переплетение вместе воедино двух диктатур» (разрядка Ленина—*В. М.*). Каждая из этих двух диктатур стремится в таком случае разрушить другую и прийти к полновластию.

Диктатура—внезаконная власть. Она не считается с существующим законодательством и творит новое совершенно независимо от старого, исходя непосредственно из происходящей в обществе классовой борьбы. Поэтому ей противоречат такие политические теории, которые исходят из законности, различные консервативные, легитимистские и парламентаристские точки зрения. Ей противоречат и такие теории, как например теория монархомахов. Последние исходили из того, что власть монарха ограничена принципиально законом, выражающим взаимный договор монарха с народом, и поэтому, если монарх нарушит договор, он подлежит законной ответственности, вплоть до смертной казни. Тогда он не законный государь, а тиран. Подданные же наоборот обязаны повиноваться законному монарху, соблюдающему «договор»[2].

Диктатура—власть, «опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова». Конечно, всякая власть опирается на силу. Здесь приходится это особо подчеркнуть, имея в виду главным образом второй признак диктатуры—ее внезаконность. Обыкновенная власть опирается на силу, но она «записана» в закон, санкционирующий ее действия. Не то диктатура: она опирается не на закон, а непосредственно на фактическое соотношение классовых сил, на организованную силу масс, прежде всего на вооруженную силу, которой она располагает.

Таково общее определение диктатуры. Но диктатура различается в зависимости от того, какой класс ее устанавливает и осуществляет. Диктатура буржуазии будет неизбежно характеризоваться некото-

[1] «О двоевластии», 1917, там же, т. XIV, ч. I, стр. 24—25. «Задачи пролетариата в нашей революции», там же, стр. 40—41.

[2] Ср. Vindiciae contra tyrannos—предварительные тезисы. Edinburgi, 1579, f. A1.

рыми особыми, только этому классу свойственными, чертами. Диктатура пролетариата отличается своими особенностями. Естественно, что класс—диктатор накладывает особый отпечаток на самое диктатуру. Кроме того следует различать диктатуру революционную и диктатуру реакционную. Первая—диктатура экономически прогрессивного, подымающегося к власти класса, который в форме диктатуры складывает свою политическую организацию, сплачивается и завершает переворот, ставящий его в положение нового хозяина общества.

Вторая—диктатура класса, достигавшего уже зенита своего могущества и падающего под напором новых классов, стремящегося путем апелляции от переставших действовать законов непосредственно к силе—сохранить старый порядок, повернуть, или, на худой конец, остановить колесо истории. Макиавелли выдвинул идею буржуазной диктатуры. Но есть разница между современной буржуазной диктатурой, которая сейчас поднимает голову при каждом обострении классовой борьбы, а в некоторых странах, испытавших сильное пролетарское движение, обратилась в настоящую государственную форму (фашизм)—и между той буржуазной диктатурой, времен перехода от феодализма к капитализму, которая выступает во всех буржуазных революциях в разных формах как революционная диктатура. Есть разница между реакционной диктатурой Бенито Муссолини и той, которую проповедовал «секретарь и гражданин» Флорентийской республики — Никколо̀ Макиавелли — буржуазной революционной диктатурой.

Мы должны, наконец, иметь в виду, что в истории мы наблюдаем диктатуру в революционную эпоху, в переходный период от одной общественной формации к другой. Когда идет революционный переворот, рушится старый строй и строится новый, борющиеся классы ломают рамки старого режима и обращаются непосредственно к силе. Иное в эпоху установившегося господства какого-либо класса, когда мы встречаем обыкновенно так называемую законную власть. Прошли революционные бури, закрепилась власть нового класса, создалась новая идеология, прежде всего правовая, закрепляющая и оправдывающая новый строй, и диктатура становится не нужна.

Поэтому на диктатуру следует смотреть как на временную власть. Поэтому теоретики революционной диктатуры рассматривали ее как средство учреждения нового государственного строя. Выражаясь латинским термином, диктатор должен рассматриваться как dictator reipublicae constituendae causa (диктатор для учреждения или реформы государства). Вообще, поскольку диктатура есть власть, встречающаяся обыкновенно в переходный период, она отменяется, когда этот период заканчивается.

Временность—существенная черта диктатуры, но этот термин, может быть не вполне удобен, так как он способен вызвать представление о

кратковременности диктатуры, а подобная власть может существовать десятки лет, смотря по тому, сколько тянется переходный период. Поэтому вполне достаточно характеризовать диктатуру как «неограниченную, внезаконную, опирающуюся на силу, в самом прямом смысле этого слова, власть», свойственную переходным периодам от одной общественной формации к другой.

Исходная точка идей Макиавелли о буржуазной революционной диктатуре лежит в оценке им того периода в истории Флоренции, когда он активно участвовал в управлении государством (1498—1512 гг.). Эту оценку мы находим в 3 главе III книги «Discorsi», носящей название: «Как необходимо, если хочешь сохранить восстановленную свободу, истребить сыновей Брута». Здесь Макиавелли достигает вполне развитого представления о диктатуре.

Разбирая деятельность легендарного Брута старшего, установившего в Риме республику, он рассказывает, что Бруту пришлось судить и казнить как врагов республики своих сыновей. Макиавелли пользуется этой иллюстрацией, чтобы формулировать общее правило. «Кто создает республику и не убивает сыновей Брута, продержится недолго» (chi fa uno stato libero e non ammazza i figliuoli di Bruto, si mantiene poco tempo)[1]. При учреждении республики нужны крайние меры, вплоть до истребления врагов нового строя. Для того, чтобы преодолеть их сопротивление, нужна исключительная, чрезвычайная власть—straordinaria autorità[2]. В этом отношении судьба Содерини поучительна; он понимал опасность контрреволюции, но, как истый демократ и честный человек, он не хотел, будучи избран народом в руководители республики, нарушать равенство учреждением диктатуры и надеялся обойтись гуманными мерами в рамках нормальных демократических законов. Поэтому он не последовал примеру Брута. Конечно, Содерини рассуждал умно и честно, говорит Макиавелли, но он не должен был бояться нарушить несколько республиканский строй, чтобы лучше его укрепить. В интересах спасения отечества (salute della patria), он должен был стать на путь диктатуры потому, что враги республики не сдавались. Если бы он отстоял республику при помощи чрезвычайной власти, всякий удостоверился бы, что он действовал не из личного честолюбия, а для спасения отечества. Содерини не знал истины, что человеческую злобу не обуздать временем и не смягчить благодеяниями. Поэтому он «не сумел последовать примеру Брута и погубил вместе со своим отечеством и власть и славу»[3].

---

[1] «Discorsi», русск. пер., стр. 374, итал., p. 394.

[2] Там же, итал., p. 395.

[3] Там же, стр. 375, итал., p. 395. Ср. Georges Renard, Histoire du Travail à Florence. Paris, t. II, pp. 242—244. Хорошая характеристика политической конъюнктуры во время управления Содерини.

Эта оценка деятельности вождя флорентийской демократии в поворотный момент истории Флоренции, показывает, что Макиавелли имел достаточно ясное представление о буржуазной революционной диктатуре в полном смысле этого слова.

Общей формой диктатуры, которую отстаивает Макиавелли, является единоличная государственная власть правителя, которого он называет il principe nuovo (новый государь). Общие черты, свойственные всякой диктатуре вообще, затем—свойственные всякой революционной диктатуре, переплетаются здесь с особенностями, свойственными буржуазии. Сложностью идей диктатуры, выдвинутых Макиавелли, об'ясняются многие колебания в их оценке у позднейших политических писателей, хотя в основном эти колебания определяются, конечно, их классовыми позициями.

Самое название популярнейшей книги Макиавелли «Il Principe» с трудом поддается толкованию и переводу. Из русских слов: «князь», «монарх», «государь», «правитель» ни одно не передает вполне точно того, что Макиавелли вкладывает в понятие principe. Это понятие общее, под ним разумеется всякий единоличный правитель. Principati—это все государства с единоличным правлением. Макиавелли делит их затем на principati ereditari—наследственные и principati nuovi—новые принципаты. Под первыми он подразумевает все старые наследственные монархии феодального строя (королевства, герцогства, княжества и т. п.). Эти монархии иногда, конечно, сильны, опираются на крепкую традицию, но они связаны всеми путами феодального строя, ограничены сложной взаимной зависимостью с папством, империей, феодальной аристократией и т. д. Такая феодальная монархия, опирающаяся на феодалов, на их привилегии, на неравенство, необходима при феодальном строе, так как феодалов может держать в узде, по словам Макиавелли, только «рука короля». К этой феодальной монархии и относятся те отрицательные отзывы, которые мы приводили выше.

В своем «Il Principe» Макиавелли не уделяет наследственной монархии почти никакого внимания. Для наследственного правителя достаточно сохранять традиционное status quo, руководствоваться во всем мудрым консерватизмом, и он без особого труда удержиться у власти [1]. Однако, сама эта монархия, опирающаяся на совершенно разложившихся феодалов, обречена на гибель. Следуя в этом отношении целиком за Аристотелем и Полибием, Макиавелли изображает в «Discorsi», как вырождаются (degenerare) наследственные монархи благодаря их привилегированному положению, как они развращают весь народ, как устраиваются против них заговоры, подымаются восстания, отнимающие у них власть [2].

По поводу церковных государств (также феодальных)—principati ecclesiastici—Макиавелли пишет, что власть поддерживается в них

[1] См. «Il Principe», гл. II.

[2] «Discorsi», русск. пер., стр. 127, итал., р. 159.

укоренившимися религиозными обычаями, подданные покоряются духовным владыкам независимо от того, насколько те хорошо управляют; только эти государства вполне счастливы. «Но, замечает Макиавелли, так как это происходит от высших причин, которых не может постичь человеческий ум, я не буду говорить об этих государствах, они учреждены и поддерживаются богом, так что рассуждать о них может только человек дерзкий и легкомысленный»[1]. Это, несомненно, ирония. Макиавелли, как нам известно, всегда относился отрицательно к папству и безразлично к религии[2], талантливейшим образом вышучивал попов в своих комедиях (Mandragora), а папу Александра VI проводил в могилу следующими стихами:

...e per haver riposo
Portato fù fra l'animebeate
Lo spirto di Alessandro glorioso;
Del qual seguiro le sante pedate
Tre sue familiari e care ancelle
Lussuria, simonia e crudelitate[3].

(И душа славного Александра была отнесена к блаженным духам, чтоб она там отдохнула; по его священным стопам последовали за ним три его подруги и верные служанки—сладострастие, симония и жестокость).

Центром внимания Макиавелли в книге «Il Principe» являются «новые принципаты». Их Макиавелли классифицирует, их образование он изучает. Для «нового» правителя предназначает он лучшие из своих политических советов. Кто такое этот «новый правитель»—il principe nuovo? Прежде всего это единоличный правитель, который не связан с феодальными отношениями и не ограничен ими. Он самостоятелен, ни от кого независим (solo). Кроме того, это правитель, строящий новое государство того именно типа, который Макиавелли характеризовал в «Discorsi», т. е. буржуазное государство. И наш автор хочет, чтобы руками этого нового правителя было построено государство демократическое.

На основании исторических данных и своего опыта Макиавелли пришел прежде всего к выводу, что для организации нового государства требуется единоличная власть. 9-я глава I книги «Discorsi», наиболее точно формулирующая основы макиавеллевской теории диктатуры, носит название: «Как необходимо быть одному, если желаешь

---

[1] «Il Principe», русск. пер., стр. 48, итал. p. 96.

[2] Prezzolini в указанном сочинении говорит об абсолютном атеизме Макиавелли (ateismo assoluto, fondamentale, universale), p. 178. Jean Dubreton в его интереснейшей работе «La Disgrâce de Nicolas Machiavel», Paris, 1913, обращает внимание на почти полное отсутствие цитат из библии в сочинениях Макиавелли и замечательное для его времени незнание «священных» книг (p. 19).

[3] Decennale primo, o. c., p. 68.

устроить вновь республику или реформировать уклонившуюся совершенно от своего древнего строя». В ней Макиавелли говорит: «Надо принять за общее правило, что никогда или почти никогда ни одна республика, или королевство, не была хорошо устроена с самого начала или, уклонившись от древних порядков, не была заново целиком преобразована, если она не была устроена одним лицом; необходимо, чтобы один человек устанавливал порядок управления, и чтобы все государственное устройство зависело от разума этого человека». Это не монарх, действующий лишь в своих собственных интересах, создающий и укрепляющий свою личную власть. Нет, разумный устроитель новой республики (prudente ordinatore d'una repubblica) радикальный реформатор, т. е. по-нашему, революционный преобразователь (riformatore al tutto di nuovo) «хочет служить не себе, а общему благу (giovare non a sè ma bene comune), не своим наследникам, а общему отечеству». Только для этого, а не для других целей он должен стремиться к единоличной власти[1].

Власть principe nuovo обладает всеми основными чертами диктатуры.

Эта власть не ограниченна. Макиавелли во всей своей теории исходит из идеи единства государственной власти. Принцип разделения властей ему совершенно чужд. Principe nuovo—абсолютный правитель, обладающий всей полнотой власти. Таков именно смысл его единоличия.

Власть principe nuovo внезаконна. Он сам, создавая новое государство, устанавливает его основные законы. Со старыми законами он не считается. Вся теория Макиавелли замечательна прежде всего полным разрывом с современной ему феодальной традицией; нужно разрушить все эти средневековые привилегии, сложную систему средневековых прав и обязанностей, и заменить их новым буржуазным правом, которое вырастет в совершенно новых или радикально реформированных государствах. Для Макиавелли безразлично, кто является «новым правителем»: частный ли гражданин, выдвинувшийся из народной среды сам, или выдвинутый народом, узурпатор ли, или законный государь. Макиавелли стирает умышленно разницу между законным и незаконным правителем. Это несущественно для основателя нового государства. Если Людовик XI, например, поставил своей задачей создать новое государство, об'единить Францию, он вынужден был поступать незаконно. Ему пришлось нарушить все феодальные права и вольности своих вассалов, подчинить их, в нарушение этих прав и вольностей, своей единодержавной власти, а так как они, конечно, отстаивали свои права и привилегии, освященные древностью, ему пришлось апеллировать не к законам, а к силе. Лучше всего, конечно, выполнить свою задачу может не законный государь, а новый человек, выдвинувшийся из числа граждан.

[1] «Discorsi», русск. пер., стр. 148, итал., р. 180.

Власть principe nuovo должна опираться непосредственно на силу. Введение «нового строя» (nuovi ordini)—рассуждает Макиавелли—очень трудно. «Нововводитель... встречает врагов во всех тех, кому жилось хорошо при прежних порядках, и приобретает только очень робких сторонников в тех, чье положение должно при этих нововведениях улучшиться». Это происходит, во-первых, потому, что люди, положение которых улучшится при введении новых порядков, боятся своих противников, держащих в своих руках законодательную власть и имеющих на своей стороне законы (che hanno le leggi in beneficio loro), во-вторых, тут действует и обычная недоверчивость народных масс ко всему новому[1].

Отсюда Макиавелли приходит к выводу, что «нововводители не могут в начале своей деятельности ожидать большой поддержки со стороны массы граждан и должны быть сами достаточно сильны. Они добьются успеха, если они действительно независимы (dependono da loro propri) и могут действовать силой (posson forzare). Поэтому обычно в истории «все вооруженные пророки побеждали, а невооруженные гибли (tutti li profeti armati vinsano, e li disarmati rovinarono)[2]. Дело в том, что народные массы неустойчивы, и если они в начале колеблются и не убеждаются доводами новатора, он должен быть в состоянии, в случае нужды, «силой принудить их убедиться» (far loro credere per forza)[3].

В числе исторических примеров, приводимых Макиавелли в поддержку этого рассуждения, он считает особенно важным пример Гиерона Сиракузского, выдвинувшегося в правители государства из простых граждан благодаря своим военным заслугам и выдающимся личным качествам. Здесь же он оценивает деятельность такого вождя народа, как Савонарола (которого он лично видел и слышал), погибшего именно потому, что он не опирался на вооруженную силу. В другом месте он приводит в качестве образцового нововводителя спартанского царя Клеомена, осуществившего путем настоящей диктатуры разгром аристократии и передел земли в Спарте времен упадка[4].

Обратимся теперь к тем чертам диктаторской власти principe nuovo, которые связаны с переходным периодом от феодализма к капитализму. Если применить рассуждения Макиавелли об основании государств и их радикальном реформировании к современным ему условиям, то необходимо будет признать, что здесь речь может итти только об образовании буржуазных государств или об об'единении мелких феодальных владений в крупные централизованные национальные государства.

[1] «Il Principe», русск. пер., стр. 25, итал., p. 79.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] «Discorsi» русск. пер., стр. 150.

Феодальные привилегии principe nuovo должен отменить, разрушив власть феодалов. Перед его властью все граждане равны, феодалы подчинены ему так же, как простой народ. Это означает установление уже под властью principe гражданского равенства. Здесь люди могут выдвигаться или как граждане своим капиталом и личными способностями, или как слуги правителя—военные и гражданские.

Власть principe nuovo, естественно, опирается на армию, построенную уже не на феодальных основах и не на основе найма, а на армию нового типа. Макиавелли не раз подчеркивает существенное значение армии для всякого государства. «Главными основами всех государств—говорит он—служат хорошие законы и хорошо организованные войска», но в то же время—«без хорошо организованного войска в государствах не могут поддерживаться хорошие законы; где хорошо организовано войско, там обыкновенно бывают и хорошие законы» [1]. Особенно нужна армия, и именно новая армия, для нового правителя. Захватывая или получая власть, он опирается на народ и привлекает его на свою сторону. Поэтому, говорит Макиавелли, «никогда не бывало, чтобы principe nuovo разоружил своих подданных; наоборот, когда он находил их невооруженными, он всегда их вооружал». Таким образом, новый правитель должен прежде всего вооружить народ или усилить его вооружение. Вооруженный народ—лучшая опора нового правителя, потому что, если вооружишь своих подданных, это оружие становится твоим, становятся верными тебе те, кто были подозрительны, верность тех, которые уже были верны, поддержится, и из подданных все они станут твоими сторонниками (partigiani) [2]. Тогда principe nuovo приобретает силу и авторитет в народной массе. Поэтому Макиавелли устанавливает, как общее правило, что подобный правитель всегда организует армию в своем новом государстве (un principe nuovo in un nuovo principato sempre vi ha ordinato l'armi) [3].

Чезаре Борджиа, которого Макиавелли приводит в качестве примера principe nuovo, замечателен тем, что он перешел от системы наемных войск к новой. Он мобилизовал в своем государстве по одному человеку из каждой семьи и образовал из мобилизованных собственную армию [4].

Большое значение для нового государства имеют также хорошие финансы. Во времена Макиавелли рост торгово-ростовщического капитала привел к тому, что деньги ценились и восхвалялись даже больше, чем следовало. Макиавелли пришлось выступить против той точки зрения, что деньги—нерв войны. Он успешно доказывал, что «нерв войны»—хорошие

[1] «Il Principe», русск. пер., стр. 51.

[2] Там же, стр. 88, итал., p. 127.

[3] Там же, стр. 89, итал. p. 127.

[4] Там же, русск. пер., стр. 58—59. Ср. «Scritti inediti di Niccolò Machiavelli», Firenze, 1857. p. XXXVI.

солдаты. Но он прекрасно понимал необходимость образования государственной казны, накопления финансов для нового правителя. Во время своих дипломатических поездок он видел, как тогдашние государства сколачивали свои бюджеты, какое значение это имело и для императора Максимилиана и для герцога Валентинского и для многих других. Поэтому в «Il Principe» он доказывает, что известный «режим экономии» и даже скупости необходим для principe. Скупость обыкновенно считается пороком, говорит Макиавелли; восхваляют щедрость. Конечно, щедрость хороша, но за чей счет она проявляется? Если за чужой счет, например за счет военной добычи, это вполне допустимо. Было бы нецелесообразно, если бы principe забрал себе всю добычу, не дав в ней доли никому из солдат. Однако, в большинстве случаев государи щедры за счет народа. Поэтому principe, не желающий в случае неизбежной обороны быть поставленным в необходимость разорять своих подданных, чтобы не остаться без средств и не потерять вследствие этого уважения людей, чтобы устранить всякий повод к грабежу своих подданных, должен не бояться обвинения в скупости, так как скупость—«один из тех пороков, благодаря которым он может поддержать свою власть» [1]. Правда, пока человек еще только стремится к власти, щедрость ему очень помогает, но когда он уже достиг власти, щедрость гибельна. Это самопожирающая добродетель: чем больше человек ее проявляет, тем меньше у него остается средств для того, чтобы и дальше быть щедрым. Поэтому в интересах государственной казны и в интересах народа, надо экономить и не бояться прослыть скупым. К скупому народ относится только с презрением, но к щедрому, грабящему своих подданных, народ чувствует и презрение и ненависть [2]. Расчетливый правитель сможет при помощи своих доходов и своих резервов вести войны, «не отягощая народа налогами». Тогда «подавляющее большинство граждан, видя, что он ничего от них не требует, будут считать его щедрым» [3].

Опять-таки и в этом пункте нужно высоко оценить Чезаре Борджиа потому, что он был рачительный хозяин, не только организовавший армию, но и заботившийся о ее снабжении, собирающий в своей казне деньги, использующий для этого все средства, какими мог располагать. Известно, что Чезаре привлекал к себе на службу лучшие силы, между прочим и из Флоренции. Один из гениальнейших художников и ученых всех времен—Леонардо да Винчи служил в армии Чезаре Борджиа в качестве архитектора и главного инженера. Это обстоятельство отмечено даже на сохранившихся рукописях да Винчи с чертежами гидравлических машин, а в сохранившемся также пропуске его, выданном за подписью Чезаре, он именуется «нашим ближайшим и любимейшим другом» (nostro prestantissimo et dilectissimo

[1] «Il Principe», русск. пер., стр. 67.
[2] Там же, стр. 69.
[3] Там же, стр. 67.

familiare)[1]. Никому иному, как Рафаэлю, приписывался портрет Чезаре во дворце Боргезе в Риме.

Principe должен сам быть главнокомандующим своей армии. Он должен знать военное дело и практически и теоретически, должен изучать его историю, в мирное время приобретать знания, которые пригодятся на войне. «Principe не должен увлекаться ничем иным, так как в этом искусстве вся тайна его силы, и благодаря ему не только наследственные правители сохраняют верховную власть, но и обыкновенные граждане могут ее получить»[2]. Однако, principe не должен ни в коем случае подчиняться армии, устанавливать господство солдатчины, как это было в императорском Риме, где «императоры были вынуждены необходимостью угождать войскам в ущерб народу»[3]. Армия должна быть, таким образом, поставлена в подчинение общегосударственной власти уже при самом основании республики так, чтобы она и в дальнейшем оставалась в таком же подчинении, как Макиавелли намечал это в «Discorsi»[4].

Для того, чтобы управлять единодержавно и командовать армией, principe должен обладать основательными знаниями и опытом. Разбирая различные случаи образования новых государств, захвата или получения власти рядовыми гражданами, Макиавелли отмечает существенную трудность для нового правителя. «Если это человек, не обладающий особенно крупным умом и доблестью, он не умеет управлять, потому что всегда жил частной жизнью»[5].

Нужно обладать большой опытностью в государственных и военных делах, чтобы, получив власть, быть в состоянии удержать ее за собой. Нужно иметь известную подготовку или выдающиеся способности. Таковы были Франческо Сфорца, ставший из простых граждан выдающимся полководцем, а потом герцогом Миланским, и Чезаре Борджиа, который «не пренебрегал ничем, что может сделать благоразумный и честный человек, для того, чтобы утвердить свое могущество в стране, доставшейся ему при помощи чужого оружия и счастья»[6]. И, выступая против наследственной власти монархов, Макиавелли говорит, что есть короли, невежды в своем деле, у которых ничего нет королевского, кроме звания, а Гиерону, чтобы быть principe, не хватало только принципата, поэтому он его и получил[7].

[1] Carlo Amoretti, Memorie storiche su Lionardo da Vinci, Milano, 1804, p. 87. Да Винчи работал затем как инженер и художник для правительства Флоренции, в котором Макиавелли был секретарем.

[2] «Il Principe», русск. пер., стр. 61, итал., p. 106.

[3] Там же, стр. 86.

[4] См. стр. 51.

[5] «Il Principe», русск. пер., стр. 27.

[6] Там же, стр. 28.

[7] «Discorsi», посвящение.

Власть principe nuovo опирается на народ. Было бы ошибкой для него ориентироваться на аристократию, на остатки феодалов. Он никогда не сможет их удовлетворить, и усиление их опасно для него самого. Они иногда сами выдвигают из своей среды principe, но только в качестве ширмы. Одно блестящее место в «Il Principe» изображает нам, как иногда аристократы, видя, что они не могут сопротивляться народу, начинают выдвигать кого-нибудь из своей среды и делают его principe, чтобы, «прикрываясь его именем, дать волю своим аппетитам»[1]. Такой principe—игрушка в их руках. Да и вообще «удовлетворить аристократов так, чтобы не сделать несправедливости и не возвысить одних за счет других, бывает очень трудно». Ориентироваться на аристократов это означает усиливать неравенство, т. е. возвращаться к старому феодальному строю.

Нет, principe nuovo должен ориентироваться не на знать, а на весь народ в целом (popolo). Неверна избитая пословица того времени: «рассчитывающий на народ строит на грязи». Наоборот, «для principe необходимо, чтобы народ был ему другом, иначе в несчастье он не найдет спасенья»[2]. Это ошибка—строить крепости, чтобы защищаться от собственного народа (как сделал Сфорца в Милане)—«лучшая крепость, какая есть,—не возбуждать ненависти народа» (la miglior fortezza che sia, è non esser odiato da'popoli)[3]. Мало того, principe должен добиться уважения народа, поэтому его задача—«удовлетворить народ» (satisfare a'popoli)[4]. В этом отношении у Макиавелли нет различия между политикой республики и политикой principe. Как там, так и здесь политика должна быть демократической по существу, т. е. буржуазно-демократической. Здесь так же, как в отношении армии, политика principe nuovo подготовляет почву для буржуазной демократии.

В диктатуре principe nuovo мы видим ясно выраженные революционные черты.

Прежде всего новый правитель должен вести активную политику. Он должен предвидеть события и итти им навстречу, не ожидая их приближения, иначе он потеряет благоприятное время для противодействия опасностям, подобно тому, как запуская болезнь можно довести ее до неизлечимости[5]. Конечно, обстоятельства меняются; иногда нужна отчаянная смелость, иногда наоборот, величайшая осторожность и обдуманность. Но тут многое зависит от силы, которой обладает principe. Если он достаточно силен—лучше всего смелость. В области военной лучшая стратегия наступательная. В других областях тоже, если благоприятные условия налицо,

[1] «Il Principe», русск. пер., стр. 41.
[2] Там же, стр. 43, итал., p. 92—93.
[3] Там же, стр. 93, итал., p. 130.
[4] Там же, стр. 86, итал., p. 125.
[5] Там же, стр. 13.

нужно вести решительную, отважную политику. Образцом политических деятелей, осуществлявших такую политику, были папа Юлий II и испанский король Фердинанд Католик. Макиавелли анализирует в «Il Principe» (главы 25 и 21) их деятельность. Оценку политики Юлия II он заканчивает следующими известными словами: «Я твердо уверен, что лучше быть отважным (impetuoso), чем осмотрительным, потому что судьба—женщина, и необходимо, если хочешь держать ее в подчинении, бить ее и толкать вперед; она скорее даст себя победить людям, которые именно так с ней обращаются, чем таким, которые подходят к ней холодно. И потому она всегда, как женщина, друг юношей, которые менее осмотрительны, более горячи (feroci) и повелевают ею с большей отвагой»[1].

Компромиссы вредны. Во внутренней политике надо или ласкать или истреблять (o vezzeggiare o spegnere)[2]. Римляне «всегда избегали среднего пути и обращались к крайностям»[3]. Во внешней политике лучше открыто высказывать себя врагом или другом кого-либо, такой путь всегда полезнее, чем быть нейтральным[4]. Макиавелли подробно доказывает это. Затем, чрезвычайные меры (azioni istraordinarie), тяжелые крайние меры (grandissimi istraordinarie) необходимы, особенно при основании новых республик. И ни один разумный человек не осудит основателя нового строя за применение таких мер[5].

Колебания в политике также вредны. Причина их—слабость. «Слабые государства всегда действуют нерешительно, а нерешительность всегда вредна»—таков заголовок 15 главы II книги «Discorsi».

Так же, как колебания, вредна медленность в решениях. Примерами из Тита Ливия, Макиавелли показывает, «как вредно и опасно медлить» (см. ту же главу). Образцом быстроты действий, не дающей противнику времени обдумать обстоятельства, служит политика папы Юлия II[6].

Из этого не следует, конечно, что осторожность не нужна или не следует никогда итти на уступки. Иногда обстоятельства дела требуют медленности. Иногда в стесненных условиях реформатор вынужден уступить человеческому консерватизму. Большинство людей, как известно, «больше боится внешности, чем сущности», поэтому, вводя различные преобразования, можно иногда сохранять старые, освященные веками обряды и церемонии, к которым народ привык. Тогда преобразования будут приняты с удовольствием[7].

---

[1] «Il Principe», русск. пер., стр. 108, итал., p. 141.
[2] Там же, русск. пер., стр. 10, итал., p. 69.
[3] «Discorsi», русск. пер., стр. 333, итал., p. 358.
[4] «Il Principe», русск. пер., стр. 95, итал., p. 131.
[5] «Discorsi», русск. пер., стр. 148, итал., p. 180.
[6] Там же, русск. пер. стр. 495.
[7] Там же, книга I, гл. 25.

Это не значит также, что надо обязательно применять жестокие меры. Макиавелли не сторонник жестоких мер во что бы то ни стало. Наоборот, в первую очередь надо применять гуманные меры, надо всегда попробовать прежде всего, не обойдется ли делю без тяжелой артиллерии репрессий. Глупо пускать ее в ход по всякому поводу. Свойственно феодализму, средневековому варварству при всяком удобном и неудобном случае хвататься за оружие. Но мы ведь теперь в Италии времен Возрождения. Здесь люди просто более культурны. Поэтому «principe должен строго обдумывать свои слова и действия, не быть подозрительным без причины и действовать благоразумно и гуманно» (con prudenza ed umanità)[1]. Он должен укреплять свою власть хорошим управлением и добиваться таким путем, чтобы граждане были ему верны[2].

Однако, при образовании новых государств или при захвате власти обыкновенно бывает трудно соблюдать гуманность. «Новому правителю невозможно избегнуть имени жестокого, потому что новые государства полны опасностей»[3]. Государство еще непрочно, оно ведет упорную борьбу за свое сохранение против всех старых сил. Это было известно еще в древности. Еще Дидона по поводу жестокостей своего управления говорит в Энеиде Виргилия:

Res dura et regni novitas me talia cogunt—Moliri, et late fines custode tueri (жестокие обстоятельства, новизна моего царствования и потребность в охране границ обширной территории заставляют меня это делать)[4].

Но если жестокие меры неизбежны, они должны быть, как выражается Макиавелли, хорошо направленными.

«Хорошо направленными жестокостями (если говоря про дурное можно употребить слово: хорошо) я назову такие, к каким прибегают в случае необходимости для укрепления своей власти; однажды укрепив последнюю, правители на них не настаивают, но заменяют их мерами возможно более полезными для поданных»[5]. Это место вызвало много высоконравственного негодования у последующих писателей, но оно не заключает в себе ничего плохого. Обычно в буржуазных государствах ведь и это правило не соблюдается. Жестокие меры обыкновенно легко прививаются, и заменить их более гуманными бывает очень трудно. Было бы очень хорошо, если бы буржуазные правительства соблюдали в XX веке то, что Макиавелли рекомендовал в XVI. В случае неправильного узурпаторского захвата власти (т. е. захвата власти в своих личных интересах, который Макиавелли особо выделяет), жестокие меры следует применять решительно и сразу, не надо

[1] «Il Principe», русск. пер., стр. 70, итал., р. 112.
[2] Там же, русск. пер., стр. 44—45.
[3] Там же, стр. 69.
[4] Там же, стр. 70.
[5] Там же, стр. 39.

растягивать их применение на долгий срок, иначе вызовешь ненависть народа. Надо «решиться пустить в ход все необходимые жестокости за один раз, чтобы не быть вынужденным возвращаться к ним беспрестанно, и обеспечить за собой власть, не прибегая к ним вновь и привязав к себе подданных своими благодеяниями»[1]. Вообще же говоря, правитель может не бояться репутации жестокого во время войны или тогда, когда он управляет большой армией; здесь дисциплина поддерживается страхом, таков уж характер людей[2].

С другой стороны, если смелая и открытая борьба невозможна, если principe слаб для того, чтобы успешно ее вести, ему приходится итти на хитрости. Principe должен научиться,—говорит Макиавелли вслед за античными писателями,—«быть лисицей, чтобы узнавать капканы, и львом, чтобы пугать волков»[3]. Где нельзя быть львом, надо уметь быть лисицей. В таких случаях надо пользоваться дипломатией, обманом и другими подобными средствами. «Правитель, и больше всего правитель новый, не может соблюдать всего того, за что людей считают хорошими, так как он часто вынужден—для того, чтобы удержать власть,—действовать против своих обещаний, против милосердия, против гуманности, против религии. Для этого нужно, чтобы он имел характер, способный меняться, смотря по тому, как указывают ему ветер и судьба». Он «не должен уклоняться от добра, пока может, но уметь делать зло, когда он к этому вынужден»[4]. Следует держать свое слово, пока можешь, но, если обстоятельства изменились, надо его нарушить. Знаменитая глава 18 «Il Principe»—«Каким образом principe должен исполнять свое слово» содержит еще несколько замечаний, достойных величайших сатириков мира, о том, как государи обыкновенно действуют. Здесь-то наиболее откровенно и почти цинически изображена государственная власть. Здесь, как и в некоторых еще местах «Il Principe», Макиавелли открыто пишет о том, о чем обыкновенно и до него и после него правители и политики умалчивали—он разоблачает таким образом тайны политической мудрости, тайны власти, то, что позднее обычно называлось arcana imperii. Макиавелли, действительно, понял основные пружины политики вообще и буржуазной политики в частности. Он понял, что политика—это борьба классов, непримиримых по существу, что борьба, которая идет на истребление (spegnere), на разгром противника, не может не быть жестокой. В этой борьбе неизбежны такие приемы, как обман, нарушение обещаний и т. п. Ведь на войне все это применяется, и никто не считает этого зазорным.

---

1 «Il Principe», русск. пер., стр. 40.

2 Там же, стр. 71.

3 Там же, стр. 74.

4 Там же, стр. 75.

Однако, применяя подобные меры, principe должен помнить, что они вынуждены обстоятельствами, и отказываться от них, как только он чувствует себя достаточно сильным для открытой борьбы.

Буржуазный характер диктатуры principe nuovo обнаруживается очень ясно в том, что Макиавелли требует от правителя уважения к собственности и личным правам граждан. Principe «не должен посягать на имущество граждан и подданных, на честь их жен»[1]. Особенно важно—это не раз подчеркивает Макиавелли—не нарушать прав собственности. И тут он вскрывает перед нами всю буржуазную душу современного ему человека, говоря: «люди обыкновенно скорее забывают смерть отца, чем потерю наследства» (dimenticano più presto la morte del padre che la perdita del patrimonio)[2]. Нужно не только абсолютно избегать нарушения прав собственности, но нужно осторожно относиться и к доходам от этой собственности. Макиавелли считает этот вопрос очень важным. Лишение граждан их доходов больше, чем что-либо другое, делает правителя ненавистным[3]. Есть еще один пункт, который в диктатуре principe nuovo вскрывает ее буржуазный характер. Ни в коем случае principe не должен внутри государства вести политику divide et impera—разделяй и властвуй. Страны, в которых «господствует внутренний раздор», скоро гибнут. Сама по себе система введения в государство раздора показывает слабость правителей[4]. Она вредна. Макиавелли доказывает это и в 20 главе «Il Principe» и в 27 главе III книги «Discorsi». Очень важно связать это с учением Макиавелли о классовой борьбе. Он считает, как мы уже указывали, что во всяком государстве есть «разделение» (disunione), классовое расслоение, всегда есть два различных направления (duoi umori diversi). Одно из господствующего класса (феодалов или позднее буржуазии), другое низшего класса (сначала всего непривилегированного населения—popolo, потом—plebe). Это естественные группировки во всех государствах. Их борьбою Макиавелли об'ясняет всю историю Флоренции. Но только такие группировки приемлемы. Другие—партии (parti), фракции (sette), т. е. группировки внутри классов, вредны. Во Флоренции фракции внутри буржуазии, группировки Медичи и др., ведут государство к гибели. Они приводят к тому, что правительство не имеет определенного характера и оказывается игрушкой то той, то другой группы[5]. Principe nuovo должен бороться против фракций и группировок. И в этом отношении он должен управлять так, как это необходимо во всяком правильно устроенном, т.-е. буржуазном государстве. Согласие, порядок, необходимы для процветания

[1] «Il Principe», русск. пер., стр. 71, итал., p. 113.

[2] Там же.

[3] «Discorsi», русск. пер., стр. 445.

[4] «Il Principe», русск. пер., стр. 90.

[5] «Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze», Opere, v. IV, p. 106.

государства, и терпеть в нем «раздор» фракций и групп, тем более поощрять его и на него опираться—вредно с общегосударственной точки зрения, т. е. опять-таки с точки зрения нового буржуазного государства. Заканчивая характеристику диктатуры principe nuovo, нельзя обойти вопроса о моральных понятиях, которыми оперирует Макиавелли. Известно, что он возродил политическую теорию в Европе и сделал это в значительной степени потому, что отделил политику от религии и морали, показав различие их общественных функций. В своем учении о диктатуре он подчиняет мораль политике.

Макиавелли указывает в «Il Principe», какое большое значение имеют для правителя высокие нравственные качества. Конечно лучше всего, если principe обладает этими качествами: он сильнее привлечет к себе народ и увеличит свой авторитет. Однако Макиавелли понимает, что есть разница между идеалом правителя и реально существующими правителями. Для него важнее verità effettuale della cosa, а не immaginazione di essa, истина, соответствующая действительности, а не воображаемая, потому что он ставит своей задачей научить практически полезному. Между тем, как живут люди, и как они должны жить,—расстояние велико; кто оставит в стороне то, что есть, для изучения того, что должно быть, скорее придет к гибели, чем к спасению [1]. Прежде всего, с точки зрения Макиавелли, люди вообще обладают многими дурными качествами, их полуживотная природа (образ кентавра), грубость прежней жизни, разлагающее влияние феодальных порядков и католической религии, воспитали в них много низких страстей и чувств. Поэтому «человек, желающий в наши дни быть во всех отношениях хорошим, погибнет среди множества людей, которые не хороши» [2]. Ведь человеку приходится быть лисицей только потому, что его окружают капканы, и львом, потому что на него нападают волки. Отсюда вытекает, что «правителю, который хочет удержаться у власти, необходимо приобрести уменье быть нехорошим и пользоваться или не пользоваться этим умением в зависимости от требований необходимости» (imparare a poter esse non buono ed usarlo e non usarlo secondo la necessità) [3]. Каков настоящий смысл этого рассуждения? Поскольку в политической борьбе приходится сталкиваться с дурными людьми и применять иногда дурные средства, правитель, даже если он сам вполне хорош, вынужден в случае необходимости поступать жестоко или бесчестно, потому что иначе его сживут со свету, он погибнет или у него отнимут власть. Таков характер политической борьбы в настоящее время. Вот мысль Макиавелли. С другой стороны, сам правитель не всегда хорош. Если у него не хватает тех качеств, которые особенно ценятся людьми, он должен быть настолько благоразумен, чтобы

[1] «Il Principe», русск. пер., стр. 64—65, итал., p. 108.

[2] Там же, стр. 65, итал., p. 108—109.

[3] Там же (русский перевод здесь искажен), стр. 65, итал., p. 109.

избегать пороков, которые могут привести его к лишению власти, с остальными дело не так страшно. С этой точки зрения Макиавелли и приходит к своему основному выводу: «если хорошо разобраться в этом вопросе, есть вещи, которые кажутся хорошими, но приводят к гибели, и другие, которые кажутся пороками, а результатом их является безопасность и благоденствие правителя» [1]. Поэтому нечего бояться прослыть, например, скупым, если это полезно государству. Но, конечно, вопрос о репутации правителя очень важен. Если у него нет нужных качеств, он должен делать вид, что ими обладает. Есть качества, которые иногда даже целесообразнее показывать не имея, чем иметь на самом деле. От правителя обычно требуется быть с виду преисполненным милосердия, верности своему слову, искренности, гуманности, благочестия. Но на самом деле иметь перечисленные пять качеств не всегда необходимо. Во всяком случае, если ими обладаешь, «надо так себя воспитать, чтобы, когда они окажутся не нужны, ты мог бы и умел обратить их в противоположные» [2]. Поэтому всякий правитель должен уметь simulare и dissimulare—притворяться и скрывать. Прекрасное знание дипломатического искусства, запечатленное во многих Legazioni (письмах и отчетах Макиавелли, связанных с его дипломатическими командировками) обнаруживается и в этих рассуждениях. Буржуазное государство несло с собой новую специфическую форму дипломатии, которая настолько же превосходит феодальную, насколько буржуазная армия превосходит феодальные ополчения. На этой дипломатии должны были сказаться такие специфические черты капитализма, как развитой обмен, как умение лавировать на рынке, как капиталистическая конкуренция. Все эти черты наложили самый яркий отпечаток и на политику и на мораль Макиавелли. От того, что буржуазия революционна, она не теряет своих буржуазных качеств, и рядом с проповедью свободы, равенства, гуманности, уважения к правам человека и т. п. идет фактическое внедрение в жизнь атмосферы конкуренции, ажиотажа, спекуляции и надувательства. Макиавелли весьма об'ективно, со спокойной иронией вскрывает все эти специфические черты буржуазной политики и в ответ на вопли негодующих моралистов ссылается на факты—infiniti esempi moderni (бесчисленные современные нам примеры), на verità effettuale della cosa.

Правитель должен во всяком случае подчинять свои религиозные и моральные убеждения своим политическим задачам. Нравственно то, что соответствует интересам нового государства, которое организует principe nuovo. Поэтому самое главное для него—уметь использовать обстановку, приспособляясь к меняющимся обстоятельствам, уметь ориентироваться в событиях, пользоваться случаем, чтобы

[1] «Il Principe», русск. пер., стр. 66, итал., р. 109.
[2] Там же, стр. 75, итал., р. 116.

приближаться к своей главной цели. Папа Александр VI и его сын Чезаре Борджиа тем и замечательны, что они умели разбираться в сложном переплете случайностей—были conoscitori della occasione (знатоки случая) и умели этими случайностями великолепно пользоваться (la sappiano usare benissimo) [1].

Основное, безусловно необходимое, качество «нового правителя», строящего «новое государство» есть патриотизм. Известно, каким горячим призывом к освобождению и об'единению Италии, неожиданным для такого трезвого политика и сатирика, как Макиавелли, кончается «Il Principe». Этот призыв, который Эдгар Кинэ назвал марсельезой XVI столетия,—буквально исторический. Всю свою жизнь Макиавелли служил идее, выраженной в этом призыве, в течение веков она вдохновляла всех итальянских патриотов и таких друзей Италии, как Гете и Байрон. В течение веков за нее безуспешно боролись массы людей, и только через триста слишком лет она была осуществлена. Идее создания единой Италии должен был служить идеальный итальянский principe nuovo, которого долго искал и не нашел Макиавелли. Такой principe должен был быть «человеком с сильным духом, не падающим в несчастьях, способным своей энергией и бодростью поддержать дух народа», тогда он в свою очередь, увидал бы, что «не ошибся в народе и, положившись на него, строил на прочном основании» [2]. Такова первоначальная, полная еще юной свежести идея об'единения Италии.

Макиавелли рассматривает власть нового правителя, строящего новое государство, как власть переходную к буржуазной демократии, он не считает власть эту своим идеалом, не включает ее в свою программу, а смотрит на нее, как на орудие осуществления и закрепления демократического строя, как на известный стратегический и тактический план. Мы в этом окончательно убеждаемся, уяснив себе, что, по Макиавелли, власть principe nuovo—временная власть. Правда, Макиавелли различает республиканскую диктатуру, древне-римскую оффициальную магистратуру, власть «диктатора», избираемого на срок народом в исключительных случаях для проведения чрезвычайных мероприятий, и власть principe nuovo—диктатора, захватившего власть или получившего ее любым путем на неопределенное время и учреждающего новое государство. Но тем не менее и власть principe nuovo должна быть временной. Учредив новое государство с гражданским равенством, с национальной армией, укрепив его и подавив сопротивление феодалов и церкви, principe nuovo должен уйти от власти и уступить место нормальным демократически избранным властям.

В цитированной уже 9 главе I книги «Discorsi» Макиавелли высказывает эту мысль с наибольшей ясностью. «Основатель государства—говорит

[1] «Del modo di trattare i popoli della Valdichiana ribellati», Opere, v. II, p. 390.
[2] «Il Principe», русск. пер., стр. 44.

ен—должен быть настолько благоразумен и добродетелен, что взятую им власть он не должен передавать другому по наследству, так как люди более склонны ко злу, чем к добру, и наследник его может воспользоваться в интересах личного честолюбия властью, которой сам он пользовался добродетельно (virtuosamente). Кроме того, хотя один человек может устроить государство, оно будет недолговечно, если будет сохраняться с помощью одного. Ведь, как мы знаем, государственный строй хорош только в том случае, если его поддерживает и охраняет большинство граждан, вся народная масса. «Масса (molti) неспособна учредить государственного порядка потому, что, по различию мнений, никак не может понять его хорошие стороны, но, раз испытав хороший порядок на опыте, она не согласится с ним расстаться»[1]. Поэтому дальнейшая охрана нового строя должна перейти целиком в руки народной массы.

Макиавелли не идеализирует народа. Он знает, что народ в массе мало сознателен, мало политически развит, иногда непостоянен и робок,—люди ведь вообще скорее дурны, чем хороши, а главное, они неспособны обыкновенно ни на большое добро ни на большое зло. Но тем не менее, если мы возьмем народ в целом, он во всяком государстве лучше, чем меньшинство, чем его часть, будут ли это аристократы, олигархи или даже партия Медичи. Всякая привилегированная группа опасна, так как стремится забрать всю власть в свои руки, в то время, как умственные и всякие иные силы ее всегда меньше тех, которыми обладает весь народ в целом. Мы видели, что подобными соображениями Макиавелли обосновывал необходимость демократии.

Мало того. Народная масса уступает единоличному правителю только в одном пункте: она сама не может додуматься до нововведений и сразу в них разобраться, поэтому основать государство или радикально его реформировать может только одно лицо, principe nuovo. Но и он во всей своей деятельности должен, как мы видели, опираться на народ. Во всех остальных отношениях, говоря словами самого Макиавелли,—«масса (la moltitudine) разумнее и постояннее, чем principe». Таково заглавие замечательной 58 главы I книги «Discorsi». Здесь Макиавелли открыто выступает против «всех историков», писавших до него, и, скажем от себя, против большинства писавших после него,—в защиту народа. Он заявляет, что «недостатки, за которые писатели осуждают массу, свойственны людям вообще и больше всего государям»[2]. Известно ведь, что «правителей государств было довольно много, а добрых и умных было между ними мало»[3]. С народом дело обстоит иначе. Из истории римлян мы видим, что этот народ в общем и целом на протяжении веков поступал правильно: он повиновался властям, когда это нужно было в интересах общей пользы, и восставал против силь-

---

[1] «Discorsi», русск. пер., стр. 149, итал., р. 181.
[2] Там же, русск. пер., стр. 253, итал., р. 280.
[3] Там же.

ных людей, когда они его угнетали[1]. Если возьмем любой народ и будем сравнивать его с любым единоличным правителем, то мы должны будем признать, что народ во всех отношениях лучше. Он лучше законодательствует, лучше выбирает магистратов, более рассудителен и постоянен, более об'ективен, лучше соблюдает договоры и т. д. Проводя систематически это сравнение, Макиавелли дает интересные образцы изучения психологии масс и резко возражает против установившихся в этой области взглядов, неблагоприятных массе, народу, он протестует против ссылок на авторитеты. Для нас, пожалуй, всего интереснее, следующее замечание: «если общее мнение неблагоприятно народу, то это происходит потому, что о нем каждый может злословить беспрепятственно и без страха, даже когда он владычествует, о единоличных же правителях приходится говорить с тысячами опасений и тысячами оглядок»[2]. Это глубоко верно и для наших времен.

На основании всех этих соображений и своих программных демократических взглядов Макиавелли пришел к выводу, что, если единоличная диктатура нужна для установления нового строя, то она может быть только пожизненной, что диктатор, выполнивший свою историческую задачу, должен передать власть народу, который сам лучше справится с дальнейшим управлением и охраной государства. Именно поэтому в своих советах «новому правителю» он избегает рекомендовать какие-либо меры, способные укрепить его власть, как таковую, или вернуть государство к старой наследственной монархии. Поэтому он рекомендует ему не опираться на знать, не устанавливать неравенства, не создавать привилегий, организовать армию из граждан, вооружить народ, опираться на народ, служить его интересам, содействовать его материальному благополучию. Все эти меры способны только подготовить и облегчить переход от единоличной диктатуры к демократии.

Очень ясно высказана мысль о временности единоличной диктатуры в «Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze». Предлагая здесь папе Льву X, как вождю партии Медичи, установить во Флоренции сложную систему управления, в которой находят себе место единоличная власть Медичи, власть буржуазии и простого народа, он очень дипломатично доказывает, что, в конце концов, Флоренция должна быть республикой, так как феодализм здесь упразднен, феодальной аристократии нет, нет также и большого экономического неравенства, народ политически развит, привык к свободе. Если ему приходится выбирать между Медичи и другим правителем, он предпочитает Медичи, как своего, но если ему предоставить выбор между избираемым республиканским главой (capo publico) и каким бы то ни было единоличным правителем (capo privato), он предпочтет первого[3]. Поэтому

[1] «Discorsi», стр. 254.
[2] Там же, стр. 257.
[3] Opere, v. IV, p. 110.

после разных деликатных обиняков, Макиавелли предлагает Льву X установить во Флоренции пожизненную единоличную власть с тем, чтобы по смерти единоличного правителя из рода Медичи, Флоренция вернулась целиком к республиканскому строю [1]. Здесь вновь доказывается невозможность монархии в стране, где нет феодалов. Во Франции, где еще сохранилась феодальная лестница—король, принцы, дворяне, народ—монархия возможна, во Флоренции—нет [2].

IV. МАКИАВЕЛЛИ и ТИРАНИЯ

Наше толкование власти principe nuovo можно проверить ответив на два вопроса: во-первых, что по мнению Макиавелли следует сделать с principe nuovo, если он не уйдет от власти, если его диктатура из временной обратится в постоянную, наследственную? Во-вторых, что делать, если в республике появился principe nuovo и захватил всю власть в свои руки? У Макиавелли только один ответ на оба эти вопроса: надо убить тирана. Тут мы сразу попадаем в полосу тираноборческих идей Макиавелли, связанных с его демократизмом, его наклонностью к революционным, крайним мерам, с его ненавистью к феодальной монархии.

Principe, образующий новое государство, становится тираном, если он сделал свою власть наследственной, т. е. использует ее в личных интересах. А основатели тирании настолько же гнусны, насколько добродетельны основатели республики.

Макиавелли осуждает Цезаря за то, что он установил единоличную власть в Римской республике. Он—тиран, и нельзя обольщаться похвалами, которые рассыпали ему писатели времен империи, так как они были несвободны [3].

Всякий тиран, по мнению Макиавелли, заслуживает смерти. В то бурное время случаи убийства единоличных правителей были довольно часты. Еще чаще устраивались покушения и заговоры. Поэтому Макиавелли уделяет последним, как обычному средству борьбы против тирана, особенно важное место. Кроме отдельных замечаний в различных работах, Макиавелли включил в «Discorsi» целый трактат «О заговорах» (6 глава III книги). Для того, чтобы исчерпать его содержание, нужно специальное исследование, тем более, что он своими корнями уходит глубоко в заговорщические движения античного мира, суммирует опыт многих современных Макиавелли переворотов и служит руководством для его продолжателей. Мы попытаемся характеризовать здесь только важнейшие мысли Макиавелли по вопросу о заговорах, при том лишь в той мере, в

---

[1] Opere v. IV, p. 122.

[2] Ibid, p. 112.

[3] «Discorsi», русск. пер., стр. 151—152. Вспомним, как в XIX веке проповедники «демократической монархии» превозносили Цезаря (ср. Моммзен).

какой они связаны с вопросом о единоличной диктатуре и о смене ее устойчивым демократическим строем.

Глава о заговорах у Макиавелли одно из таких мест его сочинений, которые могут быть использованы и против единоличного правителя и в его пользу. Сверх того, заговор может быть устроен не только против тирана, но и против диктатора, организующего новое государство. Поэтому писать о заговорах Макиавелли было очень трудно, тем более, что он сам испытал на себе, что значит быть заподозренным в заговоре, считал этот способ борьбы очень рискованным и отчасти, повидимому, имел намерение предупредить молодежь относительно опасности увлечения заговорами. Макиавелли изучает, главным образом, заговоры, имеющие целью освободить отечество от власти захватчика—тирана. Этой цели Макиавелли, конечно, вполне сочувствует. Таковы были заговоры Брута и Кассия против Цезаря и многие другие античные заговоры. Против такого заговора у тиранов единственное средство—отказ от тирании; но так как никто из них этого не сделает, то они, по большей части, плохо кончают. По словам Ювенала, немногие тираны умирают без пролития крови—«сухой смертью»[1]. Макиавелли повторяет мнение античных писателей, что редко можно встретить старого тирана.

В другом месте «Discorsi» Макиавелли указывает, что в крайнем случае, у тирана есть еще два средства предотвратить заговоры. Первое—приобрести популярность в народе, истребив аристократов или вообще всех тех, кто до него угнетал народ. Так поступил Клеарх в Гераклее, «изрубив в куски всю знать к величайшему удовлетворению народа и его сторонников»[2]. Второе средство—ограничить тиранию. Тиран должен уяснить себе, что только немногие из среды народа ищут власти, большинство желает свободы, чтобы жить в безопасности. Первых можно лишить жизни или удовлетворить разными почестями, что же касается большинства народа, его легко удовлетворить учреждениями и законами, которые могли бы «согласить власть príncipe со всеобщей безопасностью».

Если народ убедится, что príncipe не нарушает этих законов, народ успокоится. И Макиавелли приводит в пример Францию, где власть короля ограничена «бесчисленным множеством законов»[3]. Мы видим, что в последнем случае Макиавелли вновь сводит вопрос к уничтожению единоличной диктатуры. Если тиран не уходит от власти, сделав свое дело, он может спасти себя только ограничением власти, т. е. заменой диктатуры, чем-то вроде конституционной монархии.

Возвращаясь к заговорам, отметим следующие указания Макиавелли, касающиеся их организации и успешного осуществления. Организо-

[1] «Discorsi» русск, пер., стр. 380, итал., р. 400.
[2] Там же, стр. 169, итал., р. 201.
[3] Там же, стр. 169—170, итал. р. 201.

вать заговор должны люди, имеющие доступ ко двору или личные друзья государя. Нужно очень осторожно подбирать заговорщиков. Это трудно, потому что заговор—труднейшее предприятие, и человек, испытанный во всех отношениях, может спасовать, когда дело дойдет до осуществления заговора. Поэтому нужно привлекать к участию в заговоре как можно меньше людей. Тайну заговора можно сообщить только трем-четырем лицам, остальным можно ее сообщать только в самый момент приведения его в исполнение, «чтобы не дать им времени выдать заговор». Лучше даже доверяться только одному лицу, так как, если оно выдаст, можно отпереться. Надо как можно тщательнее избегать опасной переписки. Не следует быстро менять план заговора, потому что это может запутать участников. Нужно очень обдуманно выбирать исполнителей самого предприятия, не полагаясь слишком ни на кого, как бы ни была известна храбрость каждого данного человека.

Заговор имеет одно ценное достоинство, что «у единоличных правителей нет ничего более враждебного, чем заговор; поэтому, если есть заговор на их жизнь, он или губит их или позорит. Если он удается, они умирают если он открывается, и гибнут заговорщики—все остаются в убеждении, что это была выдумка самого правителя, стремившегося утолить свою жадность и жестокость кровью и имуществом казненных»[1].

Главу о заговорах Макиавелли заканчивает советами республикам и правителям, как подавлять заговоры, потому что в числе последних есть и такие, которые устраиваются во вред государству; некоторые из них Макиавелли прямо называет скверным делом (cattività). Прежде всего надо хорошо выяснить характер заговора. Затем, если он силен, не показывать вида, что ты его раскрываешь, пока не подготовишь все к его подавлению. Не надо грозить заговорщикам или арестовывать кого-нибудь из них раньше времени, потому что этим можешь вызвать их выступление. Если заговор слаб, надо немедленно его раздавить. Не следует применять двух испытанных способов (termine usati): во-первых, казнить доносчиков, чтобы показать, что ты не веришь в возможность заговора, во-вторых, позволять кому-нибудь «притворно устраивать против тебя заговор», чтобы проверить ненадежных лиц. Оба способа опасны: первый устрашает всех доносчиков и способствует тому, что заговор не раскрывается и достигает цели, второй приводит к тому, что сами провокаторы обращаются в настоящих заговорщиков и тоже достигают легко своей цели.

Несмотря на все эти, действительно, очень разумные и дельные советы, Макиавелли считает заговорщическую тактику слишком о п а с н о й и т р у д н о й. С чувством какой-то досады пишет он, давая свои советы, что «люди обыкновенно мало смыслят в делах и делают величайшие ошибки, особенно в таких как это, которое является наиболее исключительным

[1] «Discorsi», русск. пер., стр. 397, итал., р. 417.

(istraordinario)»[1]. А в то же время тираны, «дурные правители (i principi non buoni), всегда боятся, что против них замышляется то, что они вполне заслужили своими поступками»[2]. Поэтому Макиавелли вновь и вновь призывает организаторов заговоров к величайшей осторожности. Отсюда мы приходим к выводу, что Макиавелли считал этот способ борьбы применимым лишь в исключительных случаях, а именно тогда, когда открытая борьба против единоличного правителя совершенно невозможна. Здесь выступает опять та же мысль об открытой и смелой политике, которая, в конце концов, лучше всякой другой.

Описывая в своей Флорентийской истории различные заговоры и выступления масс, Макиавелли подтверждает свою оценку заговорческих методов обширным фактическим материалом[3]. Но он указывает, что иногда заговоры идут на пользу тому, против кого они устраиваются, в случае их неудачи он выходит из дела еще более сильным.

Подробному и очень интересному анализу подвергает Макиавелли в 8 книге «Storie fiorentine» заговор Pazzi, в результате которого был убит в церкви во время богослужения Джулиано Медичи и ранен Лоренцо «Великолепный». Известно, что во время этого заговора, точно также, как и заговора Cola в Милане, кончившегося убийством тамошнего герцога Галеаццо Сфорца, заговорщики рассчитывали на восстание народа. Они хотели убить тирана во имя народа, они мечтали о вечной славе освободителей отечества. Один из участников заговора Cola Джироламо Ольджати, во время казни сказал будто бы под топором по-латыни: mors acerba, fama perpetua, stabit vetus memoria facti (смерть жестока, слава вечна, память о нашем поступке сохранится надолго).

Макиавелли обращает особое внимание на то, что в обоих случаях народ не поднялся на помощь заговорщикам. Напрасно сторонники Пацци в момент нападения на Медичи кричали: «народ! свобода!». Народ не восстал. «Богатство и щедрость Медичи сделали народ глухим, а свобода была неизвестна во Флоренции»: олигархическое правление Медичи не давало возможности народу узнать, что такое свободная жизнь[4].

Повидимому, совершенно иначе, чем к заговорам, относится Макиавелли к восстанию, как методу политической борьбы. В своей истории он оставил нам описание нескольких восстаний во Флоренции и других итальянских государствах. Наибольший интерес представляет описание восстания чомпи. Путь массового движения, массового выступления—естественный путь для всякого государства, поскольку оно порывает с феодальным строем и переходит к буржуазной демократии. Этот путь, вообще го-

[1] «Discorsi», стр. 386, итал., p. 406—407.
[2] Там же, стр. 388, итал., p. 408.
[3] См. «Storie fiorentine», Opere, v. II, pp. 123, 166.
[4] Ibid., p. 218.

воря, и наиболее целесообразен, потому что только в столкновении классов, в их борьбе родится политическая свобода, и народ сам должен устраивать свою судьбу. Макиавелли понимает значение организации и руководства, в «Storie» он показывает, как подготовляются народные движения, в «Discorsi» он говорит о том, что восставшая народная масса должна сейчас же сделать кого-нибудь из своей среды вождем (ha subito a fare infra sè medesima un capo)[1]. Это вождь должен выдвинуть из самого народа, при чем Макиавелли все время полагает, что естественными вождями народа должны быть представители буржуазии. Такой вождь, приобретя авторитет и силу, может стать затем principe nuovo, если народ совершит революцию и будет создавать новый политический строй. Здесь Макиавелли намечает формы политических движений, свойственные революционной буржуазии эпохи революций XVI—XVIII вв. в Западной Европе. Несмотря на все отличие нашего времени от той эпохи, иногда он вполне современен. Приведем, например, его совет в «Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze», которое мы уже цитировали. Предлагая там обязательно установить выборность народных советов, он рекомендует уполномочить специальных лиц для подсчета голосов, которые могли бы секретным порядком подсыпать нужное количество избирательных бюллетеней в урны (мешки) с именами лиц, угодных правительству, не имея в то же время права вынимать бюллетени из урн. А чтобы народ был уверен, что бюллетени с именами, написанными им, положены в урну, он может избрать от себя уполномоченных для присутствия при подаче бюллетеней[2]. Можно подумать, что современные американские делатели избирательных кампаний обучались своему ремеслу немного и у Макиавелли.

Такова была теория диктатуры Макиавелли, предполагающая полное преобразование феодального общества в буржуазное. Поэтому с полным правом мы можем рассматривать его как ближайшего предшественника буржуазных революционеров XVII—XVIII веков, которые в борьбе против остатков феодализма пытались осуществить революционную диктатуру.

История, как мы знаем пошла не так быстро и не так прямолинейно, как представлял себе флорентийский секретарь.

Буржуазная революция в Италии была разбита католической реакцией. В других странах она пошла путем реформации, т. е. компромисса между феодальным и буржуазным обществом. Только в XVII и XVIII вв. буржуазия пытается произвести радикальный буржуазный переворот в том смысле, как понимал это Маркс в характеристике революций того времени. Диктатура principe nuovo фактически осуществлялась в форме абсолютизма. Он обладает некоторыми чертами революционной буржуазной диктатуры в

[1] «Discorsi», русск. пер., стр. 252, итал., p. 279.

[2] Opere, v. IV, p. 117.

самом начале, в момент борьбы против феодалов и католической церкви за интересы торгового капитала, но скоро он обращается в типичное выражение феодально-капиталистического компромисса, в полуфеодальную дворянскую, крепостническую монархию XVII—XVIII веков. Тогда советы Макиавелли используются монархической литературой в ее собственных интересах, и тем самым создается благоприятная почва для легенды о Макиавелли—монархисте, защитнике тирании.

Политическая теория Макиавелли иногда груба, примитивна, его философские и социологические взгляды страдают некоторым рационализмом, замкнуты в рамки учения о неизменности человеческой природы и об общественных круговоротах, но это не должно мешать нам видеть самое ценное, что у него есть: первоначальную формулировку теории буржуазной революционной диктатуры.

А. Бернштейн

«ЭЙЗЕНАХЦЫ» И «ЛАССАЛЬЯНЦЫ» (1869—78) [1]

I. ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Во второй половине шестидесятых годов и в первой половине семидесятых в немецком рабочем движении борются два направления. Одно, более старое, крепко сколоченное уже в 63—64 гг., идет за лозунгами Лассаля. Другое, возникающее несколько позднее из рабочих (большей частью ремесленных) ферейнов, оформляется окончательно лишь в 69 г., на с'езде в Эйзенахе. Вожди эйзенахцев, Бебель и Либкнехт, играют руководящую роль позднее в об'единенной социал-демократии. Они оба, особенно Либкнехт, были уже в то время близки к Марксу и Энгельсу. Последние оба крайне отрицательно отнеслись к об'единению в Готе с лассальянцами. Все это дает повод думать, что именно эйзенахцы — подлинный зародыш будущей нем. с.-д. партии, а лассальянцы—временный уклон в сторону, быстро изжитая ступень в немецком рабочем движении.

С этим по существу согласен даже Меринг, этот защитник Швейцера, готовый упрекнуть и Маркса и Энгельса в непонимании немецких условий за их мнимую «вражду» к Швейцеру и к лассальянцам. Отстаивая Швейцера, отдавая должное членам Всеобщего Герм. Раб. Союза, Меринг в то же время по существу проводит ту мысль, что идейные основы лассальянства быстро выветриваются самой жизнью и что старые лассальянцы скоро становятся добрыми социал-демократами, отказавшись от ошибок прежних лет.

Так ли это? Мы знаем, что при слиянии в Готе организация лассальянцев была многочисленнее, чем эйзенахская группа. Что же касается сплоченности, идейной выдержанности своих членов, то и в этом отношении нет никакого сомнения, что лассальянцы стояли выше своих новых союзников.

«Энергия и решительность, с которыми всюду работали лассальянцы,—признает сам Бебель в своих мемуарах,—вызвали у их противников же-

[1] Эта статья представляет собой три главы из работы автора на тему «Вопросы тактики в герм. с.-д.», охватывающей период с 1869 по 1891 г. Статья идет в порядке обсуждения.

лание и потребность теснее сплотиться. Но это сплочение не могло быть особенно тесным уже по той причине, что наши союзы не имели такой общей и определенной цели, как лассальянцы, за которую последние боролись с самоотвержением и энтузиазмом»[1].

Действительно, ведь весь секрет силы Лассаля, секрет его успеха состоял в чрезвычайной целеустремленности его учения, в определенности цели, к которой можно было стремиться немедленно, и притом в легальных формах. «Вся тайна практических успехов, — говорил Лассаль своим сторонникам, — состоит в искусстве сосредоточивать все свои силы на одном пункте, на важнейшем пункте, не отвлекаясь по сторонам. Не заглядывайтесь ни вправо, ни влево; будьте глухи ко всему, что не есть всеобщее и прямое избирательное право или что не связано с ним и не может вести к нему... Вот знамя, под которым вы победите, и другого для вас нет»[2]. Эта ясность цели, четко продуманная система тактических и стратегических мер, которой отличается учение Лассаля, при всех его отрицательных сторонах, давала лассальянцам неоспоримое превосходство над «эйзенахцами». Что смогли последние противопоставить этому?—Ничего, кроме критики, в виде нападок на диктатуру президента Вс. Герм. Раб. Союза, на тактику соглашения с Бисмарком и т. д. Но вдобавок к этой критике, в качестве положительного примера, эйзенахцы могли показать лишь свою бесформенную, слабо сцепленную, хотя и более демократическую организацию, да тактику соглашения... с буржуазией. Неудивительно, что лассальянцы провели в об'единительную готскую программу все свои основные лозунги, в том числе и всеобщее избирательное право, и производительные ассоциации с государственным кредитом, и «сплошную реакционную массу».

Итак, к моменту об'единения лассальянцы были сильнее и количественно, и организационно, и по большей ясности своих ближайших целей. Каковы же были «козыри» эйзенахцев? Не брали ли они верх большей близостью к марксистскому мировоззрению?

«Скорее всего я,—пишет о себе Бебель,—как и почти все социалисты того времени, пришел к Марксу через Лассаля. Мы все читали Лассаля раньше, чем кто-нибудь из нас видел какую-нибудь книжку Маркса или Энгельса»[3]. По свидетельству того же Бебеля, Комм. манифест «стал известен партии» лишь в начале 70 гг. Можно себе представить, когда стал он известен массам рядовых членов партии. Между тем, произведения Лассаля, короткие по размеру, дешевые, популярные по языку, распространялись уже с 63 г. в десятках тысяч экземпляров. Неудивительно, что еще 19 мая 1873 г. Бебель писал Энгельсу, что если бороться с культом Лассаля,

[1] А. Бебель, Из моей жизни, т. I, вып. 1, стр. 95.

[2] Ф. Лассаль, Сочин. изд. Глаголева, т. II, стр. 85, «Гласный ответ».

[3] Бебель, Из моей жизни, вып. I, стр. 140.

то надо это делать осторожно: «Вы не должны забывать, что сочинения Лассаля, благодаря своему популярному языку, фактически составляют основу социалистического мировоззрения масс (это—совершенно бесспорный факт). Они в десять, двадцать раз шире распространены в Германии, чем какое-либо другое социалистическое сочинение, и поэтому Лассаль пользуется значительной популярностью» [1].

Итак, мы видим, что и эйзенахцы учились социализму у Лассаля, а лучшие их умы через Лассаля подходили к Марксу. Вспомним, что и в скандале 1877 г. по поводу статей Энгельса против Дюринга,—дюрингианцами оказались главным образом вожди эйзенахцев: Бебель, Мост, Браке и т. д. Трудно, т. о., говорить о большей марксистской устойчивости эйзенахцев. С другой стороны, совершенно бесспорно, что Швейцер в своем «Соц.-демократе» сделал ряд шагов в смысле приближения к марксизму в теоретических вопросах, и в этом отношении стоял даже выше своих соперников из лагеря эйзенахцев. Он раньше их присоединился и к базельским постановлениям Международного Т-ва Рабочих и т. д. Любопытно сопоставить, напр., следующие места из переписки Маркса и Энгельса. По поводу рецензии Швейцера на I том «Капитала» Маркс пишет 23 марта 1868 г.: «Каковы бы ни были ближайшие мотивы Швейцера (напр., позлить старую Гацфельд и т. п.), одно надо за ним признать. Хотя он делает там и сям ошибки, он все же предмет вызубрил и знает, где лежат главные пункты» [2]. А вот что пишет Энгельс по поводу популярной переработки «Капитала» одним из вождей эйзенахцев, Мостом, через 8 лет после рецензии Швейцера: «Этот человек, я разумею Моста, показал на деле, что можно выписать (exzerpieren) весь «Капитал», и все же ничего в нем не понимать» [3]. Мы видим, как мало оснований говорить о большем понимании учения Маркса у эйзенахцев.

Но как относились к обеим фракциям немецкого рабочего движения основоположники научного социализма? Если бы Меринг, работая над своей «Историей», имел, как мы теперь, под руками переписку между Марксом и Энгельсом, ему пришлось бы снять целый ряд своих упреков. Может быть, это уберегло бы его и от того вреднейшего перегиба, который он допустил при «реабилитации» Лассаля и Швейцера. Мы теперь можем легко убедиться, что Маркс отнюдь не был склонен во всем защищать Либкнехта и обвинять Швейцера.

В отзывах Маркса и Энгельса о Швейцере мы видим две полосы. Первая относится к 65—66 гг., когда оба пишут о Швейцере в самом резком стиле. «Социал-демократик»,—презрительно пишет в это время (5 февраля 65 г.) Энгельс,—с каждым днем становится для меня все отвратительнее.

[1] Бебель, Из моей жизни, т. 2, ч. 2, стр. 92—93.

[2] Briefwechsel zwischen Engels und Marx, B. IV. S. 28.

[3] Ibid S. 374. Письмо от 24 марта 76 г.

глубокомысленные статьи госп. Швейцера об Энциклике и Бисмарке, которые кокетничают со всякой дрянью и бранят только буржуазию... все это немного чересчур для меня»[1]. Маркс, посылая своему другу для подписи совместное заявление об отказе от сотрудничества в органе Швейцера, на которое сначала оба они дали согласие, пишет 18 февраля 65 г.: «Я считаю Швейцера неисправимым (конечно, в тайном единомыслии с Бисмарком). Меня в этом убеждают»[2] и т. д. А экспансивный Энгельс отвечает даже так: «Er hat die Aufgabe uns zu blamieren, und je länger man mit ihm zottelt, desto tiefer kommt man in den Dreck»[3].

В это время Маркс и Энгельс явно подозревают Швейцера в продажности. 25 июля 65 г. Энгельс выразительно пишет: «Мне кажется ясным, что господин Бисмарк попросту хочет вызвать столкновение. По-моему, решающее доказательство в пользу этого—поведение Швейцера, который теперь ежедневно конфискуется»[4].

Кстати, именно теперь мы можем, наконец, проверить это обвинение. «Подозрительные и фанатичные» основоположники научного социализма оказались и на этот раз, конечно, правы. Недавно, в 1927 г., в «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» опубликовано сообщение Густава Майера, что он нашел документы, свидетельствующие о том, что 6 апреля 66 года Гофштеттен, издатель «Соц.-Демократа», получил от Бисмарка беспроцентную ссуду в 2 500 талеров под обеспечение квитанции о взносе соотв. суммы в полицейское управление в качестве залога, необходимого тогда для права издавать газету. Любопытно, что все это дело обделано за несколько дней до того, как Пруссия внесла в Союзный Совет предложение о введении всеобщего избирательного права. В конце 67 г. Гофштеттен вовсе уходит от газеты и получает весь свой залог в 2 500 тал. обратно. Г Майер не об'ясняет, как же это случилось без пред'явления залоговой квитанции, которая ведь должна была лежать у Бисмарка... Оправдываются также подозрения Бебеля о том, что Швейцера слишком легко выпускают в 66 г. из тюрьмы до срока: действительно, Швейцер, повидимому, через Германа Вагенера давал понять Бисмарку, что агитация «С.-Д.» за всеобщее изб. право в данный момент может быть Бисмарку лишь выгодна... Итак, даже Г. Майер, считающий, что «историческая роль Швейцера незыблема» и теперь, все же вынужден признать, что Швейцер «мог не постесняться брать деньги у Бисмарка», покуда тот давал[5].

---

[1] Briefwechsel, B. III. S. 217.

[2] Ibid., B. III, S. 229.

[3] Ibid., B. III, S. 232.

[4] Ibid., III, S. 263.

[5] См. «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» u.s.w., B. 57, H. I. «Der Allg. Deut. Arb.-Ver. und die Krisis 1866». Von Gustav Mayer.

Но, сколько можно судить, Бисмарк очень скоро стал скупиться. Уже в дек. 66 г. он отказывает Швейцеру в свидании, имея в виду союз с либералами. А затем—планы Бисмарка стали шире, он готовится уже к борьбе с Францией, он чувствует за собой больше силы, ему уже не нужен жалкий Швейцер.

Это, конечно, дает и Швейцеру больше свободы. Он выступает резче, самостоятельнее. Тон его газеты становится смелее, тем более, что ему необходима популярность. В то же время он много работает над собой, теоретически растет. И вот, с 1868 г. мы видим и новый тон в отношении к Швейцеру со стороны Маркса и Энгельса.

Как раз в это время (68 г.) крайне обостряется и борьба эйзенахцев против Швейцера. Как же относятся Маркс и Энгельс к спору «Вильгельма с Баптистом» (т. е. Либкнехта с Швейцером)? Оказывается, оба они задают себе вопрос о том, что же создал пока Либкнехт, осуждают его линию, не хотят покуда выступать против лассальянцев, вообще, с величайшим беспристрастием отзываются об обеих сторонах. Любопытно, что Либкнехту при этом достается гораздо больше, но его ошибки приписываются его глупости, между тем как Швейцер рассматривается как умный, но хитрый противник, с которым тоже надо хитрить, но с которым необходимо считаться.

«Либкнехт полностью отождествил себя с южно-немецкими федералистами, ультрамонтанами и т. д., подписав их протест, и голосует всегда с ними,—пишет Энгельс 2 мая 68 г.—Хитрый Швейцер, который ограничивает себя чисто рабочим движением, отодвинул его совсем в тень» [1].

В июле Швейцер, с одной стороны, Бебель—с другой (после Нюрнбергского с'езда), обращаются к Марксу с заявлением о присоединении к Интернационалу. Маркс пишет Энгельсу: «Что касается меня—я разумею, как члена Ген. Совета,—то я должен держаться беспартийно между различными организованными группами рабочих» [2]. Этого образа действий Маркс и держится довольно последовательно, лишь в письмах к своему другу проявляя некоторое недоверие к Швейцеру и надежду на постепенный крах лассальянства. То же думает и Энгельс. 21 сент. 68 г. он пишет Марксу: «Делая тебя вообще вождем «Европы», он (Швейцер—*А. В.)* нежно тебе втолковывает, что твое царство именно поэтому не находится ни в какой специальной стране в отдельности, а стало быть, вообще оно не от мира сего. Он назначает тебя папой, чтобы ты помазал его кайзером Германии и чтобы тем самым дать пинка Вильгельму» [3]. А в письме от 8 октября 88 г. замечает: «Этот парень (Швейцер—*А. Б.)* хитрее и активнее всех своих противников вместе взятых» [4].

---

[1] Briefwechsel, B. IV, S. 54.
[2] Ibid., S. 72.
[3] Ibid., S. 87.
[4] Ibid., S. 97.

С другой стороны, Маркс издевается над Либкнехтом, который требует, чтобы Интернационал «заключал с Швейцером мир, когда он (Либкнехт— *А. Б.)* заключает мир, бил Швейцера, когда он его бьет напролом» и т. д. [1]. Энгельс в письме от 22 окт. 68 г. уже прямо похваливает Швейцера: его представления об обще-политич. положении яснее, мол, чем у других... А Маркс, обругав Швейцера за его двойную игру и пр., затем решительно пишет (10 окт.): «С другой стороны, из всех современных вождей рабочих в Германии он безусловно самый интеллигентный и самый энергичный, в то время как Либкнехт фактически лишь благодаря Швейцеру вынужден был вспомнить, что существует рабочее движение, независимое от мелкобуржуазно-демократического движения» [2] (разрядка моя—*А. Б.).*

Конечно, несмотря на эти лестные отзывы, недоверие к Швейцеру, особенно за его стремление поддерживать культ Лассаля, не перестает проглядывать в письмах Маркса и Энгельса [3]. Но отзывы о линии Либкнехта еще резче. 6 июля 69 года Энгельс пишет: «Во всяком случае, с Либкнехтом нечего делать до тех пор, пок он вполне решительно не отделит свою организацию от Народной партии» [4]. «Со своей Народной партией и ресторанной яростью он (Либкнехт—*А. Б.)* у сев.-нем. рабочих не сманит и собаку с печи» [5]. А Маркс 22 июля 69 г. заявляет:—«Я против лассальянцев так же, как и против Нар. партии» [6]. Такие же выпады мы находим и позже [7]. А по адресу Либкнехта мы и под 4 апр. 74 г. имеем такой шлепок со стороны Маркса (письмо к Зорге): «Энгельс намылил голову Либкнехту, что, повидимому, необходимо делать время от времени» [8]. Это за статьи Либкнехта в «Volksstaat».

Итак, мы видим, что Маркс и Энгельс достаточно беспристрастно разбирались в «немецких делах». Мы видим, что они умели отдать должное Швейцеру и за его большую теоретическую зрелость, и за политическое чутье, и за то, что он вел действительно рабочее движение. С другой стороны, они хорошо видели промахи Либкнехта, резко отмежевывались от его линии на соглашение с мелко-буржуазной Volkspartei и т. д. Они отнюдь не ставили эйзенахцев выше своих противников и в смысле теоретич. близости к марксизму. Тем не менее, мы видим явную симпатию к эйзенахцам. Пусть их журят сильнее, это звучит по-отечески. Наоборот, сколько бы ни

---

[1] Briefwechsel S. 181.
[2] Ibid., S. 98.
[3] См. письма от 30 ноября 68 г., 8 дек. 68 г. и нек. др.
[4] Briefwechsel, B. IV. S. 175.
[5] Ibid., S. 142.
[6] Ibid., IV, S. 179.
[7] См. S. 243, письмо от 12 фев. 70 г.
[8] «Письма Маркса, Энгельса и др. к Зорге и др.». СПБ 1908 г. стр. 143.

говорилось хорошего о Швейцере, за всем этим всегда звучит недоверие и настороженность.

Имел ли Швейцер за собою полное доверие того Союза, которым он руководил? Нам думается, что такого доверия, каким пользовались, напр., Бебель и Либкнехт в своей партии, он никогда не имел. Совершенно бесспорно, что пост президента достался ему только потому, что в его руках фактически оказался орган Союза—главное орудие силы в то время. Президентство «лжеца, клеветника и безнадежного идиота» [1] (как его квалифицировала по предложению Либкнехта берлинская община за обвинение по адресу Маркса, Энгельса и Либкнехта на Generalversammlung во Франкфурте н. М. в 1865 г.), Бернгарда Беккера, привело к такому распаду Вс. Герм. Раб. Союза, что в образовавшейся «смуте» Швейцер получил возможность использовать выгоды своего положения, как редактора органа Союза, обойдя всех своих конкурентов. Конечно, он также превосходил и друзей и врагов (эйзенахцев) своим теоретическим багажем и политической зрелостью. Это позволило ему сравнительно долго продержаться «у власти». Но полного доверия к Швейцеру в массе членов Вс. Г. Р. Союза никогда не было. Когда Бебель и Либкнехт повели кампанию против Швейцера, явившись со своими обвинениями даже на очередной с'езд лассальянцев в Бармен—Эльберфельде (28 марта 1869 г.), их агитация бесспорно нашла отклик. Ограничением прав президента реагировал с'езд на эти обвинения; хотя Маркс на ликующие письма Либкнехта заметил скептически, что «наш Вильгельм—сангвиник и фантаст» [2], хотя Либкнехт и в самом деле преувеличивал свой успех, однако, вся эта «атака» во всяком случае обнаружила еще затаенное, но давно зреющее недоверие и недовольство диктатурой Швейцера во Вс. Герм. Раб. Союзе. Следующий с'езд лассальянцев, последний с'езд при диктатуре Швейцера, состоявшийся 5 янв. 70 г. в Берлине, особенно показателен в этом отношении. «Гос. переворот» [3], недавно проделанный Швейцером для реставрации всей полноты власти президента (об'единение с группой графини Гацфельд), вызывает живое, хотя и весьма прикрытое недовольство. Тон Швейцера на с'езде раздражителен, скрипуч. «Люди,—говорил он,—вчера весь день занимались старыми бабьими сплетнями (Weibergeschwätz), которые не имеют никакой ценности... Ему (Швейцеру) надоело (er habe es satt) таким путем препираться сначала с врагами союза, а затем еще с его членами» [4]. В ответ на это довольно метко замечает Пфаннкух (из Касселя), что «президент своим об'единением с графиней Гацфельд сам подал повод (Veranlassung) к бабьим сплетням» [5].

[1] Меринг, т. III, стр. 186.

[2] Briefwechsel, B. IV, S. 172. 3 июля 69 г.

[3] А. Бебель, Из моей жизни, ч. II, вып. 1, стр. 206.

[4] Protokoll der Generallversammlung der Allg. D. Arb.-Vereins zu Berlin vom 5 Jan. 1870 ab. S. 11.

[5] Ibid., S. 12.

Когда вносится предложение о том, чтобы все денежные расходы утверждались Правлением, Швейцер вынужден заявить в бешенстве: «Тогда пусть ищут себе другого президента, а он не станет обрекать себя на такое раздвоение власти» [1].

Когда вновь обсуждается вопрос о порядке выборов президента, Швейцер говорит: «Спрашивается, что правильнее по принципам Союза? Должен ли президент избираться прямо народом или косвенно делегатами (с'езда—*А. Б.)*? В Гамбурге наши члены высказались за первый взгляд, но он (Швейцер—*А. Б.)* знает очень хорошо, что отдельные делегаты ставят свое мнение постоянно выше, чем мнение народа». Однако, настроение с'езда видимо таково, что такие «нежные» пощечины действуют слабо, и Швейцер снова вынужден заявить категорически, что он отказался бы от звания президента только после новых выборов по союзу, но не подчинился бы решению делегатов, которые сами выбраны народом... [2].

Но наиболее любопытны прения об органе Союза. «Не партия создала «Соц.-Дем.», а «Соц.-Дем.» создал партию! — заявляет Швейцер. — Голыми агитационными речами ничего нельзя сделать в политич. делах» [3]. А так как «Соц.-Дем.» создан, разумеется, Швейцером, то отсюда ясно, кто в конечном счете создал партию. Но неблагодарный с'езд упорно претендует на то, чтобы «Социал-Демократ» перешел в собственность партии. Как мотивируют делегаты это требование?—Да очень откровенно. «А что, если г-н фон-Швейцер уйдет из партии или продаст газету?»—говорит Пфаннкух (Кассель). «Ведь может притти время, когда придется сменить президента; но в этом случае для партии лучше, чтобы орган был ее собственностью», говорит Вольф (Гамбург). А Шенк (Вюрцбург) об'ясняет совсем на чистоту, что власть президента и без того слишком велика, и п о э т о м у он за приобретение газеты... Швейцеру приходится здесь ядовито прошипеть, что «лассалевская организация покоится не на оппозиции против президента, а на концентрации всей власти Союза в руках президента» [4].

Как же реагирует Швейцер по существу на это предложение? Он достаточно умен и заявляет, что «желал бы, чтобы поскорее исполнилось не им выраженное желание о переходе права собственности на газету—к партии, если будут покрыты... долги и будет возвращена ему 6-я часть вложенного капитала—2 500 талеров. Он решил не приносить более газете никаких жертв, за которые партия ни разу его не поблагодарила. В случае необходимости, с 1 апр. придется перейти на малый формат»... и т. д. [5]. И, конечно, при такой перспективе платежей и при страхе перед постоянной дефицит-

---

[1] Protokoll der Generallversammlung der Allg. D. Arb.-Vereins zu Berlin vom 5 jan. 1870 ab. S. 35.
[2] Ibid., S. 34.
[3] Ibid., S. 11.
[4] Ibid., S, 27—28—29.
[5] Ibid., S. 27.

ностью газеты, голоса дрогнули: 6 492 голосами против 2 585 с'езд высказывается против приобретения органа... Тем более, что ведь зависимость от Швейцера не исчезла бы; он все равно остался бы редактором газеты, а были опасения, что при случае даже открыл бы свою, новую газету.

Просмотр берлинского протокола 70 г. достаточно ясно показывает, каково было отношение массы членов Вс. Герм. Р. С. к Швейцеру. Когда 24 марта 1871 г. последний «внезапно» (конечно, тому были достаточные причины) сам отказывается от президентства в Союзе,— не раздается ни одного голоса сожаления. Созванный в мае 71 г. с'езд занимается почти исключительно проверкой расходов и кассы, на что уходит почти целая неделя заседаний, ибо в ведении дел оказывается ряд неправильностей. Газенклевер избран в президенты, Гассельман—редактором, газета становится, наконец, собственностью партии, и лишь в самом конце с'езда довольно холодно принято решение выразить благодарность Швейцеру за проделанную работу [1]. Какова цена этой благодарности, показал следующий с'езд в 1872 г. (тоже в Берлине, 22—25 мая).

Этот с'езд начался открытым выступлением Тельке с обвинением Швейцера в присвоении партийных денег, в связях с полицией и т. п. Избирается комиссия для разбора этих обвинений. В это время замечают присутствие в зале Швейцера. К порядку дня берет слово Рихтер. «По его мнению, вход разрешается только членам Союза и сверх того—прикомандированным для этого полицейским чиновникам. Если Швейцер не может оформить свое право присутствия (sich legitimiren) ни как член Союза, ни как наблюдающий полицейский чин, то он должен без дальнейших разговоров (ohne Weiteres) покинуть зал» [2]. И так как за неуплатой членских взносов Швейцер считался выбывшим из Союза,—он вынужден немедленно выйти.

Ведь этому человеку год назад формально выразили благодарность за шестилетнее руководство Союзом. Ведь обвинение против него еще не проверено, а избранная для этого комиссия скоро признает, что достаточно точных данных против Швейцера и нет (хотя есть основания для недоверия). Между тем, его не хотят уже терпеть в зале. Верили ли здесь когда-либо всерьез этому человеку?

Мы видим, что и сами лассальянцы относились к Швейцеру с большой прохладцей. Его до поры до времени уважали и ценили, но никогда его не любили и никогда ему вполне не доверяли. Но вот с 71 г. лассальянцы освобождаются от этого человека. Движение идет дальше, раздаются голоса о слиянии обеих фракций нем. раб. движения. Как теперь относятся к этому Маркс и Энгельс?

---

[1] См. Protokoll der Generallversammlung des Allg. D. Arb.-Vereins zu Berlin vom 19 bis 25 Mai 1871.

[2] Protokoll u.s.w. zu Berlin vom 22 bis 25 Mai 1872, S. 31.

Самым отрицательным образом. Отношение к лассальянцам у них осталось тем же. После ухода Швейцера они считают лассальянское движение обреченным на гибель. Поэтому готский компромисс, проведенный с эйзенахской стороны Либкнехтом, вызывает у Маркса и Энгельса взрыв негодования. «Им (лассальянцам) следовало оказать крайне холодный и недоверчивый прием, поставить об'единение в зависимость от степени их готовности отказаться от своих сектантских лозунгов»...—писал Энгельс Бебелю [1]. Маркс пишет бешеную критику Готской программы. Причем на этот раз оба стоят уже определенно на одной стороне, на стороне эйзенахцев против лассальянцев.

Этот перелом в отношении Маркса и Энгельса к обеим фракциям немецкого раб. движ. мы наблюдаем приблизительно с 1870 г., когда эйзенахцы явно становятся на путь организации самостоятельной рабочей партии, освободившись от влияния Volkspartei; с этого момента Маркс и Энгельс все чаще говорят об эйзенахцах как о «нашей» партии и решительно становятся на их сторону в борьбе с лассальянцами.

Почему же эйзенахцы с 70 г. кажутся Марксу и Энгельсу лучшей опорой революц. социализма, чем их противники?—Потому, что из обоих направлений рабочего движения эйзенахцы были менее заражены сектантством, более непосредственны, более доступны марксистской обработке. Когда эйзенахцы отказываются от союза с Нар. партией, рушится главная преграда, отделявшая их от Маркса и Энгельса. И основоположники научного социализма со всей решительностью начинают поддерживать эту группу нем. рабочего движения [2].

Понятно глубокое негодование Маркса и Энгельса, нашедших в Готской программе снова старые лассальянские лозунги. Для них это было громадным шагом назад, гнилым компромиссом с ослабевшим врагом, которого оставалось только добить. Конечно, они были и на этот раз принципиально совершенно правы. Вместе с лассальянством в партию вошел и оппортунизм. Но самый факт об'единения, легкость его должны были лишний раз показать Марксу и Энгельсу, как невысока была политич. зрелость эйзенахцев. Эти последние отнюдь не п р е о д о л е л и лассальянства и были еще очень далеки от понимания теории Маркса. Все они учились социализму по брошюрам Лассаля. Не принадлежа к лассальянской организации, они не были в такой мере проникнуты, правда, организационным фетишизмом, следованием за буквой учителя, рабским повторением каждого лозунга Лассаля, как это было у лассальянцев (хотя и у тех—уже с отступлениями: напр., в во-

---

[1] 18—28 марта 75 г. См. Б е б е л ь, Из моей жизни, Гиз, 1925, стр. 309.

[2] Исчерпывающий ответ на все эти вопросы дала бы нам переписка Маркса и Энгельса с В. Либкнехтом, которая, к сожалению, до сих пор еще не опубликована.

просе о проф. союзах[1]. Однако, они очень легко уступили в ряде пунктов своим «противникам». Ставке на «феодальную партию» был, правда, положен конец, но после ухода Швейцера это было решено уже и самими лассальянцами. Зато «сплошная реакц. масса» напоминала и эйзенахцам про их грехи с Нем. Народной партией. Можно, нам думается, сказать, что Готская программа довольно точно отражала уровень, достигнутый тогда в целом обеими фракциями нем. раб. движения в широкой массе их членов.

Однако, все то, что было в лассальянстве сектантского, выдуманного, искусственного, в дальнейшей истории об'единенной социал-демократии было скоро изжито самим опытом массового рабочего движения, самой жизнью и условиями борьбы. Отпал скоро железный закон; исчезло скептическое отношение к профсоюзам и кооперативам; партия привыкает, даже больше необходимого, пользоваться противоречиями внутри «сплошной реакц. массы»; устранены и производительные ассоциации с госуд. кредитом. Зато другое наследство лассальянства осталось не только не поврежденным, но, наоборот, было вскормлено и вспоено условиями последовавшего «мирного» периода развития капитализма. Это второе, прочно воспринятое наследство—лассалевский оппортунизм. Учение о «мирной революции», ставка на всеобщее избирательное право и затем на «положительную» парламентскую деятельность, отрицание диктатуры пролетариата, иллюзии по поводу роли государства,—весь этот оппортунистический арсенал Лассаля был воспринят и развит как теоретически, так и практически в дальнейшей деятельности об'единенной герм. социал-демократии. Тем самым в тактических вопросах с.-д. с самого начала в основном пошла по пути Лассаля, а не по пути Маркса, по пути реформ, а не по пути революции.

Показать все это — задача следующих страниц.

II. ПРОГРАММА «ЭЙЗЕНАХЦЕВ»

Эйзенахский с'езд 1869 года, задачей которого было окончательно оформить организацию «Соц.-Дем. Раб. Партии», был встречен жесточайшей обструкцией со стороны лассальянцев. Проникнув на первое заседание с'езда, они организовали форменный дебош. «Большой шум,—повествует протокол Эйзенахского с'езда.—Швейцерианец Аурин (Берлин) вскакивает посреди собрания на стул, кричит как безумный (wie ein Wahnsinniger) и размахивает руками по воздуху. Понять нельзя ничего». Несколько позднее: «Пауза, во время которой сто швейцерианцев стремятся перекричать друг друга. Никто не понимает своих собственных слов. Скандал не знает ника-

---

[1] Исследование професс. движения, как и ряда др. практических действий обеих организаций не входит в план печатаемых глав, которые основаны гл. образом на материалах партейтагов.

ких границ и в подлинном смысле слова неописуем»... «Швейцерианцы орут во всю глотку. Шум снова неописуем, швейцерианцы держат себя как одержимые (wie Besessene)». Наконец, «многие швейцерианцы пробираются к столу президиума и пытаются его опрокинуть»...[1].

Пришлось очистить с'езд от лассальянцев для того, чтобы продолжать работу. Оформлялась новая партия, по внешним признакам как-будто резко враждебная лассальянцам. Что же противопоставляла она взглядам Лассаля? Имела ли она принципиально другую программу или тактику?

Эйзенахская программа скомпанована из работ Хемницкого с'езда 1866 г. (19 августа) в части практических требований и Нюрнбергского с'езда 1869 г. (5—7 сентября)—в теоретической части. «Улучшение быта рабочего класса,—читаем мы в числе требований демократии, формулированных в Хемницкой программе,—свобода передвижения... промысла... развитие и поддержка кооперативного дела, в особенности—производительных товариществ, в видах устранения антагонизма между капиталом и трудом»...[2]. Как видим,—это—лассалевский лозунг, вдобавок еще плохо понятый и извращенный. Ибо по Лассалю, производит. ассоциации должны быть созданы «свободным» государством, реорганизованным на основе всеобщего избирательного права, которым руководит уже масса трудящихся во главе с пролетариатом. Здесь же—производительные т-ва входят в очередные «требования демократии», обращенные к современному государству... Сохранен ли этот пункт в Эйзенахе?—Любопытно, что в проекте программы, который защищался Бебелем, специального пункта о производит. ассоциациях не было. Но члены с'езда немедленно требуют об'яснений. И Бебель отвечает так. Взятая из программы Интернационала формулировка «замена нынешнего способа производства (система наемного труда)—товарищеским трудом»—«не может означать ничего другого, как «assoziirte Selbstunternehmer». В этом единственно-разумном смысле мы понимаем и «госуд. помощь»[3]. И надо заметить, что со стороны Бебеля это не было каким-либо дипломатическим шагом. В появившейся после с'езда брошюре «Наши цели» Бебель со всей отчетливостью защищает лассалевские производит. ассоциации[4] и для промышленности и для сельского хозяйства. А в своих мемуарах он пишет открыто: «Как сильно было влияние на меня Лассаля, можно видеть из моей первой брошюры «Наши цели», которая появилась в конце 1869 г.»[5].

---

[1] Protokoll über die Verhandlungen des Allg. D. Soz.-Dem. Arbeiterkongress zu Eisenach am 7—9 Aug. 1869. Leipzig, 1869, S. 11, 12, 13.

[2] Меринг, т. IV, стр. 393.

[3] Protokoll zu Eisenach, 1869, S. 30.

[4] A. Bebel, Unsere Ziele, Berlin 1893, S. 18 и др. Примечание Бебеля относится к более позднему периоду.

[5] Бебель, Из моей жизни, т. I, стр. 140.

Однако, с'езд не удовлетворяется ответом Бебеля. И в число ближайших требований социал-демократии внесен добавочный 10 пункт: «Гос. кредит для свободных производит. товариществ» и т. д... Пикантно, кстати, что это предложение вносит не кто иной, как Карл Гирш, будущий редактор «Фонаря», которому предстоит играть в партии немалую роль в первые годы закона о социалистах. Итак, производит. ассоциации входят, и снова в числе ближайших требований, в эйзенахскую программу. Так далеко не заходили и лассальянцы, которые все же лучше знали систему своего учителя.

Когда они в Готе в 75 г. передвинули производит. ассоциации в теоретическую часть об'единенной программы,—они сделали, конечно, лишь шаг вперед.

Теоретическая часть эйзенахской программы в основном построена по образцу Нюрнбергской. Присоединение к программе Интернационала проведено было в Нюрнберге ценою серьезного раскола. Программа Интернационала—говорили ее противники в Нюрнберге—«недостаточна проста, ясна, общедоступна; не указывает ни ясных, твердых целей, ни приемлемых средств для их достижения»...[1]. «Ведь мы не можем,—говорил Пфейфер,—добиться даже свободы коалиций, как же хотят достичь демократического государства? Ведь это—программа фразы, с этим не тронешься с места, так не подобает рабочим союзам. Сперва надо распространить образование и знания, это хотя медленно, но верно приводит к цели»[2]. Вот какие настроения приходилось будущим эйзенахцам преодолевать в своей среде всего за год до окончательного оформления партии. Незначительным большинством в 6 480 против 5 876 голосов удалось провести нюрнбергскую программу. Этих настроений аполитичности, культурничества и т. п. лассальянцы никогда не знали.

Как же звучит эта с таким трудом выработанная теоретическая часть программы? В ней нет решительно ничего, с чем не согласились бы и лассальянцы. Горделиво выступает лассалевский «полный продукт труда». Главная цель партии—«основание свободного народного государства»; первое ближайшее требование—всеобщее избирательное право; решение «социального вопроса» возможно в демократическом государстве. Ясно, что все это по существу лассалевский план, а часто и лассалевская формулировка. Насколько сильно идеализируется понятие о демократии, под которым явно понимается не что иное, как лассалевское всеобщее избирательное право, видно уже из доклада Бебеля, в котором он не раз подчеркивает, что «наша программа должна быть не только социалистической, но и демократиче-

---

[1] Vereinstag der deutschen Arbeitervereine, am 5, 6, 7 Sept. 1868 zu Nürnberg. (Die ersten deutschen Sozialistenkongresse. Frankf. a/M 1906). S. 41. Выступление Venedey.

[2] Ibid., S. 45.

ской» [1], что быть демократами не менее важно, чем социалистами. Либкнехт еще в Нюрнберге говорил: «демократический и социалистический—для меня вообще идентичные понятия» [2]. Этот «парадокс» означал лишь иначе выраженную и несколько искаженную при этом мысль Лассаля, что образующееся на основе всеобщего избир. права демократическое государство и есть основная сила, достаточная для построения социализма. До какой наивности доходили в развитии этой мысли даже вожди эйзенахцев, показал на с'езде и Бебель. Когда кто-то предложил требовать избир. права с 17-летнего возраста, ибо в случае войны в солдаты берут и этот возраст,—Бебель возражает так: это неправильно, ибо «если будет проведено всеобщее избирательное право, тогда мы имеем демократическое государство, а при нем войны становятся вообще невозможными» [3]. Теперь понятно, почему быть демократом, стоять за демократическое государство—то же самое, что быть социалистом. Странно только, что и мелко-буржуазная Нар. партия требовала демократического государства... Это смутно выразил рядовой участник конгресса Зейферт заявивший, что, быть может, лучше говорить не просто демократическое государство, а—социал-демократическое государство, чтобы отгородиться от Volkspartei [4]. Но это наивное предложение, конечно, было сразу отвергнуто. Демократия—«народное» государство—всеобщее избирательное право—эта цепь осталась основным фундаментом программы. Эйзенахцы, как мы видим, с самого начала идут полностью по стопам Лассаля в этом кардинальнейшем пункте его учения. Вспомним, как сам Лассаль восклицал в Франкфурте: «Я не имею ни охоты, ни призвания говорить с кем бы то ни было, кроме демократов» [5].

А Энгельс 5 сентября 1869 года с язвительной иронией писал Марксу про «дебаты на Эйзенахском конгрессе о социал-демократической, демократически-социальной или социал-демократической плюс демократически-социальной рабочей партии»... [6].

Нет никакого сомнения не только в том, что Эйзенахская программа—лассальянская по своему содержанию, но и в том, что и масса и вожди эйзенахцев были воспитаны на Лассале, говорили его языком, жили его мыслями (за исключением, может быть, одного Либкнехта, который, однако, пока плыл по течению). Посмотрим, однако, как развиваются теоретические взгляды эйзенахцев на следующих конгрессах вплоть до об'единения.

Первым пунктом в повестке Штуттгартского с'езда 1870 г. (4—7 июня) стоял вопрос о профдвижении. Как же формулирует докладчик по

[1] Protokoll zu Eisenach, 1869, S. 16.

[2] Nürnberg, 1868, S. 48.

[3] Eisenach, 1869, S. 33.

[4] Ibid., S. 31.

[5] F. Lassalle's Reden u. Schriften, B. II. S. 577 Arbeiter-Lesebuch.

[6] Briefwechsel, B. IV. S. 193. Такое предложение (дем.-соц. партия) было действительно внесено на с'езде Бебелем.

этому вопросу, Иорк, задачи профессиональных союзов? Эти задачи—«не только» повышение заработной платы, и не провоцирование забастовок для этой цели. Задачи гораздо выше: сокращение рабочего дня! Ведь ниже нынешнего уровня зарплата все равно не упадет; таков прожиточный минимум. Поэтому сокращение рабочего дня—это действительно облегчение и шаг вперед. А так как при этом будет и больший спрос на рабочих (vermehrtes Arbeiterbedürfniss), то повысится и заработная плата. Кроме того, освободившееся время рабочего имеет и другое значение, ибо задача профсоюзов—«не только» беречь рабочих от несчастных случаев и подымать их заработную плату, «но продвигать их вперед в духовном отношении, учить их, организовывать и подготовлять к производительным товариществам». Наконец, у рабочего есть еще политическая цель. Ведь в государстве все идет по установленным законам, которые пока невыгодны для рабочих. Нужно, поэтому, использовать путь к участию в законодательстве, и это приведет к цели скорее, чем всякие забастовки...[1].

Бросается здесь в глаза чисто-лассальянская аргументация необходимости борьбы за сокращение рабочего дня. Интересно, что основная задача профсоюзов—не ведение классовой борьбы, а осуществление спасительных социальных рецептов; не постепенная подготовка неизбежного классового восстания, а подготовка рабочих «в духовном отношении» к производит. ассоциациям. Политические задачи профдвижения исчерпываются «использованием пути» к участию в законодательстве, т. е. подачей избирательных записок за кандидатов социал-демократии; от этих кандидатов тем самым ожидается именно достижение отдельных законодательных уступок, а парламентская деятельность должна заменить стачечное движение. Наконец, стачки везде—на втором плане, затушеваны, запрятаны; конечно, нет прямого их запрещения, но везде о них говорится с добавлением «не только», с прозрачным намеком на негодность этого средства... Глубоко реформистский, оппортунистический характер имеет вся эта установка. И оппортунизм этот—чисто лассальянского происхождения. Задачи профсоюзов здесь по всем пунктам увязаны с задачами рабочей партии, как их понимал Ф. Лассаль. Правда, доклад читает Иорк, сам недавний лассальянец, но выступает он от имени правления партии и ни одного возражения не встречает на с'езде. Да и резолюция говорит о просвещении и о содействии общественным производственным предприятиям как основных задачах профессионального движения... Нечего и говорить, что идейные основы профессионального движения понимались эйзенахцами так же, как и сторонниками Швейцера. Разница была в организационной структуре, в том, что эйзенахцы и здесь стояли за «демократию» и против «диктатуры». Но об этом особо.

---

[1] Protokoll über den ersten Kongress der Soz.-Dem. Arbeiterpartei zu Stuttgart am 4—7 Juni 1870, Lpz. 1870, S. 6—7.

Нам теперь понятно, почему Либкнехт еще в Эйзенахе говорил, что он борется со Швейцером, но не с Вс. Герм. Раб. Союзом [1]. Он мог бы формулировать это еще резче: эйзенахцы боролись против Швейцера, но не против Лассаля...

Как нельзя более характерно, что южно-немецкие рабочие, отколовшиеся от Швейцера за его стремление закрыть их газету «Пролетарий», выражая желание присоединиться к эйзенахцам, выставили на Штутгартском конгрессе лишь такие три условия: 1) борьба против всех буржуазных партий без всякого соглашения (Zusammengehen) с какой-либо из них; 2) постепенная централизация партийной организации; 3) сохранение «Пролетария» [2]. Последнее разумелось само собой, а первые два условия и формулировали то, что еще разделяло с точки зрения лассальянцев обе фракции движения. Ни одного программного требования не пришлось выставить баварцам: программных разногласий не было... Соглашение с Volkspartei, а с другой стороны—ставка на «феодальную партию», и организационная структура, — вот что пока разделяло обе фракции немецкого рабочего движения.

Дрезденский с'езд 1871 г. (12—15 авг.) не вносит ничего нового в наше исследование. Докладчик по вопросу о нормальном рабочем дне, тот же Иорк, с то же последовательностью повторяет те же выводы. Зарплата, мол, все равно не может упасть, а подняться может, ибо при сокращении рабочего дня потребуется в производстве больше рабочих. На этот раз при одобрении с'езда он и прямо упоминает имя Лассаля: «Мы все выросли под этим знаменем (знаменем Лассаля—*А. Б.*), мы все готовы присягнуть тем идеям, для которых в свое время Лассаль, столь заслуженный в социалистическом рабочем движении, мастерской агитацией нашел доступ (Eingang verschaffte) в сердца и умы немецких рабочих» [3]. А в заключительном слове подчеркивает, что радикальное лечение — вместо системы наемного труда установить передачу полного дохода труда рабочему...

А Бебель, докладывавший с'езду о всеобщем избирательном праве для отдельных государств и общин, на этот раз резко, по-лассалевски, нападает на либералов, с восторгом говорит о близком торжестве партии по введении всеобщего избирательного права и бодро заявляет: «Социалистическое государство... (!) есть лишь вопрос времени» [4]. Мы видим, как легко «демократическое государство» превратилось уж даже не в социал-демократическое, как в Эйзенахе заикнулся Зейферт, а прямо в «социалистиче-

---

[1] Eisenach, 69, S. 53.

[2] Stuttgart, 1870, S. 9.

[3] Protokoll über den zweiten Kongress der Soz.-Dem. Arbeiterpartei, abgeh. zu Dresden am 12.—15. Aug. 1871, Lpz. 1872, S. 6.

[4] Ibid., S. 31.

ское государство». Мы видим, что среди эйзенахцев не одному Либкнехту казалось, что «демократический и социалистический—идентичные понятия».

Ничего не меняет в наших выводах и Майнцский с'езд 1872 г. (7—11 сентября), вообще бледный в связи с отсутствием главных вождей, отбывавших тюремное заключение. Зато Эйзенахский с'езд 1873 г. (23—27 авг.) знаменует, наконец, нечто новое. Незадолго до с'езда вышла брошюра В. Браке под названием «Лассалевский проект». Брошюра была направлена прямо против учения Лассаля. С чем же несогласен Браке? Он видит заслуги Лассаля в правильном анализе экономических отношений капиталистического общества, в правильном указании основных задач («полный доход труда»), в подчеркивании «высшего культурного интереса» для всего человечества, который представляет рабочее движение; наконец, Лассалем «несомненно удачно представлено, что государство имеет святую обязанность служить культурным интересам человечества, и что государство—средство создать правовое выражение справедливым требованиям рабочего класса (!)». На что же нападает Браке?—На лозунг производит. ассоциаций. Дело в том, что «политические предпосылки», при которых Лассаль предполагал их осуществление, будто бы состояли в том, чтобы бороться на стороне правительства против буржуазии. Поэтому проект Лассаля—«это тщетно стремящийся к доступу ко двору королевско-прусский правительственный социализм»... (S. 45). Поэтому и проведение проекта в рамках капиталистического общества плодило бы лишь маленьких капиталистов, внесло бы раздор в среду рабочего класса и не разрешило бы социального вопроса...[1].

Такова критика лассальянства из уст одного из самых передовых вождей эйзенахцев в 1873 году. Ясно, что Браке критикует проект производительных ассоциаций в том виде, как он вошел в программу эйзенахцев, а отнюдь не в том смысле, какой он имел в «Гласном ответе» Лассаля. Его стрелы летят мимо цели; они обнаруживают лишь ту неясность и путаницу, которая царила по этому вопросу в головах эйзенахцев. Именно у них производительные ассоциации входили в число требований к королевскому правительству. По Лассалю же они должны быть созданы тем самым «демократическим государством», которое об'явлено главной целью партии в эйзенахской программе, или же тем «социалистическим» государством, о котором с таким восторгом говорил Бебель в Дрездене....

Однако, всего важнее здесь другое. Критика передового эйзенахца не направляется ни против лассалевской теории государства, которую он сочувственно поддерживает, ни против всеобщего избирательного права, как основной, «решающей» задачи, ни против «железного закона заработной платы», ни против «полного дохода труда» и т. д. Главное же—не против общего оппортунизма, проникающего систему Лассаля. Критика коснулась

---

[1] См. W. Bracke, Der Lassalle'sche Vorschlag, Braunschweig, 1873.

лишь лозунга производительных ассоциаций, да и то при неправильном, искаженном понимании этого лозунга.

Вдобавок, нападки на производительные ассоциации сведены у Браке к нападкам на тактику соглашения с юнкерами, от которого в этот момент лассальянцы уже отказались.

Тем не менее, самый факт критического отношения показывает, что некоторые из чудодейственных рецептов Лассаля начинают вызывать сомнение, что сектантские элементы лассалевского учения начинают постепенно терять свою притягательность, начинают блекнуть под ударами опыта массового рабочего движения и под влиянием уроков Парижской Коммуны. Этот процесс одновременно происходит и у лассальянцев, которые к этому времени окончательно отказываются от отрицательного отношения к профсоюзам, излечиваются от соглашений с правительственной партией и т. п. Тот же процесс идет и у эйзенахцев. И у них он мог бы проходить гораздо смелее, быстрее, чем это было на деле, ибо эта группа с самого начала условиями самой борьбы была все же поставлена в оппозицию к лассальянской организации, накопила много озлобления по отношению к противникам и никогда не воспитывалась в тех условиях организованного фетишизма по отношению к системе Лассаля, какие были созданы у лассальянцев. Та несмелость, которая, наоборот, проявилась в критике эйзенахцев, медленность всего процесса обнаружили лишь то, как глубоко проникли идеи Лассаля в толщу немецкого рабочего класса, какую благодарную почву находил, повидимому, общий реформистский характер его системы [1]. Эта приемлемость основ его учения мешала и процессу отсеивания сектантских, нежизненных, обреченных на слом элементов этого учения.

Браке выступил на Эйзенахском с'езде с предложением снять в программе пункт о производительных товариществах, заменив его пунктами о профессиональном движении, об отмене частной собственности и т. п. Какой прием встретили его предложения?—Очень неопределенный прием. Фишер и Ауэр высказываются против них, Кюн и Кокоский—сочувственно, а с'езд легко принимает резолюцию Гейба: избрать комиссию, которая доложит следующему конгрессу, следует ли и в какой мере вводить изменения в программу» [2].

Но к с'езду в Кобурге 1874 г. (18—21 июля) оказалось, что инициатива Браке вызвала целый ряд откликов. С'езду был предложен большой букет разнообразных предложений. Они подняли ряд новых вопросов. Длинное предложение А. Штамма, например, подробнейшим образом развивало по-

---

[1] Социальные особенности этой «почвы» анализируются в заключительной главе всей работы.

[2] Protokoll über den fünften Kongress der Soz.-Dem. Arbeiterpartei, abgeh. zu Eisenach, am. 23—27 Aug. 1873. Lpz. 1873. S. 46—47.

ложения Базельского конгресса о национализации земли, рудников, транспорта. Характерно при этом, что весь ряд пунктов автор предполагал провести, во-первых, мирным путем, во-вторых, посредством выкупа, в-третьих, руками «народного государства», в-четвертых, путем сдачи национализированной земли в аренду товариществам, общинам (а также и частным лицам...), в-пятых, избегать затем централизованного руководства и т. д. [1].

Гейб предлагал вместо пункта о производительных товариществах—вставить пункты о профсоюзах, об ограничении наследования (!) и о гос. и проф. поощрении производительных товариществ с демократическими гарантиями» [2]. Вот это называется клин клином выбивать...

Поднят был и вопрос о переходном периоде, который предполагался по образовании «народного государства». Путаница, разноголосица, дробность, часто мелочность предложений были так велики, что конгресс ничего не мог разрешить сразу. Комиссия сговорилась лишь на необходимости изменить (но не устранить) пункт о производительных ассоциациях, осветить аграрный вопрос и правильнее формулировать пункт о «полном доходе труда». Либкнехт вынужден был признать, что радикальное изменение программы еще невозможно, ибо «не хватает еще достаточной ясности». Но хотя «партия теоретически переросла свою программу, однако, последняя не является пока тормозом (einen Hammschuh bildet es nicht), ибо она в своих основных положениях содержит коммунистическое мировоззрение» [3]... и вопрос был снова отложен до следующего конгресса, с тем, чтобы подвергнуть его всеобщей дискуссии. Но следующий конгресс оказался конгрессом об'единения с лассальянцами.

Каковы же наши выводы? До 1873 года в массе членов Социал-Демократической Рабочей Партии («Эйзенахцев») оставались непоколебленными все основные идеи учения Лассаля. За этот период даже в теоретической области партия эйзенахцев складывается как вполне лассальянская партия. От лассальянской организации ее отделяет еще три основных разногласия: 1) линия швейцерианцев на соглашение с Бисмарком и линия эйзенахцев на соглашение с Народной Партией; при чем уже с 1871 года и та и другая группа отказываются каждая от своей тактической ошибки, но обе продолжают не верить друг другу в искренности этого отказа; 2) организационная структура: «диктатура» у лассальянцев, рыхлый демократизм—у эйзенахцев; 3) до 1871 г.—остатки разногласий по вопросу о национально-об'единительном движении: великогерманские настроения у эйзенахцев и мало-германские (в связи со ставкой на Пруссию и Бисмарка)—у лассальянцев.

[1] Protokoll über den sechsten Kongress u. s. w. zu Coburg, am 18—21 Juli 1874, Lpz. 1874, S. 6—7.

[2] Ibid., S. 4.

[3] Ibid., S. 79.

Все эти разногласия были в основном сняты самой жизнью к 1873 г. Но к тому же времени возникает критическое отношение к некоторым элементам учения Лассаля—в обеих фракциях, при чем больше—у эйзенахцев. Эта критика, однако, и у последних не затрагивает самого существа лассалевской системы: фетишизации всеобщего избирательного права и ставки на мирный путь развития. В период 1873—75 г.г. поэтому не оставалось уже серьезных разногласий между двумя фракциями немецкого рабочего движения; об'единение было естественным и необходимым следствием самого развития обеих, а отнюдь не результатом каких-либо ошибок со стороны вождей эйзенахцев.

Правильно ли, однако, наше утверждение, что эйзенахцы ставили ставку на мирный путь развития? Чтобы проверить это, нам придется рассмотреть прения и резолюции конгрессов по вопросу о тактике партии.

III. ТАКТИКА

В своих «Косвенных налогах» Лассаль так формулирует свое понимание революции:

«Я об'яснил то научное значение слова революция, в каком я его всегда разумею. Значение это состоит в том, что на месте существующего порядка вещей ставится новый принцип, безразлично, делается ли это путем насилия, или без него.

«В этом смысле, говорю прямо, я убежден, что революция должна, во всяком случае, совершиться в будущем.

«Она совершится или вполне законным путем, среди всех благодеяний мира, если благоразумно решатся во-время произвести ее сверху, или же она, сопровождаемая насильственными потрясениями, ворвется с дико развевающимися волосами, с железными сандалиями на ногах».

«Так или иначе, но она придет...» [1].

Но когда Лассалю приходилось открыто говорить, какой же путь он предпочитает, оказывалось, что его стремление—не допускать насилия, «заранее открыть клапан, чтобы предупредить взрыв». Действительно, вся практика, все действия Лассаля, весь его стратегический план были рассчитаны именно на «мирную» революцию через всеобщее избирательное право и демократические реформы. Именно поэтому лассалевский лозунг всеобщего избирательного права, имея ту положительную сторону, что призывал рабочих к сознательной политической борьбе, заключал в себе с самого же начала и вреднейший яд реформизма, демократических иллюзий, отказа от подлинно-революционных методов борьбы.

В какой мере шли эйзенахцы за Лассалем в этом основном вопросе?

[1] Ф. Лассаль, Сочинения, т. I, стр. 284—285.

В 1869 году вышли две брошюры двух лучших вождей эйзенахцев: «Наши цели» Бебеля и «Политическая позиция с.-д.» Либкнехта. Вот что писал Бебель:

«У нас есть только два пути для достижения цели. Первый: после установления демократического государства—постепенное вытеснение частных предпринимателей законодательным путем. Этот путь можно было бы избрать, если бы господствующие круги (die betheiligten Kreise), против которых направлено с.-д. движение, со временем стали благоразумны (zur Einsicht gelangten) и стремились бы (suchten) сами путем компромисса осуществить свое уничтожение (Untergang) как эксплоатирующих классов и свой переход как равных в члены общества.

«Второй, решительно более короткий, но и более причиняющий насилия (gewalttätigere) путь был бы—насильственная экспплоатация, устранение частных предпринимателей одним ударом, все равно, какими средствами.

«Т. о., исход кризиса зависит от самого класса капиталистов, характер кризиса будет определен тем способом, каким они будут употреблять находящиеся в их руках средства власти»[1].

Мы впоследствии убедимся, что эта мысль стала господствующей среди немецких социал-демократов, что ее на разные лады будут не раз повторять. А ее происхождение не вызывает сомнений. Допущение мирного пути, а отсюда (как мы увидим) и ставка на этот мирный путь развития взяты у Лассаля.

Но вот что писал в то же время Либкнехт:

«Мы наталкиваемся на ту безрассудную переоценку всеобщего избирательного права, которая, опираясь преимущественно на авторитет Лассаля, доходит до настоящего идолопоклонства... предположим, что... удалось бы, как об этом мечтают некоторые политические фантазеры среди социалистов, избрать в рейхстаг с.-д. большинство.

«Настал момент для преобразования общества и государства. Большинство принимает всемирно-историческое решение, наступает новая эра,—да нет же, рота солдат прогонит из храма соц.-дем. большинство, а если упрямцы не хотят с этим спокойно примириться, то несколько полицейских отводят их в арестный дом, где им дают время предаться размышлениям по поводу своего донкихотского образа действий»[2]. И Либкнехт делал вывод, что социализм—вопрос силы, который решается не в парламенте, а на улице, на поле сражения. Говорить речи в парламенте—лишь утеха глупцов (Thoren Vergnügen), и, даже как агитационное средство, трибуна Рейхстага бесполезна.

[1] A. Bebel, Unsere Ziele, 1893, S. 53.

[2] «Ueber die politische Stellung der Soz.-Dem., insbesondere mit Bezug auf den Reichstag. Von W. Liebknecht, London, 1889, S. 15—16.

Конечно, вся эта «бойкотистская» установка была неправильной, ибо ситуация в Германии в 1869 году отнюдь не была революционной. Этим об'ясняется ироническое отношение Маркса к этой брошюре[1]. Кроме того, корни всей позиции Либкнехта по отношению к северо-германскому рейхстагу уходили в его прочные «великогерманские» настроения. «В сев.-герм. рейхстаге,—пишет Бебель в своих мемуарах,—Либкнехт видел творение, с которым надо бороться всеми средствами до полного его уничтожения»[2]. Вот откуда, собственно, идет демонстративный бойкотизм Либкнехта. Но, как бы то ни было, эта брошюра является исключительным и чуть ли не единственным произведением для германской социал-демократии по своей решительной установке на революционные методы борьбы. Недаром каждая новая оппозиция использовывала в позднейшем эту речь Либкнехта. Но в условиях 1869 года она не встретила отклика. «Солдат революции» должен был скоро убедиться, что его призыв оказался неуместен. Его соратник по партии и по рейхстагу, чуткий Бебель, старательно и деловито выступает в «парламенте» с самыми прозаическими поправками, предложениями, законопроектами. Когда по предложению Бебеля рейхстаг отменяет рабочие книжки,—это расценивается у эйзенахцев, как большая победа партии. «Сначала,—рассказывает Бебель,—Либкнехт сам вносил поправки к законопроектам, но очень скоро у него возродилась старая антипатия к парламентаризму и выразилась в очень страстных спорах между нами по вопросу о тактике»[3].

Конечно, в этих спорах победил Бебель. Либкнехт шаг за шагом отступает от своей позиции, отказавшись не только от своего «ультра-левого» бойкотизма, но и вообще от всей своей брошюры 1869 г., выплеснув, т. о., из ванны вместе с водою и ребенка. Его брошюра встречает отклик лишь в 1890 г. у «молодых», подхвативших ее революционное содержание (ее использовал и Мост в 1880 г.), но к этому времени сам Либкнехт, которому стало на 20 лет больше, уже резко отмежевывается от своей «юношеской» речи[4]. Опыт движения, опыт с.-д. практики 70-х и 80-х г.г., казалось бы, показывал правоту Бебеля, а старый солдат революции никогда не был настолько теоретиком, чтобы видеть дальше своего времени, готовить партию и к грядущей эпохе войн и революций.

---

[1] Briefwechsel, B. IV, S. 188. Письмо от 10 авг. 1869.

[2] Бебель, Из моей жизни, ч. II, вып. 1, стр. 149.

[3] Ibid., S. 143.

[4] «Я, наученный фактами, и вследствие изменившихся отношений, не могу сохранить прежнюю точку зрения»—говорил Либкнехт в Эрфурте (S. 203). И продолжал: «Тут говорят: если вы и будете иметь большинство,—тогда явятся на сцену солдаты; я отвечаю: дайте нам хоть раз дойти до этого, тогда мы проверим. До сих пор еще никакая система управления не господствовала долго против выраженной воли большинства народа» (Protokoll, zu Erfurt, 1891, S. 210).

Уже эйзенахский конгресс 1869 г. обнаруживает со всей отчетливостью, что с.-д. партия конституируется прежде всего как партия легальная, что для этой легальности партия готова пожертвовать многим в своей программе. Известно, например, что Энгельс в 1891 году выставил упрек, что в Эрфуртской программе нет простого требования республики. На эту тему, оказывается, был не малый бой уже в Эйзенахе в 1869 г. В прениях по программе и уставу партии целый ряд делегатов пытаются то в одном, то в другом пункте провести требование республики. Ниппольд предлагает назвать партию не социал-демократической, а социал-республиканской. Это, конечно, отклоняется: слово демократический нельзя трогать, оно «идет дальше», чем республиканский, как заявляет Риттинггауфен [1]. Но когда при обсуждении требования «демократического государства» выступает Левенштейн вновь с предложением заменить это «республиканским государством»,—приходится выступить самому Либкнехту: «Ни один союз не получит разрешения на организацию по Уставу, в котором целью указана республика» [2], — заявляет он. Повидимому, довод показался Левенштейну неубедительным. В следующем году в Штуттгарте он снова вносит свою поправку; но на этот раз Либкнехту и не понадобилось выступать против нее: кроме Левенштейна, остальные делегаты, повидимому, уже усвоили значение довода.

На Штуттгардском конгрессе 1870 г. Либкнехт читает доклад «о политической позиции партии». Он все еще упорствует на положениях своей прошлогодней брошюры: «В рейхстаге не «делают историю», а ломают комедию, члены говорят и делают то, что подсказывает им суфлер»... Но практически, на деле, он уже сдает. «Все же, из практических и тактических соображений, я за то, чтобы мы приняли участие в выборах рейхстага. Было бы скверно оставлять поле врагам» [3]. Однако, одного он требует: никаких союзов с буржуазными партиями, в том числе и с народной, и с прогрессистами. Забавно, кстати, звучит такой радикализм у Либкнехта, который всего полгода назад еще состоял в союзе с народной партией. Но трезвый Бебель и здесь не делает уступок. Он выступает против замечания Либкнехта о Народной Партии.—«Главный враг—бисмарковская Пруссия, и поскольку Народная партия выступает против нашего главного врага,—нам с ней по пути». Смысл этого выступления Бебеля становится ясен, когда принимается резолюция: партия при выборах не входит ни в какие соглашения, но там, где она не выставляет своего кандидата, она голосует за такого из других кандидатов, которые «хоть в политическом отношении приближаются к нашей точке зрения». Этот своеобразный компромисс реально, конечно, означал полную победу тактики Бебеля.

[1] Eisenach, 1869. S. 29.
[2] Ibid., S. 31.
[3] Stuttgart, 1870. S. 12.

несмотря на общие фразы об «агитационном средстве», которые ввел в резолюцию Либкнехт и в Штутгарте и позднее в Эйзенахе в 1873 г.

А на следующем конгрессе в Дрездене 1871 г. Бебель выражается уже со всей ясностью. Если мы добьемся от правительства всеобщего избирательного права,—говорил он в докладе на эту тему,—за нами пойдут тысячи мелкой буржуазии, и тогда никто не сможет противостоять нам. «И я утверждаю, господа, что у нас нет нужды апеллировать к насилию (насилие, это, конечно, революция.—*А. Б.)*. Когда народ встает единодушно, из'являя свою волю (seinen Willen kund thut), я хотел бы увидеть, кто станет ему противодействовать. Нам нечего апеллировать к насилию, а если его применят из страха и отчаяния наши враги, то, в конце концов, идей нельзя расстрелять, идей нельзя сжить со свету (aus der Welt schaffen) ружейными выстрелами. (Браво!)» [1].

И в общий хор одобрения этой речи один лишь Гирш (из Криммичау) вносит некоторый диссонанс, заявляя, что «насчет действенности всеобщего избирательного права он — большой, упорный еретик» [2]. Что он «вообще не верит в чудеса, не верит и в это чудо». А поэтому, «если тов. Бебель сказал, что мы не будем стремиться достичь нашей цели кровавым путем, то для меня остается вопросом (lasse ich dahingestellt), как мы к ней придем» [3]. Но и Гирш присоединяется к резолюции Бебеля, поскольку вообще-то всеобщего избирательного права достичь нужно. Резолюция принята единогласно, а скептицизм Гирша легко замалчивается. Молчит и Либкнехт...

Но Либкнехт заговорил в 1874 году в Кобурге. В докладе перед широким открытым собранием он говорил на знакомую нам тему: «о политической позиции партии»:

«...Как демократы, мы добиваемся государства, которое имеет своей задачей социалистическое управление (!) и которое... станет настоящим «культурным государством» путем освобождения труда...».

«...Даже этим ржавым, недостаточным оружием, законами, установленными п р о т и в нас, мы решаемся победить врага. Ни в каком случае не позволим нас совлечь с почвы закона, что послужит на пользу лишь нашим врагам. И не будем вдаваться в область путча, куда нас хотят вовлечь... всевозможными провокациями. Мы предоставим это нашим врагам, ломать их собственные законы...».

«Самая широкая революция может быть проведена путем реформ» [4].

Кажется, достаточно ясно. А по поводу парламентской деятельности Либкнехт заявляет: «Если наши представители смогут провести что-либо законодательным путем в интересах рабочего класса,—хорошо, тогда они

[1] Protokoll zu Dresden, 1871, S. 39.
[2] Ibid., S. 40.
[3] Ibid., S. 42.
[4] Coburg, 1874, S. 34.

должны это сделать. Мы не гоним кавалерию принципов (Prinzipienreiterei)»[1].

Как видим, уже в 1874 г. В. Либкнехт совершил достаточно крутой поворот.

Уступив в вопросах парламентской тактики, он уступил и в другом, в вопросе о революционных средствах борьбы вообще. Увы, «принципы неделимы», как говорил сам Либкнехт в 1869 г. Став на путь легальности, «солдат революции» постепенно становится рыцарем реформы.

Еще в «Наших целях» Бебель писал: «...Так как вопрос тут идет не о порабощении большинства меньшинством, а о равноправии и равном положении всех, то не может быть и речи о стремлении рабочих к классовому или сословному господству. Наоборот, рабочий класс стремится к такому разумному демократическому обществу, какого свет еще не видывал»[2].

В этом же смысле понимали эйзенахцы пункт своей программы (взятый из устава I Интернационала), гласивший: «Борьба за освобождение рабочего класса—есть борьба не за классовые привилегии и преимущества, а за равные права и равные обязанности и за уничтожение классового господства».

То же подчеркивает в своем докладе от имени правления партии на открытом заседании Майнцского конгресса 1872 г. Мост: «Нам охотно делают упрек, что мы хотели добиться исключительного господства рабочих в государстве. Это—совершенно ложно. Наша программа отчетливо высказывает: никакой борьбы за классовое господство. Сегодня господствуют еще юнкера, попы, буржуа. Это господство должно пасть, и на место старых мы не хотим никаких новых привилегий; мы хотим господства народа через весь народ»[3].

Мы видим, что демократизм эйзенахцев исключал всякое представление о диктатуре пролетариата. Выражаясь современными терминами, это был демократизм буржуазный, а не пролетарский демократизм. В этом отношении заслуживают интереса программные предложения, внесенные к Кобургскому с'езду 1874 г. Предложения Гейба, Иосифа Дицгена, Штамма, особенно ярко-оппортунистические предложения Сильвануса—любопытные образцы теоретической разработки «переходного периода» при буржуазной демократии... И здесь эйзенахцы шли полностью в хвосте лассалевского реформизма.

[1] Coburg, 1874, S. 34.

[2] Unsere Ziele, von A. Bebel, Brl. 1893. S. 18.

[3] Protokoll über den dritten Kongress der Soz.-Dem. Arbeiter-Partei, abgeh. zu Mainz, am 7—11, Sept. 1872, Druck von W. Bracke in Braunschweig, S. 9.

На втором с'езде РСДРП, где были приняты программа и устав партии, произошел раскол большевиков и меньшевиков. На первый взгляд мелкие. незначительные разногласия, разделявшие эти две фракции тогда еще единой русской социал-демократии, привели в решающий момент революции эти две фракции на разные стороны баррикады: одна стала во главе пролетарского восстания, другая стала верным орудием русской буржуазии. Известно, что эти разногласия начались с формулировки § 1 устава. Известно, что кроме организационной стороны, в этом споре был скрытый классовый смысл: будет ли партия в основном—рабочей партией или же, при рыхлой меньшевистской формулировке обязанностей члена партии, она будет засорена мелко-буржуазными попутчиками.

Находим ли мы что-либо аналогичное в истории германской социал-демократии? И в Эйзенахе, и в Готе, а затем и в новом уставе, принятом в Галле в 1890 г., соответствующий пункт устава немецкой социал-демократии был изложен даже «хуже», чем в формулировке Мартова, на которую ополчился Владимир Ильич. Кроме платонической «поддержки» партии да уплаты взносов, от члена партии требовалось лишь разделять основные положения программы. У нас на II с'езде лишь «экономист» Акимов (его поддерживал и Либер) решился предложить такую формулировку, при чем против нее высказался даже Мартов, который стоял за обязательность всей программы в целом для каждого члена партии. А со стороны большевиков раздался лишь издевательский голос Павловича, который ехидно выразил удивление по поводу того, что Мартов не идет и за Акимовым...[1]. Мы видим, однако, что Акимов предлагал лишь то, что всегда входило в устав наиболее авторитетной партии II Интернационала.

Однако, в истории германской с.-д. этот пункт не играл значительной роли. Там никогда не придавали большого значения формулировке первого пункта устава; по поводу него ни разу не было сколько-нибудь принципиальных споров. В Эйзенахе, например, спорили лишь о высоте партийного взноса; отдельные делегаты (Шпир и др.) требовали его уменьшить.

Тем не менее в протоколах с'ездов эйзенахцев мы находим любопытные споры, вполне соответствующие по своему содержанию тому, что скрывалось под спорами о § 1 устава на II с'езде РСДРП.

На Эйзенахском конгрессе 1869 г. предложено было назвать Ц. О. партии: «Народное государство», с подзаголовком: «орган соц.-дем. рабочей партии». И вот, слово берет Бебель, чтобы предложить не называть партию—рабочей. Ибо, хотя «наша партия, конечно, охватывает главным образом рабочих, но также и многих, которые не являются рабочими»[2]. К Бебелю присоединяется и докладчик по этому вопросу (о Ц. О.), Браке, который добавляет, что «сами основоположники социализма, как Фурье,

[1] См. «Протоколы 2-го с'езда РСДРП», стр. 235.
[2] Protokoll zu Eisenach, 1869, S. 54.

Сен-Симон, Маркс и т. д. вовсе не были рабочими. И Лассаль—тоже не был». Разгораются очень напряженные прения, атмосфера сильно сгущается, но мнение Бебеля берет верх, и конгресс принимает формулировку: «орган социал-демократической партии»... Тут подымаются Фрицше и Бремер, отказываются от своих мандатов и хотят уйти с собрания. Воцаряется настороженное молчание, в воздухе пахнет расколом. Хотя резолюция уже принята, дебаты открываются снова, и Распе (из Эссена) предлагает вновь вставить спорное слово (Arbeiterpartei), «чтобы не могло возникнуть представления, будто рабочие оттолкнули от себя рабочих». И предложение это единогласно принимается конгрессом.

Этот как будто незначительный инцидент, по существу, имел принципиальнейшее значение.

Достаточно вспомнить, какую исключительную роль сыграли в истории германской с.-д. мелко-буржуазные попутчики, чтобы понять, что этот спор, возникший на первом же с'езде партии, обнаруживал уже наперед принципиальную установку с.-д. в этом вопросе. Будет ли партия вести решительную борьбу с мелко-буржуазными настроениями, отстаивая чистоту пролетарской идеологии, или пойдет на ряд уступок массе своих попутчиков? Этот большой вопрос, как и в истории российской социал-демократии, отражался всеми своими контурами в «маленьком» вопросе о подзаголовке Ц. органа партии. Интересно, кстати, что еще 16 ноября 1864 г. Энгельс писал Марксу по поводу названия «Социал-демократ», принятого органом лассальянцев: «Но каково название: социал-демократ! Почему им не назвать эту вещь именно «Пролетарий»? [1]. Но что почувствовал Энгельс, того не понимали вожди эйзенахцев. Даже после окончательного голосования на конгрессе, Гофштеттен и Иорк еще пробовали поворчать о том, что вот ведь и Швейцер не внес слова «Arbeiter», чтобы вовлечь более широкие слои в свою партию, а мы вот глупости делаем...

В отличие от российской с.-д., у эйзенахцев вопрос о социальном составе партии не был скрыт за спорами о форме организации. Тот же, по существу, вопрос там ставился открыто, грубовато, в ничем не завуалированной форме. Поэтому и не могло пройти сразу то, что мы сейчас назвали бы меньшевистской формулировкой. Рабочие—участники конгресса не позволили вычеркнуть классовый признак в названии партии. Характерно все же, что линия вождей партии в этом вопросе оказалась иной. Либкнехт, правда, промолчал в Эйзенахе; ему «интеллигенту», неудобно было выступать открыто, как Бебелю. Но он заговорил немного позже. Еще более характерно, что бой отнюдь не был закончен. Продолжение его мы встречаем почти на каждом следующем конгрессе эйзенахцев.

Открываем, например, протокол дрезденского конгресса 1871 г. В текущих делах (!) Бебелем вносится предложение назвать партию «Социал-

[1] Briefwechsel, B. III, S. 196.

демократической партией». Мотивы его таковы: «нынешнее название партии, «социал-демократическая рабочая партия»,—по меньшей мере бессмыслица (Unding), поскольку оно дважды говорит об одном и том же. Социал-демократическая партия может быть только рабочей, а рабочая партия может быть только социал-демократической. Правильно будет таким образом, если мы назовем себя либо социал-демократической партией, либо рабочей партией. Я предлагаю первое название в качестве официального названия партии, потому, что оно делает без всяких размышлений возможным вступление и таких людей, которые по своим убеждениям вполне верны нашей программе, но по своему социальному положению не могли бы считаться подлинными «рабочими» [1].

Как видим, на этот раз мотивы несколько усложнены. Но конгресс не поддается и на этот раз. Уферт, Иорк, Бремер и ряд других ораторов выступают решительно против. Тогда слово, наконец, берет Либкнехт. «Принципиально,—говорит он,—я присоединяюсь к предложению Бебеля; я вполне согласен с тем, что название партии, как оно выражено теперь,—вздорно (ein Unsinn ist). Как правильно говорит Бебель, «с.-д. рабочая партия»—это нелогично и является тавтологией. Это попросту ложно и говорит меньше, чем говорило бы слово «социал-демократическая партия» [2]. Несмотря на резкий тон, Либкнехт, однако, не решается повторить и второй мотив Бебеля. А так как он ясно видит, что их предложение вряд ли пройдет безболезненно, он во имя мира и чтобы избежать острых столкновений, предлагает отложить решение до следующего конгресса.

Но следующий конгресс, в Майнце 1872 г., происходил в отсутствии обоих вождей, отбывавших в это время тюремное заключение. Тем не менее, в его протоколе мы снова можем найти прения о перемене названия партии, «согласно предложению Бебеля на предыдущем конгрессе» [3]. Против этого энергично возражают Мост, Иорк, Бекендаль и др., и предложение отклоняется... Атака временно отбита.

Очень интересно, что споры эти проникли и в массу партии. В работе Эд. Бернштейна о рабочем движении в Берлине мы находим любопытнейшие данные о том, какие споры вызвало переименование эйзенахского «демократического союза рабочих»: назвать его социал-демократическим союзом или социал-демократическим рабочим союзом? Это вызвало жесточайшую борьбу. Отметим, что этот спор в Берлине относится также к 1872 г. [4].

Проследим, однако, эволюцию этого вопроса и в дальнейшем. Атака

[1] Protokoll zu Dresden, 1871. S. 114.

[2] Ibid., S. 115.

[3] Protokoll zu Mainz, 1872, S. 33.

[4] Эд. Бернштейн, История рабочего движения в Берлине, Спб. 1908 г., стр. 289.

была отбита. Грубо-откровенная мотивировка Бебеля привела к провалу его предложения. И вот, дело берет в свои руки Либкнехт. На Готском конгрессе 1875 г. принята об'единительная программа. Партия названа так: социалистическая рабочая партия Германии. Осталось — рабочая, вычеркнуто—демократическая. Казалось бы, полное поражение линии вождей. Но это не так. Вот как поясняет дело Либкнехт, докладывающий конгрессу программные вопросы:

«Говорили, что этим (названием—*А. Б.)* социалистическое движение, которое обще всем людям (die eine allgemein menschliche ist), преследует общечеловеческие цели,—мы ограничиваем одним определенным классом населения. Но это возражение неосновательно. Труд (die Arbeit) есть проявление (Betätigung) человечества. Труд есть специфически-человеческое, что отличает человека от животного. Посредством труда человек только и становится человеком. Следовательно, рабочий (Arbeiter) означает: человек (!) как человек—проявляющий себя (sich betätigender) человек, а рабочей партией (Arbeiterpartei) мы называем себя не только потому, что мы признаем труд (Arbeit) единым базисом общества, а рабочего (Arbeiter) единственно полезным членом общества, и оттого-то мы и написали на своем знамени всеобщую обязанность трудиться,—но также и из внимания к настоящему человеческому характеру труда, ибо труд — единственный носитель культуры и человечности; так что рабочая партия означает: партия подлинных борцов за культуру, партия людей, борющихся за культуру и человечество» [1].

Итак, путем ловкой игры слов из понятия «рабочий» выхолощено всякое классовое содержание. Рабочий становится синонимом трудящегося человека. Слово оставлено, но ему придан другой смысл. Теперь мы видим, что понятие рабочая по содержанию означает—демократическая; что «социалистическая рабочая партия» означает лишь «социал-демократическая партия». Оставлено слово, выхолощен классовый смысл этого слова. Отметим, что Бебель еще в «Наших целях» писал: «Считаю нужным еще раз подчеркнуть, что под рабочим классом я разумею не только наемных рабочих в самом узком смысле этого слова, но и ремесленников и мелких крестьян (Kleinbauern) и работников умственного труда (die geistigen Arbeiter)—писателей, народных учителей, мелких чиновников, которые все под влиянием современных отношений имеют очень незначительно или вовсе не лучшее положение, чем наемные рабочие» [2].

Нечего и говорить, что вся эта «традиция» идет от Лассаля. Это он говорил в своей франкфуртской речи: «...гсударство принадлежит 89—95% нуждающихся, включая сюда все классы, звания и ремесла рабочего сословия.

[1] Protokoll des Vereinigungskongresses der S.-D. Deutschlands, abgeh. zu Gotha, 22--27 Mai 1875, S. 97 («Die esrten deutschen Sozialisten-Kongresse», III) S. 97.

[2] Unsere Ziele, von A. Bebel. S. 18.

...Интересы всех, не имеющих капитала, солидарны...» [1]. И еще решительнее: «Я вызываю движение общее, демократическое, народное, а не классовое только» [2].

И у Лассаля, и Бебеля—Либкнехта позиция эта теснейшим образом вытекла из ставки на всеобщее избирательное право, из самых основ их тактики. Роль голосующих попутчиков слишком велика. Сознание их веса, их количественной силы в процессе выборов перевешивает все. И вожди партии выхолащивают классовый смысл в названии партии в угоду мелко-буржуазным попутчикам. В Готе эта линия, поданная в более прикрытом и прикрашенном виде, одержала уже решительную победу. В следующем году (1876) на конгрессе (тоже в Готе) центральным органом партии был принят «Форвертс» с подзаголовком: «Ц. О. германской социал-демократии» [3]. Как видим, уже собираются плоды победы. Нас не удивит, наконец, что в Галле, в 1890 г., при обсуждении нового устава, название партии было изменено снова: партия названа «социал-демократической партией Германии». Докладчик правления партии, Ауэр, мотивирует это лишь 5-ю словами: «об этом ничего больше распространяться» [4]. И ни один голос протеста не раздается из среды делегатов. Бебель мог быть доволен: его предложение, внесенное 21 год назад на эйзенахском с'езде, восторжествовало буква в букву.

Любопытно, что в 1905 г. Бебелю как-то в «Neue Zeit» пришлось коснуться причин перемены названия партии в 1890 г. в Галле: «Я,—писал он,—сам был автором этого предложения, поэтому нелишне будет об'яснить, чем я при этом руководился. Во время исключит. закона появился самого различного рода «социализм». В буржуазных кругах говорили о христианском социализме, о правительственном социализме, о консервативном социализме и т. д. Называться просто социалистической рабочей партией стало неудобно. Надо было провести грань между нами и указанными «социалистами». Мы и назвали себя поэтому социал-демократической партией» [5].

Зиновьев, остановившись в своей книге «Война и кризис социализма» на этом пояснении, замечает:

«Это... не об'ясняет, почему же надо было выбросить из названия партии слово «рабочая». И не без некоторых колебаний Зиновьев считает себя вынужденным решительно заключить, что «известная политическая тенденция в этом решении все же была... и если была, то, несомненно, оппортунистическая [6].

[1] Лассаль, Соч. т. II, стр. 144.
[2] Ibid., стр. 160.
[3] Protokoll des Sozialisten-Kongresses zu Gotha, 19—23 Aug. 1876. Berl. 1876. S.81.
[4] Protokoll zu Halle, 12.—18. Окт. 1890, Bret. 1890, S. 242.
[5] «Die Neue Zeit», 1905, II, 339. Цитировано в книге Зиновьева.
[6] Зиновьев, Война и кризис социализма. Собрание сочинений т. VIII стр. 466 и 465.

Для нас, конечно, уже не может быть никаких колебаний в этом вопросе. Эту «тенденцию» мы проследили от конгресса к конгрессу. Ее истоки относятся еще к Эйзенахскому с'езду 1869 г. В характеристике этой явственной тенденции не может быть двух мнений.

И дело, тут, конечно, не в слове, ставшем предметом спора. Мы проследили эти разногласия вовсе не с целью утверждать, будто слово «рабочая»—обязательный аттрибут в названии пролетарской партии при всяких условиях. Дело не в слове «рабочая», а в том содержании, которое кроется за спорами об этом слове. Нет сомнения, что там, где рабочему движению угрожала бы опасность сбиться на чистый тред-юнионизм,—подобный спор имел бы обратное значение. Обратное значение имел подобный спор и в недрах I Интернационала. Вероятно, пережитки споров с прудонистами и отражались на позиции Бебеля и Либкнехта, подобно тому, как пережитки эпохи национальных войн отражались на их оборонческой позиции уже в 80-х и 90-х г.г. Там и тут—то же отсутствие диалектики.

В Германии политическая партия возникла раньше самостоятельных профессиональных организаций. Принятая ею лассальянская программа создавала с самого начала иную, вполне реальную опасность: опасность разводнения мелкобуржуазными попутчиками, опасность утери правильной пролетарской линии. В таких условиях весь прослеженный нами спор играл совершенно иную роль. Под разногласиями по второстепенному вопросу здесь таилась глубоко вредная оппортунистическая линия на уступки мелкобуржуазным попутчикам. И характер доводов представителей партийного руководства, и самое упорство и продолжительность этой борьбы по, казалось бы, незначительному вопросу доказывает это со всей очевидностью. Речь шла не о слове, речь шла о всей линии партии...

Каковы наши выводы? Сложившись в программном отношении как лассальянская партия, эйзенахцы и в основных тактических вопросах шли по пути Лассаля. Теоретически еще не вполне отказываясь, как и он, от возможности «насильственного» пути, эйзенахцы на деле, на практике ориентировали рабочие массы на путь легальности, на путь избирательных успехов и мирных реформ. Мысль о диктатуре пролетариата была глубоко чужда им. Вместо этого со всей серьезностью строится план построения социализма буржуазно-демократическим государством. В спорах о названии партии уже раскрывается оппортунистическое отношение к мелко-буржуазным попутчикам, характерное для всей практики партии. Во всех этих вопросах эйзенахцы в основном идут по пути Лассаля. В организационных формах они, однако, идут своим путем. Вместо лассалевской централизации и суровой дисциплины, они проводят сложную демократическую организацию без твердого руководства из центра. Еще в 1873 г., в Эйзенахе, однако, с'езду приходится вынести резолюцию о том, чтобы «всем членам партии, принадле-

жащим еще к какой-либо иной партии или состоящим в связи с другой партией, поставить альтернативу: либо выйти из нашей партии, либо отказаться от другой»[1]. Одна эта резолюция ярко показывает, к чему вела организационная мягкотелость эйзенахцев. В организационном вопросе мы не можем отдать им предпочтения перед лассальянцами, организация которых, правда, страдала другими недостатками, вследствие огромной личной власти президента, но с боевой точки зрения была гораздо сильнее по своей стройности, сплоченности, дисциплинированности.

Таким образом, обе фракции не так многое разделяло. Но эйзенахцы в одном отношении стояли выше лассальянцев: они были менее заражены лассалевским сектантством, у них не был так силен культ Лассаля и поэтому они могли бы легче и быстрее избавиться от той части лассалевского наследства, которая уже в 70-х г.г. была обречена на слом. В этом отношении готское об'единение сыграло несколько тормозящую роль: сектантские элементы и предрассудки в учении Лассаля удержались еще на несколько лишних лет. Зато была прекращена борьба, отнимавшая много излишней энергии. Самое же об'единение в 1875 г. потому и было возможно, что в принципиальных вопросах программы и тактики обе организации в сущности, с самого начала, шли по одному пути. Уже к 1872 г. пали последние преграды, мешавшие этому об'единению.

Дальнейшая история партии показала, что сектантские элементы лассальянства были все же быстро сметены опытом об'единенного рабочего движения. Иначе оказалось с другим наследием Лассаля. Даже закон против социалистов, который не мог не революционизировать хотя бы в первый период своего действия рабочее движение, даже эта встряска не выкорчевала элементов парламентаризма, реформизма, ставки на мирный путь развития, которые партия получила в наследство от Лассаля. Условия эпохи «мирного» развития и блестящего экономического под'ема Германии питали такую тактику. И после падения закона против социалистов, в Галле и Эрфурте, партия окончательно сформировывается как партия мирного развития и парламентской борьбы, как «инструмент мирного времени», порожденный таким временем и непригодный для руководства подлинно-революционными боями пролетариата двадцатого века.

Показать это—задача дальнейшего изложения.

IV. ОБ'ЕДИНЕННАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ДО ЗАКОНА ПРОТИВ СОЦИАЛИСТОВ (1875—78 Г.Г.).

Три с лишним года, прошедшие с момента об'единения партии до введения закона против социалистов, представляют большой интерес. В эти годы мы можем наблюдать за тем, в каком направлении оформляется идео-

[1] Protokoll zu Eisenach, 1873, S. 74.

логия и тактика об'единенной партии. Нечего и говорить, что в первое время мы видим еще немало трений, известное недоверие между обеими об'единившимися фракциями, и даже некоторые центробежные тенденции, связанные особенно с именем Гассельмана [1]. Но эти шероховатости явно идут по потухающей кривой. В возникающих новых спорных вопросах расхождение отнюдь не идет по линии старых фракционных разногласий: спорящие стороны часто образуются каждая из представителей обоих прежних направлений. Да и самые эти спорные вопросы большей частью отнюдь не программного свойства, по крайней мере это не те вопросы, которые должны были-бы задевать лассальянцев как таковых. Этим лишний раз подтверждается, что в сущности между обеими фракциями принципиальных разногласий не было. Вдобавок, пресс Тессендорфа жал партию, сближая еще теснее недавних врагов. Различные оттенки идеологии стирались; все, разделявшее обе фракции, стушевывалось, а то, что было всегда общим для обеих, выступало на передний план. Оформлялась все больше и больше та общая линия, та особая тактика, которая стала характернейшей чертой германской социал-демократии, а через нее и социал-демократии всех передовых стран Европы.

Для прений по программным вопросам в Готе 75 г. характерна одна общая черта. Попытки некоторых эйзенахцев возражать по тому или иному отдельному пункту отличались удивительной слабостью по своему содержанию.

По поводу производительных ассоциаций в сущности не было принципиальных возражений. Эйзенахец Кокоский прямо заявляет, что собственно прежние возражения против произв. ассоциаций происходили из-за их «рискованности» (Gefährlichkeit) и возможности лжетолкований. Но выражение «социалистические» сделало их настолько ясными, что мы можем к этому присоединиться» [2]. И, действительно, довод Куля (Kuhl) о том, что ведь за это требование мы уже агитируем годами [3], относился собственно к обеим фракциям. Попытка Либкнехта и Бебеля возражать против железного закона зар. платы была на редкость слаба. Оба они признавали наличие этого «закона» в рамках капиталистического общества, но указывали, что при социализме он не будет существовать, что он поэтому не вечен и, стало быть, не следует о нем говорить... [4]. Гассельман очень убедительно им заметил, что лассальянцы держатся совершенно того же мнения, но если при капитализме действует этот закон, нельзя же не упомянуть в программе

---

[1] Один из делегатов на Виденском конгрессе сообщил, что Гассельман уже в Готе в 76 г. предлагал ему взорвать (sprengen) партию, чтобы образовать новую на основе организации Вс. Герм. Раб. Союза. Протоколы Виденского конгресса 1880 г. S. 34.

[2] Protokoll des Vereinigungskongresses, S. 104.

[3] Ibid., S. 105.

[4] Ibid., S. 98.

о таком важном обобщении при анализе капит. о-ва [1]. И в ответ на это ровно никаких аргументов у вождей эйзенахцев на нашлось.

Вальтейх и Бебель пытались возражать против «единой реакционной массы». На это Гартман возражал: так как «под рабочим нужно понимать всякого, кто полезен обществу (der sich der Gesellschaft nützlich mache)», то ясно, что все остальные—это сплошная реакционная масса... [2]. На это никто ничего не возразил. Декламация Либкнехта о том, что рабочий—это всякий трудящийся человек, пустила свои корни. Партия уже представляла себя партией всех трудящихся, а не классовой партией пролетариата. «Мелкие буржуа и мелкие крестьяне принадлежат в действительности к рабочему классу» [3],—говорил и Либкнехт на конгрессе.

Прения ясно показали превосходство лассальянцев. Они взяли верх не только большинством своих голосов (15 322 ласс-цев против 9 121 эйзенахцев, 73 делегата против 56) [4], но и убедительностью своей аргументации. Эйзенахцам же, наоборот, не удалось сколько-нибудь серьезно обосновать ни одной из своих поправок.

«Лассальянство навсегда угасло в эти готские дни, а между тем это были самые светлые дни для славы Лассаля,—с претензией на остроумный парадокс пишет Меринг.—Как ни был прав Маркс со своими положительными возражениями против Готской программы, но судьба его письма по поводу нее ясно показывала, что пути, по которым в Германии могла развиться могучая и непобедимая рабочая партия... были верно определены Лассалем» [5].

Да, готские дни были самые светлые дни для славы Лассаля. Но именно поэтому в дни эти лассальянство вовсе не угасло, хотя и был распущен Вс. Герм. Раб. Союз. Потому что вся новая «могучая рабочая партия» пошла, как торжественно признает и Меринг, в основном по пути Лассаля. Наше признание этого, однако, далеко от торжественности. Ибо путь Лассаля означал: всеобщее избир. право, парламентская борьба, рецепты реформ, мирная революция. Этот путь последовательно и привел герм. социал-демократию к 4 августа (1914 г.) и к 9 ноября (1918 г.).

Эйзенахцы взяли верх лишь в организационном отношении. «Демократическая» организация об'единенной партии представляла собой несколько упрощенную форму прежней эйзенахской организац. структуры. Это избавляло партию от постоянных организац. склок, царствовавших у швейцерианцев в связи с широкой единоличной властью президента. Но это же,

[1] Protokoll des Vereinigungskongresses, S. 102—103.

[2] Ibid., S. 101.

[3] Ibid., S. 96.

[4] Эти цифры из протоколов конгресса, Бебель в своих мемуарах указывает цифру голосов ласс-цев еще выше—16 538 гол., а цифру их делегатов—71.

[5] «Ист. Герм. с.-д.» т. 4, стр. 74.

с другой стороны, создавало партию слабо централизованную, без достаточно властного штаба, не приспособленную к быстрым, решительным действиям и поворотам тактики. Это во всю ширь проявилось в 1878 г. Первый шквал разрушит всю эту рыхлую организацию. Партия рассыпалась в несколько недель [1].

Интересен в этом отношении и устав, принятый в Готе. Членом партии мог являться всякий, кто разделяет основные положения программы и «содействует» интересам рабочих «также и денежными пожертвованиями». Любопытен и параграф второй: «Партийные тт., которые действуют против интересов партии, могут быть исключены Правлением». Только действующие против партии. О неподчинении дисциплине, о бездействии—не говорится. Невольно в качестве контраста вспоминаются слова Ильича на 2-м с'езде РСДРП: «Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии, чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии» [2]...

На Готском конгрессе 1875 г. очень любопытен еще один инцидент: Бебель внес предложение требовать распространения избират. прав и на женщин. Это невинное предложение вызывает целую бурю споров. Никто, конечно, не мог возражать Бебелю принципиально. Но большинство делегатов возражает против принятия такого предложения «в данный момент»: женщины, мол, отстали, они могут голосовать против нас. На этой ложной, внутренне-противоречивой позиции в числе других оказываются Либкнехт, Гейб, Гассельман. За предлож. Бебеля голосуют Ауэр, Вальтейх, из лассальянцев—А. Каппель и др. Предложение отклонено 62 голосами против 55 [3]. Что характерно во всем этом инциденте?—Две вещи. Во-первых, мы видим голоса и эйзенахцев и лассальянцев и на той, и на другой стороне. В довольно общем, принципиальном вопросе ни одна из фракций не оказалась единой. Во-вторых, прогрессивное требование отклонено конгрессом раб. партии только потому, что явилось опасение за исход ближайших выборов в случае, если такое требование пройдет. Интересы выборной борьбы уже здесь выпячиваются на передний план, являясь решающим обстоятельством при обсуждении принципиальных вопросов.

В этом отношении еще интереснее следующий конгресс, состоявшийся тоже в Готе, 19—23 авг. 1876 г. Вся его повестка отчетливо говорит о том, какие вопросы, какая работа становится в центре внимания партии. Отчет парламентских представителей; положение с социалистической агитацией; предстоящие выборы в Рейхстаг; установление социалистич. кандидатур; парт. пресса; организац. вопросы,—вот порядок дня. Вопросы парламентской борьбы ставятся в центр всей работы, поглощают все внимание.

[1] Конечно, причина этому—не только организационная слабость.
[2] «Протоколы 2-го с'езда РСДРП», стр. 232.
[3] Protokoll zu Gotha, 1875, S. 110—111.

Это было время т. н. «эры» Тессендорфа. «Мы жалуемся не на существующие реакционные законы о союзах в Пруссии и Баварии,—говорил докладчик Правления, Ауэр,—ибо соц.-демократы приспособились бы (fügen sich) к существующим законам, если б даже они еще столько же говорили о неблагосклонности к нам; наша деятельность направлена только на агитацию за законодательное устранение столь реакционных произведений (Mach-Werke)»[1].

Итак, лишь агитация за законодательное устранение реакционных законов—вот задача партии. Социал-демократы готовы покуда приспособиться хотя бы и к вдвое более суровым законам, в ожидании успехов парламентской борьбы. Протестуют они лишь против «манеры» Тессендорфа «поворачивать» законы против них, не применяя тех же законов к другим политическим партиям. Эта постановка вопроса говорит вовсе не об одной наивности. Это—уже отчетливо выраженная программа оппортунизма. Надо сказать, что сам Ауэр в 1876 г. отнюдь не стоял еще на правом фланге партии. Он честно выражал основную линию партийного руководства. В ответ на град реакционных преследований партия на своем конгрессе терпеливо занимается тщательным рассмотрением кандидатур, избират. округов, подготовкой к избирательной кампании и т. д. Мирная парламентская борьба в ответ на реакционный террор.

Эту мирную парламентскую работу в рейхстаге со всей подробностью рисуют мемуары Бебеля. Кассы взаимопомощи, страхование от увечий, усиление уголовных наказаний, вопрос о пошлинах на железо,—эти очередные дела буржуазного парламента разрешает для себя и с.-д. фракция. «Юные увлечения» В. Либкнехта отошли давно в прошлое. Фракция оставила разговоры о социалистической агитации с трибуны рейхстага. В 1877 году она развернула еще шире свою «положительную» деятельность. «Она предложила,—рассказывает Бебель,—изменение 31 ст. конституции, т. е. распространение иммунитета депутатов и на наказания по суду; реформу избират. закона в рейхстаг; тайную подачу голосов; выборы в воскресный день; установление законом числа и размера избират. округов после каждой переписи; изменение статей уголовного уложения, относившихся к попыткам оказать незаконное давление на выборы. Кроме того, она внесла проект закона о союзах и собраниях, предложение об изменении закона о свободе передвижения и целый ряд других предложений по поводу... промышленного устава»[2].

Мы видим, с какой исключительностью погружается фракция в деловую парламентскую работу. Отчеты о ее деятельности, речи ее представителей печатаются в партийной прессе. На ежедневных «событиях» в парламенте сосредоточивается внимание, воспитывается мысль каждого рядового пар-

---

[1] Protokoll des Sozialisten-Kongresses zu Gotha, vom 19. bis 23. Aug. 1876. Brl. 76. S. 19.

[2] «Из моей жизни», т. II, ч. 2, стр. 186.

тийца. Тот или иной проект, удачная или неудачная речь в рейхстаге служат предметом разговоров, споров в партийной среде. Какой-нибудь мелкий успех вызывает новые надежды. Партийная и рабочая масса привыкает со всей серьезностью смотреть на парламентские «битвы». От них ждут результатов, ждут улучшения условий жизни. Так воспитывается вся партия.

Но нет ли голосов протеста? Как реагирует конгресс на все это направление работ? По отчету фракции выступают делегаты. Они недовольны тем, что Бебель и Либкнехт воздержались от голосования по вопросу о парламентских диэтах. Они требуют, чтобы в ближайшую сессию фракция внесла проект закона об охране труда. Бебель возражает; он говорит, что фракция и так чересчур загружена, что это несвоевременно[1]. Но предложение принято при воздержавшихся Бебеле, Либкнехте, Мосте, Гейбе, Вальтейхе, Ауэре и др. Весь «цвет» партийного руководства сдерживает напор тех настроений, которые вызваны его же деятельностью. Раздаются голоса о том, что фракция должна абсолютно подчиняться решениям партии. И она подчиняется. Как видим, настроение отличается цельностью. Прежних сомнений в пользе парламентаризма больше не слышно. Об'единенная социал-демократия со всей силой возросшей численности бросается в парламентскую борьбу.

Но как быть с избирательными компромиссами? Классически звучит предложение лассальянца Газенклевера: так как все другие партии представляют одну реакционную массу, то как правило не следует голосовать ни за кого из их кандидатов. Но... исключения допустимы в том случае, когда дело идет о практических соображениях (praktische Rücksichten), и если данный кандидат стоит за всеобщее избирательное право[2]. Так обстоит дело с лассальянской непримиримостью по отношению к буржуазии... И даже Бебель, только что сам заявивший, что если какой-либо кандидат стоит за часть наших требований, да еще демократически настроен, то за такого кандидата по его мнению можно голосовать, хотя бы он и был запятнан какими-либо грюндерскими операциями[3],—даже Бебель здесь не выдерживает, чтобы не с'ехидничать: «Я удивляюсь, что как раз те ораторы, которые год назад так упорно настаивали, что все партии образуют против нас одну реакционную массу, теперь имеют такую большую склонность к компромиссу»[4]. И в пику Газенклеверу, Бебель требует в качестве «условий» буржуазному кандидату выставить не только всеобщее избирательное право, но и другие требования программы-минимум социал-демократии. Нечего и говорить, что оба предложения были приняты конгрессом и что, каковы бы ни были оттенки мнений,—общая линия на избирательные соглашения с буржуазными партиями окрашивала все выступления.

[1] Gotha, 1876. S. 32.
[2] Ibid., S. 4.
[3] Ibid., S. 45.
[4] Ibid., S. 57.

Нельзя не вспомнить здесь борьбы по этому вопросу в истории Российской СДРП. Пресловутая резолюция Старовера на 2-м с'езде РСДРП, так жестко по всем пунктам раскритикованная Владимиром Ильичем в его «Шагах», как известно, также выставляла три «условия», при которых возможно соглашение с либерально-буржуазными партиями. Эти условия были таковы: борьба с правительством; не выставлять требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и демократии вообще; поддержка всеобщего и т. д. избир. права[1]. Как видим, эта линия наших отечественных меньшевиков имела своих предшественников. Германская социал-демократия с первых же лет своего существования пошла по пути широких избирательных соглашений с либерально-буржуазными партиями.

К чему ведет такая линия, последовательно проводимая, показал весь дальнейший опыт партии. Если парламентская борьба становится в центре внимания, если от работы депутатов ожидают прежде всего реальных положительных результатов, то мало одних компромиссов с либеральными партиями; решающее значение приобретают голоса мелкобуржуазных попутчиков. А чтобы эти голоса привлечь, нужно известное приспособление к интересам этих слоев. Это влияет и на характер избирательных программ, и на характер деятельности фракции в рейхстаге. Обнаруживается это уже на следующем конгрессе, тоже в Готе, 27—29 мая 1877 г. Докладчик от парламентской фракции, Фрицше, указывал, что, собственно, веры в обещания правительства у фракции нет, но «под давлением масс» она предложила ряд законопроектов. Кроме того, чтобы привлечь к партии внимание и «отдаленных от нас слоев», пришлось утвердительно отвечать на вопрос о том, действительно ли мы, как социалистическая партия, в настоящее время принимаем участие в изменении законов в положительном смысле[2]. Говоря далее о ряде затруднений, нареканий и др., Фрицше заканчивает свой доклад выражением уверенности, что все это «коренным образом изменилось и улучшилось бы лишь тогда, когда немецкий народ избрал бы однажды социал-демократическое большинство в Рейхстаг, и законодательство было бы оформлено по смыслу нашей программы».

Итак, тактическая линия ясна.—Положительная работа в Рейхстаге, причем не только в интересах рабочего класса, но и в интересах мелкобуржуазных избирателей, и ставка на соц.-дем. парламентское большинство, которое все законодательство направит к осуществлению партийной программы.

На конгрессе мы не слышим никаких принципиальных возражений. В прениях самым деловым образом обсуждаются вопросы о свободе торговли, о таможенных пошлинах, о разных проектах фракции. Только к концу с'езда

[1] Протоколы 2-го С'езда РСДРП, стр. 330.

[2] Protokoll des Sozialisten-Kongresses zu Gotha, vom 27. bis 29. Mai 1877. Hamb. 1877. S. 30.

жаркие прения вызвал вопрос о том, что в с.-д. избирательных листовках не соблюдается линия парт. программы. Роль оппозиции играли в Готе в 77 г. Бебель и Мост. «При последних выборах,—говорил Бебель,—многие ораторы исходили из ловли голосов (aut den Stimmenfang ausgegangen seien), причем стремились представить наши требования крайне умеренными или даже часть их—вовсе замолчать»[1]. С резкими тирадами по этому поводу выступает и Мост. Тогда председатель конгресса, Гейб, произносит речь против них, заявляя, что обвинения Бебеля и Моста большинству партии—необоснованы, а отдельные места в листовках вызваны условиями борьбы (!). Ему, Гейбу, «уже часто приходилось бороться на собраниях с еще худшими ошибками, именно с утопиями, как бебелевы кухарки и мостовы уборщицы...»[2]. Начинаются взаимные уколы. Против Бебеля и Моста выступает и Либкнехт. Он резко заявляет, что оба они клевещут на партию, колко отвечает, что и «избрание Бебеля вытекает больше из его репутации, чем из партийной программы» и т. д. Для нас во всем этом споре интересно отметить лишь одно: уже в 77 г. партия в своей предвыборной агитации стояла на точке зрения «ловли голосов», причем отступления от парт. программы оказались так велики, что об этом не могли не заговорить на парт. с'езде.

Исключительно характерным был момент, когда делегаты заметили посторонних на галлерее в помещении конгресса. Фольмар ставит вопрос, считать ли закрытыми заседания конгресса. Вальтейх высказывается «за безусловную публичность. Имеем ли мы здесь полицейских шпионов или нет, совершенно безразлично, ибо мы не обсуждаем никаких секретов. Кроме того, всем хорошо известно, что конгресс заседает под полицейским контролем»[3]. Итак, не страшно присутствие полиции: партия борется настолько легальными средствами, что нет оснований оберегаться от шпионов правительства... И конгресс, выслушав речь Вальтейха, «переходит к порядку дня».

Когда внесено было предложение о том, чтобы организовать контроль и руководство местными газетами,—конгресс отклоняет такую мысль; это, мол, хорошо в идее, но невозможно на практике, ибо бездефицитные газеты все равно не закроются (!), а места вообще не согласятся на «опеку» уже из местного патриотизма[4]. Как видим, убедительны все доводы, только не довод о выдержанной принципиальной линии.

Готские с'езды, все три, отчетливо рисуют партию, какой она сложилась к моменту издания закона против социалистов. Да, это были дни «славы Лассаля», хотя некоторые его специфические лозунги в это время уже изживались в партии. Это были дни славы Лассаля, ибо в области тактики,

[1] Protokoll des Sozialisten-Kongresses zu Gotha, von. 27. bis 29. Mai 1877. Hamb. 1877. S. 78.

[2] Ibid., S. 79.

[3] S. 40—41. Разрядка моя—*А. Б.*

[4] S. 73—75.

в области практической борьбы партия со всей четкостью пошла по его пути. Всеобщее избир. право стало действительно основным лозунгом партии. Парлам. борьба, агитация среди попутчиков, надежды на мирное осуществление социалистическ. программы парламентским путем, — все это вошло в арсенал партийной борьбы. Против такой партии не были нужны исключительные законы. Последние могли бы лишь сделать ее левее. Ошибка[1] Бисмарка в 1878 г., на которой он настаивал 12 лет, в конце концов привела «железного канцлера» к падению. Ибо с.-д. партия была достаточно безвредной, достаточно реформистски настроенной партией, чтобы буржуазии можно было спать спокойно.

Какой при этом разброд, какая путаница, какая отсталость царили в то же время среди членов партии в области теоретической., видно из успеха произведений Дюринга. Еще в 76 г. Фрицше пожаловался конгрессу на то, что Либкнехт не пропустил в парт. орган статью Моста о философии Дюринга, да еще задержал ее надолго у себя (Фрицше не знал, что статья эта была отправлена для ознакомления к Энгельсу). Фрицше думает, что причина этому—та, что статья написана не в марксовом духе, но «мы не хотим одностороннего развития, и все воззрения должны иметь возможность подвергнуться оценке в парт. органах»[2]. Итак, Маркс хорош, но он не один, а «односторонности» не нужно. Этот взгляд еще ярче выразился в 77 г., когда сторонники Дюринга, во главе с Бебелем и Мостом, подняли на с'езде прямую кампанию против статей Энгельса о Дюринге (будущий «Антидюринг»).

Мемуары Бебеля отличаются в этом месте большой скупостью и ослаблением памяти. «Последнему (т. е. Дюрингу.—*А. Б.*).—пишет Бебель,—удалось привлечь на свою сторону почти всех лидеров берлинского рабочего движения. Я также был того мнения, что, в целях агитации, следует поддерживать и использовать всякое литературное течение, которое, как сочинения Дюринга, резко критикует существующий общественный порядок и высказывается против капитализма. С этой точки зрения я еще в 1874 г. написал из крепости для «Народного Государства» две статьи под названием «Новый коммунист», в которых я разбирал сочинения Дюринга. Мне прислал их Эд. Бернштейн, который принадлежал тогда, вместе с Мостом, Фрицше и др., к самым восторженным поклонникам Дюринга»[3].

Бебель забывает добавить, что в числе этих восторженных поклонников следует назвать и самого Бебеля. На конгрессе в 77 году нападение на редакцию Ц. О. повели сначала некоторые лассальянцы за то, что в день годовщины Лассаля ему не было посвящено соответствующей статьи. Затем речь перешла на тему о «непопулярности» ряда статей (разумелись статьи

[1] Конечно, с точки зрения юнкерства такая «ошибка» имела достаточно оправданий.

[2] Protokoll zu Gotha 1876, S. 78.

[3] «Из моей жизни», т. II, ч. 2, стр. 175.

Энгельса), и тут-то с грохотом и шумом выступили дюрингианцы. Бебель в мемуарах пишет, что резолюцию внес Мост, что прения «были очень неприятны», и только. Дело было, однако, не так. Резолюция, внесенная сначала Мостом «и товарищами», была весьма скромна и коротка: «Статьи, которые, как, например, критика опубликованная в последние месяцы Энгельсом против Дюринга, для большинства читателей «Форвертс» не представляют интереса, не должны в будущем появляться в Ц. О.»[1]. Но эта резолюция не удовлетворяет Бебеля, который вносит свою, гораздо более ядовитую: «Учитывая длину, которой уже достигла работа Энгельса против Дюринга и которой повидимому еще достигнет в своем продолжении; учитывая, что полемика эта... дает право Дюрингу или его сторонникам (вот, вот!—*А. Б.*) ответить с такой же обстоятельностью, и таким образом пространство в «Форвертсе» потребуется чрезмерное, чего не требует также и сама вещь, которая касается чисто научного спора, конгресс постановляет: приостановить опубликование статей Энгельса»... и т. д.

К резолюции Бебеля присоединяется и Мост[2]. Так. обр., по поводу статей Энгельса прошла резолюция Бебеля, а не Моста. Бебель, помнящий в мемуарах даже число голосов, полученных отдельными его предложениями, здесь забыл, что прошла именно его резолюция...

А в своем выступлении на с'езде Бебель говорил: «Большинство делегатов некомпетентно в вопросе, потому что, вероятно, и дюжина из них не читала произведений Дюринга. Если на всем протяжении работа Энгельса и ее резкий язык порицают Дюринга, то оратор должен против этого заметить, что язык Дюринга против Маркса и Лассаля был еще гораздо резче[3].

А Вальтейх в своей речи заявил еще яснее: Маркс и Энгельс принесли много пользы партии и, вероятно, будут полезны еще дальше; то же самое, однако, относится и к Дюрингу[4].

Один лишь Либкнехт, по должности редактора, защищал статьи Энгельса, да еще Гейер робко его поддержал. Теоретический разброд, шатания, путаница взглядов в партии хорошо характеризуются этими прениями.

Статьи Энгельса были прекращены печатанием в Ц. О. и должны были появиться отдельной книгой[5]. Энгельс, конечно, был сильно задет. В июле он отказывается написать статью о войне, которую просил у него Либкнехт. «Я не хочу,—писал Энгельс Марксу 18 июля 1877 г.,—сделать для господ социалистов будущего спорным пространство в «Форвертсе» и давать новый

[1] Protokoll zu Gotha 1877. S. 70.

[2] Позицию Бебеля в 1877 г., видимо, под влиянием мемуаров последнего, неправильно передает и т. С. Горловский в его статье («Под знаменем марксизма» № 1, за 1929 г.).

[3] Ibid, S. 71.

[4] О происхождении «Анти-Дюринга» см. прекрасный очерк Д. Б. Рязанова в новом издании «Анти-Дюринга».

повод для крика, что я заполняю газету отдельными вещами, не интересующими массу читателей»... [1].

А Маркс со всей резкостью писал Зорге 19 октября 1877 г.: «В Германии в нашей партии... пахнет гнилью (macht sich ein' fauler Geist geltend» [2].

Такой вступила партия в эпоху закона против социалистов. Этот последующий период характеризуется тем, что «борьба» эйзенахцев и лассальянцев окончательно уходит в прошлое. Но в об'единенной партии возникает острая борьба течений на новой основе. Оппозиция Моста и Гирша; борьба умеренных и «радикалов»; роль Энгельса и «Соц.-Демократа»; «молодые» и Фольмар в 1890—91 г.г.,—интереснейшие моменты в развитии партии. Подчеркнем здесь лишь одно: через все эти препятствия, через все кризисы и борьбу течений партийное руководство пронесло невредимой общую тактическую линию партии, сложившуюся уже с первых лет ее существования, под идейным воздействием лассальянства.

Почему так вышло, каковы социальные причины и корни этой тактики и какую об'ективную роль играла партия в этот период ее истории,—на все эти острые вопросы мы ответим по исследовании всего периода в целом.

[1] Briefwechsel, B. IV, S. 395.

[2] «Briefe von Becker, Engels, Marx u. A. an F. Sorge u. A.». Stuttg. 1921. S. 159.

С. Бантке

ПЕТРОВСКАЯ РЕФОРМА В ОСВЕЩЕНИИ С. М. СОЛОВЬЕВА[1]

«Соловьев безусловно есть величайший русский историк XIX ст. . . . Он был представителем не пролетарского, даже не мелкобуржуазного, а крупнобуржуазного собственнического лагеря».

М. Н. Покровский

Прошло уже пятьдесят лет (16 октября 1879—16 октября 1929 г.) после смерти этого величайшего русского историка XIX века, и сейчас, полвека спустя, приходится удивляться той фантастической трудоспособности, которая была проявлена С. М. Соловьевым, оставившим нам огромное наследство.

Происходя из зажиточной духовной семьи, получив широкое историческое и философское образование, вращаясь в кругу богатой городской интеллигенции, С. М. Соловьев проникся буржуазным мировоззрением. Бросая ретроспективный взгляд сейчас, после того как нас разделяет полстолетия, нужно признать, что Соловьев резко выделялся среди всех русских историков XIX века. Он не только обладал громадными знаниями в русской истории, но, что важно, он знал, как выглядит историческая наука во Франции, Германии и Англии. Соловьев владел несколькими иностранными языками и следил за новинками в исторической науке Запада.

Утверждают, что С. М. Соловьев «удерживал за собой заслугу только первой, тяжелой расчистки пути, первой обработки сырого материала»[2], но это не совсем точно и односторонне, так как он сумел творчески переработать горы фактического материала и осветить их обобщающей мыслью.

Перед историками-марксистами стоит задача разработать научные труды, оставленные нам Соловьевым, преодолевая нашим методом ту неверную концепцию, которой он придерживался. Сейчас в связи с пятидесятилетием смерти С. М. Соловьева мы поставили себе задачу сделать предва-

[1] Настоящая статья является главой из доклада о «Петровской реформе», защищенного в семинаре М. Н. Покровского в Институте красной профессуры.

[2] Там же, с. 39.

рительную марксистскую разведку (иначе нашу статью и нельзя рассматривать) и осветить точку зрения С. М. Соловьева на Петровскую реформу.

При изучении русского исторического процесса вопросу о Петровской реформе, в особенности в дооктябрьскую эпоху, придавали исключительное значение. Для некоторых русских историков «весь смысл русской истории сжимался в один вопрос о значении деятельности Петра»[1]. Всякий русский историк, считавший себя ученым, давал обычно свое суждение о Петровской реформе, и она «стала камнем ,на котором оттачивалась русская историческая мысль более столетия»[2].

Первым, кто действительно научно обосновал свои взгляды на эпоху Петра I, был С. М. Соловьев. Основные томы своего капитального труда—«История России с древнейших времен»—он посвятил Петровской реформе, так как первые 12 томов (из 29) являются «только пространным введением к это обширное повествование о Петровской реформе»[3].

* * *

Соловьев жил и действовал в эпоху, когда из недр старого крепостнического русского общества вырастало новое—буржуазно-капиталистическое. Это была эпоха, когда русская буржуазия только отрывалась от пуповины крепостнического общества. И на этом социально-экономическом фоне перед Соловьевым проходят два Романовых, две России: Россия Николаевская и Россия Александра II.

Николай I, один из сильнейших Романовых после Петра I, был убежден в том, что он является «великим» преобразователем России и заслужит то, что когда-то заслужил Петр. В этом Николаю I помогали кадильщики, вроде Погодина и Устрялова, которые, изображая Петра I, воскуривали фимиамы Николаю I.

Когда на смену эпохи Николая Палкина, кончившейся постыдным миром и самоубийством самодержца, пришла эпоха Александра II с его «великими реформами», С. М. Соловьев был уже вполне сложившимся молодым ученым. Свой XIV т., с которого начинается «История России в эпоху преобразования», Соловьев выпускает в год издания Положения о земских учреждениях и Судебных уставов 20 ноября[4]. Переломная эпоха русской жизни несомненно толкнула историка Соловьева к изучению эпохи преобразования Петра I.

На эту связь работ Соловьева с его эпохой указывал еще Ключевский[5]. Правда, в начале своей статьи Ключевский старается особенно подчеркнуть,

[1] Ключевский, соч., т. IV, с. 255.
[2] Там же, с. 259.
[3] Ключевский, Очерки и речи, сб. II, с. 46.
[4] Первый том вышел в 1861 г.
[5] В. О. Ключевский, Очерки и речи, сб., II, с. 49.

что Соловьев «не ронял истории до памфлета»,—надо понимать политического, конечно,—а «умел рассматривать исторические явления данного места и времени независимо от временных и местных увлечений и пристрастий», т. е. от злобы дня [1].

Как вы видите ученик хочет возвысить своего учителя над политикой, над злобой дня и сделать его независимым, беспристрастным и, как в одном месте пишет Ключевский, «сухим историком». Это, конечно, неверно.

Всякий крупный историк был политиком, и всякий политик, обычно, всегда обращался к истории. История—это «современность, опрокинутая в прошлое»,—это политика определенного класса, отражающая его политическую борьбу, поэтому всякий историк связан с политикой, и поэтому ряд историков шли от политики.

Мог ли быть аполитичным Соловьев, мог ли он быть независимым от «временных и местных увлечений», мог ли он стать выше своей эпохи и не отражать интересов своего класса? Конечно, нет.

Современная Соловьеву действительность нашла отображение в его исторических трудах, и он, как и всякий историк, не был аполитичен и отражал интересы своего класса. Сам Ключевский признавал, что работа Соловьева «не только итог ученого исследования, но и полемическая отповедь кому-то, защита дела Петра от каких-то обидчиков» [2]. Соловьев не был независим от злобы дня, от влияния современной ему действительности, но все же его особенностью является то, что он к истории пришел не от политики, как другие историки, а от философии. Соловьев пишет по этому поводу следующее: «Эверс заставил меня думать над русской историей. С большим запасом фактов от Карамзина и с роем мыслей в голове, возбужденных Гегелем, Вико, Эверсом, я вступил на IV курс и стал слушать Погодина» [3]. К этому ряду прибавился впоследствии «осанистый Гизо», научные труды которого Соловьев очень высоко ценил. То, что Соловьев шел от философии, отразилось и на его профессорской деятельности. «Чтение Соловьева,—пишет Ключевский,—не трогало и не пленяло, не било ни на чувство, ни на воображение, но оно заставляло размышлять» [4].

* * *

В эпоху Соловьева выступали славянофилы с тезисом о том, что преобразования Петра разделяют русскую историю на две части: на древнюю—до Петра и новую—после Петра. Между этими двумя эпохами в их изображении не было связи, это были разные истории.

[1] В. О. Ключевский, Очерки и речи, сб. II, с. 49.
[2] Ключевский, т. IV, 1918, с. 259. Разрядка наша.—С. Б.
[3] Соловьев, Записки, изд. «Прометей», с. 60.
[4] Ключевский, Очерки и речи, сб. II, с. 29.

Основным тезисом славянофилов по отношению к эпохе Петра являлось то, что «у него (Петра I—С. Б.) не было предшественников в древней Руси»[1] и что «переворот, совершенный Петром, был не столько развитием, сколько переломом»[2]. Таким образом, славянофилы отвергали идею эволюции, идею развития и связи исторических явлений.

Соловьев уже в первом томе «Истории России» определил свои задачи следующим образом:

> Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но **соединять их**, следить преимущественно за **связью** явлений, за непосредственным **преемством** форм; **не разделять** начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться об'яснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи и подчинить внешнему влиянию—вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда»[3].

Соловьев стремился связать русскую историю и пропитать ее историко-философской основой, от которой он шел. Вооружившись философией, Соловьев «первый пересмотрел всю массу исторического материала... и связал одной мыслью разорванные лоскуты исторических памятников»[4].

Мы уже писали, что Соловьев жил в эпоху перехода от старого к новому. Это развитие старого, вырастание из него, должно было породить у идеологов восходящего класса идею эволюции, идею развития. Соловьев, Ключевский и др. сравнительно легко восприняли от западноевропейских ученых идею эволюции и применили ее в своих исторических трудах только потому, что в их эпоху идея эволюции как бы сама вырастала, сама пробивалась из русской почвы. Поэтому идеологически борясь против старого крепостнического общества, для которого происходил перерыв в его жизни (отсюда взгляд славянофилов на Петра, как на нарушителя естественного хода исторического процесса России), идеологи буржуазии выбросили знамя идеи эволюции, идеи развития, вырастания нового из старого[5].

«Каждое историческое явление,—пишет Соловьев,—об'ясняется рядом предшествовавших явлений и потом всем последующим»[6].

С этой точки зрения подходит Соловьев, а за ним и остальные представители буржуазной историографии к эпохе Петра.

---

[1] **Аксаков**, сочин. т. I, с. 48.

[2] **Киреевский**, сочин. т. I, с. 103.

[3] **Соловьев**, История, 2-е изд. «Общественная польза», т. I, с. 1. Разрядка наша.—*С. Б.* Дальнейшие тома буду цитировать по тому же изданию.

[4] **Ключевский**, указан. сборн., с. 38—39.

[5] Насколько логически до конца понял и принял идею эволюции даже такой крупнейший историк, как Соловьев, об этом мы скажем впоследствии.

[6] Сочинения, изд. 1882, с. 89.

«В России,—пишет Соловьев,—прежде Петра была сознана необходимость образования и преобразования; прежде Петра началась сильная борьба между старым и новым... До Петра были люди, которые обратились за наукою к западным соседям, учились и учили детей своих иностранным языкам, выписывали учителей из-за польской границы» [1].

В XVI томе Соловьев пишет о том, что Петр, зная лучше историю, чем Шафиров, дописал своей рукой о царе Феодоре, что последний отменил местничество, подготовив этим преобразования Петра [2].

Эти мысли являются продолжением того, что Соловьев высказал о связи эпохи Петра со всей предшествующей историей еще в своей рецензии на «Историю Петра» Устрялова, помещенной в «Атенее» в 1858 г.

«Мысль о Северной войне,—писал Соловьев,—была мыслью веков. Она была начата Иоанном IV... Она жила в Годунове... Она воскресла в царе Алексее и его министрах и досталась в наследство Петру, как вековое предание. Это Петр сам ясно сознавал и признавал, гордясь великим значением совершителя того, что было начато, чего так сильно желали его предшественники» [3].

Эти места показывают, что Соловьев, в данном случае, воспользовавшись догадками Миллера и Щербатова, придает им форму научной мысли и предположение превращает в историческую теорию.

Эта теория о связи эпохи преобразования Петра с подготовившими ее веками, научно обоснованная Соловьевым, переходит в арсенал русской истории вплоть до наших дней.

Но эпоха Петра—это не обычная, а переходная эпоха из одного состояния в другое. Здесь Соловьев отдает дань западно-европейскому влиянию и переносит на русскую почву теорию органического развития [4].

Причем, Соловьев отличает два возраста в жизни народа: один, когда народ живет преимущественно под влиянием чувств, а второй—возмужалый возраст, когда господствует мысль [5]. Эпоха Петра как-раз и является по мысли Соловьева переломной, когда Россия из одного возраста переходит в другой.

«Наш переход из древней истории в новую, из возраста, в котором господствует чувство, в возраст, когда господствует мысль, совершился в конце XVII и начале XVIII века. Относительно этого

[1] «История», т. XVII, с. 404.

[2] «История», т. XVI, с. 240–241.

[3] «Атеней», № 28 за 1858 г., с. 81.

[4] «Наука указывает нам, что народы живут, развиваются по известным законам, проходят известные возрасты, как отдельные лица, как все живое, все органическое». (См. С. М. Соловьев, соч., с. 89).

[5] Соч., с. 94.

перехода мы видим разницу между нами и нашими европейскими собратьями, разницу на два века»[1].

Конечно, об'яснять «возрастами» этот переход ненаучно в наше время, но нужно принять во внимание, что в эпоху Соловьева это был один из приемов доказать идею развития, идею эволюции. Но в чем внешне выражался этот переход России из одного возраста в другой? «В жизни русского народа,—писал Соловьев,—совершался переход из одного возраста в другой, этот переход, естественно, выражался в повороте от степи к морю»[2].

Таким образом, мы начинаем подходить к основным линиям в схеме Соловьева. Соловьев видит разницу в нашем переходе на два века. Это значит, что Европа нас опередила и перед Петром станет задача догнать Европу. После того, как народы Западной Европы совершили свой переход из одного возраста в другой, «дошел черед и до нас, народа Восточной Европы», и неизбежно, как думает Соловьев, между народом более развитым в умственном отношении и более слабым «естественно образуются отношения учителя к ученику»[3]. Отсюда берет свои истоки взгляд на эпоху Петра, как на эпоху учебы, эпоху прохождения школы в различных областях. С другой стороны, внешне этот переход выражался «в повороте от степи к морю» и в выполнении «мысли веков» завоеванием морского побережья. Отсюда истоки схемы Соловьева, дающего целый ряд ценных об'яснений экономического характера. Но прежде, чем перейти к этим двум основным моментам, я остановлюсь на том, как Соловьев разрешает вопрос о роли личности в истории.

* * *

Славянофилы преувеличивали значение личности Петра, рассматривая его как главное зло в повороте России на ложную дорогу. Если бы не Петр, то Россия шла бы своим самобытным путем. От славянофилов, в отношении переоценки личности Петра, не далеко ушли и некоторые западники, как например, Белинский и Герцен.

Если бы не было Петра, писал Белинский, то у нас не было бы сближения с Европой, Петр—это божество, ему «мало конной статуи на Исаакиевской площади, алтари должно воздвигать ему на всех площадях и улицах великого царства русского»[4].

Герцен писал: «Петр гений... Петру I приходилось создавать и казнить; в одной руке у него был заступ, в другой—топор». «Петр I задержал своим хлороформом народную жизнь на время операций и перевязок»[5].

[1] Соч., с. 98.
[2] Там же, с. 125.
[3] Там же, с. 97.
[4] См. соч. Белинского, т. IV, с. 328—382 и 386.
[5] См. Герцен, т. VI, с. 199, 297.

Переоценка личности Петра, ее культ, ее возвеличение, которому уделяли так много места Неплюевы, Крекшины и др. перешла и в XIX ст., и такие умы, как Белинский, Герцен, не могли правильно поставить эту проблему. К вопросу о значении и роли Петра I как личности довольно правильно, с точки зрения исторического материализма, подходит Соловьев.

Свою рецензию на Устрялова Соловьев заканчивает словами, что «Петр нуждается в истории, а не в панегириках» [1]. И Соловьев, действительно, первый окончательно снимает Петра с высот «полубожеских» и рисует его, как человека своей эпохи. Петр явился тогда, когда была осознана необходимость перехода на новый путь. «Необходимость движения на новый путь,—писал Соловьев,—была сознана, обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился» [2].

Пришел вождь, а не «создатель дела», как думают некоторые. «Великий человек велик потому, что он удовлетворяет своей деятельностью известным потребностям народа в известное время» [3].

Вот еще два места, которые полностью подтверждают наше мнение о том, что вопрос о роли личности в истории, о роли Петра I Соловьев разрешает почти по-марксистски. Эти места относятся к взаимоотношению между личностью и народом. «Великий человек,—пишет Соловьев,—есть сын своего времени и своего народа, его деятельность есть результат всей предшествующей деятельности народа» [4]. Личность не насилует своего народа, и «народ,—послушайте Соловьева,—не низводится до степени стада, бессознательно идущего туда, куда его гонит чужая воля» [5].

Эти мысли Соловьева показывают всю силу научного мышления, всю проницательность его, а также возможность движения науки вперед на первых порах развития класса крупной буржуазии, представителем которого и являлся Соловьев.

Эта постановка вопроса о роли личности Петра в истории дожила и до наших дней, попав даже в некоторые марксистские учебники.

Правда, нужно отметить, что Соловьев местами пишет, что «Петр гениальный царь», «одаренный страшными силами богатырь [6] новой России, Петр рвется также на широкий простор, но этот простор—море» [7]. У Со-

[1] «Атеней», № 28, 1858 г., с. 81.

[2] Соч., с. 118.

[3] «История», т. XIV, 1055.

[4] Соч., с. 92—93.

[5] «История», т. XIV, с. 1056.

[6] «У Петра была старинная русская богатырская природа: он любил широту и простор; отсюда об'ясняется, что кроме сознательного влечения к морю, он имел еще и бессознательное; богатыри старой Руси стремились в широкую степь, — богатырь новой стремился в широкое море» (Соловьев, История, т. XVIII, с. 858).

[7] Соч., с. 125.

ловьева встречается местами об'яснение роли личности Петра из его природы, вызывавшей бессознательное стремление к морю, но эти места—неизбежная дань прошлому и теориям той эпохи, когда жил Соловьев.

* * *

Перейдем теперь к тому, что Соловьев называл внешним выражением эпохи преобразования—«поворотом от степи к морю». Чтобы понять, зачем русским море, достаточно привести следующие соображения Соловьева.

> «Немцы,—пишет Соловьев,—на кораблях своих плавают по всем морям, пристают ко всем землям, покупают дешево, продают дорого и наживают великие барыши... Богаче, искуснее немцы поморские, те, у которых больше кораблей, те, которые плавают и торгуют по всем морям... Отсюда страстное желание, стремление к морю, чтобы посредством его стать таким же богатым и умелым народом, как народы поморские» [1].

«Страстное» желание иметь море Соловьев об'ясняет тем, что Россия—страна бедная, которая, став страной поморской, разбогатеет.

Некоторая наивность в понимании вопросов политэкономии (Соловьев считал, что политэкономия наука вообще жидкая), а также первый период промышленного капитализма, над которым еще веет неотживший дух первоначального накопления, легко об'ясняет тезис Соловьева «покупать дешево, продавать дорого и наживать великие барыши».

Но почему русский народ раньше не стремился к морю? Здесь обычное гегелевское об'яснение, сводящееся к тому, что раньше русский народ не знал этого и только после того, как он осознал свою бедность, русский народ решил выбиться из нее.

> «Основное движение преобразовательной эпохи было привить земледельческому бедному государству промышленную и торговую деятельность, дать ему море, приобщить его к мореплавательной деятельности богатых государств, дать возможность разделить их громадные барыши» [2].

Юное общество не знает разделения занятий [3]. Оно влачит печальное существование, зная только одно занятие—земледелие. Общества, которые переходят из юности в возмужалость, начинают разделять занятия и усиливают промышленную, торговую и мореплавательную деятельность.

Сейчас мы подойдем к таким об'яснениям Соловьева, которые можно считать первой ступенькой экономического материализма, что часто встречается у идеалистов, логически мыслящих «Развитие промышленное и тор-

[1] Соловьев, соч. с. 109.
[2] Там же, с. 113.
[3] Соловьев, История, т. XIV, с. 1057.

говое ведет к развитию умственному». Дальше Соловьев пишет, что «у нас в России, в эпоху преобразования, экономическое движение оставалось на первом плане» [1].

Плеханов в подтверждение своей общей мысли о том, что Соловьев «бессознательно покидал идеализм и приближался к материалистической точке зрения» [2] приводит следующую мысль Соловьева: «Русский народ, после осьмивекового движения на Восток, круто начал поворачивать на Запад; поворота, нового пути для народной жизни требовало банкротство экономическое и нравственное» [3].

Как мы видим, экономический фактор, как в первом так и во втором случае, поставлен на первое место. Это явление М. Н. Покровский об'ясняет тем, что «в конце XVIII и в начале XIX века каждый умный человек был по природе якобинцем, а во второй половине XIX в. каждый умный человек по природе немножко марксист, сознает он это или нет». Немного дальше М. Н. Покровский пишет о том, что Соловьев «инстинктивный, бессознательный марксист» [4].

Мы не будем сейчас спорить по вопросу о том, являлся ли Соловьев «бессознательным марксистом» или бессознательным экономическим материалистом; дает ли Соловьев, кроме экономических об'яснений—еще и социально-классовые, этот вопрос мы оставляем в стороне.

Можно спорить и со всей тяжестью современного марксизма обрушиться на идеалиста Соловьева и доказать, что он не дает правильных экономических об'яснений историческим явлениям, но нужно признать, что в ту эпоху, когда материализм завоевывал умы некоторых людей в России, одно из таких пленений произошло и с Соловьевым. Логически мысля, он неизбежно должен был придти к экономическим об'яснениям эпохи преобразования. И то место, которое мы приведем ниже, подтвердит нашу общую мысль о том, что Соловьев для нас, конечно, коряво, но выражает мысли, присущие экономическому материализму.

> «Экономический переворот,—пишет Соловьев,—как удовлетворяющий главной народной потребности, становился на первый план... Вместе с экономическим преобразованием шло и множество других, но эти последние находились в служебном отношении к первому» [5].

Соловьев выдвигает общую мысль о том, что на первом плане был экономический переворот, а все остальные преобразования находились в служебном, подчиненном положении к экономическому. Если бы пожелать переоценить Соловьева, как это делают некоторые, то его можно

[1] Соловьев, соч., с. 111—112.
[2] Плеханов, соч., т. XX, с. 249.
[3] Соловьев, т. XIII, с. 803.
[4] Покровский, Борьба классов, с. 60 и 62.
[5] Соловьев, соч., с. 112.

было бы об'явить представителем экономического материализма. Но нам кажется, что это преувеличение.

С другой стороны, будет недостаточно правильным считать Соловьева представителем исторического идеализма там, где этого у него нет. Как напр., в вопросе об европеизации России, т. Покровский в своем четырехтомнике, в связи с писаниями Брикнера, у которого ясно выражена школярская точка зрения, пишет: «Не очень далеко от этого «наивного школярства» ушел даже Соловьев» [1]. Ряд приведенных нами цитат из работ Соловьева показывают, что точка зрения т. Покровского не подтверждается. В данном случае прав Г. Плеханов, который считал, что «в вопросе об европеизации России, вопреки мнению М. Н. Покровского, Соловьев очень далеко ушел от «наивного школярства просветителей» [2], и поэтому мы считаем, что продолжать настаивать на школярстве Соловьева нецелесообразно. Соловьев, оставаясь идеалистом, очень часто покидал идеалистическую точку зрения и бессознательно приближался к материализму.

* * *

Всем известна схема Соловьева о прикреплении крестьян—«этого вопля отчаяния, испущенного государством, находящимся в безвыходном экономическом положении» [3]. Закрепление крестьян также об'ясняется односторонностью занятий, недостатком рабочих рук, необходимостью служилому всегда быть готовым в поход, чтобы защищать лес (культуру) от степи (азиатщины).

Но русское общество растет, и начинается разделение занятий: появляется город (в смысле промышленности), и «необходимым следствием переворота (Петр I—*С. Б.*) долженствовало быть освобождение села через поднятие города» [4].

Какой размах и какое невольное желание осовременить эпоху Петра I! Соловьев понимает натянутость своей мысли о том, что первые камни, фундамент освобождения крестьян, заложил Петр I, и он пишет: «Всякий посмеется более чем детской мысли, что Петр мог освободить крестьян». Но немного дальше он с большим патриотическим пафосом заявляет: «Видевшим конец дела предстоит обязанность почтить память начавшего, положившего основание» [5].

[1] Покровский, т. II, с. 19?—196. В своей книге «Борьба классов» М. Н. пишет: «Но на «школярстве» я все таки продолжаю настаивать», с. 95.

[2] Плеханов, соч. т. XX, с. 248.

[3] Соловьев, соч., с. 103.

[4] Там же, с. 219—220.

[5] Там же, с. 220.

Соловьев, как и класс, который он идеологически выражал, ясно представлял себе, что развитие торговли и промышленности, развитие денежного хозяйства, требовало освобождения крестьян и перехода к вольнонаемному труду. Соловьев, знавший ряд языков и следивший за литературой по всеобщей истории, мог проследить эти моменты на истории Запада.

Класс буржуазии на первом этапе своего развития почти всегда говорит о том, что пути развития всех стран одинаковы, т. е. иначе говоря у России нет своего «самобытного пути» и она неизбежно должна придти к капитализму.

«Появление имущества движимого,—денег, подле недвижимого—земли, признак, совпадающий с другим признаком, освобождением земледельческого сословия, появлением вольнонаемного труда, вместо обязательного, крепостного; город, разбогатев, освобождает село... Так было на Западе. Обратимся на Восток. Законы развития одни и те же и здесь и там» [1].

«Так было на Западе», так будет на Востоке—логически следует из положения Соловьева. Конечно, Соловьев понимает, что кроме общего есть и различное, особенное. Соловьев это особенное, как и славянофилы, ищет в том, что Россия, став в результате петровских преобразований на путь капитализма (торгового и промышленного), избежит тех революционных потрясений, какие знал Запад—так не будет на Востоке—хотел бы сформулировать Соловьев. Но об этом позже.

Итак, чтобы разбогатеть, чтобы через город освободить село, чтобы пройти по тем же законам капиталистического развития, бедная земледельческая Россия должна была «добыть себе уголок у Северного, Средиземного (Балтийско-Немецкого) моря» [2].

Схема Соловьева упирается, таким образом, в новый вопрос, связанный с войнами и внешней политикой эпохи Петра I.

* * *

Соловьев, как истый патриот, прежде всего, внушает мысль о том, что «Петр не был вовсе воинственным государем» и что у Петра нет «никакого пристрастия к войне» и вообще у русского народа «меньше всего драчливости, воинственного задора». «Иностранцы,—пишет Соловьев,—по незнанию нашей истории позволили себе увлечься внешним взглядом и никак до сих пор не могут освободиться от мысли о завоевательных стремлениях России, о стремлениях к всемирному владычеству» [3].

Петр, по мысли Соловьева, стремился только удовлетворить народную потребность, и «война начата как тяжкая необходимость для произведения

[1] Соловьев, соч., с. 101.
[2] Там же, с. 111.
[3] Там же, с. 155.

экономического переворота в народной жизни, для приобретения моря» [1].

Соловьев издалека подходит к тому, что у русских и у Петра I нет никаких завоевательных стремлений. Он, как вы видите, об'ясняет войну, как тяжкую необходимость для произведения экономического переворота, и поэтому русские стремятся добыть уголок, который у них отняли шведы еще в IX в. [2]. Таким образом, по Соловьеву, получается, что русские хотели вернуть себе «русское», у них отнятое. Петр, вступив на путь внешней политики, поддался, по Соловьеву, вначале старому русскому движению—на Восток, он пытается пробиться у Азова, но неудачно. Тогда Петр приходит снова к тому устью, откуда «начинался великий путь из Варяг в Греки» [3].

Планы, которые навязывает Соловьев Петру I, напоминают планы, с которыми носились во внешней политике в эпоху Николая I и Александра II. Линии русской внешней политики эпохи Соловьева шли по следующим трем направлениям: 1) стремление на Балканы и захват Константинополя, отсюда борьба с Турцией; 2) стремление экономически подчинить себе Кавказ, Закавказье и проникнуть в Персию и 3) проникнуть в Среднюю Азию (захват Ташкента). Кроме того, в эту же эпоху происходит польское восстание 1863 г., которое из внутреннего вопроса переросло в вопрос международный.

Соловьев, описывая великую Северную войну, увязывает ее так с современностью, что различные этапы ее напоминают не столько борьбу России со Швецией, сколько ее борьбу с Англией [4].

Во всех вопросах внешней политики этой эпохи (Константинополь, Кавказ, Персия, Средняя Азия) одним из главных противников России на дипломатическом фронте выступает Англия. Если под Швецией, в эпоху Петра I, мы будем иногда подразумевать Англию в эпоху Николая I и Александра II, то очень многое нам станет ясным из «исторических», «независимых» от злобы дня трудов Соловьева.

* * *

Еще в своей рецензии на книгу Устрялова Соловьев говорит о том, что Устрялов поступил правильно, опустив всякие побасенки, связанные с Симеоном Полоцким, но вместе с тем, Соловьев очень недоволен, что Устрялов опускает один факт:

> «Устрялов,—пишет Соловьев,—напрасно упустил известие о том, что после рождения Петра Симеон Полоцкий вместе с греком Епифа-

[1] Соловьев, соч., с. 173. Разрядка наша. *С. Б.*

[2] «История», т. XVII, с. 620—621.

[3] Там же, т. XIV, с. 1270.

[4] Тов. М. Н. Покровский отмечает, что в рамках 1860—80 гг. во внешней политике России заметно «ослабление наших экономических связей с Англией и ухудшение наших политических отношений с нею» (т. IV, с. 251).

нием поднес царю Алексею прогностик в виршах; в этом прогностике приглашается к веселию Константинополь и святая София, потому что рождение Петра положило начало их спасению... Здесь,—продолжает Соловьев,—любопытна господствующая мысль тогдашних ученых людей, которую они выставляли перед государем, мысль об освобождении Константинополя» [1].

Не Соловьев ли этот ученый муж, который теперь выставляет государю Александру II мысль о «мысли веков», но не от Иоанна IV до Петра I, а от Петра I до Николая I,—мысль об освобождении Константинополя.

Чрезвычайно интересно отметить, что мысль «освобождение Константинополя завещано Николаю I Петром I» попадается не только в писаниях Соловьева, но и у К. Маркса.

«Приводимые на столбцах «Таймса»,—пишет К. Маркс,—неотразимые доводы полной невозможности сохранить Турцию в ее теперешнем состоянии служат только для того, чтобы подготовить английскую публику и мир к тому моменту, когда станет совершившимся фактом важнейший пункт завещания Петра Великого—завоевание Босфора» [2].

Читая эти строки, недоумеваешь; получается как будто Маркс считает обоснование «завоевания Босфора—завещание Петра Николаю I» стоющим аргументом. Но уже через несколько месяцев, возвращаясь к этому же завещанию Петра I, в другой статье, Маркс высмеивает политиков (конечно, и историков, заодно и Соловьева), ссылающихся на завещание Петра I, и говорит о том, что можно, уйдя в глубь веков, еще у Святослава [3] — языческого князя России—найти заявление, сделанное на собрании бояр о том, что «под владычество России должны попасть не только болгаре, но и греческая империя в Европе, вместе с Богемией и Венгрией» [4]. В своем дальнейшем изложении Маркс называет все эти исторические аргументы «курьезными и смехотворными».

Практический интерес русской внешней политики эпохи Соловьева толкал его еще при рождении Петра искать освобождения Константинополя.

Но вот Соловьев переходит к описанию войны с Турцией и к Прутскому походу. Так как на «поляков была плохая надежда» [5], то Петр начи-

[1] «Атеней», № 27, с. 10, 1858 г.

[2] «Турецкий вопрос»—передовая статья в «Нью-Иорк Триб.он» 19/IV 1853 г., см. К. Маркс, соч., т. X, с. 180—181.

[3] Именно так и делал Соловьев, начав углубляться в века и рассказывая о том, что Русь родилась у Невы в IX веке нашей эры, см. т. XIV, с. 1270, и т. XVII, с. 620—621.

[4] «Традиционная политика России», Лондон, 29/VI 1853 г., «Нью-Иорк Трибюн», 12/VIII 1853 г. См. К. Маркс, т. X, 220—221.

[5] См. Соловьев, История, т. XVI, с. 59.

нает искать помощи в самих турецких владениях. Здесь интересна национальная политика, которую рекомендует Петр и которую одобряет Соловьев. «При входе в Молдавию... жителей-христиан ничем не озлоблять и поступать приятельски... Татар (населяющих Аккерманскую и Буджакскую орду) склонять в подданство угрозами, разорением, искоренением» [1].

Соловьев нарочито подчеркивает, что Петр I посылает полковника Милорадовича поднять черногорцев против турок. Дальше Соловьев говорит о том, что за черногорцами должны восстать сербы, болгаре, «одни народы присоединятся к нашим войскам, другие поднимут восстание внутри турецких областей» [2].

Разве это не план подготовки турецкой войны, разве это не оправдание тех восстаний [3], которые устраивало русское правительство на Балканском полуострове, разве это не план проникновения на Балканы русского капитала, которому тесно в рамках внутреннего рынка, чуть приоткрытого?

Наступает переломный момент, Петр должен решать—продолжать поход или отступить, но Соловьев говорит о том, что решение должно было быть в пользу продолжения похода, так как у «Петра I была надежда, что при появлении его здесь христианское народонаселение встанет и войско султаново, окруженное со всех сторон врагами, исчезнет» [4].

Не эту ли надежду питало правительство Александра II, не ему ли писал эти планы военной кампании против Турции историк Соловьев, питавший ту же надежду на восстание «христианского народонаселения» против турок.

Надежды не оправдались, авантюра провалилась, так как Швеция, во времена Петра I (читай—Англия во времена Соловьева) раскрыла глаза Турции и та заставила Петра пойти на унизительный договор. Впервые русское правительство увидело связь восточного вопроса с польским, связь, которую «француз и швед открыл». А разве в эпоху польского восстания не было той же связи восточного и польского вопроса?

Перейдем теперь к знаменитому Персидскому походу. Чего было искать Петру I в далеких солончаковых степях Закаспия?

Соловьев дает удивительно правильное об'яснение. Россия — посредница между Европой и Азией, и для этой посреднической торговли нужно было Балтийское море соединить с Каспийским. «Петр I,—пишет Соловьев,—приказывает рыть канал, чтобы соединить оба моря». По мнению Соловьева,

[1] См. Соловьев, История, т. XVI, с. 65.

[2] Там же, с. 61—62—64.

[3] «Сербское восстание 1809 г. и греческое возмущение 1821 г. в большей или меньшей степени обязаны своим возникновением русскому золоту, русскому влиянию». (К. Маркс, т. X, с. 178).

[4] Соловьев, История, т. XVI, с. 67.

Петр одинаково обращал внимание на все страны Востока от Китая до Турции. Но все же из всех стран Востока Персия занимает особое место.

Например, в Китае, несмотря на бесконечные хлопоты Измайлова и его агентов о свободной и беспошлинной торговле, китайцы отвечали:

«У нашего государя торгов никаких нет, а вы купечество свое высоко ставите; мы купеческими делами пренебрегаем,—у нас ими занимаются самые убогие люди и слуги, и пользы нам от вашей торговли никакой нет, товаров русских у нас много, хотя бы ваши люди и не возили, и в провожании ваших купцов нам убыток»[1].

В конце концов китайцы выпроводили русскую миссию, присланную Петром, и не разрешили жить постоянно русскому агенту в Пекине, а также не разрешили строить русскую церковь. Как мы видим, русские дела в Китае совсем не ладились, и особо активной политики по отношению к нему Петр не предпринимал.

Совершенно другой характер носят царские наказы, данные Волынскому, который был отправлен с посольством в Персию. Этот наказ приводит Соловьев почти полностью. Мы из него дадим только выдержку:

«Склонять шаха, чтоб повелено было Армянам весь свой торг шелком сырцом обратить проездом в Российское государство, пред'являя удобство водяного пути до самого С.-Петербурга, вместо того, что они принуждены возить свои товары в турецкие области на верблюдах и буде невозможно то словами и домогательством сделать, то нельзя ли дачею шаховым ближним людям; буде и сим нельзя будет учинить, не мочно-ль препятствие какова учинить, Смирнскому Алепскому торгам где и как»[2].

Как мы видим, здесь совершенно другой тон и другие указания. Петр предлагает действовать угрозами, домогательством, взятками, а если нужно, принять активные меры к тому, чтобы воспрепятствовать торговле опасного конкурента, которым являлась Турция.

Через некоторое время посылается вслед за посольством уже военный разведчик капитан Баскаков с особым секретным поручением:

«Ехать в Астрахань и оттуда в Персию под каким видом будет удобнее и поступать таким образом: 1) ехать от Терека сухим путем до Шемахи для осматривания пути, удобен ли для прохода войска, водами, кормами конскими и проч,, 2) от Шемахи до Апшерона и оттуда до Гиляни смотреть того же, осведомиться также о реке Куре, 3) о состоянии тамошнем и о прочих обстоятельствах насматриваться и наведываться, и все это делать в высшем секрете»[3].

[1] Соловьев, т. XVIII, с. 643—645.
[2] Там же, с. 664.
[3] Там же, с. 567.

Как мы видим, Петр I подготовлялся к войне с Персией, поэтому он и посылал туда с разведывательными целями своих верных людей.

Посольство Волынского кончилось большой удачей, он заключил договор, по которому: «русские купцы получили право свободной торговли по всей Персии, право покупать шелк-сырец повсюду, где захотят и сколько захотят» [1].

Интересно отметить для характеристики эпохи Петра I, что уже в те времена в странах Востока искали не один шелк. Волынскому дается указание о том, чтобы «он приложил свой труд о разводе хлопчатой бумаги» [2]. Таким образом, наряду с благородной тканью—шелком, которая обслуживала только верхние слои населения, ставится уже вопрос о хлопчатой бумаге, которая может пойти для нужд самого широкого потребления. Как мы видим, из всех стран Востока только в Персии русские купцы обладали такими огромными преимуществами. Русский капитал подчинял себе все больше и больше персидский рынок.

Если в эпоху Петра I главнейшую роль играла транзитная торговля, то в эпоху Николая I уже действует нечто иное. Но так или иначе из большинства стран Востока в обе эпохи русский капитализм был очень тесно связан с персидским рынком. И когда внутри Персии начались беспорядки, когда Персия стала распадаться на отдельные вилайеты, что «сопровождалось большим уроном для русской торговли», то Волынский решил, что это известие «побудит царя к открытию войны».

Таким образом, Соловьев персидскую войну увязывает с торговыми интересами. Он дает очень сжатую и четкую формулировку: «Войну персидскую Петр предпринял в видах торговых и с целью не допустить Турцию одну усилиться насчет Персии» [3]. Такое об'яснение войны «в видах торговых» показывает, насколько Соловьев глубоко понимает исторические явления. В этом об'яснении мало бессознательности. Буржуазия, прикрывающая войны словесными ярлычками, дабы обмануть широкие массы, иногда говорит прямо, во имя каких интересов затевается та или иная война. Именно здесь Соловьев дает голый практический интерес—«война в пользу русской торговли», потерпевшей «страшный урон».

У Соловьева нет и речи о социально-экономической формации, о классе купцов, во имя интересов которых затевалась эта война. Соловьев, вообще пренебрежительно относившийся к политической экономии, представляет себе и эти «торговые интересы» очень примитивно. Но нужно помнить, что Соловьев только жил в эпоху Маркса и «у нас нет оснований думать,

---

[1] Соловьев, т. XVIII, с. 666.

[2] Там же, с. 672.

[3] Там же, с. 752. Разрядка наша.—*С. Б.*

что он был знаком с теорией исторического материализма»[1]. Поэтому такого рода высказывание Соловьева имеет большое значение при изучении его взглядов.

Если к войне готовятся (достаточно вспомнить наказы Петра I Волынскому и Баскакову), то предлог всегда легко найти. В Шемахе побили русских купцов; несмотря на удовлетворение, которое предлагалось, начинается поход. Медлить было нельзя, так как Персия распадалась и русские должны были «утвердиться на берегах Каспийского моря». Так постепенно историк совсем «не драчливого» и «не воинственного» народа договаривается до необходимости не обороны, а войны в торговых интересах, которые заставляют русских утвердиться на берегах Каспийского моря.

Здесь действует та же близкая сердцу Соловьева национально-колониальная политика. Одни племена стараются взять обещаниями, другие угрозами. Систематически сносятся с Грузией, с Арменией, обещая им всякие царские милости. Других—калмыков—устрашают тем, что отрежут от пастбищ, если они не признают власти русского царя. Но в общем, Соловьев больше сочувствует Волынскому, который советовал Петру «действовать в Персии и на Кавказе вооруженной рукой, а не политикой»[2].

Соловьевское описание персидского похода с яркой формулировкой торговых интересов в Персии является историческим оправданием и обоснованием колониальной политики, которую вело русское правительство времен Соловьева на Кавказе и в особенности в Персии. В николаевское время «персидский рынок, после победы России над Персией, оказался почти в монопольном обладании русского капитала; английским товарам приходилось вести с русскими фабрикатами ожесточенную борьбу»[3].

А разве Соловьев не указывает на Англию[4] — как главного конкурента России в Персии? Он описывает интриги Англии против России в эпоху Петра I так, как будто это совершалось у Соловьева на глазах. Это не потому, что Соловьев такой художник слова, а потому, что он современные ему отношения переносит на эпоху Петра.

Сама фигура Петра, бросающегося с берегов Невы на берега Прута, с Прута в Москву, из Москвы в Дербент, из Дербента опять в Москву... этот мятущийся Петр есть скорее выражение мятущегося Николая I, которого развивающийся промышленный капитал толкал с берегов Босфора на Кавказ, с Кавказа в Персию и из Персии в Среднюю Азию.

---

[1] Плеханов, т. XX, с. 248—249.

[2] Соловьев, т. XVIII, с. 670—74.

[3] Покровский, М. Н., Дипломатия и войны, с. 380.

[4] «Со стороны Англии продолжались внушения, что Русский государь хочет овладеть не только персидскою, но и всею восточною торговлею, вследствие чего товары, шедшие прежде в Европу через турецкие владения, пойдут через Россию, и тогда англичане и другие европейцы выедут из Турции, к великому ущербу короны султановой» (т. XVIII, с. 700).

Петр у Соловьева осовременен и многие черты, присущие более развитой эпохе, приписаны более ранней, отстающей от первой на доброе столетие.

Можно было бы еще на примере Польши показать то же осовременивание, но мы ограничимся общей постановкой вопроса о движении русских на Восток, т. е. в Среднюю Азию. Мы заранее извиняемся за ту большую цитату, которую придется привести по этому вопросу:

«Мы видим,—пишет Соловьев,—на первом плане колонизацию, занятие пустынных пространств под мирный труд народы или лучше сказать народцы, встречающиеся на этих необ'ятных пространствах, по своему характеру, стоя на низкой ступени политического развития, невольно влекут народ, стоящий выше их, влекут все далее и далее на занятие новых земель: они своим хищничеством не дают ему покоя; заставить их уважать право, договор, нельзя; они умеют жить только или в постоянной вражде к соседу или в рабской подчиненности, и невольно их приходится покорять. Таков господствующий характер русских отношений к восточным народам даже до наших дней, характер любопытный, потому что в покорении врага здесь заключается необходимая оборона от него»[1].

Таким образом, это движение исторически оправдывается. Если эти «хищнические» народцы не покорить, то они нападут, и поэтому их невольно приходится покорять. Характерно, что сам Соловьев говорит: «эти отношения сохранились даже до наших дней». Великодержавный историк здесь оправдывает ту политику, которую формулировал в его время князь Горчаков по отношению к Средней Азии:

Положение России в Средней Азии таково,—писал князь Горчаков в 1864 г.,—что интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство (Россия—*С. Б.*) имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными. Оно начинает, прежде всего, с обуздания набегов и грабительств»[2], а заканчивает покорением этих (кочевых и диких) народов.

Кто у кого списал — Соловьев у князя Горчакова, или наоборот? Горчаков писал в 1864 г., а Соловьев выступил со своими «Чтениями о Петре» в 1872 г., и вы видите почти текстуальное совпадение.

Соловьев, говоря о Петре, вносил столько публицистического, столько современного, что порой трудно бывает определить — идет ли разбор исторического факта или же этот факт (как, напр., с Симеоном Полоцким) привлечен за волосы, чтобы показать свое отношение к

[1] Соловьев, соч., с. 156—157.

[2] Циркуляр кн. Горчакова. Цит. по работе М. Н. Покровского, Дипломатия и войны, с. 323.

злободневному бьющему вопросу о Константинополе, Персии, Средней Азии и т. д.

Или вот еще образчик. Подводя общие итоги борьбы Петра за «уголок у моря», Соловьев пишет: «Европейская земля собирается... кроме Балканского полуострова» [1]. Балканский полуостров и Петр I. Вы видите это нарочитое подчеркивание Соловьевым того, что вот, мол, еще Балканский полуостров остался «не собранным», т. е. не прибранным к рукам торгово-капиталистической России. В другом месте, говоря о «сплочении государства» Петром I, Соловьев вдруг проливает слезы о том, что не все части русской земли входят в состав русского государства, как напр. Червонная Русь, «то знаменитое Галицкое княжество, о котором так часто идет речь в наших летописях» [2].

В результате всех войн Россия вышла на историческую сцену. Каковы цели петровской России, чьи интересы она представляет?

> «Швеция,—пишет Соловьев,—потеряла свое первенствующее положение на северо-востоке, которое заняла Россия... держава Славянская, держава, принадлежащая к Восточной Церкви, естественная представительница племен славянских, естественная защитница народов Греческого исповедания. Давно история не видала явления, более обильного последствиями».

Как понимать эти «обильные последствия»? Я думаю, так же, как и освобождение Константинополя, связанное с рождением Петра I.

Это представление о России, как о «естественной защитнице народов Греческого исповедания», не столько присуще эпохе Петра I, сколько эпохе Николая I и Александра II. Это тоже осовременивание Петра, вытекающее из практических интересов того класса, невольным и вольным защитником интересов которого являлся Соловьев.

Теперь у места вспомнить мнение Ключевского о том, что «истории Соловьев не ронял до памфлета и был «независим от временных и местных увлечений» и т. д. ... В другом месте мы находим у Ключевского очень удачное указание на то, что «редко работа историка так совпадала с текущими делами его времени, так прямо шла навстречу нуждам и запросам современников... Многосторонняя перестройка быта располагала к историческим справкам» [3].

Таким образом, Ключевский все же признает, что «сухой историк» Соловьев давал «исторические» справки современникам, занятым перестройкой. Но это были не просто «исторические справки», это была не «черствая правда... сухого историка», а современность, опрокинутая в прошлое.

---

[1] См. «Историю», т. XVII, с. 617.

[2] См. Сочинения, с. 156.

[3] В. О. Ключевский, Очерки и речи, сб. II, с. 49.

У Ключевского получается нечто механическое, формальное. В таком-то году вышло Уложение и в таком-то году вышел первый том Соловьева, трактующий об эпохе преобразований.

Нет, это совпадение не случайное. В эпоху Николая I и Александра II больше всего интересуются историей эпохи Петра I. Вспомните Погодина, Полевого, Устрялова и др... Соловьев на две головы выше всех этих историков. Он глубже понимал философию эпохи, он лучше разбирался в исторических явлениях, и поэтому он сумел лучше замаскировать и завуалировать злобу дня своей эпохи в «сухой» «Истории России с древнейших времен». В особенности это видно из того, как излагает Соловьев внешнюю политику эпохи Петра I.

Из этого изложения логически следует, что Соловьев великодержавный патриот и сторонник активной внешней политики, в особенности на ближнем и дальнем Востоке. Но всегда ли Соловьев был таким?

У нас получится далеко не полное понимание социально-политического лица Соловьева, если мы не приведем его отношения к Крымской кампании. В своих «Записках» Соловьев пишет:

> «Мы находились в тяжком положении: с одной стороны, наше патриотическое чувство было страшно оскорблено унижением России, с другой, мы были убеждены, что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение; мы были убеждены, что успех войны затянул бы еще крепче наши узы, окончательно утвердил бы казарменную систему» [1].

Таким образом, мы видим, что Соловьев не ура-патриот, он не всегда и не при всех режимах желает победы России. Конечно, Соловьев не являлся и активным пораженцем России. Он нигде не выступал, эти мысли, так сказать, сокровенная тайна, занесенная только в дневник, опубликованный после его смерти. Но так или иначе, эта мысль о желательности поражения России в эпоху Крымской кампании характеризует Соловьева с новой для нас стороны. Соловьев был, так сказать, пассивным пораженцем в эту эпоху, чтобы после смерти Николая I до конца своей жизни остаться великодержавным патриотом.

* * *

У Соловьева интересен сам переход к внутренним преобразованиям. России нужно было море, чтобы бедную страну сделать богатой. Для закрепления за собою моря нужно строить корабли, но для их постройки нужны деньги. Деньги можно достать только, усилив торговлю; отсюда Соловьев говорит, что Петр о с о з н а л надобность беречь торговых людей, а не разорять их, «для чего нужны такие порядки, какие заведены у иностранцев».

[1] Соловьев, Записки, с. 150.

На какие же изменения обращает свое особое внимание Соловьев? Какие преобразования ближе всего либералу-Соловьеву?

Это форма коллегиального устройства и общественного самоуправления.

Соловьев приводит мнение знаменитого Лейбница и говорит о том, что Петру больше всего понравилось сравнение коллегии с часами, «где колеса взаимно приводят друг друга в движение». Соловьев видит все зло в разобщенности колес (общественных классов или групп — *С. Б.)*, и «единственное средство к исцелению — деятельность сообща» [1].

«Мысль Петра,—пишет Соловьев,—о коллегиуме, который бы приводил торговлю в лучшее состояние, осуществилась к Коммерц-коллегии, которая должна была заботиться о торговле внутренней и внешней; под ее надзором должны были строиться корабли и производиться работы по водяным сообщениям и по устройству сухопутных дорог» [2].

Сенат, по представлению Коммерц-коллегии назначил консулов и таможенных чиновников, давал инструкции посланникам для заключения торговых договоров и т. д. Прослеживая дальше внутренние реформы и создание новых учреждений, Соловьев особо подчеркивает мысль о привлечении достойных и способных людей к управлению государством.

Соловьев также выпячивает мысль о приучении к политической школе русских людей и «допущении к участию в выборах». «Петр сам любил присутствовать при выборах в Сенате и блюсти за их правильностью и беспристрастием» [3].

Петр заставляет русский народ «учиться гражданским обязанностям и гражданской деятельности». Чтобы уничтожить жалобы купцов, «Петр дает им особое управление, основанное на коллегиальном и выборном начале» [4]. Учреждается Ратуша, и начинаются выборы городских бургомистров.

Дворяне получают право выборов, взамен воеводств, создаются ландраты, основанные на выборном начале и коллегиальном управлении. Губернатор должен был быть «не яко властитель, но яко президент».

Мы видим, как различными штрихами Соловьев хочет нарисовать картину Петровской Руси, где русский царь является первым гражданином среди дворян, промышленников и купцов, но, конечно, не низших классов населения. Царь сам приучает к политической и общественной школе свой народ, и все это делается для того, «чтобы вывести русских людей из детского

[1] «История», т. XVI, с. 141.
[2] Там же, с. 157.
[3] Т. XVIII, с. 771.
[4] Сочинения, с. 216.

возраста относительно общественной жизни и упразднить внешние детские понуждения, упразднить дубинку» [1].

Буржуазные классы, по мере того, как они крепнут экономически, начинают тянуться к политической власти и стремятся принять участие в управлении страной или, по меньшей мере, влиять на политику своей страны. Купец и промышленник хочет стать полноправным, наряду с дворянином и царским бюрократом. Купец и промышленник стремится дворянскую монархию постепенно окрасить в свой буржуазный цвет.

Соловьев это делает по отношению к петровской эпохе, конец которой он видит в эпохе Александра II. Петр начал школу гражданственности, Александр II дает ей законченную форму.

Но среди реформ Александра II были такие, которые являлись «уступкой политической оппозиции» [2], как суд присяжных. Сочувствовал ли таким вынужденным реформам Соловьев, на чьей стороне стоял он в эпоху реформ, к кому склонялась его идеология?

Если пожелать сформулировать позицию Соловьева в этом вопросе, то пожалуй нужно будет сказать (на основе материалов о Петре Великом в его основном труде — «Истории» — 1864—68), что Соловьев является последовательным защитником общественного самоуправления и привлечения к государственному управлению достойных и способных людей. Но такого общественного самоуправления, которое не вынуждается у правительства, как уступка оппозиции, а которое дается сверху государственными мужами, осознавшими необходимость той или иной реформы.

Соловьев не стоит в рядах политической оппозиции. Соловьев считает, что без постоянной опеки, «без присутствия Петра в Сенате», выборы не будут правильны и не будут беспристрастны. Только царь и правительство могут добиться беспристрастия, а не какие-то общественные группы, политические партии или классы. За ними Соловьев не признает никакой силы. Последний момент особенно подчеркнут в «Чтениях о Петре», вышедших в 1872 г., когда уже русскому обществу ясно вырисовывались контуры народнической революции.

В «Чтениях» Соловьев делает особое ударение на том, что внутренние реформы не удались, что Петр должен был отказаться от областного управления, снова ввести воеводства и т. д. Об'яснения Соловьев ищет в «недостатке достойных людей», в том, что дворяне на право выборов смотрели, как на тяжелую обязанность, а «купцы сами себе повредили: богатые на бедных налагают несносные поборы». Соловьев собственно основную беду видит в том, что общество или учреждения, получившие право выбора, выбирают себе не президентов, а господ. Эти президенты-господа действуют от их имени, и неизвестно, кто ответствен за их действия. Соловьев сводит

[1] См. Сочинения, с. 236.

[2] См. Покровский, т. IV, с. 123.

конечно, это к детскому возрасту, в смысле понимания общественности, в котором находилось русское общество. По этому всему Соловьев является сторонником сильной направляющей и исправляющей руки.

Здесь небезынтересно для понимания политического лица Соловьева снова обратиться к его «Запискам».

Как мы видели из отношения Соловьева к николаевской монархии, к Крымской кампании, он выступает перед нами как либерал, как левый, «С радостью,—пишет Соловьев, — вспоминаю я и о том, что книга не была посвящена Николаю». После «перемены декораций», как пишет Соловьев о приходе Александра II, «человека вывели из тюрьмы, хорошо, легко дышать свежим воздухом; но куда ведут? Может быть, в другую, еще худшую тюрьму?» Но Соловьев сам пишет о себе, что он не «либеральничал», он опасается того, что «у людей от непривычки к свежему воздуху начнутся обмороки». В особенности Соловьев недоволен тем, что «начали бегать, как угорелые», и вот Соловьев задает, видно с болью в душе, вопрос: «куда же мы бежим, где цель движения, где остановка»?

Не видя этой цели, не сочувствуя «красным», которые «торжествовали», Соловьев из «либерала, ничуть не меняясь, стал консерватором».

Соловьев рисует слабость Александра II, неспособность его руководить делом «реформ» и неуменье привлечь достойных людей.

«Преобразования, — пишет Соловьев, — производятся успешно Петрами Великими, но беда, если за них принимаются Людовики XV и Александры II. Преобразователь, вроде Петра Великого, при самом крутом спуске, держит лошадей в сильной руке — и экипаж безопасен; но преобразователи второго рода пустят лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и потому экипажу предстоит гибель».

И тем самым «недостатком людей», которым Соловьев об'ясняет неудачи во внутренних реформах Петра, этим же самым Соловьев об'ясняет и неудачи в реформах Александра II, и потому «экипажу предстоит гибель».

Но если Петр умел привлечь новых способных и энергичных людей, то Александр этого не умеет.

А люди «хотя бы мало, очень мало, но все же были люди с авторитетом, люди науки, люди мысли и опыта, которым было не подстать бежать, как угорелым, неведомо куда, которые могли поднять голос против такого бегства, пригласить остановиться, подумать, поусомниться в пользе и необходимости бесцельной беготни» [1].

Не проглядывает ли в числе этих «людей науки» и лицо самого Соловьева, не сочувствовавшего «бесцельной беготне» и печалившегося по поводу того, что на экипаже (т. е. в России) в эти годы «великих реформ» не Петр Великий, а «внутренне слабый» Александр II.

---

[1] См. «Записки», с. 142, 156, 157, 160 и 168.

Соловьев, либеральничавший при Николае I, становится консерватором при Александре II. Он хочет быть одним из тех, которые будут сдерживать экипаж при этом крутом спуске.

* * *

Соловьев ставит вопрос о том, почему преобразование Петра, несмотря на большие неудовольствия в высших сферах, все же победило?

Соловьев это об'ясняет тем, что вокруг преобразователя собрались сильнейшие люди, создавшие сильное движение, которое увлекло большую часть высших слоев общества, и машина была на всем ходу: можно было кричать, жаловаться, но остановить машину было нельзя» [1].

Но кто же кричал, кто жаловался, кто пытался остановить машину, пущенную в ход Петром I? Это прежде всего основная часть народа, т. е. крестьянство. «Самый многочисленный класс—хлебопашцы—продолжали заявлять о своем незавидном положении побегами» [2]. Бегали в степь, к казакам; перебегали от «бедных» помещиков к богатым [3].

Соловьев приводит целый ряд легенд, созданных в народе о «Петре самозванце», о «Петре-антихристе», о «подмене царя в Стокгольме» и различные разговоры в народе по материалам Преображенского приказа. На основании всего этого материала, Соловьев старается показать, что не народ выступал против Петра I, а кое-кто другой и что народ — это страдательная личность, несущая «великую, святую и тяжелую службу перед отечеством» [4]. Кто же это кое-кто другой? Прежде всего, это стрельцы и раскольники. Восстание стрельцов Соловьев об'ясняет тем, что они «видели ясно, что им предстоит тяжелое преобразование из стрельцов в солдаты» [5].

Соловьев возмущен тем, что стрельцы, вопреки царским приказам, стремились в Москву заниматься ремеслами, мелкой торговлей, в то время как государство так нуждалось в военных силах, когда все кипело кругом и когда «великий труженик» «с мозолистыми руками» сам показывал всем пример; а они, стрельцы, хотят легкой службы, хотят ничегонеделания.

Соловьев понимает, что «стрельцы — это только застрельщики, это только вооруженная сила, за которою стоит масса людей, противных преобразованию» [6].

Вторую группу противников преобразования Соловьев видит в раскольниках. Петр, по Соловьеву, различал два типа раскольников. Первые, которые молятся по иным законам, но выполняют полезную производительную

[1] Соловьев, История, т. XV, с. 1377.
[2] Том XVIII, с. 791.
[3] Том XVI, с. 228.
[4] Том XVIII, с. 850.
[5] Том XV, с. 1033.
[6] Соловьев, История, т. XIV, с. 1188.

работу, а вторые — это люди, прикрывающие расколом свою политическую борьбу против преобразований.

К первым Соловьев относит Выгорецких раскольников, работавших на железных заводах, добрых граждан, которым Петр разрешил молиться по-старому[1]. Сам Соловьев относится терпимо к таким раскольникам и сочувствует политике Петра I. Буржуазный монархист — Соловьев, который должен добиться максимальной эксплоатации труда этим методом, находит доступ к эксплоатации десятков тысяч «старообрядцев», забравшихся в глушь леса. Соловьев своей веротерпимостью говорит: молитесь по вашим законам, но подчиняйтесь государству и лезьте в ярмо капитализма.

Но Соловьев со всей силой обрушивается на тех раскольников и приверженцев старины, которые связывали свое движение с царевичем Алексеем Петровичем, думая о возврате старых порядков с его воцарением. Эти раскольники всюду распространяли слухи о том, что «царевич не склонен к делам отцовским, не охотник «раз'езжать без устали из одного конца России в другой, не любит моря, не любит войны, при нем будет мирно и спокойно»[2].

Соловьев об'ясняет это «природой» царевича, но он ему не сочувствует и считает, что эта группа тоже не могла «остановить машину». Она на своем ходу заставила отца, во имя преобразования, пожертвовать сыном. Соловьев видит историческую необходимость казни Алексея и ищет оправдания Петру в прошлой истории, приводя пример о том, как «святой Константин Великий казнил сына своего Криспа»[3].

Но мы ошибемся, если припишем Соловьеву веротерпимость. Нет, Соловьев против католицизма, против магометанства, и в особенности он противник язычества. Он с удовлетворением отмечает посылку схимника Феодора в 1714 г. к татарам, к тунгусам, якутам и др. и указания, данные ему о том, чтобы сжигать кумиры, кумирницы, нечестивые чистилища и приводить иноземцев в христианскую веру[4]. Соловьев считает религию одной из важнейших основ общества и государства и признает только православие «вечной религией».

Это тоже один из показателей великодержавности Соловьева, который под религиозной оболочкой («вечной религии») стремится подчинить русскому капиталу инородцев.

* * *

Сейчас мы перейдем к последним и наиболее «страшным» противникам Петра I — к казакам.

---

[1] Соловьев, История, т. XVI, с. 249.

[2] Там же, т. XVII, с. 408.

[3] Соловьев, соч., 213.

[4] Соловьев, История, т. XVI, с. 264.

Соловьев относится к казакам, как к злейшим врагам новой петровской России, казаки это самое ужасное, самое болезненное, что есть в организме России. Казаки еще в Смутное время «выполнили степную работу опустошения, т. е. уравняли все с землею получше татар; долго Россия должна была оправляться после посещения этих проповедников протеста»[1].

Выпад по отношению к казакам, приравнение их к степи, к татарам, к азиатщине, можно проследить почти на протяжении всей работы Соловьева. Соловьев рассматривает Дон, как сборище голытьбы, как место, куда могут стекаться беглецы из различных частей государства.

«Казачество,—пишет Соловьев,—усиливалось насчет государства, вытягивая из последнего служебные и производственные силы»[2]. Казачество—это паразит, это нарост на теле государства, который растет за счет его соков. Неизбежно должен был стать вопрос о прекращении «жить за счет других», и поэтому государство ребром должно было поставить вопрос о возврате беглецов.

Первый Астраханский бунт Соловьев рассматривает как «протест степи» против «разнообразия нововводимой европейской жизни» и стремлением «восстановить прежнее азиатское степное однообразие»[3]. В Астраханском бунте Соловьев представляет как действующих лиц раскольников, стрельцов, казаков. Этот бунт был подавлен.

Больше внимания уделяет Соловьев Кондратию Булавину. Здесь Соловьев доходит до пафоса и пишет о том, что

> «Поднималась степь, поднималась Азия, Скифия на великороссийские города против Европейской России... которая с величайшим трудом и страшным напряжением сил стремилась дать России решительный европейский характер. Скифия была побеждена»[4].

Кто же эта Скифия, кто эти люди, поднимавшиеся против машины, заведенной Петром I? Здесь Соловьев делает особое ударение на том, что это тунеядцы, лодыри, голытьба, беглецы и что все их идеалы заключались в том, чтобы жить за счет других.

> «Кондратий Булавин,—пишет Соловьев,—с ссыльными и каторжными разослал призывные грамоты: «Атаманы-молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники. Кто похочет с атаманом Кондратием Афанасьевичем Булавиным погулять, по чисту полю красну проходить, сладко попить и поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте в горные вершины Самарские»[5].

---

[1] Соловьев, соч. 110.
[2] «История», т. XV, с. 1472.
[3] Соловьев, соч. 191.
[4] Там же, с. 194.
[5] Там же, с. 193.

В дальнейшем изложении Соловьев говорит о том, что Булавин призывал к себе татар, черкес и калмыков, т. е. инородцев.

Как изображает Соловьев этих людей, восставших против Петра I? Это, по Соловьевскому «историческому» описанию, отщепенцы общества, ссыльные, каторжники, воры, разбойники и инородцы. Вот кто поднимался против европейской цивилизации, вот кто был за азиатское степное однообразие.

Мы полагаем, что не будет ошибкой формулу Соловьева «азиатское степное однообразие», расшифровать как вольность казацкую, как демократию. Демократия часто рисуется как однообразие, и, наоборот, «европейское разнообразие» Соловьева надо понимать как разделение общества на господствующий класс и на народ, несущий «великую святую и тяжелую службу перед отечеством».

Соловьев правильно указывает на причину поражения казаков. Он пишет о том, что «царское войско при Петре было иное... горсть регулярного войска могла разбить вдвое сильнейших казаков»[1].

Мы так долго остановились на казаках и Булавине только для того, чтобы показать отношение Соловьева к нараставшей на его глазах народнической революции.

Бакунин видел в разбойнике — революционера, Герцен рассматривал казацкие организации как демократические, а казаков как носителей демократии.

Историк Костомаров стремился дать историческое оправдание казацким восстаниям и показать их положительные стороны. Все трое (Бакунин, Герцен, Костомаров) рассматривали казацкие волнения как движение за свободу, за вольность, за народные чаяния против царского деспотизма и против закрепощения крестьян.

Соловьев видит совершенно другие стороны в этом движении. Это крамола, бунт; это каторжники, идущие против цивилизации. Соловьев против нарастающей народнической революции.

Соловьев стремится избежать в своих чтениях слова «революция», которое он произносит в своей «Истории».

Наоборот, Соловьев старается всей тяжестью своего авторитета как историка, всеми своими знаниями обрушиться на тех, которые оправдывают народное движение. Этих людей — революционеров — он рисует как самое отвратительное, вредное, болезненное и задерживающее движение вперед.

Соловьев почти уверен, что Скифия (надо понимать народническая революция) будет побеждена.

Соловьев безусловно противник революции снизу, но может быть он активный сторонник революции сверху? Я не сказал бы и этого. Если в

[1] См. Соловьев, т. XV, 1472.

начале своей работы о Петре в XV т. Соловьев говорит несколько раз о «нашей революции», которая вызвана болезнью, накопленной предыдущей эпохой, то в XVIII т., т. е. спустя три-четыре года, Соловьев пишет о том, что «мы имеем полное право не сочувствовать крутым переворотам в направлениях народной жизни. Бури очищают воздух; но опустошения, которые они по себе оставляют, показывают, что это очищение куплено дорогою ценою» [1].

Соловьев за медленные, постепенные нововведения, мелкие реформы, подлаживания и подмазывания колес старого механизма. Соловьев знал, что процесс становления (des Werdens) состоит в возникновении нового и уничтожении строго [2]. Я сказал бы, что Соловьев, понимая это, принимал только первую часть идеи эволюции, а именно — процесс возникновения нового, но он не принимал уничтожения старого. Соловьев не хотел этого уничтожения и полного торжества нового, он, Соловьев, хотел своеобразного приспособления нового к старому и старого к новому.

Я не говорю о скачках, перерывах и проч. [3], а говорю о правильном и эволюционистском понимании исторических явлений. Этого понимания логически доведенной до конца идеи эволюции у Соловьева не было.

В начале главы я пишу о Соловьеве как идеологе идеи развития, а в конце главы я как будто Соловьеву в этом отказываю. Не противоречие ли это? Нет, т. к. одно дело говорить о связывании частей русской истории, одно дело стремиться найти в прошлом подготовку настоящего, а другое дело говорить об уничтожении, или для Соловьева более подходящий термин—отживании старого.

Ему, Соловьеву, трудно оторваться от пуповины старого помещичье-предпринимательского бюрократического общества. Соловьев это показал в особенности своим историческим освещением казачества и демократии.

* * *

Соловьев типичный великодержавный буржуазный монархист, который стремится установить тесный союз помещика, купца, промышленника, церкви, государства с расчетом, чтобы они все действовали сообща и приводили один другого в движение.

Соловьев либерал, когда «либерально» правительство Александра II, и Соловьев консерватор, как только показываются первые язычки народнической революции.

Идеал Соловьева не Франция и даже не Германия, а «острова, где фундамент здания складывался издавна, постепенно и прочно» [4], а в России

[1] Соловьев, История, т. XVIII, с. 851.
[2] Плеханов, т. VII, с. 34.
[3] «Народы в своей истории не делают прыжков» писал Соловьев. Соч., с. 125.
[4] Соловьев, т. XIV, с. 1055.

«постоянная опасность от врагов требовала, естественно, постоянной диктатуры, поэтому в России выработалось крепкое самодержавие» [1]. Вот он идеал Соловьева. Это «постоянная диктатура», это «крепкое самодержавие», с привлечением «людей науки, людей мысли и опыта», которые не будут заниматься «бесцельной беготней», а сдержат умело экипаж Российской империи при крутом спуске. Сдержат революционный напор масс и не станут в оппозиционные ряды правительству, даже тогда, когда оно будет консервативно.

На Соловьеве можно проследить, как класс буржуазии, тянущийся к участию в политической жизни страны и стремящийся обуржуазить дворянскую монархию, готов отказаться от всех буржуазно-демократических реформ, как только поднимается Скифия, как только поднимаются народные массы. У русской буржуазии уже в ранней молодости проявилась эта старческая дряхлость—отказ от всяких либерально-демократических завоеваний, во имя союза с царизмом против поднимающихся масс. И именно потому, что Соловьев являлся представителем этого крупнобуржуазного, собственнического лагеря, он оценивает весь ход петровской реформы с точки зрения этого класса, находясь все время под влиянием современных ему злободневных политических вопросов.

[1] Соловьев, соч., с. 121.

К. Добролюбский

ФИНАНСОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ТЕРМИДОРИАНСКОГО КОНВЕНТА[1]

Обеспечением ассигнаций являлись национальные имущества, и представители правительства постоянно указывали, что это обеспечение достаточно и может оцениваться в 15 млрд. ливров[2]; но термидорианский Конвент рядом декретов, отменявших конфискации имуществ врагов революции, произведенные в период террора, возбудил беспокойство у собственников и покупателей национальных имуществ и тем самым способствовал понижению ценности последних. От этого проигрывало государство и страдали бедные слои населения, а выигрывала состоятельная буржуазия, покупавшая на обесцененные ассигнации национальные имущества, распродававшиеся по пониженной цене.

В вопросах касательно возмещения родственников казненных и сосланных, а также эмигрантов, имущества которых были конфискованы и пущены в продажу, термидорианский Конвент обнаружил колебания, которые так характерны для него в первые месяцы после 9-го термидора и выразились в постепенном отказе от позиции предшествующего периода и медленном переходе к новой реакционной в этом отношении политике. 12-го октября 1794 г. (21-го вандемьера 3 г.) Конвент декретировал снятие в течение двух декад печатей с мебели и вещей эмигрантов, сосланных, осужденных или заключенных[3]. Подробный декрет 2-го ноября 1794 г. (12-го брюмера 3 г.), относительно имуществ заключенных, вотированный по докладу Удо, критиковавшего злоупотребления в связи с секвестрами, освобождал от секвестра имущества арестованных, как подозрительные, сохраняя его для отцов и матерей эмигрантов. Права на наследование родственников лиц, умерших в заключении, не подвергались никаким ограничениям[4]. 10-го декабря 1794 г. (20-го фримера 3 г.) депутация женщин и детей, мужья и отцы которых погибли на эшафоте до 9-го термидора, просила Конвент о возвращении их конфискованных имуществ, и Конвент в тот же день приостановил, было, временно продажу движимого имущества осужденных и сосланных[5], но через два дня отменил это решение, об'явив, что он не будет допускать пересмотра дел, касающихся произведенных конфискаций имуществ. Депутаты, выступавшие за отмену постановления 10-го декабря, особенно Лекуантр из Вер-

[1] Открытое заседание секции истории Запада от 8 марта 1929 г.

[2] См., напр., М., 25/XII 1794, № 95, p. 394, доклад Жоанно на засед. 22/XII 1794; М., 10/V 1795, № 231, p. 940, речь Бурдона из Уазы на засед. 7/V 1795; М., 8/II 1795, № 140, p. 573, доклад Камбона на засед. 22/I 1795; М., 26/IV, 27/IV 1795, №№ 217, 218, pp. 881—82, 886, доклад Жоанно на засед. 15/IV 1795 и др.

[3] Bulletin des lois, an 3, № 72 (№ 385).

[4] Bulletin des lois, an 3, № 80 (№ 421); М., 4/XI 1794, №№ 43, 44, pp. 189—90, 193.

[5] Bulletin des lois, an 3, № 97 (№ 505); М., 13/XII 1794, № 83, p. 349.

саля, указывали на неблагоприятное впечатление, которое может произвести это постановление на покупщиков национальных имуществ, и высказывались лишь за денежное возмещение родственников невинно пострадавших [1].

К восстановлению имущественных прав близких родственников осужденных Конвент приступил с конца января 1795 г. 27-го января (8-го плювиоза 3 г.) он вотировал возвращение супругам или детям осужденных носильного белья, платья, драгоценностей, вещей и мебели [2]. 3-го марта (13-го вантоза 3 г.) Конвент принял подробный декрет относительно восстановления прав на движимое имущество оставшихся в живых вдов и детей осужденных [3]. 30-го января (11-го плювиоза 3 г.). Комитет законодательства получил право слагать неуплаченные денежные штрафы, освобождать от секвестра и конфискации имуществ, судебные приговоры относительно которых не приведены в исполнение, а в случае их продажи—возмещать бывшим собственникам продажную цену имуществ [4]. 17 марта тот самый Лекуантр из Версаля, который 12 декабря 1794 г. выступал против всякого пересмотра приговоров революционных трибуналов, касавшихся даже движимого имущества, предложил представить доклад о возврате недвижимого имущества родственникам осужденных. Правда, он поднял этот вопрос потому, что не хотел расширительного толкования, даваемого ему некоторыми публицистами, напр.,—Редерером в «Journal de Paris», который утверждал, что несправедливое отнятие только способствует обесценению ассигнаций [5]. Эту мысль высказал и вождь «болота» Буасси д'Англа, выступавший 20-го марта (30-го вантоза 3 г.) с предложением аннулировать постановления революционных трибуналов, вынесенные после издания закона о терроре 10-го июня 1794 г. (22-го прериаля 2 г.), пересмотреть предшествующие судебные решения, приостановить продажу движимого и недвижимого имущества осужденных и позаботиться о возмещении за уже проданные имущества. Изобразив картину бедствий Франции при тирании Робеспьера и взывая к справедливости Конвента, Буасси д'Англа указывал на то, что «приговоры революционного трибунала были юридическими убийствами... Конфискации, бывшие следствием этих чудовищных приговоров, являются грабежом, и этот грабеж поверг в нужду 100 000 невинных семейств... Я утверждаю,—убеждал он,—что эта собственность, которую кровавая жадность упорно стремится вырвать у несчастной невинности, вместо того, чтобы увеличить кредитоспособность наших денег, обесценивает их, лишает их всякого доверия. Какой человек может рассчитывать на лойяльность правительства, которое не сумеет быть справедливым, которое предпочитает деньги чести? Промедление, которое вы совершаете в том, чтобы быть справедливыми по отношению к семействам осужденных, является одной из главных причин обесценения ваших ассигнаций. Предлагая вашим кредиторам в качестве гарантии имения, относительно которых, как вы хорошо чувствуете, вы не имеете права ипотеки, вы ослабляете действие неоспоримой и более чем достаточной гарантии, вытекающей из других национальных иму-

---

[1] Bulletin des lois, an 3, № 98 (№ 508); M., 15/XII 1794, № 85, pp. 357—58.

[2] M., 29/I 1795, № 130, p. 528. См. закон 13-го плювиоза, Bulletin des lois, an 3, № 122 (№ 647).

[3] Bulletin des lois, an 3, № 128 (№ 678); M., 6/II 1795, № 166, p. 674. 15-го апреля (26-го жерминаля 3 г.) Конвент подтвердил, что нельзя делать никаких изʼятий для лиц, подлежащих действию закона 13-го вантоза (Bulletin des lois, an 3, № 137 (№ 763).

[4] M., 2/II 1795, № 134, p. 550.

[5] M., 20/III 1795, № 180, pp. 734—35.

ществ... Если мы грабим имущество частных лиц, то по какому праву мы будем требовать, чтобы оказали доверие нашим деньгам!» [1]. Речь Буасси д'Англа, часто прерываемая аплодисментами, вызвала оживленные прения. В то время как одни (напр., жирондист Лесаж) приводили факты, характеризовавшие работу революционного трибунала в Париже, монтаньяры (Дюгем, Шаль, Руамп) требовали снятия поставленного вопроса с обсуждения. Конвент присоединился к мнению ряда видных термидорианцев (Бентаболь, Лежандр из Парижа, Вернье, Реаль, Бурдон из Уазы), которые высказались за отсылку предложения на рассмотрение Комитета законодательства, но в то же время он об'явил в принципе, по предложению Тальена, о прекращении продажи имуществ осужденных, подтвердив, однако, совершенные покупки [2].

15-го апреля Жоанно доложил Конвенту о результатах обсуждения Комитетом вопроса о возвращении имуществ осужденных, не будучи, однако, уполномочен представить окончательно выработанный декрет. Первоначально Конвент без прений декретировал, что непроданные имущества осужденных, за исключением эмигрантов, будут возвращены их семьям, но после некоторых прений он снова отложил решение этого вопроса. Жоанно, как раньше Буасси д'Англа, предлагал принять его декрет о возврате имуществ семьям осужденных ради восстановления кредита; дантонист Лежандр возмущался особенно тем, что народ обогащается за счет казненных, подобно разбойнику на большой дороге, грабящему убитые жертвы; но бывший якобинец Дюбуа-Крансе, Ревбелль и другие депутаты настояли на отсрочке обсуждения этого вопроса, указывая, что нельзя без прений, под влиянием чувства, решать такие важные вопросы и что нужно делать различие между осужденными, так как вместе с невинными погибли и виновные. Ревбелль говорил о том, что во время революции правильно отнимать у ее врагов их средства, при помощи которых они могли бы возобновить борьбу, и что вместо того, чтобы заниматься обсуждением проекта об уменьшении массы ассигнаций в обращении, хотят раньше закончить обсуждение вопроса о возвращении имуществ осужденных. 18-го апреля после добавочной дискуссии вопрос был отложен [3].

В дальнейшей дискуссии, возобновившейся 28 апреля (9 флореаля 3 г.) и закончившейся 3-го мая (14-го флореаля), с резкими речами против постановлений революционных трибуналов выступили вернувшиеся в Конвент жирондисты: Ланжюинэ, Гамон, Сен-Мартэн и особенно Дульсэ-де-Понтекулан и Лувэ. Понтекулан, критикуя 28-го апреля комедию суда над приговоренными к казни, приводил в качестве доказательства, что и самые крупные злодеи, напр., Робеспьер, погибли, не будучи выслушаны. Он настаивал на том, что имущества осужденных не только бесполезны для общественной казны, но и вредны. В то же время он высказался против пересмотра приговоров, считая это невозможным и указывая, в частности, на то, что «если бы пересмотр был об'явлен ради интересов общественной казны, одни бедные были бы признаны невинными, а все богатые были бы об'явлены виновными» [4]. Большая заключительная дискуссия о возвращении имуществ осужденных происходила 2 и 3-го мая. Лувэ выступал против тех, кто опасался смешения осужденных с эмигрантами и хотел ограничиться

[1] М., 23/III 1795, № 183, pp. 747—48.
[2] М., 24/III 1795, № 184, pp. 749—50; Bulletin des lois, an 3, № 131 (№ 711).
[3] М., 18/IV, 21/IV 1795, №№ 209, 212, pp. 850—51, 863.
[4] М., 2/V 1795, № 223, pp. 905—907.

одной помощью семьям осужденных, имеющим свидетельство цивизма. Его поддержал Буасси д'Англа, который, вместе с жирондистами Понтекуланом и Гамоном приписывал террористам слова: «мы чеканим монету на площади Революции»[1] и воспользовался происходившим тогда процессом бывшего прокурора Революционного трибунала Фукье-Тенвилля, чтобы побудить Конвент оставить колебания. «Фукье-Тенвилль,—убеждал он Конвент,—не должен иметь повода сказать: «Я чеканил на площади Революции монету, которую вы находите справедливым сохранить в ваших сундуках». Чтобы сильнее подействовать на колеблющееся большинство Конвента, Буасси д'Англа аргументировал еще следующими словами: «Вы были не сообщниками Робеспьера, а его жертвами; вы не были сотрудниками тирании, остерегайтесь оказаться соучастниками, колеблясь вернуть ее кражи».

Только некоторые монтаньяры (Раффрон) рассматривали возвращение имущества осужденных как реакционную меру и предлагали лишь индивидуальную помощь в некоторых случаях; большинство же колебавшихся ограничилось исключением из действия закона явных контрреволюционеров и эмигрантов. По принятому 14-го флореаля декрету имущества тех, кто был осужден после 10-го марта 1793 г., подлежали возвращению их семействам; конфискация имуществ удерживалась, однако, в отношении заговорщиков, эмигрантов, их сообщников, подделывателей и распространителей фальшивых ассигнаций, расточителей общественного достояния и семьи Бурбонов[2]. Через месяц с лишним, уже после прериальского восстания предместий, был издан 9-го июня (21 прериаля 3 г.) подробный закон, устанавливавший из'ятия из декрета 14-го флореаля и формы возвращения имуществ осужденных. Аннулирование касалось приговоров о конфискациях, произнесенных от 10-го марта 1793 г. до 28-го декабря 1794 г. (8-го нивоза 3 г.), т. е. от образования Революционного трибунала до его реорганизации при термидорианцах. Помимо тех случаев, когда конфискации сохранялись, согласно декрету 14-го флореаля, к этому же разряду теперь были отнесены и имущества лиц, об'явленных вне закона за участие в восстании 9-го термидора. Наоборот, аннулировались все без исключения приговоры о конфискациях в отношении лиц, обвинявшихся в федерализме, т. е. в жирондистском движении. В случае продажи конфискованного имущества, движимого и недвижимого, наследникам осужденных возмещалась цена, за которую то или иное имущество было продано[3].

Вопрос о пересмотре закона об эмигрантах был поднят Эшассерио на заседании Конвента 7-го октября 1794 г. (16-го вандемьера 3 г.) Докладчик подчеркивал то обстоятельство, что республика несет потери от того, что секвестрированные имущества не доставляют продовольствия и не способствуют развитию торговли и промышленности[4]. По декрету 24-го октября (3-го брюмера 3 г.) обвиняемым по делу об эмиграции, получившим благоприятные постановления от административных властей, временно пре-

[1] М. Марион, с сочувствием цитирующий отмеченные речи жирондистов и приведенную фразу, верит, что она была произнесена (вероятно, Барером или Камбоном), но вынужден сознаться, что невозможно установить, когда и кем. (M. Marion, Histoire financière, t. 3, p. 200, n. 2, pp. 302, 303; ср. Lacretelle, Convention, t. 2, pp. 386—88).

[2] M., 5—8/V 1795, №№ 226—229, pp. 920, 922—24, 926—28, 930; Bulletin des lois, an 3, № 142 (№ 800).

[3] Bulletin des lois, an 3, № 154 (№ 908); M., 12/VI 1795, № 264, pp. 1065—66.

[4] M., 10/X 1794, № 19, p. 90.

доставлялось пользование их собственностью, без права ее отчуждения до окончательного вычеркивания их из списков эмигрантов [1]. Закон 15-го ноября 1794 г. (25-го брюмера 3 г.) смягчал прежний закон 28-го марта 1793 г. об эмигрантах и в частности запрещал вносить в списки эмигрантов не по месту их постоянного жительства в виду того, что прежде накладывался секвестр на собственность тех лиц, которые не проживали в каком-либо месте и на этом основании об'являлись там эмигрантами [2]. 21-го декабря 1794 г. (1-го нивоза 3 г.) была приостановлена продажа имуществ отцов и матерей эмигрантов [3], а очень важный для новой экономической политики термидорианцев закон 2-го января 1795 г. (13-го нивоза 3 г.), разрешавший вывоз за границу звонкой монеты в обмен на предметы первой необходимости (ст. 6) и предоставлявший снабжение частных лиц свободной торговле (ст. 4), об'являл в то же время долги эмигрантов и всех, кого затронула конфискация их имуществ, долгами государства (ст. 8) [4] и провозглашал в принципе возвращение родителям эмигрантов и осужденных в целях развития земледелия, секвестрированных имуществ, после раздела последних между ними и государством (ст. 9). Речь шла только о родителях, которые считались невиновными в эмиграции своих детей [5]. До снятия секвестра родителям эмигрантов, согласно декрету 12-го января 1795 г. (23-го нивоза 3 г.), должно было выдаваться за счет дохода с их земель вспомоществование, не превышавшее 2000 ливров на взрослого человека и 1200 ливров на ребенка [6].

Возврат имущества родителям эмигрантов, не виновным в пособничестве эмиграции своих детей, был окончательно декретирован 28-го апреля 1795 г.(9-го флореаля 3 г.). Государство отказывалось от всякой доли в имуществах ценностью ниже 20000 ливров, а в остальных случаях удерживало за собой при дележе столько частей, сколько было у данного лица детей-эмигрантов. Декрет подвергался нападкам как слева, так и справа (памфлеты аббата Морелли) и вызвал против себя ряд петиций со стороны родителей эмигрантов. Один из влиятельных термидорианцев Буасси д'Англа назвал его справедливым, но суровым законом. Ревбелль, отвечая на высказанные слева опасения, что данный декрет может быть использован в интересах помощи контрреволюционерам, приводил в защиту его то экономическое соображение, что «секвестр, тяготеющий над имуществами эмигрантов, причиняет невозместимый ущерб земледелию и торговле» [7]. Через два месяца, 29-го июня 1795 г. (11-го мессидора 3 г.), когда после подавления прериальского восстания политика Конвента стала совершенно реакционной, он, делая уступки правым, приостановил действие декрета 9-го флореаля. С нападками на последний выступил правый жирондист Ланжюинэ, защищавший ту точку зрения, что никто не может быть наказан за пре-

[1] Bulletin des lois, an 3, № 77 (№ 408).

[2] Bulletin des lois, an 3, № 89 (№ 464).

[3] Bulletin des lois, an 3, № 101 (№ 530).

[4] Урегулирован этот вопрос был декретом 20-го апреля 1795 г. (1-го флореаля 3 г.) и рядом других (Bulletin des lois, an 3, № 141 (№ 792), № 179 (№ 1091) и др.).

[5] Bulletin des lois, an 3, № 107 (№ 559); M., 4/I 1795, № 105, pp. 434—36.

[6] Bulletin des lois, an 3, № 112 (№ 583); M., 14/I 1795, № 115, pp. 474—75.

[7] Bulletin des lois, an 3, № 140 (№ 789); M., 28/IV, 30/IV 1795, №№ 219, 221, pp. 892, 900; заседания Конвента 25 и 27 апреля 1795 г. Из новейших историков «несправедливостью» закона 9-го флореаля сильно возмущается М. Марион, который критикует в частности «официальное лицемерие», не позволившее точно определить дату и курс, по которому нужно было оценивать сумму в 20000 ливров M. Marion, Histoire financière, t. 3, pp. 306—309).

ступление другого. Защита декрета 9-го флореаля парой депутатов не была поддержана и главным буржуазным «героем» дня 1-го прериаля — Буасси д'Англа[1]. В виде временной помощи декрет 24-го июля (6-го термидора 3 г.) разрешал выдавать родителям эмигрантов за счет прибыли с их имуществ до 5000 ливров на взрослого и 2000 ливров на ребенка[2].

Политика возмещения лиц, пострадавших при терроре материально, коснулась и неприсяжного духовенства: декретом 1-го июля 1795 года (13-го мессидора 3 г.) была приостановлена продажа имущества заключенных, сосланных или подлежащих ссылке духовных лиц[3], а после выработки новой конституции 3-го года декретом 8-го сентября 1795 года (22-го фруктидора 3 г.) аннулировались приговоры о конфискациях имуществ неприсяжных священников, как раньше это было сделано по декрету 21-го прериаля относительно имуществ осужденных. Новый закон не распространялся, однако, на эмигрировавших священников[4].

Продажа национальных имуществ все время совершалась путем аукциона, и этот способ продажи, благоприятный для казначейства, не был отменен и монтаньярским Конвентом. Через месяц с небольшим после 9-го термидора в Конвент было внесено предложение отменить в интересах неимущих продажу национальных имуществ с публичных торгов, так как она ведет к увеличению собственности богатых. На заседании 7-го сентября 1794 г. депутат Гастон потребовал пересмотра способа продажи национальных имуществ, «чтобы каждый санкюлот мог приобрести одну часть». Интересно отметить, что тогда и Тальен, и Бентаболь, подвергшиеся позднее резким нападкам со стороны Г. Бабефа, отнеслись довольно благосклонно к мысли об увеличении числа мелких собственников[5]. На другой день Дюкенуа, один из последних монтаньяров, погибших после прериальского восстания весною 1795 г., указывал на такие злоупотребления при продаже национальных имуществ, когда имение, проданное первоначально за 33 000 ливров, после аннулирования этой продажи было снова продано через 15 дней уже за 110 000 ливров, и потребовал представления проекта, «который дал бы возможность бедным пользоваться благами революции и не допускал бы скупки всех национальных имуществ одними богачами». Вслед за ним другой якобинец Файо внес подробно обоснованное предложение об отмене продажи национальных имуществ с торгов, об обеспечении собственностью защитников отечества, их вдов и сирот, и о продаже остальной части мелкими долями с выплатой в течение 20 лет тем, кто не имеет земельной собственности или владеет небольшим участком. «Благо народа, — говорил Файо, — является целью, к которой должны стремиться все наши действия... Благо лишь там, где люди свободны и равны; оно—в независимости и в братстве. Не должно более быть, чтобы некоторые лица могли пользоваться плодами труда других, не работая... Добрые нравы и добродетели — дочери труда; пороки и преступления — дети праздности... Я нахожу в отчуждении национальных имуществ средство, способное вы-

[1] Bulletin des lois, an 3, № 165 (№ 965); M., 2/VII 1795, № 284, pp. 1145—46.

[2] Bulletin des lois, an 3, № 165 (№ 973); M., 30/VII 1795, № 312, pp. 1255. В «Moniteur'e» текст закона передан неточно, таким образом, что речь идет о выдаче 5000 ливров на каждого ребенка, находящегося на иждивении.

[3] Bulletin des lois, an 3, № 162 (№ 942); M., 4/VII 1795, № 286, 287, pp. 1153—56.

[4] Bulletin des lois, an 3, № 178 (№ 1084); M., 12/IX 1795, № 356, p. 1431.

[5] M., 9/IX 1794, № 353, pp. 1450—51.

полнить задачу, которую я вам ставлю. Люди, являющиеся уже собственниками, оказались единственными покупателями, и иначе быть не могло, благодаря принятому способу отчуждения. Продажи с публичных торгов устраняют санкюлота; они выгодны только богатым... Принятый способ отчуждения национальных имуществ является способом аристократическим, так как правильно, что только богатые могут им воспользоваться... Распределение, которое я предлагаю, не является даровым распределением; я хочу только помешать богатому скупать национальные имущества; я хочу, чтобы каждый француз мог преклонить свою голову на своей собственной земле; я хочу улучшить земледелие при посредстве равенства». Мысль Файо была поддержана, кроме Гастона и Левассера, еще Барером, который высказался за ограничение количества земли, приобретаемого каждым, за наделение землею защитников отечества и за продажу санкюлотам небольшими долями имуществ эмигрантов. «Ужасно видеть, — говорил он, отмечая злоупотребления при продаже национальных имуществ, — что в то время как эмиграция изменников и наказание заговорщиков уничтожили громадные состояния и обратили их в пользу свободы, являются банкиры, спекулянты, поставщики армии и пытаются восстановить колоссальные состояния. Я требую, чтобы Комитет имуществ представил проект декрета о том, чтобы имущества эмигрантов были разделены на небольшие доли, приобретаемые не новыми сеньерами, а добрыми санкюлотами и малосостоятельными гражданами». Конвент отнесся очень холодно к предложению Файо и аплодировал возражениям против него со стороны Луазо, Бурдона из Уазы и Камбона, указывавших главным образом на то, что принятие предложения Файо повело бы к полному обесценению ассигнаций, к национальному банкротству и к невозможности продолжать войну с коалицией. Жирондист Луазо доказывал, что нельзя всех превратить в земледельцев и что следует отдавать предпочтение крупному хозяйству, для ведения которого нужны капиталы, которыми не располагает класс бедных. Вопрос был снят с обсуждения [1].

Отвергнув в сентябре 1794 г. продажу национальных имуществ без аукциона в интересах неимущих, Конвент после прериальского восстания не остановился перед проведением этой меры в интересах имущих. Он стал было на путь продажи национальных имуществ без торгов по пониженной расценке, чтобы извлечь из обращения больше ассигнаций, но скоро отказался от этой меры, приведшей к спекуляции национальными имуществами и к быстрому уменьшению обеспечивавшего ассигнации фонда. Докладчик от Комитета финансов Баллан пытался на заседании Конвента от 29-го мая 1795 г. доказать, что продажа национальных имуществ по низким ценам будет даже выгодна нации и уменьшит дороговизну. «Чем более национальные имущества продаются по высокой цене, — заявил он, — тем более обесцениваются ассигнации и тем более с'естные продукты и товары становятся дорогими; следовательно, тем больше сто́ит для нации покупка того, в чем она нуждается. Таким образом, далеко не выгадывая от очень дорогой продажи национальных имуществ, нация значительно от этого теряет, благодаря чрезмерному увеличению своих расходов. Нация ведь не принесет никакой жертвы, продавая национальные имущества по определенной и умеренной цене; наоборот, от этого она получит большие выгоды, равно как и

[1] M., 10/IX, 15/IX 1794, №№ 354, 359, pp. 1454—55, 1473—76.

все граждане, благодаря уменьшению своих расходов». Докладчик был прав не в этом, а в другом: в своем признании, что он защищает интересы состоятельной буржуазии. «Скажут, быть может, еще, — продолжал он,— что лишь богатые смогут таким образом легко купить имущества. Я замечу, что рассуждениями, столь же вводящими в заблуждение, сколь и плохо обоснованными, причиняют зло неимущим и мало обеспеченным лицам, так как, во всяком случае, бедный не может покупать имущества. Для него гораздо лучше, что из'емлется из обращения много ассигнаций и что он сможет достать себе по умеренной цене предметы первой необходимости. Кроме того, ничто не помешает малосостоятельным лицам купить небольшие доли имений и оплатить их в короткий срок, прибегнув к займам». Докладчик предложил продавать национальные имущества без аукциона, но оценив их не в 22 раза, а в 75 раз выше их доходности в 1790 г. Он, однако, сам признавал, что на торгах цена имуществ поднимается от 100 до 150 раз по сравнению с их доходностью в 1790 г. и что предложенная цена лишь в 1½ раза больше цен на имущества в 1790 г. Еще ниже были оценены земли, не сданные в 1790 г. в аренду: их доход был определен в 5 раз больше основной суммы земельного налога в 1792 г. Уплата за купленные имущества должна быть произведена в течение трех месяцев [1].

Изложенный проект, ставший законом 31-го мая (12-го прериаля 3 г.), был видоизменен и дополнен 3-го июня (15-го прериаля): замки и движимое имущество в имениях должны были попрежнему продаваться с торгов; в основу оценки имуществ бывшего цивильного листа была положена не доходность их от аренд в 1790 г., а их переоценка, произведенная согласно закону 10-го июня 1793 г. [2]. Новый способ продажи национальных имуществ без аукциона с самого начала повел к спекуляции: уже 3-го июня официально заявлялось, что на один и тот же участок находилось 30, 40, 50 желающих купить его и что купившие занимаются перепродажей участков; «есть люди, которые в один час получили один миллион барыша». Спекуляцией занимались обладатели большого количества ассигнаций. Раздавались уже отдельные голоса за отмену декрета 31-го мая, но Собрание пошло за Бурдоном из Уазы, заявившим: «Хотят продать национальное имущество, сделать собственниками обладателей ассигнаций, передать имущества эмигрантов в руки частных лиц, что привяжет к революции даже тех, кто не любит ее. Начинают, однако, оскорблять покупателей, называть их скупщиками, *но вы не можете найти ассигнаций в карманах тех, кто ими не владеет. Что за важность, покупают ли ваше имущество, чтобы сохранить или перепродать их. Существенное заключается в том, что они продаются, а ассигнации возвращаются*». Эта откровенная защита интересов состоятельных слоев, оправдываемая интересами государственного казначейства, была встречена аплодисментами, и Конвент перешел к порядку дня [3].

На заседании 7-го июня (19-го прериаля) докладчик Баллан предложил даже дополнить декрет 31-го мая статьями, расширяющими рамки применения декрета, который он находил «спасительным» и выгодным для

[1] M., 2/VI 1795, № 252, pp. 1025—26.
[2] Bulletin des lois, an 3, № 151 (№ 882), № 152 (№ 895).
[3] M., 7/VI 1795, № 259, p. 1045.

республики: национальные имущества раскупаются нарасхват; в три-четыре месяца из обращения будет из'ято 8 миллиардов ливров, и будет создано большое число собственников, заинтересованных в поддержке революции и республики. Но ряд влиятельных депутатов, как-то: Ревбелль, Дюбуа-Крансе, Вернье, Тибо и Камбасерес подвергли декрет 31-го мая резкой критике, как гибельный и стремящийся лишить нацию ее имуществ, распродаваемых за бесценок. Ревбелль указал на то, что земля, сданная в аренду в 1790 г. за 1000 ливров, продается теперь за 75000 л., которые равняются 4000 ливрам 1790 г., т. е. продается всего в 4 раза дороже арендной годовой платы. «Вы не можете,—заявил он,—расхищать общественное достояние. Если вам понадобится еще выпустить ассигнации, где вы найдете ипотеку?» Клозель отметил, что, в противоположность сделанному заявлению, со времени опубликования закона 31-го мая цена ассигнаций все время уменьшается и что в обесценении их заинтересованы компании скупщиков национальных имуществ. Вернье указывал на то, что наплыв покупателей говорит не в пользу закона, а свидетельствует о том, что общий интерес приносится в жертву жадности приобретателей. Наконец Камбасерес потребовал отмены необдуманной меры, вызвавшей массу нареканий, и Конвент принял его предложение [1].

Добавочный декрет 15-го июня 1795 г. (27-го прериаля 3 г.) аннулировал все следствия закона 31-го мая, делая аукцион обязательным даже и для проданных имуществ. Камбасерес обращал внимание Конвента на то, что поскольку нужно будет выпускать ассигнации, нация заинтересована не отчуждать слишком много имуществ, чтобы не уменьшить чрезмерно земельного обеспечения ассигнаций [2]. Общественное мнение отнеслось отрицательно к декретам 31-го мая и 3-го июня и приветствовало их отмену [3].

Непосредственно вопросом об ассигнациях термидорианский Конвент стал заниматься уже в момент катастрофического обесценения их. Начиная с мая 1795 г., — когда ассигнации потеряли уже $^{9}/_{10}$ своей номинальной стоимости,—в Конвент несколько раз вносились предложения о девальвации, но ни Конвент не соглашался на эту меру, ни общественное мнение не одобряло ее. На заседании 7-го мая (18-го флореаля 3 г.) депутат Раффрон предложил уменьшать ценность ассигнаций, начиная с 19-го мая (30-го флореаля), каждый месяц на 1%, но его предложение решительно и с возмущением было отвергнуто Конвентом [4], дав все же повод к беспокойству публики [5]. На заседании 8-го мая (19-го флореаля) депутат Гоффман внес предложение произвести девальвацию таким образом, чтобы старые ассигнации выше 5 ливров потеряли ¾ своей номинальной стоимости в торговых

---

[1] Bulletin des lois, an 3, № 153 (№ 901); M., 10/VI 1795, № 262, pp. 1056—58. Бывало по нескольку сот заявлений на один участок (напр., 176, 344, 500). Администрация, заведывавшая продажей, наживалась на злоупотреблениях. Участки, продажа которых была аннулирована, продавались потом в 4—5 раз дороже, считая не по номинальному, а по реальному курсу ассигнаций (подробности см. у M. Marion, Histoire financière, t. 3, pp. 331—335. Малле дю Пан писал 13-го июня 1795 г. Венскому двору, что «Конвент потерял голову», прибегая к такой отчаянной мере (Mallet du Pan, Correspondance, t. I, p. 228—29).

[2] Bulletin des lois, an 3, № 156 (№ 919); M., 18/VI 1795, № 269, pp. 1039—90.

[3] P., t. I, pp. 775, 776; R. 8/VI, 9/VI 1795.

[4] M., 10/V 1795, № 231, p. 940. По вычислению депутата Вернье, этим путем ценность ассигнаций «была бы сведена на-нет в течение 8 лет и 4 месяцев» (M., 15/VI 1795, № 267, p. 1076).

[5] P. t. I, p. 709, R. 9/V 1795.

сделках и $\frac{1}{2}$—при платежах в казну, ассигнации же в 5 ливров и ниже вместе с вновь выпущенными на 3 миллиарда новыми ассигнациями имели бы принудительный курс [1]. Другой депутат Анжеранн сделал на заседании 11 мая аналогичное, но более сложное предложение о девальвации на $\frac{3}{4}$ номинальной стоимости ассигнаций выше 25 ливров [2]. Оба эти предложения остались без последствий. Общественное же мнение было против уменьшения стоимости ассигнаций в законном порядке даже на $\frac{1}{3}$ [3]. На заседании 25 октября 1795 г. депутат Луазо, указывая, что ассигнации сохранили лишь $\frac{1}{60}$ и даже $\frac{1}{70}$ своей номинальной стоимости, предлагал свести их ценность для торговых сделок до $\frac{4}{5}$ и тем самым изъять из обращения $\frac{1}{5}$ всех ассигнаций [4]. Были еще и другие проекты уменьшения стоимости ассигнаций—на $\frac{1}{2}$, на $\frac{5}{8}$, но Конвент считал их «демонетизацией» и опасался, что такие меры поведут к окончательному обесценению всех ассигнаций. Конвент и общественное мнение все время были решительно против всякой «демонетизации». Публицисты также высказывались против всякого рода проектов о легальном уменьшении ценности ассигнаций, считая это государственным банкротством [5]. Конвент еще в начале января 1795 г. официально опровергал слухи о демонетизации [6], и позднее, в половине июня, в связи с разговорами о демонетизации ассигнаций в 400 ливров, он снова счел нужным публично опровергнуть всякие слухи о какой бы то ни было демонетизации [7]. Положение было необычайно трудное и противоречивое: девальвация затронула бы главным образом интересы покупателей национальных имуществ, на что Конвент совсем не имел желания пойти.

Исключение было сделано только для королевских ассигнаций, но тут решающими мотивами были скорее политические, а не финансовые. Ассигнации выше 100 ливров, выпущенные до свержения Людовика XVI, были демонетизированы еще декретом от 31 июля 1793 г. Ассигнации выше 100 ливров были наименее многочисленны, и их в конце июля 1793 г. находилось в обращении приблизительно 558 миллионов ливров. Декрет хотел устранить конкуренцию королевских ассигнаций с республиканскими и затрагивал интересы преимущественно богатых людей. Демонетизированные королевские ассигнации принимались, однако, до первого января 1794 г. в уплату налогов и при платежах за купленные национальные имущества. Ассигнации же в 100 ливров и ниже должны были быть обменены в течение 6 месяцев на республиканские [8]. Ассигнации с королевскими знаками (á face royale) остались

---

[1] M., 11/V 1795, № 232, p. 944.

[2] После 1-го вандемьера 4 г. (23-го сентября 1795 г.) ассигнации должны были бы обмениваться частью на ипотечные свидетельства, частью на новые ассигнации (M., 15/V 1795, № 236, p. 959).

[3] P., t. I. p 705, R. 8/V 1795.

[4] M., 3/XI 1795, № 42, p. 168.

[5] M., 15/VI 1795, № 267, p. 1076; см. доклад Вернье на заседании Конвента 11/VI 1795. Бурдон из Уазы называл демонетизацию безумием (M., 14/V 1795, № 235, p. 955; зл ед 11/V 1795). Ср. M. Marion, Histoire financière, t. III, pp. 312—13.

[6] Bulletin des lois, an 3, № 107 (№ 560); M., 5/I 1795, № 106, p. 440; предложение Камбона на заседании 2-го января 1795 г.

[7] M., 26/VI 1795, № 278, p. 1122; засед. 22/VI 1795 г. Малле дю Пан также указывает, что общественное мнение заставляло правительство отказываться от всяких планов демонетизации (Mallet du Pan, Correspondance t. I, p. 87—88).

[8] Bulletin des lois, an 2, t. VII, pp. 255—56. Декрет 31-го июля был дополнен декретами 3, 17 и 30-го августа 1793 г. К 1-му января 1794 г. в казну поступило 354 миллиона, и собственно демонетизации подверглось 204 миллиона (M. Marion,

на руках главным образом у спекулянтов [1], и ажиотаж ими принял явно антиреспубликанский характер: на заседании Конвента 6 мая 1795 г. депутат Шарль Лакруа указывал, что королевские ассигнации в 10 су продавались по 10 ливров на республиканские ассигнации, т. е. в отношении — 1 : 20 [2].

Декретом 11 мая 1795 г. (22 флореаля 3 г.) Конвент разрешил принимать демонетизированные в 1793 г. ассигнации с королевскими знаками в уплату за купленные земли эмигрантов [3], но 16 мая (27 флореаля) он издал общий декрет о демонетизации всех королевских ассигнаций в 5 ливров и выше, причем в течение 3-х месяцев они должны были приниматься в уплату за национальные имущества или в обмен на лотерейные билеты, а ассигнации в 5 ливров, кроме того, и в уплату налогов. Докладчик Вернье насчитывал 1 миллиард и 25 миллионов королевских ассигнаций, подлежащих демонетизации. В качестве мотивов были приведены ссылки на противоречие с республиканским строем и на ажиотаж злонамеренных [4]. Эти мотивы Вернье позднее обосновал подробнее в сл. словах: «Демонетизация ассигнаций, имеющих знаки королевского достоинства, становится необходимой во всех отношениях. Такие деньги находятся в противоречии с нашими республиканскими принципами, со свободой и правами суверенитета; они питают измену; они предоставляют повод к бесчисленным нарушениям долга; они поддерживают слишком легковерную надежду рабов и изменников отечества. Их уничтожение даст 1 миллиард 25 миллионов» [5]. Декрет был встречен в общем сочувственно: его считали антироялистическим актом. Только некоторые находили, что для рабочих и бедных, имеющих ассигнации в 50 ливров и выше, должно быть сделано исключение. Королевские ассигнации сначала упали на 20% и больше [6], но в виду тех льгот, которые давались Конвентом, через 10 дней после декрета, падение их не превышало 10% [7]. Происходившее в конце мая резкое падение республиканских ассигнаций некоторые склонны были приписывать демонетизации королевских ассигнаций [8]. Декрет 11 июля (23 мессидора 3 г.) устанавливал для принятия при платежах королевских

Histoire financière, t. III, pp. 73—75; Gomel, Histoire financière, t. II, pp. 58—61; Фалькнер, Бумажные деньги, с. 95—96).

[1] По словам Дюбуа-Крансе на заседании 12-го мая 1795 г., «демонетизированные ассигнации находятся лишь в руках ажиотеров». С другой стороны, Бурдон из Уазы указывал, что не все могли, вследствие внешней и гражданской войны, выполнить требования закона о демонетизации королевских ассигнаций (M., 15/V 1795, № 236, p. 960; ср. Deville, Thermidor, p. 81).

[2] M., 10/V 1795, № 231, p. 939.

[3] Bulletin des lois, an 3. № 144 (№ 809). Дополнение к декрету 11-го мая, внесенное 12-го мая, состояло в том, что эти ассигнации должны быть регистрированы и снабжены передаточною надписью, или же должно быть доказано, что это невозможно было сделать (M., 15/V 1795, № 236, pp. 958, 960; ср. декрет 13-го июля 1795 г. (25-го мессидора 3 г.) Bulletin des lois, an 3, № 163, № 956).

[4] Bulletin des lois, an 3, № 144 (№ 813); M., 19/V 1795, № 240, pp. 973—74. Декрет 27-го флореаля не касался ассигнаций в 10 ливров, которые королевских знаков не имели (см. декрет 28-го флореаля, там же, № 144 (№ 814). Декрет 11-го мая 1795 г. говорил об уплате за имущества, подлежащие продаже, а дополнительный декрет 27-го мая (8-го прериаля 3 г.) об уплате и за проданные имущества (M., 31/V, 1/VI 1795, №№ 252, 253, pp. 1018, 1019—20; Bulletin des lois, an 3, № 150 (№ 873).

[5] M., 15/VI 1795, № 267, p. 1077.

[6] P., t. I, pp. 725, 726, R. 18/V 1795.

[7] P., t. I, p 750, R. 27/V 1795.

[8] Особую сенсацию декрет произвел, по словам иностранцев и военных, в Бельгии (P., t. 1, p. 754, R. 29/V 1795).

ассигнаций месячный срок, после какового они об'являлись аннулированными [1]. В парижских кафе насмехались над этой мерой, как над запоздалой, и не верили в ее быстрое проведение [2]. Конвент, действительно, проявил в проведении этой меры величайшую осторожность: 1 августа (14 термидора) он снова постановил, что декрет 11 июля не относится к ассигнациям мелких купюр от 5 до 100 ливров [3].

Демонетизация королевских ассигнаций была одним из способов из'ятия ассигнаций из обращения. Конвент еще в начале ноября 1794 г. поручил Комитетам финансов и земледелия обсудить вопрос об из'ятии из обращения наибольшего количества ассигнаций [4]. И позднее этот вопрос часто обсуждался в Конвенте в связи с различными проектами, хотя практически в этом отношении было сделано немного. Из'ятию из обращения и сожжению подвергались прежде всего ассигнации, поступавшие в уплату за проданные национальные имущества и в качестве налогов. Обыкновенно раз в декаду происходило сожжение этих ассигнаций, поступивших в государственную казну, но каждый раз это были сравнительно небольшие суммы, не превышавшие до июля 1795 г. 20 миллионов ливров, а позднее колебавшиеся от 24 до 44 миллионов [5]. Всего за время термидорианской реакции было из'ято из обращения и сожжено по официальным данным 1 миллиард 95 миллионов ассигнаций, причем общая сумма сожженных ассигнаций поднялась с 2 миллиардов 244 миллионов (на 27 июля 1794 г.) [6] до 3 миллиардов 339 миллионов (на 23 октября 1795 г.). При выпуске с августа 1794 г. по 23 октября 1795 г. 14 миллиардов 214 миллионов (а всего 22 миллиарда 801 миллион), из'ятие из обращения одного миллиарда 95 миллионов не могло конечно иметь большого значения. В результате количество ассигнаций в обращении за время термидорианской реакции более чем утроилось, увеличившись на 13 миллиардов 154 миллиона и поднявшись с 6 миллиардов 308 миллионов до 19 миллиардов 462 миллионов [7].

Выдвигался еще целый ряд проектов, имевших целью из'ятие ассигнаций из обращения, но их существенный недостаток состоял в том, что бумажные деньги они заменяли бонами, ипотечными свидетельствами и вообще бумагами другого рода. Таковы были в особенности проекты устройства лотереи и выпуска ипотечных свидетельств. Камбон предлагал в январе и феврале 1795 г. план большой лотереи для из'ятия из обращения 4-х миллиардов ассигнаций, но в противовес его плану был выдвинут целый ряд других проектов, и Конвент в конце-концов не остановился ни на одном из них. Тибо, в частности, защищал проект выпуска акций на 4 миллиарда для создания особой страховой кассы, обеспечивающей держателям акций пожизненную ренту (tontine) [8]. В июне с большим планом, рассчитанным на из'ятие

---

[1] Bulletin des lois, an 3, № 162 (№ 949); M., 15/VI 1795, № 297, p. 1197.

[2] P., t. II, p. 75, R. 13/VII 1795.

[3] Bulletin des lois, an 3, № 168 (№ 981); M., 6/VIII 1795, № 319, p. 1286.

[4] M., 6/XI 1794, № 46, p. 202; засед. 4/XI 1794.

[5] В Moniteur'e приведены эти сводки.

[6] M., 28/VII 1794, № 311, p. 1270.

[7] В Moniteur'e на 20-е октября 1795 г. указано 3 миллиарда 306 миллионов сожженных ассигнаций, а на 30-е октября, уже при Директории, 3 миллиарда 352 миллиона (M., 23/X, 2/XI 1795, №№ 32, 41, pp. 124, 164. Ср. Marion, Histoire financière, t. 3, p. 381; E. Levasseur, Histoire des classes ouvrières, t. I, p. 192).

[8] M., 8/II 1795, № 140, pp. 573—75 (доклад Камбона на заседании 22/I—1795 г.); M., 9/II 1795, № 141, p. 578 (прения по докладу Камбона на заседании 5/II);

из обращения 6 миллиардов 425 миллионов, выступил Вернье, причем из'ятия одного миллиарда 25 миллионов он ожидал от аннулирования королевских ассигнаций, одного миллиарда от лотереи, а остальной суммы от платежей за национальные имущества и по долгам всякого рода [1]. Жоанно, заменивший Камбона в Комитете финансов после движения 12-го жерминаля, выдвинул в половине апреля 1795 г. проект обмена ассигнаций на ипотечные свидетельства, которые были бы выпущены на сумму в $7\frac{1}{2}$ миллиардов и принимались бы в уплату за национальные имущества [2]. Наконец, в первой половине мая Бурдон из Уазы предложил проект из'ятия из обращения 8 миллиардов старых ассигнаций путем обмена 5 миллиардов на боны, дающие 1,5% прибыли и принимаемые в уплату за национальные имущества, а 3 миллиардов—на ассигнации, отмеченные штампом и предназначенные для циркуляции в торговле. Относительно этого проекта было указано, что он лишь усилит ажиотаж и затруднит торговлю, что бедные будут вынуждены обменивать свои боны на новые ассигнации и на них падет вся тяжесть ажиотажа [3]. В публике говорили, что, если пройдет проект Бурдона из Уазы, то ассигнации потеряют всякую ценность [4]. Что же касается штемпелевки ассигнаций, которая выдвигалась, кроме того еще Дюбуа-Крансе [5], то Вернье указывал на большую трудность ее проведения и на легкость подделки штампа [6]. В конце Конвента вопрос о штемпелевке ассигнаций был, однако, снова поднят депутатом Ру, но и его проект, предполагавший при штемпелевке потерю 25%, был отвергнут, как подрывающий национальный кредит [7]. Общественное мнение одобрило проект штемпелевки ассигнаций, как средство борьбы с фальшивыми ассигнациями и как средство из'ятия ассигнаций из обращения [8].

Все проекты уменьшения количества ассигнаций в обращении оказались мало реальными. Другие, более радикальные финансовые проекты пытались провести натурализацию или меновых отношений, или обложения. Было сделано предложение монетной единицей об'явить квинтал зерна, который должен был играть роль мерила ценностей, в то время как ассигнации сохранялись в качестве средства обращения [9]. Принятие этого предложения означало бы санкционирование происшедшего обесценения ассигнаций, так как цена ассигнаций на зерно была не ниже цены их на золото [10].

Более всего обсуждался и частично был принят проект о натуральном обложении. Государство, перейдя к оплате своих расходов по рыночным ценам закупаемых предметов потребления, налоги взимало попрежнему по но-

М., 10—11/III 1795, №№ 170, 171, рр. 694—95, 697—99 (резюме прений на заседании 25/II 1795).

[1] М., 15/VI 1795, № 267, рр. 1076—77.

[2] М., 18/IV 1795, № 209, р. 850; 27/IV, № 218, р. 886; 9/V, № 230, р. 934.

[3] М., 14—15/V 1795, №№ 235, 236, рр. 956, 958; засед.—11/V 1795 г.

[4] Р., t. II, р. 722, R. 16/V 1795.

[5] По проекту Дюбуа-Крансе штемпелевке должны быть подвергнуты ассигнации в 25 ливров и выше; после 1-го вандемьера 4 г. (23-го сентября 1795 г.) они в течение 6 месяцев принимаются в уплату за национальные имущества (М., 9/V 1795, № 230, р. 935).

[6] М., 19/V 1795, № 240, рр. 973—74; 15/VI 1795, № 267, р. 1076.

[7] М., 3—4/XI 1795, №№ 42, 43, рр. 167, 171; засед.—25/X 1795 г.

[8] Р., t. II, рр. 338, 339, R. 26/X 1795.

[9] М., 18/V 1795, № 239, р. 972; засед.—15/V 1795 г.

[10] Депутат Крассу отметил 25 ноября 1795 г., что «золото и зерно постоянно оставались совершенно в иной пропорции к ассигнациям, чем остальные съестные припасы». Именно они равнялись тогда, по его словам, отношению 1 : 150, тогда как, напр., мясо—отношению 1 : 40 (М., 29/XI 1795, № 68, р. 271).

минальной стоимости ассигнаций. В результате получался каждый месяц громадный дефицит, который уже в первые пять месяцев 3-го года республики, т. е. прежде чем сказались вполне отрицательные результаты новой экономической политики термидорианского Конвента, равнялся 1 453 229 000 ливров, причем расходы превысили доходы почти в 7 раз [1]. Для установления

Месяцы	Расходы	Доходы	Дефицит
	(в тыс. ливрах)		
Вандемьер 3 г.	244 833	43 058	201 775
Брюмер	294 885	48 411	248 474
Фример	268 503	49 724	218 779
Нивоз	428 374	57 168	371 205
Плювиоз	503 578	68 583	434 995
Всего	1 740 173	266 944	1 453 229

равновесия между доходами и расходами был выдвинут депутатом Дюбуа-Крансе в начале мая 1795 г. проект натурального обложения. Он прежде всего указывал на необходимость уменьшить колоссальные издержки правительства на питание армии и столицы. По его вычислениям, снабжение Парижа продовольствием стоило 1 миллиард 200 миллионов в год в виду того, что правительство отпускало по 3 су ливр хлеба, стоивший ему 4 ливра, т. е. почти в 27 раз больше. Кроме того, согласно его преувеличенным подсчетам, нужно было кормить армию в полтора миллиона человек [2] и 250 000 лошадей. Всего нужно было для питания Парижа и армий 157 миллионов ливров по ценам 1790 г., т. е. половину того, что должен был давать земельный налог (300 миллионов ливров). Между тем цена за квинтал повысилась с 10 ливров [3] до 300, т. е. в 30 раз, и соответственно повысились издержки. Единственным средством для восстановления равновесия между доходами и расходами Дюбуа-Крансе считал установление натурального налога по нормам 1790 г. По его предложению, с лучших земель нужно было взимать 10-ый сноп, с средних—15-ый и с худших—20-ый: с виноградников—20-ю часть продукции, с лугов и лесов—10-ю и с дохода домов также 10-ю часть [4].

Проект Дюбуа-Крансе был встречен в Конвенте аплодисментами и поддержан потом в прениях, иногда с оговорками, целым рядом видных депутатов, напр., Буасси д'Англа, Вернье, Ровэром, Дюран-Майяном и Будэном. Некоторые из них даже указывали на частичное проведение этой меры в двух департаментах [5]. Но отмечалась и трудность осуществления проекта натурального обложения. По словам Бурдона из Уазы, «проект, представленный Дюбуа-Крансе, был бы очень хорошим, если бы он представлял меньше труд-

[1] (Marion, Histoire financière, t. III, p. 257; Gomel, Histoire financière t. II, pp. 233—34,474).

Жоанно в своем докладе, сделанном в Конвенте 22 декабря 1794 г., определял доходы со времени начала революции в 3 миллиарда, а расходы в 9, из них 4 миллиарда собственно на революцию (М., 25/XII 1795, № 95, р. 394).

[2] По вычислениям военных специалистов, армия Конвента не превышала 600—700 тысяч человек (Gomel, Histoire financière, t. II, p. 433, n. 2).

[3] Цену квинтала ржи для 1790 г. он указывал в 7 ливров, овса в 6 ливров и соломы в 1 ливр.

[4] М., 9/V 1795, № 230, pp. 934—35. Ср. еще ответ Дюбуа-Крансе на сделанные ему возражения на заседании 12/V 1795 г., М., 15—16/V 1795, №№ 236, 237, pp. 960—62.

[5] М., 10/V 1795, № 231, p. 939. Ср. еще прения на заседаниях 18, 19, 26 мая, М., 21/V, № 242, p. 981; 22/V, № 243, p. 984; 30/V, № 251, p. 1014.

12*

ности при его проведении; но для сбора налога в натуре потребовалась бы армия в 200 тысяч надсмотрщиков, худшая, чем армия Комиссии торговли. Потребовалась бы армия арендаторов, сборщиков, магазины, где с'естные продукты гнили бы, не считая значительных сумм, которых стоило бы их взимание... Вместо того, чтобы заставлять платить в натуре, возможно заставить платить ассигнациями в правильной пропорции [1]. Жирондист Лувэ боялся, что проект об уплате земельного налога натурой окажется вредным для развития торговли и земледелия [2]. «Налог натурой приемлем там, где торговля не велика и мало звонкой монеты», писал один публицист в половине июня 1795 г. [3]. Высказывались опасения, что налог всею тяжестью ляжет на мелких земельных собственников. По словам Ревбелля, при увеличении единицы налога в 35 раз это означает новый налог в 5 миллиардов 200 миллионов [4]. Указывали еще на политические мотивы, говорившие против налога натурой. «Исследовавшие причины революции заметили,—доказывал Мерлен де Дуэ,— что предложение налога натурой, сделанное в собрании нотаблей, привело к восстанию против прежнего правительства. (Ропот). Да, единственное предложение, сделанное Калоном, взимать налог натурой, привело к восстанию против тирании и гнета старого правительства. Это восстание было первой причиной революции. Уничтожение десятины—вот что больше всего привязало граждан к революции». Способ налога Мерлен де Дуэ находил также более обременительным, чем реквизиции [5]. Общественным мнением Парижа проект Дюбуа-Крансе был встречен с самого начала сочувственно и определенно предпочитался официальному проекту Жоанно [6].

Правительство пыталось еще сократить число служащих и уменьшить расходы государства на их содержание. Вопрос об уменьшении громадного числа служащих республики, поглощающих колоссальные суммы, был поднят Камбоном, который, требуя 19 октября 1794 г. (28 вандемьера 3 г.) сокращения числа членов гражданских комитетов секций до 12, говорил по этому поводу: «Франция имеет на службе уже бесчисленное количество платных администраторов, комиссаров, агентов и писцов; если не обратят на это внимание, скоро две трети французов будут получать содержание под различными названиями; ведь наименования нетрудно найти, и тот, кому удалось получить какую-либо общественную должность, стремится вскоре получать за нее плату. Одним из крупных недостатков демократического государства является большое число оплачиваемых общественных служащих, и это не меньший из упреков, который можно сделать лицам, вызвавшим создание армии в 540 тысяч человек, занятых надзором, которым обещано 3 ливра в день, что составляет ежедневный расход в 1 620 тысяч ливров, а в год 591 миллион 300 тысяч ливров. К счастью этот расход не оплачен полностью: Комитет финансов откладывал до сегодняшнего дня требования, которые не перестают пред'являть вам [7]. Декрет 18 сентября 1794 г. об отделении церкви от государства, проведенный Камбоном и освобождающий государство от обязанности уплачивать содержание служителям культа, также мотивировался им финансовыми соображениями, хотя большого значения с финансовой точки

[1] M., 14/V 1795, № 235, p. 956.
[2] M., 21/V 1795, № 242, p. 981.
[3] M., 15/VI 1795, № 267, p. 1075.
[4] M., 23/VI 1795, № 275, p. 1110; заседание 21/VI 1795.
[5] M., 21/V 1795, № 242, p. 982.
[6] P., t. I, p. 701, R. 6/V 1795.
[7] M., 23/X 1795, № 32, p. 142.

зрения и не имел, так как фактически присяжное духовенство перестало получать пенсии и содержание, а юридически пенсии сохранялись частью и по новому декрету [1].

Общий декрет о сокращении числа служащих был принят Конвентом 17 июня 1795 г. (29 прериаля 3 г.). Предлагая проект этого декрета, докладчик Тибо заявил: «Нужно вам сказать, что расходы на теперешнюю администрацию французского правительства превысили расходы всех государств Европы в совокупности... Действие всей публичной администрации затрудняется толпою служащих, число которых ужаснуло бы вас. Одна Продовольственная комиссия насчитывает их до 13 070. Есть администрации дистриктов, которые имеют их 40, 50 и более. Есть исполнительные комиссии, в которых находится три или четыре сотни служащих, не считая агентов, которых они имеют в распоряжении, каждая более, чем прежнее министерство. Подчинение сводится к нулю, дезорганизация полная. Под предлогом недостаточности содержания, большая часть занимается спекуляцией, которая, будучи основана на неправильных расчетах, разоряет торговлю и вредит сделкам». Принятый по предложению Тибо декрет уменьшал на одну треть число служащих в исполнительных комиссиях, сводил число служащих в администрации департаментов и дистриктов до нормы, существовавшей 1 октября 1791 г., и давал возмещение уволенным в размере полуторамесячного их содержания [2].

Для установления некоторого равновесия между доходами и расходами был выдвинут еще проект повышения налогов пропорционально росту эмиссии ассигнаций. Докладчик Ревбелль указывал, что государство платит в 35 раз больше по сравнению с 1790 г., а получает в 35 раз меньше. После оживленных прений был принят 21 июня 1795 г. (3 мессидора 3 г.) декрет, по которому налоги повышались на одну четверть по мере того, как количество ассигнаций в обращении увеличивалось на 500 миллионов, исходя из нормы в 2 миллиарда, другими словами налоги удваивались при 4-х миллиардах ассигнаций в обращении, утраивались при 6 миллиардах и увеличивались в 6 раз при 12 миллиардах. Фактически это тогда и означало скрытую девальвацию, сводящую при платежах 6 ливров к одному ливру. Для просроченных платежей устанавливался льготный срок в один месяц, когда платежи могли вноситься по номинальному курсу ассигнаций; при уплате же за купленные национальные имущества льготный срок или сокращался до 15 дней или увеличивался до 40 дней, в зависимости от того, истек или еще нет срок уплаты. За наем домов и заводов сохранялась прежняя форма платы по номинальной стоимости ассигнаций, но за земельные аренды—соответственно новой указанной пропорции. Это вызвало большое недовольство со стороны домовладельцев, которые жаловались, что 1000 л., получаемых ими в 1789 г., равняются реально в мессидоре 3 г. 35—40 ливрам. Постоянные ренты также должны были выплачиваться государством до половины 4 г. (23 марта 1796 г.) по номинальной стоимости ассигнаций. Очевидно, Конвент не хотел ни поступаться интересами государственной казны, ни раздражать квартиронанимателей, т. е. большинство городского населения, но тем самым он вызвал охлаждение симпатий к себе со стороны рантье и домовладельцев [3]. Позднее,

[1] Bulletin des lois, an 2, № 61 (№ 330); M., 20/IX 1794, № 364, pp. 1495—96; cp. Marion, Histoire financière, t. III, pp. 236—37; Олар, Политическая история революции, 586—87.

[2] Bulletin des lois, an 3, № 157 (№ 922); M., 20/VI 1795, № 272, pp. 1096—98.

[3] M., 23/VI, 24/VI 1795, №№ 275, 276, pp. 1110, 1112—14; cp. Marion, Histoire financière, t. III, pp. 358—60.

на заседании 25 октября 1795 г. депутат Жиро указывал на недостаточность закона 21 июня и предлагал взимать земельный налог соответственно изменению цен на квинтал зерна по сравнению с 1790 г. Тогда землевладельцы будут вынуждены возить с'естные припасы на рынок [1].

В мае Конвент не присоединился к рассмотренному выше проекту Дюбуа-Крансе о натуральном обложении, но во второй половине июля, когда ассигнации сохранили лишь 3,5% своей стоимости и земельные налоги в ассигнациях потеряли почти всякое значение, он снова вернулся к этому вопросу. На заседании 16 июля Вернье предложил от имени комитетов Общественного спасения и Финансов проект о натуральном налоге, в целях предотвращения полного расстройства финансов, для борьбы с ажиотажем и облегчения снабжения армий и Парижа [2]. Проект, представленный Вернье, лег в основу декрета от 20 июля 1795 г. (2 термидора 3 г.), который устанавливал поземельный налог наполовину в зерне по нормам и ценам 1790 г. и наполовину в ассигнациях по номинальной стоимости последних. Реквизиции зерна отменялись с 1 вандемьера 4 г. (23 сентября 1795 г.). Фермеры также должны были платить собственнику половину арендной платы зерном [3]. Дополнительным декретом 10 сентября 1795 г. (24 фруктидора 3 г.). Конвент повысил налог натурой с половины до трех четвертей суммы налога. С неуплативших в срок налог должен был взыскиваться полностью натурой [4]. Наконец, декрет 25 октября 1795 г. (3 брюмера 4 г.) регулировал плату половины аренды в натуре [5]. Надеялись, что проведение в жизнь декретов о натуральном налоге уменьшит дороговизну, основную причину которой усматривали в необходимости для правительства закупать продовольствие по любой цене для громадной армии в полтора миллиона человек [6].

Почти одновременно прошел декрет 25 июля 1795 г. (17 термидора 3 г.) об имущественном и личном налоге. Докладчик Тибо критиковал декрет Конституанты о налоге в 60 миллионов на движимость, распределяемый сначала между департаментами, потом между дистриктами и коммунами и, наконец, между жителями. Вместо налога коллективного характера он предлагал ввести налог на движимость и доходы, налог, носящий характер личного обложения, соответственно состоятельности. По его словам, этот налог облагал богатых и облегчал положение бедных. По декрету 25 июля личный налог в 5 ливров в год касался всех, кроме поденщиков, заработок которых не превышал 30 су в день. Обложению подлежали доходы с промышленности, холостяки с 30 лет, все предметы роскоши: выездные лошади, экипажи, слуги, машины, печи [7]. Изданный 22 июля 1795 г. (4 термидора 3 г.) декрет о патентах преследовал не только фискальные цели, но и ставил своей задачей борьбу со спекуляцией [8].

---

[1] M., 4/XI 1795, № 43, p. 170.

[2] M., 20/VII 1795, № 303, p. 1221.

[3] Bulletin d s lois, an 3, № 167 (№ 977); M., 26/VII 1795, № 308, pp. 1240—41.

[4] Bulletin des lois, an 3, № 177 (№ 1079); M., 14/IX 1795, № 358, pp. 1441—42.

[5] Bulletin des lois, an 4, № 199 (№ 1194); M., 5/XI 1795, № 44, p. 173.

[6] M., 4/XI 1795, № 43, p. 170; речь депутата Marec'а на заседании 25 октября 1795.

[7] Bulletin des lois, an 3, № 167 (№ 979); M., 22/VII 1795, № 304, pp. 1223—24; засед. 17/VII 1795. Либералы Учредительного собрания всю тяжесть налогов переложили на деревенское землевладение, которое должно было давать в 4 раза больше (240 миллионов ливров), чем налог на движимость (60 миллионов). Ср. Кунов, Борьба партий и классов, с. 464—67.

[8] Bulletin des lois, an 3, № 167 (№ 978).

Наконец, декретом 26 октября 1795 г. (4 брюмера 4 г.) был введен чрезвычайный военный налог в виду громадных военных расходов, которые до сих пор покрывались лишь новыми эмиссиями, ведшими к дальнейшему обесценению ассигнаций. Военный налог устанавливался в размере 20 ливров ассигнациями на каждые 20 су налога на землю, слуг, лошадей и повозки и 10 ливров на 20 су налога на дома и патенты [1]. Общественное мнение отнеслось к этому декрету положительно [2].

Все эти меры не остановили, однако, падения ассигнаций. Конвент вынужден был даже прибегнуть к старому средству павшей монархии, к займам, к которым до тех пор революция не прибегала. Декрет 14 июля 1795 г. (26 мессидора 3 г.) о займе в один миллиард из 3% потерпел, однако, неудачу. Другой декрет от того же числа, об'являя заем в форме установления пожизненной ренты для подписавшихся на акции (tontine), также не имел успеха, в случае каковоrо он мог бы вернуть в государственную кассу несколько сот миллионов ассигнаций [3].

Таким образом, в финансовой политике термидорианского Конвента не видно ни определенного плана, ни строгой последовательности. Ряд его финансовых мероприятий был прямо продиктован торжествующей буржуазной реакцией, ликвидирующей наследие предшествующего демократического периода в развитии революции. Боязнь затронуть существенно интересы имущих парализовала решительность термидорианского Конвента и вынуждала его в лучшем случае ограничиваться полумерами. Различные паллиативные меры, к которым прибегали термидорианцы для смягчения последствий почти полного падения ценности ассигнаций, оказывались или половинчатыми, или запоздалыми и не имели существенных результатов. Вся тяжесть такой финансовой политики пала на широкие слои населения, на рабочих, служащих и на многочисленных мелких рантье, а извлекли из нее пользу, главным образом, покупатели национальных имуществ и спекулянты всякого рода.

---

[1] Bulletin des lois, an 4, № 199 (№ 1195); M., 4/XI 1795, № 43, pp. 170—71.
[2] P., t. II, p. 339, R. 27/X 1795.
[3] Bulletin des lois, an 3, № 163 (№№ 960, 961); M., 19/VII 1795, № 301, pp. 1211—12. Cp. M., 3/VII 1795, № 285, pp. 1148—49; речь Тибо на заседании 30/VI 1795 г.; примеч. № 267; Gomel, Histoire financière, t. II, pp. 506—508; Marion, Histoire financière, t. III, pp. 361—62.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Арк. Сидоров

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. А. РОЖКОВА

К ВЫХОДУ НОВОГО ИЗДАНИЯ 12 ТОМОВ «РУССКОЙ ИСТОРИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ»

Николай Александрович Рожков представлял довольно заметную фигуру в общественно-политическом движении России первой четверти XX столетия. Ученый-историк большого калибра, принадлежавший к числу немногочисленных ученых-марксистов, публицист и политический деятель—вот различные стороны деятельности Н. Рожкова.

Нас интересует Н. Рожков главным образом как ученый-историк. Поэтому мы не собираемся писать его политическую биографию и прослеживать подробным образом все этапы его политической карьеры. Но важнейшие моменты политической эволюции Н. Рожкова отметить необходимо. Нечего говорить о той теснейшей связи, которая существовала между Рожковым-«политиком» и Рожковым-«ученым». Все изгибы политической линии Рожкова находили прямое отражение в его публицистических и научных работах. Вот почему невозможно однобоко рассматривать Н. Рожкова только как ученого. Н. Рожков ученый и политический деятель представляет органическое целое.

Поэтому нам кажется необходимым сначала остановиться на вопросах общего мировоззрения, которое определяло и исходные социологические положения и историческую концепцию Н. Рожкова.

Начиная со своей магистерской диссертации «Сельское хозяйство в Московской Руси XVI века», написанной в конце 90-х гг прошлого столетия, Н. Рожков всю жизнь особенно интересовался социально-экономическими вопросами. В особенностях развития сельского хозяйства и промышленности он искал в последнем счете разрешения важнейших вопросов нашего исторического прошлого. В своей уже посмертной статье он писал: «... и традиции школы Ключевского и Виноградова, и исторический материализм Маркса обязывают нас искать разгадки и об'яснения многих важнейших и все еще не вполне выясненных особенностей русского рабочего движения и русской революции вообще в *экономическом базисе*, в *истории народного хозяйства* вообще и в особенности в истории русской индустрии, *фабричной промышленности*»[1]. Отлично сознавая значение «базиса», он уделял много внимания экономической истории: сначала исследованию происхождения и развития крепостного хозяйства, потом—истории капитализма. Все остальные стороны исторического прошлого—внешняя политика, революционное движение и т. д.—рассматриваются им очень скупо.

Через все научные работы Н. Рожкова красной нитью проходит стремление к социологическим обобщениям. Начиная со своей русской истории с «социологической точки зрения», Рожков на разборе конкретного материала русской истории пытался дать «формулировку общих законов сосуществования и развития общественных явлений». Полностью эту задачу ему удалось разрешить только в своей последней грандиозной 12-томной работе: «Русская история в сравни-

---

[1] Н. А. Рожков, Прохоровская мануфактура. «Историк-марксист», № 6, с. 80.

тельно-историческом освещении». «И вот настоящий труд,—пишет автор,—и является одновременно и новым изданием старой работы, и трудом новым, уже по преимуществу социологического характера, построенным на основе сравнительно-исторического метода. Это плод многолетних усилий и размышлений»[1]. В этой работе наиболее полно и законченно Н. Рожков формулировал общую схему исторического развития России. Поэтому мы кладем ее в основу нашего исследования. Другие работы мы будем привлекать лишь постольку, поскольку это необходимо для более полного выяснения точки зрения автора.

Необходимо сейчас же внести другое ограничение. Мы не можем рассмотреть и подвергнуть критике «всемирно-историческую точку зрения» автора в полном об'еме. Сравнительно-исторический метод в значительной мере помогает уяснить некоторые особенности исторического развития России. Но Н. Рожков пользовался им чрезвычайно широко и произвольно, поэтому получаемые им общие выводы часто чрезвычайно неубедительны и неверны. Без всякой к тому необходимости Н. Рожков анализировал историю обществ, совсем сошедших с исторической сцены и не оставивших иногда значительного культурного наследства. Чрезвычайно сомнительно, чтобы «сравнительно-историческое» изучение древней Ассирии, Финикии или Вавилона много дало для уяснения особенностей исторического развития России. С кинематографической быстротой Н. Рожков обозревает развитие социального строя у нескольких десятков народов, живших на различных материках в различные эпохи и в разной обстановке. Феодальная революция в «Сумаро-аккадо-вавилонском Двуречьи» и в Германии или России не только отделены хронологически большой эпохой, но и совершались в различной географической среде. А Н. Рожков все страны вытягивает в один ряд и в конце каждой главы своей истории механически обобщает. На двух-трех страницах текста, без достаточно глубокой проработки источников, Н. Рожкову, естественно, удавались лишь самые общие и популярные характеристики, которые не имеют научного значения.

Зато общая схема исторического процесса России сделана на основе большой научной проработки фактического материала, после многих лет подготовительной работы, внимательного изучения источников и литературы. Лишь после тридцати слишком лет занятий историей и социологией, пишет Н. Рожков, «он нашел в себе силы и возможности опубликовать большую обобщающую работу, частично подготовлявшуюся в эти годы и составляющую венец и цель его научных исканий»[2]. В той же работе, заявляя о своей готовности признать и исправить свои ошибки, которых он сделал, возможно, «даже много», Н. Рожков выражает твердую уверенность в том, «*что главные ее выводы остаются непоколебимыми*, незыблемыми»[3].

* * *

Для историка нашего времени решающее значение имеют общие вопросы мировоззрения. Недостаточно знать факты, необходимо их суметь привести в систему, об'яснить, понять их взаимную связь. Без известных социологических предпосылок, для марксиста—материалистических, писать историю нельзя. Это старая истина, которую вполне уяснили себе и буржуазные историки. «Сухое знание всех фактов недостижимо,—писал один из них,—по их бесконечному множеству; сверх того, оно совершенно бесполезно, ибо не дает ровно ни-

---

[1] «Русская история», т. I, 1923, с. 7.
[2] Н. А. Рожков, т. XII, с. 350—351.
[3] Там же (разрядка наша.—*А. С.*)

чего, в сущности — ни на иоту не прибавляет к нашему знанию. Взгляд, теория определяют важность фактов, придают им жизнь и смысл, мешают запутаться в их бесконечном лабиринте; словом, только с их помощью можно воссоздать историю, как она была»[1]. Для Кавелина «теорией», на основе которой история поднималась на уровень науки, была гегелевская философия.

Для последующих буржуазных историков Гегель оказался чрезмерно революционным, и они стали довольствоваться более мелкими теориями: позитивистской социологией Конта, потом Спенсером, Вебером. Опираясь на выводы буржуазной социологии и философии, буржуазные историки стараются подняться над прагматическим изложением событий, привести факты исторического прошлого в единую стройную систему. В 90-х гг. очень заметное влияние на историков оказывал еще Конт, который «подправлялся» материализмом.

Н. Рожков прошел в молодости через школу буржуазной социологии, в частности увлекался Боклем. «Позитивизм» оставил довольно значительный след в мировоззрении Н. Рожкова, даже когда он перешел уже к марксизму и стал революционером. Поэтому очень часто в работах Н. Рожкова встречаются «провалы», вульгарные об'яснения, имеющие своим источником позитивизм Конта, а не Маркса.

В середине 90-х гг., когда среди интеллигенции было массовое увлечение марксизмом, когда «легальный марксизм» был признаком хорошего тона для каждого буржуазного либерала, Н. Рожков так же испытал сильное влияние «легального марксизма», а потом и сам стал легальным марксистом.

В своей автобиографии и в воспоминаниях о революции 1905 г. Н. Рожков сам рассказывает, как этот переход совершился. Еще в университете он был знаком с Марксом «по Зиберу», но марксистом не был. Дальнейшее изучение I и II томов «Капитала» Маркса во время подготовки к магистерскому экзамену также не сделало Н. Рожкова марксистом. «Марксистом сделало меня специальное исследование по экономической истории России—вышедшая в 1899 г. моя книга «Сельское хозяйство Московской Руси XVI века». Работая над этой книгой, я познакомился с обширной экономической и историко-экономической литературой, касающейся не одной только России, и изучил источники. Выводы, полученные мною при специальном исследовании, бросили новый для меня свет на происхождение московского самодержавия и его классовую подкладку. Я убедился, что экономика дает ключ к пониманию политики. Тогда то, что я вычитал раньше из Маркса, приобрело для меня реальный и живой смысл»[2].

Несомненно, диссертация Н. Рожкова являлась большим шагом в сторону экономического материализма, но марксистской работой, в подлинном смысле этого слова, она еще не являлась. В ней не было прослежено влияния экономики на классовую борьбу общества и на его политический строй. Этот пробел Н. А. заполнил много позднее. Оставаясь в рамках чисто-экономических проблем, «Сельское хозяйство» не давало их материалистического об'яснения. Важнейшая проблема, поставленная им в этой работе—причины аграрного кризиса второй половины XVI в.—разрешалась им чисто идеалистически. Об'яснение кризиса выводилось им не из экономических факторов, а из юридической природы поместья. В своих последних работах, под влиянием критики, в частности М. Н. Покровского, Рожков наполовину отступил от своего первоначального об'яснения.

---

[1] К. Д. Кавелин, Собр. сочин., т. V, с. 9 (разрядка наша.—*А. С.*).
[2] Н. Рожков, А. Соколов, О 1905 годе, с. 4.

До сих пор никто не написал «новую книгу на эту тему, которая была бы лучше книги Николая Александровича»[1], говорит М. Н. Покровский. Это конечно верно, но даже с точки зрения «легального» (а не революционного) марксизма— эта работа не цельная, экономическое об'яснение не вполне выдержано. Это и понятно. Н. Рожков вышел из школы Ключевского, этого блестящего представителя юридического направления в истории. Еще за год—полтора до магистерской диссертации, в 1897 г., Н. Рожков напечатал ценную в научном отношении, но целиком «юридическую» работу: «Очерки юридического быта по «Русской Правде»; Богословский в своих воспоминаниях о Н. Рожкове также признает, что в работах Н. Рожкова «того времени непременно имелся юридический элемент», поэтому он вместе с Кизеветтером и Богословским принимал некоторое время активное участие в «Комиссии по истории права» при юридическом обществе.

Однако, являясь «самым смелым»—по характеристике Богословского—из молодых специалистов по истории, Н. Рожков взял для диссертации чисто экономическую тему. Диссертация получилась эклектической. Тем не менее эта работа является определенным этапом в эволюции Н. Рожкова к экономическому материализму. Познакомившись позднее с произведениями марксистов—«легальных» (Струве) и революционных (Бельтов, Ленин),—Н. Рожков стал окончательно считать себя марксистом. «К началу нового века,—пишет он,—лет 25 тому назад я был уже несомненным марксистом»[2]. Однако, и это положение нуждается в ограничении. Несмотря на усиление своих связей с революционными социал-демократическими (потом большевистскими) элементами, Н. Рожков оставался еще либеральным профессором, а в области «теории» Н. Рожков был скорее «позитивистом» и «легальным» марксистом, чем социал-демократом.

О политической физиономии Н. Рожкова начала XX в. Богословский рассказывает следующее. «Мы читали «Русские ведомости» и держались приблизительно тех взглядов, которые они выражали, иногда впрочем критикуя их за недостаточную прямоту, отчетливость и смелость. Вместе с «Русскими ведомостями» мы критиковали и деятельность правительства, видя ясно неудачные его мероприятия. Н. А. высказывал мнения иногда резкие, иногда напротив более мягкие. Иногда он говорил и любил это повторять, что революционное движение в России нарастает, и даже предлагал держать пари на бутылку шампанского, что через столько-то лет, я уж теперь не помню, через сколько именно, в России вспыхнет революция»[3].

Той резкой грани, которую революция 1905 г. провела между Н. Рожковым и либеральной профессурой, в 1902 г. еще не было. Только рост рабочего движения толкал Н. Рожкова все время влево, в лагерь революции. Поэтому, когда проф. Новгородцев стал вербовать среди либеральной профессуры кадры членов «Союза освобождения», то, хотя Н. А. и присутствовал на одном из таких собраний, но оказалось, что он «уже принадлежит к более левому направлению». Присутствовавшие поняли, что он примкнул к социал-демократии. Но это произошло после поражения царизма в японской войне, после демонстрации бессилия русской буржуазии, ее «верноподданности» царизму и после расстрела 9 января. Сам Н. А. рассказывает, что половинчатость буржуазии, ее нерешительность, наряду с революционностью рабочих, толкнули его к большевикам.

Просматривая теоретические работы Н. Рожкова 1900—1905 гг., можно убедиться, как далеко Н. Рожков находился от марксизма. Он сводил весь марксизм

---

[1] «Историк-марксист», № 3, с. 258. Некролог Покровского о Рожкове.

[2] Н. А. Рожков, А. Соколов, О 1905 годе.

[3] «Ученые записки Института истории», т. V, с. 143.

к примату экономики, а в вопросах философии оставался идеалистом. Диалектичность исторического процесса Рожковым была не понята. Он усвоил, что в основе исторического процесса лежит экономический фактор, но проследить на конкретном историческом материале, как развитие производительных сил определяет ход исторического процесса,—ему не удается. В этом отношении чрезвычайно типична его статья: «Денежное хозяйство и формы землевладения в новой России». Задачей исследования Н. Рожков поставил проследить влияние развивающегося торгового капитала на изменение общественной формы хозяйства. В ходе исследования он совершенно правильно установил связь крепостного права с развитием денежного хозяйства. Рожков еще не говорит здесь о торговом капитале, но имеется в виду именно он. Все же к концу своей работы он изменяет марксистскому методу и приходит к выводам, которые не вяжутся ни с его исследованием, ни с социологией Маркса. Оказывается, не экономический фактор играет решающую роль в общественном развитии, а фактор биологический. «Основным элементом всего хозяйственного развития новой (как и древней) России является рост населения. Непосредственным проявлением этого роста населения были—постепенное распространение земледелия на всю почти территорию страны и зарождение и медленное развитие денежного хозяйства, рассчитанного при том на более или менее обширный рынок»[1].

Конечно, под этим «социологическим» положением Н. Рожкова подпишется любой буржуазный профессор, воюющий с марксизмом, ибо это абсолютно не марксистское положение. Как показывает дальнейшее изложение, Н. Рожков заимствовал его у М. М. Ковалевского. Этот «срыв» представляет у Н. Рожкова вовсе не печальное исключение. Наоборот, более внимательное изучение его исторических работ убеждает в том, что Н. Рожков — «критический позитивист» не в переносном, а в самом действительном понимании этого слова. Марксистскую социологию он не только не усвоил, но и не понял. В своей критике «Проблем идеализма», представлявших научный и философский манифест либеральной русской профессуры, Н. Рожков не нашел грани между материализмом и идеализмом. Он критиковал Новгородцева, кн. Трубецкого, Бердяева и других не как врагов, решительных противников материалистического мировоззрения, а как своих друзей, союзников, с которыми расходился в частностях. Он не отмежевался от идеализма, а признал за ним «некоторое практическое значение», потому что идеализм «проводит здоровое нравственное начало»[2]. Вообще, говорил Н. Рожков про себя, он не находится «в безусловно враждебном отношении к идеализму». После вышеприведенных оценок идеализма, Н. Рожков, естественно не критиковал идеализма, а ревизовал марксизм. Вместо того чтобы показать классовое лицо буржуазной профессуры, как это сделал Покровский по отношению к Риккерту, Н. Рожков провозгласил единый фронт между критическими позитивистами (читай «легальными марксистами») и идеалистами «в практической общественной деятельности». Перед нами, несомненно, выступает «легальный марксист» (ведь и Струве не был заражен марксистской ортодоксией)—ученик Струве, а не Маркса. Вслед за Струве он повторяет буржуазную пошлость, будто марксизм «не представляет еще пока цельной и законченной системы». И это написано Н. Рожковым в XX в., когда он уже считает себя «марксистом». Для Н. Рожкова является марксистом всякий, кто признает «производственные отношения за главную определяющую силу во все эпохи»[3]. По этому принципу он зачисляет в лагерь маркси-

[1] Н. А. Рожков, Исторические и социологические очерки, ч. I, с. 163.
[2] «Исторические и социологические очерки», ч. I, с. 34.
[3] «Психология характера и социология», см. «Исторические и социологические очерки», ч. I, с. 176.

стов Каутского и Штаммлера, а в России—Струве и Бельтова. Н. Рожков не смущается тем обстоятельством, что Струве сделал «решительный шаг к критике ортодоксального марксизма», как раз в рецензии на книгу Штаммлера (тоже не марксистскую). В этой рецензии «критик» марксизма ставил себе в особую заслугу, что его ревизионистские идеи сложились еще до выхода работ Штаммлера и Бернштейна. Н. А. Рожков зачисляет их обоих в марксистский лагерь наравне с Каутским и Плехановым.

В момент наивысшего под'ема революционной волны, Н. Рожков в 1905 г. приходит к большевикам главным образом потому, что у него сложилось «убеждение, что на революционность русской либеральной буржуазии полагаться нельзя»[1]. Отстав от своих коллег по университету, Н. Рожков примкнул к партии рабочего класса, к наиболее ее революционному крылу—большевикам, не будучи по сути дела социалистом и марксистом.

В своей работе, вышедшей в 1905 г.,—в русской истории с «социологической точки зрения»,—Н. Рожков остается попрежнему на струвианской точке зрения, чуждой марксизму. Он не понимает классовой борьбы, не вносит, как выражается Ленин, момента «партийности» в изучение исторического прошлого, а остается «об'ективистом». Марксизм для него сводится к тому, что он расчленяет общественную жизнь на пять процессов: «естественный (?), хозяйственный, социальный, политический и психологический», т. е.—к простой классификации. В своем изложении он твердо придерживается указанного порядка, стремясь разложить все явления по соответствующим полочкам, начиная описание с хозяйственных явлений, которым принадлежит доминирующая роль.

Связав себя с партией пролетариата, Н. Рожков и в 1905 г. не понял марксизма: ему как социологу оставалось чуждо понятие общественно-экономической формации, без которого невозможно научное деление истории на периоды. Поэтому эмпирически, ощупью он подходит к необходимости такого деления, стараясь в основу его положить развитие «того процесса общежития, который задает тон целому», т. е. хозяйственные явления. Из «практических соображений», об'ясняет Рожков, им намечаются в русской истории пять периодов: «1) Киевский—до конца XII в., 2) Удельный—с XIII до половины XVI столетия, 3) Московский—с половины XVI до конца XVII века, 4) Новый крепостной период, охватывающий XVIII столетие и первую половину XIX века, и 5) Новый пореформенный, начинающийся второю половиною истекшего столетия и продолжающийся до сих пор»[2]. На такие периоды делится история автором-социологом, называющим себя марксистом. Ничего марксистского и научного в этой периодизации конечно нет. Она построена на идеалистических принципах и в значительной мере совпадает с периодизацией буржуазных историков. Между тем это основной и кардинальный вопрос для историка. Правильно об'яснять исторические явления можно лишь тогда, когда ясно, к какой общественно-экономической формации они относятся, какие классы действовали тогда на исторической арене.

Характерно, что Н. Рожков и позднее не понял этого. А до 1905 г., будучи «легальным марксистом», он заботливо обходил классовую борьбу. Читая Рожкова, замечаешь, как со всех сторон прет экономика. Естественно, многие сразу решают: конечно, Н. Рожков марксист. Уместно напомнить, что для Маркса и Ленина марксизм не сводился к одной экономике, и глубоко прав Покровский, указывая на это в своих многочисленных работах. Даже в определении общественно-экономической формации Маркс никогда не ограничивался одной голой

[1] «Автобиография» в сборнике памяти Н. Рожкова, с. 9.
[2] «Обзор русской истории», ч. I, с. 6—7.

экономикой. «Он,—пишет Ленин про Маркса,—одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился: «об'ясняя» строение и развитие данной общественной формации «исключительно» производственными отношениями, он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью»[1].

Каждая общественная формация представляет сложный, но единый комплекс явлений: экономических, классовой структуры общества, политики и идеологии. С точки зрения этой теории Маркса и надо подходить к периодизации истории. Но для этого надо быть марксистом-диалектиком, а не грубым эмпириком-«экономистом».

В цитированной уже нами работе Н. Рожкова «Обзор русской истории» он стоит на механистической эволюционной точке зрения. Развитие исторического процесса рисуется им «без резких переломов и внутренних скачков», т. е. не диалектически. Если нет «внутренних скачков», значит нет революции, нет классовой борьбы. Развитие общества совершается не в силу внутренних имманентных законов, а благодаря воздействию внешних факторов.

Вместо классовых интересов и классовой борьбы для Н. Рожкова на первом плане выступают интересы общества «как целого». Крепостное право тоже оказывается соответствовало «реальным интересам общества как целого»[2], т. е. крестьян и помещиков. Н. Рожков в данном случае целиком стоит на внеклассовой, «об'ективистской», т. е. струвианской точке зрения, от которой марксист отличается тем, что «он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно - экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»[3].

Ленин имел в виду конечно пролетариат. Ибо только становясь на точку зрения этого класса, можно оставаться последовательным до конца материалистом-марксистом.

Н. Рожков до 1905 г., когда он вступил в большевистскую партию, был марксистом (как он сам об этом говорит) «только в области научной—исторической и социологической». Но не будучи социал-демократом, не становясь прямо на точку зрения пролетариата, Н. Рожков не имел и выдержанного мировоззрения. Переход Н. Рожкова к большевикам, активная партийная работа, тесная связь его с рабочими массами произвела значительный переворот в его мировоззрении.

На исторических работах, написанных в бурные годы классовых битв с царизмом, отразился пафос революции и революционный темперамент эпохи. К таким трудам Н. Рожкова относится и «Происхождение самодержавия». Эта работа более строго выдержана в марксистском духе. Там имеется уже не только голый анализ экономических отношений, но дана классовая характеристика политических институтов. Наследство «академизма» все же чувствуется и в этих работах в чрезвычайно внимательном и непропорционально большом внимании, кото-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. сочин. т. I, с. 72 (разрядка наша—*А. С.*).
[2] «Исторические и социологические очерки», с. 25.
[3] В. И. Ленин, Собр. сочин., т. II, с. 65.

рое Н. Рожков уделяет технике управления и исследованию различных юридических учреждений.

Однако, даже во время и после революции 1905 г., играя активную политическую роль сначала в большевистской партии, потом у меньшевиков, Рожков не был революционным марксистом. Он стал более последовательным экономическим материалистом, политические взгляды его приобрели большую четкость, но он остался механическим материалистом-схематиком, а не диалектиком. Некоторых сторон марксистской теории он попрежнему не понимал и не усвоил. К числу таких вопросов относится диалектика и учение о государстве и диктатуре пролетариата.

В своем последнем историческом труде, который венчает его тридцатилетнюю научную деятельность, Н. Рожков развивает антимарксистские взгляды относительно происхождения и классового характера государства. Его точка зрения очень близка к взглядам Струве, считавшего, что государство есть «прежде всего организация порядка», а не аппарат господства и принуждения господствующего класса. Н. Рожков так же, как и Струве, выставляет принцип общего блага, которое якобы преследует государство. В первом томе своей истории «в сравнительно-историческом освещении» он пишет: «Мы видели, что русское государство появилось и утвердилось вследствие того, что оно соответствовало двум настоятельным потребностям общества, потребности во внешней защите от инородцев и потребности в устранении внутренних раздоров. Военная деятельность князей и княжеский суд должны были удовлетворить этим настоятельным потребностям. Без сомнения, они и удовлетворяли им до известной степени и, следовательно, в известной мере достигали цели общего блага, потому что иначе самое существование государства было бы невозможно»[1]. Хотя дальше Н. Рожков и пишет, что часто государственная власть использовалась для достижения личных, а не общественных интересов, это нисколько не ослабляет выставленных им положений, среди которых центральным является—государство есть организация порядка.

В происхождении такого важного политического института, как государство, и в определении его общественной функции Н. Рожков скатывается к буржуазным «теориям». Он не видит классовых экономических противоречий, наличие которых является предпосылкой для появления государства. Вместо того, чтобы на конкретном историческом примере России показать правильность общей социологической точки зрения марксизма, он плетется за историками, классовый интерес которых заставлял подчеркивать внеклассовость государства, якобы защищавшего интересы всего «народа». «Отношение к государству,—пишет Ленин,—одно из самых наглядных проявлений того, что наши эсеры и меньшевики вовсе не социалисты»[2]. Данный конкретный пример показывает только, насколько верно это положение Ленина. Позиция Н. Рожкова в данном вопросе не марксистская, а «об'ективистская», т. е. буржуазная.

Мы переходим к рассмотрению последней работы Н. Рожкова, 12-томной «Русской истории», которая писалась уже после Октябрьской революции. В заключении к XII тому работы автор еще раз возвращается к теории Маркса, называет себя марксистом.

Мы имеем не одну работу, в которой Н. Рожков дает характеристику марксизму и анализирует важнейшие составные части этого учения. В лекциях

[1] Н. А. Рожков, «Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I, с. 20 (разрядка наша—*А С.*).

[2] В. И. Ленин, Собр. сочин., т. XIV, ч. 2, с. 301.

по истории социализма он считает «исходным пунктом всего учения Маркса» материалистическое понимание истории. Там же, в порядке «научном» он характеризует различные этапы в развитии общества: смену господства дворянства буржуазным строем, который в свое время должен смениться социалистическим. С научной обстоятельностью Н. Рожков излагает философские и экономические теории Маркса, но ничего не говорит о диктатуре пролетариата. Маркса-революционера Н. Рожков превращает в архи-ученого и доброго профессора. В изложении Н. Рожкова марксизм теряет свою революционную сущность. Эта «забывчивость» автора о диктатуре пролетариата может быть понята и об'яснена лишь в связи с меньшевистской позицией автора. И в своей «Русской истории», отходя уже от меньшевиков, он все же излагает существо марксизма по-профессорски, а не как революционер. Правда, здесь он связывает марксову теорию исторического материализма с классовой борьбой, которая оказывает свое влияние и на политический строй общества, но опять не доводит ее до диктатуры пролетариата. Вторая черта марксовой теории по Н. Рожкову состоит в признании развития производительных сил «об'ективной основой классового господства» и третья— в диалектичности общественного развития (диалектический метод). Здесь как-будто бы отмечены все важнейшие стороны марксизма. Но это только кажется, ибо в важнейшем пункте Н. Рожков не договаривает. Он классовую борьбу не связывает с теорией диктатуры пролетариата. А между тем о классовой борьбе уже говорили буржуазные французские историки первой половины XIX века. «Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это не верно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов—значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма»[1].

В приведенной цитате Ленин наиболее полно и ярко выяснил значение диктатуры пролетариата в общей теории марксизма. Если с этой точки зрения подойти к Н. Рожкову—«политику» и «историку», то мы найдем у него совпадение политической линии с исторической концепцией. Во время Октябрьской революции он стоял на меньшевистской позиции, отрицавшей возможность в России диктатуры пролетариата. Борьба за диктатуру пролетариата должна наступить в будущем, «ибо у нас самостоятельно ввести социализм было бы немыслимо»,— писал Н. Рожков.

Если от его политической позиции перейдем к исторической концепции, то увидим, что она тоже пронизана меньшевизмом. Задача русской революции в октябре 1917 г. по этой концепции сводится к тому, чтобы обеспечить переход к развитию «культурного капитализма».

«История,—говорит т. Покровский не раз,—есть политика, обращенная в прошлое». Поэтому политический оппортунизм ученого неизбежно находит свое отражение и в чисто исторических построениях. Так случилось и с Н. Рожковым.

[1] В. И. Ленин, Собр. сочин., т. XIV, ч. 2, с. 323.

Несмотря на его признание марксистской концепции, правильное применение им марксистскго метода ограничивалось преимущественно вопросами экономики и истории хозяйства.

Как только он доходил до об'яснения всей совокупности общественных явлений и до формулировки общих социологических законов, у читателя сразу появляется сомнение: «марксист ли автор?».

Начиная с первой страницы своего труда «Русская история», Н. Рожков допускает ложное деление общественных явлений на социальную статику и динамику. Первая должна формулировать законы общества не в его развитии, «а в состоянии покоя».

Это совершенно неправильное положение, ибо нельзя общественные науки сводить до полного тожества с механикой и физикой, откуда Н. Рожков заимствовал эту свою идею. Стремление к схеме, попытка изложить предмет проще и понятливей для слушателя у Рожкова принимает характер грубой вульгаризации. Весь отдел «статики» представляет перенсв и извращение некоторых основных положений марксистской социологии. Собственное творчество Н. Рожкова сводится к оговорке насчет несогласия с об'яснением духовной культуры непосредственно классовыми и экономическими интересами, да к «теории» психических типов, представляющей мешанину из произведений буржуазных психологов. Этой своей теории он придает довольно большое значение и в «Истории» отводит духовной культуре много места. Понятие «психического типа», по мнению Н. Рожкова, должно иметь ту же значимость, что тип экономический, например,—капитализм, феодализм и т. д. Он насчитывает пять психических типов эгоистов, индивидуалистов-эстетиков, людей этического склада и аналитиков.

Для того чтобы разобраться в характере этих типов, нет необходимости читать сотни страниц, посвященных социологическому обоснованию этого деления. Для каждого, знакомого с азбукой марксизма, ясно, что Н. Рожков отрывает психологию общества от классовой базы. Экономический «тип» и психический не совпадает, ибо единой общественной психики нет. В классовом обществе есть психология классовая. В различных общественных формациях вместе с изменением классовых отношений и психика приобретает совершенно иной характер. А Н. Рожков устанавливает неизменные типы не только для разных классов одного и того же общества, но и для разных обществ. Общественно-экономическая жизнь изменяется, а вместе с развитием общества эволюционируют «психические типы», но как и куда они развиваются—об этом Н. Рожков ничего не говорит. «Теория» психических типов является наиболее яркой иллюстрацией непонимания учения Маркса об идеологии, о ее зависимости от социально-экономического строя. Учение о психических типах—лишь одна сторона всей «теории» статики, которая так не вяжется с диалектическим процессом развития общественной жизни.

Учение Н. Рожкова о «статике» несомненно свидетельствует об отсутствии у автора диалектической точки зрения. Н. Рожков смотрит на общество как на нечто застывшее, окаменелое, а не как на развивающийся живой организм. Несмотря на сильное выпячивание экономического базиса, хозяйственных явлений, которыми в конечном счете Н. Рожков пытается об'яснить весь исторический процесс, т. Покровский правильно подметил у Н. Рожкова известную эмансипацию, отрыв политического момента от других. Это об'ясняется механическим взглядом автора на весь общественный процесс развития.

Н. Рожков нигде не дает единой картины, охватывающей все многообразие и сложность общественной жизни. Он разлагает ее на пять категорий: хозяйство, классы, политическая жизнь, идеология, которые фактически развиваются неза-

висимо одна от другой. Анализируя какую-либо историческую эпоху, М. Н. Покровский устанавливает взаимозависимость и переплетение социальных, политических и идеологических моментов, а у Н. Рожкова экономические, социальные, политические явления механически наложены один на другой без всякой цементной прокладки, без органической связи друг с другом.

Тов. Покровский вполне прав, характеризуя Н. Рожкова как типичного представителя «экономического» материализма, а не марксиста. Для того чтобы яснее оттенить механический, а не диалектический характер мировоззрения Н. Рожкова, надо коротко остановиться на философских взглядах Н. Рожкова. Для всякого человека, считающего себя марксистом, обязательно признание материалистической диалектики Маркса. Только ревизионисты и политические оппортунисты позволяют себе в этом «вольность»: признавая экономическую теорию Маркса, они обычно отказываются от основ марксистского мировоззрения—от диалектического материализма. Н. Рожков следует в этом отношении за всеми оппортунистами и людьми, «не зараженными ортодоксией». Он в вопросах философии является не марксистом, а эмпириомонистом, богдановцем. Все познание внешнего мира он сводит вслед за Богдановым только к опыту, за пределами которого «нет ничего». Рожков фактически отрицает существование действительности вне нашего ощущения. «Материя,—говорит Н. Рожков,—есть простое общее понятие, слово—не больше. Это с гениальной простотой и ясностью окончательно доказал еще Юм»[1].

В полном согласии с механистами, Н. Рожков отрицает качество: «научно организованный опыт сводит его в конце-концов к количеству, вибрации, колебаниям, давлениям, движениям»[2]. Во время философской полемики Ленина с Богдановым, который заменял марксизм идеализмом, Н. Рожков стал на сторону последнего против Ленина. Особенно не нравилось Н. Рожкову то, что Ленин защищал существование материи, диалектический метод и прочие «терминологические древности», которые по мнению Н. Рожкова давно и «безнадежно» устарели.

В своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин защищает диалектический материализм против идеализма, а по мнению Н. Рожкова «бессильно пытается соединить несоединимое—наивный реализм с научным материализмом»[3]. Не только в вопросах политических, но и в оценке философии марксизма Н. Рожков разошелся с большевиками и не являлся марксистом.

Таким образом к идейным источникам «рожковщины» в русской истории, кроме позитивизма и «легального марксизма», надо причислить и эмпириомонизм, богдановщину. Социологические взгляды Рожкова-ликвидатора формировались под непосредственным и сильным влиянием Богданова.

Марксизм об'ясняет общественное развитие, классовую структуру общества, политический строй и т. д. развитием и изменением производительных сил. Рожков отказывается от такого об'яснения и заменяет его... законом сохранения энергии. «Законом сохранения энергии об'ясняется весь ход развития общества, освещается и необходимость того будущего общества, которое должно возникнуть из недр общества современного. И каждый период, каждое изменение общественного развития получает при энергетической точке зрения глубокой смысл, выясняется как нечто необходимое, закономерное»[4].

---

[1] Цитирую по «Ученым запискам», т. V, с. 50.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 49.
[4] «Основы научной философии», с. 104—105. Цитир. по «Ученым запискам» Института истории, т. V, с. 50—51.

Н. Рожков видел в таком об'яснении последнее слово науки, соединение марксизма с новейшими достижениями естественно-научной мысли. На деле же он скатывался к грубому механическому, энергетическому об'яснению, ничего общего не имеющему с марксизмом, ибо влияние классовой борьбы на развитие общества эта «энергетическая» теория совершенно устраняет. По мнению Н. Рожкова, классовая структура общества, политический строй и все идеологические явления суть не что иное, как «дальнейшее превращение энергии в новый вид». Н. Рожков совершенно стирает грань между общественными явлениями и теми процессами, которые совершаются в природе. Это есть возврат от точки зрения Маркса назад к взглядам французских материалистов, грубое смешение «общественного» и «естественного»—физического.

Этот «физический» материализм Н. Рожкова оставил свой след и на его последней работе—«Русской истории». Правда, периодизация истории в этой работе уже далеко ушла вперед от периодизации 1905 г. Здесь Н. Рожков говорит уже не об эволюционном мирном развитии истории, а признает необходимость скачков, революций, которые «неизбежны». Революционные потрясения, «скачки» прерывают мирное общественное развитие, расчищая дорогу новому общественному строю.

Правда, и здесь Н. Рожков все же не марксист, а «экономист»—он не усвоил еще марксистского обоснования периодизации и выводит ее необходимость скорее из педагогических, чем научных соображений, поэтому предупреждает читателей «о некоторой искусственности деления на периоды»[1]. Без «схемы» изложение истории «потеряет в ясности и определенности, окажется смутным, не ясно очерченным»,—пишет Н. Рожков. Предупредив читателя о «некоторой искусственности» своей периодизации, автор намечает затем «9 основных периодов в жизни общества.

Периоды эти следующие:

1. Первобытное общество.
2. Общество дикарей.
3. Дофеодальное общество или общество варваров.
4. Феодальная революция.
5. Феодализм.
6. Дворянская революция.
7. Господство дворянства (старый порядок).
8. Буржуазная революция.
9. Капитализм»[2].

Н. Рожков, далее, оговаривается, что он не обосновывает этого деления, поскольку таким обоснованием служит весь труд. В конце XII т. «Истории» он еще раз возвращается к своей схеме, обосновывая ее уже на почве сравнительно-исторической проработки истории многих народов.

Является ли верной—марксистской—проведенная выше периодизация истории? Она подвергалась уже жестокому обстрелу со стороны М. Н. Покровского. Последний признал эту схему неверной, не обоснованной экономически, так как лишь девятый период построен «на чисто экономическом признаке». Это указание М. Н. Покровского не совсем правильно, так как пятый период также экономически обоснован; но исходный основной недостаток схемы Н. Рожкова т. Покровским нащупан верно: он заключается в отсутствии экономического обоснования данной периодизации. «Период» в схеме Н. Рожкова не совпадает с

[1] Н. А. Рожков, Русская история, т. I, с. 21.
[2] Там же, с. 21—22.

«общественно-экономической формацией». Последнюю Н. Рожков произвольно делит на несколько составных частей. Пункты 4, 6 и 8 схемы Н. Рожкова не характеризуют собой особой экономической формации: их нельзя рассматривать как нечто самостоятельное, независимое от феодализма и капитализма. «Буржуазная революция» не является самостоятельной эпохой, она является составной частью капитализма. Развитие капиталистических отношений взрывает старый политический строй и укрепляет за буржуазией политическое господство. Поэтому буржуазную революцию нельзя отрывать от всей эпохи капитализма и противопоставлять ей.

Ленин правильно указывает, что у Маркса экономический скелет общественной формации облекался «плотью и кровью», а у Н. Рожкова политическая надстройка отрывается от своего базиса. Искусственность и натянутость схемы Н. Рожкова и заключается в произвольном и необоснованном разрыве «общественной формации» на несколько периодов, в произвольном отрыве политики от экономики, в эмансипации политической надстройки от социальных отношений и экономического строя и в оценке момента политического как равноправного с экономическим. У него сначала наступает «критическая»—по терминологии Н. Рожкова—эпоха, например: феодальная революция, а потом «феодализм в полном его развитии, органическая эпоха, вышедшая из предыдущей критической». Это одно из типичных рассуждений Н. Рожкова относительно различия двух периодов. Оно показывает, как сильны были в мировоззрении автора элементы позитивизма. В начале своей работы он намечает всего лишь 9 периодов в развитии общества, а в конце у него получается уже не 9, а в два раза больше. Достаточно сказать, что буржуазно-демократическая революция превращается уже в «четырнадцатый по общему счету период», а дворянская революция—в двенадцатый. В своем изложении Н. Рожков выделяет в качестве особого «периода» истории еще «муниципальный феодализм», который, оказывается, экономически ничем не отличается от феодализма обычного типа.

После разбора периодизации истории, изложенной Н. Рожковым в труде, который венчает плод тридцатилетней его работы в области истории и социологии, мы еще раз убеждаемся в том, как далек был Н. Рожков от марксистского понимания общественного развития. В его лице мы имеем «фактически трудовика, а не марксиста» (Покровский), мелкобуржуазного демократа, но не социалиста, не пролетарского революционера и марксиста.

Методологически Н. Рожков примыкает к Щапову, который являлся его предшественником. Это не значит конечно, что Н. Рожков стоит на одном уровне со Щаповым, материализм которого сводился фактически к действию географических условий. Н. Рожков «экономист». Он понимает, что экономические условия действуют на общественную жизнь не непосредственно, а через производственные отношения. Этому он научился у Маркса. Но об'яснить диалектичность исторического процесса путем применения марксистского метода ему не удалось, так как в марксистском методе он не усвоил и не понял одну из главных сторон—диалектики. Методологически Н. Рожков примыкает к буржуазной историографии -Ключевскому, Щапову, поскольку у них мы находим известные материалистические положения. Но его методология формировалась и под известным влиянием Маркса, поэтому он ближе, чем все другие буржуазные историки, к нам, марксистам. В борьбе с буржуазной историографией, несмотря на всю непоследовательность Н. Рожкова, мы имели его иногда в качестве союзника, а не врага. Он боролся с исторической традицией Чичерина, Ключевского и своими специальными исследованиями по истории помог выработке марксистской исторической концепции. Но такой концепции ему самому выработать не удалось. Эту работу сделал М. Н. Покровский.

* * *

Изложение «Русской истории» начинается у Н. Рожкова с характеристики дофеодального общества, по его терминологии—периода «варварства». Различные славянские племена VI—VIII вв. жили на этой стадии развития. Главными формами хозяйственной деятельности были охота, пчеловодство, скотоводство и отчасти земледелие. Признавая наличность у славян земледелия, Н. Рожков подчеркивает, что оно «не господствовало». Внешняя торговля не играла значительной роли; она носила разбойничий характер. Хозяйственной и социальной единицей была семья. Родового быта славяне уже не знали, но существовали более обширные родственные союзы: верви или задруги. Классовой диференциации почти не было, а потому не было и государства, «даже самого примитивного». Этим ограничивается в основном данная Н. Рожковым характеристика этой эпохи.

В ней бросается в глаза некоторое сглаживание социальных противоречий и общественной диференциации. Отрицая до варягов зародыши государства, Н. Рожков тем не менее признает существование «племенных князей», следовательно, надо признать и примитивную форму государственной организации.

X—XII столетия Рожков характеризует как эпоху феодальной революции, переход к которой совершается благодаря развитию земледелия, в результате замены обработки мотыгою обработкою плугом. «То была целая экономическая революция, из которой последовательно, с железной необходимостью, произошел целый ряд крупных перемен в хозяйстве, обществе и государстве»[1].

В это время развивается внешняя торговля, но она еще слабо захватывает народные массы, а поэтому «хозяйство в целом оставалось натуральным». Несмотря на это, имущественное неравенство и классовые противоречия достигают значительных размеров. Появляется земельная собственность — класс бояр, пользовавшихся рабским и полусвободным трудом. Имеется уже значительное накопление денежного капитала. Бояре являются экономически господствующим классом «эксплоататорами несвободного и полусвободного земледельческого труда». Таков в основном социально-экономический фон эпохи.

Н. Рожков подробно анализирует юридический строй, правовые нормы и политическую надстройку общества. Социально-экономический анализ эпохи, данный Н. Рожковым, чрезвычайно интересен. Он выясняет экономическое и правовое положение различных классов, правильно намечает тенденцию в общественной эволюции к усилению роли бояр и купцов, развитие холопства. Анализ же политического строя эпохи крайне путанный. Н. Рожков не указывает, какой общественный класс политически господствовал, управлял через вече и Боярскую думу, которую он даже отказывается называть «учреждением». Автор попадает в конце-концов в заколдованный круг: государство существовало, но учреждений и организаций, которые представляли государственную власть, не было, не было класса, который использовал бы эту власть. В одном месте у Н. Рожкова намечалось правильное понимание вопроса. «Вече и князь были несомненными носителями верховной власти в Киевской Руси; Боярская дума содействовала князю в его правительственной деятельности»[2],—пишет Н. Рожков. «Носители» власти как-будто бы нашлись, оставалось лишь определить их классовую природу. Однако, через несколько страниц Рожков забывает написанное раньше и возвращается к своей первой «теории» о безвластии на Руси.

[1] Н. А. Рожков, Русская история, т. I, с. 157.
[2] См. т. I, с. 201.

«Наконец, субъектом власти,—пишет он,—ее носителем не был в сущности общественный союз как целое, и князь и даже вече не являлись выразителями этой коллективной воли; власть принадлежала отдельным лицам над такими же отдельными лицами... Когда каждый член общества считает себя вправе не подчиняться закону, с которым он несогласен, вопреки большинству, то этим своим сопротивлением он как нельзя более сильно подчеркивает ту специфическую особенность государства, что оно покоится на начале личного господства» [1]. Здесь Н. Рожков вступает в решительное противоречие с самим собой, со всем, что он говорил об экономическом неравенстве, о господстве класса бояр-рабовладельцев. Все написанное об экономическом и социальном строе эпохи оказывается отделенным от политической надстройки, которая самостийно развивается без всякой связи с экономикой и классовым строем общества.

Ни один марксист не может говорить о государстве, что оно является надклассовой организацией, преследующей цели—«общего блага» .

Только человек, совсем не понимающий методологии Маркса, может писать, характеризуя эпоху «феодальной» революции: «общество начинает расчленяться и в классовом (экономическом) и в сословном (юридическом) отношениях», а государство покоится на «личном господстве» и заботится об общем благе. Это чистейшее струвианство, искажение марксизма. В этом пункте нельзя найти никакой разницы между Н. Рожковым и другими буржуазными историками.

Н. Рожков неправильно выделяет феодальную революцию в особую «эпоху», отличную от развитого феодализма. Это неправильно методологически. Практически же это необходимо автору, чтобы показать, что Московская Русь XIII—XIV вв. представляет органическое продолжение Киевской Руси. «Феодальную революцию» он относит к Киевской Руси X—XII вв., а «феодализм в развитом состоянии»—к Московской Руси. Вместо двух процессов, развивавшихся до известной степени одновременно и параллельно, у него мы имеем один, органически развивающийся. В этом пункте он также отступает от традиции марксистской историографии.

Развитой феодальный строй на северо-востоке России имел своей хозяйственной базой земледелие, главным образом сельское хозяйство, игравшее в промышленной жизни страны первенствующую роль. Именно в связи с такой ролью земледелия происходит образование крупной земельной собственности путем «обояривания» и окняжения крестьянских земель.

Однако, признав наличность феодальных отношений в хозяйстве, классовой структуре и политическом строе России, Н. Рожков в конце-концов об'являет русский феодализм «недоноском» по сравнению с феодализмом Франции и Англии. После сравнительно исторического изучения западноевропейских стран, Н. Рожковым устанавливаются три типа феодализма: «чистый», законченный тип—французский, затем английский и русский. Совершенно непонятно, почему Рожков считает французский феодализм наиболее «законченным», когда «английский тип феодализма оказывается более передовым, быстрее развивающимся, чем французский» [2].

Логика требует обратного, чтобы тип хозяйства, наиболее передовой экономически был признан более законченным. В чем видит Н. Рожков особенности и «недоразвитость» русского феодализма? «Если английский тип феодализма был экономически передовым, то северо-восточная приволжская и приокская Русь оказывается хозяйственно-отсталой не только по отношению к Англии, но даже

[1] Н. А. Рожков, Русская история, т. I, с. 216—217.
[2] Н. А. Рожков, Русская история, т. II, с. 286.

и по сравнению с Францией: хозяйство осталось натуральным; условное земельное владение не превратилось в наследственное и отчуждаемое; иммунитеты не превратились в полный суверенитет, за исключением непродолжительного момента в XIII в. для отдельных великих княжеств; не создалось ни прочного прикрепления крестьян—были только его зародыши,—ни развитой организации торговли и ремесла. Во всем прочем существовало большое сходство с другими странами»[1].

Подчеркнутые нами слова находятся в решительном противоречии со всем смыслом этой цитаты. Ибо если хозяйство России было отсталым и натуральным, а во Франции и Англии было товарно-денежное, если в Московской Руси не было крепостного права, если иерархическая система господства-подчинения в России была иной, чем в Западной Европе,—то в чем остальном существенном было у нас «большое сходство с другими странами»? Ясно, что ни в чем. «Никакого феодализма в России не было»—вот вывод, который надо было бы сделать Н. Рожкову. Просматривая характеристики английского и французского феодализма, убеждаешься в непонимании автором экономической природы феодальной общественной формации. И в английском и французском феодализме Н. Рожков подчеркивает и противопоставляет элементы денежного, товарного хозяйства русскому натуральному.

Здесь Н. Рожков следует уже за Бюхером, а не за Марксом. Ибо только Бюхер кладет в основу периодизации форму движения продукта, а не способ его производства.

Кроме обычного феодализма, Н. Рожков выделяет еще муниципальный как нечто особое и самостоятельное. Производственно-экономическая база муниципального феодализма, по Н. Рожкову, остается фактически старой, ибо земледелие попрежнему играет главное, а иногда и решающее значение «в деревенском хозяйстве». В понимании Н. Рожкова муниципального феодализма фактически стирается разница между ним и крепостничеством, ибо первому «свойственна и крестьянская крепость»,—пишет Н. Рожков. В последующем своем изложении он связывает закрепощение крестьян с другой социальной и экономической обстановкой.

Следующий этап в социально-экономической истории России, сменивший феодализм, Н. Рожковым называется «господство дворянства», или другими словами—крепостной строй. Надо сказать, этот отдел в работах Н. Рожкова вызывает наибольший интерес. Он разработан наиболее полно, с привлечением огромного фактического материала. Только одному моменту—«дворянской революции», т. е. революционным изменениям, обеспечившим господство дворянства и крепостничества, автор посвящает три книги. Несколько томов отводится на исследование эпохи господства крепостного хозяйства, которая почему-то озаглавлена—«старый порядок».

Понимание «дворянской революции» Н. Рожковым чрезвычайно интересно и заслуживает подробного знакомства и разбора. «В дворянской революции следует отличать три основных момента: во-первых, хозяйственный переворот второй половины XVI в. с сопровождавшими его переменами в других сферах общественной жизни, во-вторых, Смутное время и его последствия в первой половине XVII в. и, в-третьих, реформу Петра Великого в первой четверти XVIII в. с подготовкой этой реформы во второй половине XVII столетия»[2].

Между указанными тремя моментами Н. Рожков видит самую теснейшую связь и анализирует их как одну целую эпоху в русской истории. Исходным

---

[1] Н. А. Рожков, Русская история, т. II, с. 286 (разрядка наша.—*А. С.*).
[2] Н. А. Рожков, Русская история, т. IV, ч. 1, с. 5.

пунктом всех революционных потрясений как в области экономики, так и общественно-политического строя России он совершенно правильно считает развитие торгового капитала. Развитие элементов торгового капитала, его внедрение в хозяйственную жизнь страны он проследил еще в «Сельском хозяйстве». Об этом говорят многие бесспорные факты, как-то: замена натурального оброка денежным, переход от натуральных государственных повинностей к денежным налогам, развитие внутренней и внешней торговли. На основе анализа фактического материала Н. Рожков приходит к следующему выводу: во второй половине XVI в. «всюду, за небольшими исключениями, совершался переход к товарному или денежному хозяйству с обширным рынком—к торговому капитализму»[1]. Несмотря на некоторую путаницу понятий, которая встречается у Н. Рожкова, важен смысл, конечный результат: признание развития торгового капитализма.

Аграрный кризис России в XVI в. совпадает со временем развития торгового капитала. Тем не менее в своей прежней работе «Сельское хозяйство» Н. Рожков не сумел связать эти два крупнейших явления и об'яснить причины аграрного кризиса материалистически. Под влиянием марксистской критики—главным образом т. Покровского—в своей истории он отступил от старых позиций.

Кое-где у Рожкова проскальзывает еще стремление попрежнему об'яснить кризис господством поместной системы. Это дань прошлому, от которого не легко освободиться. Дело, конечно, не в юридической форме поместья, а в том, что вместо старого феодала, владельца целого княжества, на крестьянина навалился теперь помещик, которому Грозный и другие московские цари отводили всего лишь по 100, 150 четей в поле. Этот помещик ознакомился уже с рынком и теми удобствами, которые дают деньги, поэтому усилился гнет и эксплоатация крестьянства, уже раньше потерявшего свою землю. Ко времени господства помещиков «крестьянство,—пишет Н. Рожков,—стало безземельным, превратилось окончательно в класс арендаторов чужой земли. Кризис и обостренная переходом к товарному хозяйству нужда в деньгах больно ударили по безземельной крестьянской массе, большей частью разорили ее и сдвинули с места, бросили в колонизационное движение»[2]. Это место показывает, что не совсем прав т. Покровский, сказавший, будто «Рожков отрицает теорию Ключевского относительно закрепощения крестьян—безземельных арендаторов»[3]. Н. Рожков целиком стоит на почве этой теории, хотя об'яснение им происхождения крепостного права существенно отличается от Ключевского. Нельзя крепостное право об'яснять только подмогой или ссудой, как это делает Ключевский, и выводить его из частнохозяйственных отношений между крестьянами и помещиками, совершенно игнорируя роль государственной власти. Н. Рожков не отрицает значения «подмоги», но придает еще большее значение росговому и изедльному серебру, за проценты которого крестьянин обязан работать на помещика[4]. Данное об'яснение еще не многим отличается от теории Ключевского, что понимает и сам Н. Рожков, поэтому он старается крестьянскую задолженность свести к еще более общим экономическим причинам, которые он видит в господстве земледелия и развитии денежного хозяйства. Крепостное право сложилось во второй половине XVI в. и окончательно юридически оформилось в первой половине XVII столетия «под влиянием двух основных общих экономических причин: господства земледелия и зарождения денежного хозяйства. Крепостное право—естественный продукт

---

[1] Н. А. Рожков, Русская история, т. IV, ч. 1, с. 39.
[2] Там же, ч. I, с. 67.
[3] См. «Историк-марксист», № 3, Некролог.
[4] См. «История», т. IV, ч. 1, с. 104.

первой стадии развития денежного хозяйства, когда почти всецело господствует далеко еще не интенсивное земледелие»[1]. Здесь Н. Рожков дает уже несомненно более широкое об'яснение, чем Ключевский. В своей работе о происхождении крепостного права Рожков в отличие от прежних буржуазных историков об'ясняет закрепощение крестьянства также смутно всей совокупностью социально-экономических отношений эпохи. Ключевский также смутно догадывается о каких-то катастрофических изменениях в экономике, происшедших во второй половине XVI в., стихийно толкавших крестьянство в хозяйственную кабалу к помещику, но он не понял и не мог понять их. Н. Рожков дал более глубокое, чем Ключевский, материалистическое об'яснение закрепощения крестьян. Он понял роль торгового капитала и сумел подойти к правильному экономическому об'яснению кризиса сельского хозяйства, являвшегося сильнейшим фактором закрепощения. Победивший феодала средний помещик отобрал у него не только землю, но и крестьян, заставил их работать на себя. Общие экономические условия страны не позволили сразу перейти к капиталистическому земледелию, к обработке земли наемными рабочими или к капиталистической аренде; тогда помещик закрепостил крестьян, разрешив тем самым вопрос о рабочей силе. Крепостное право было нужно помещику: «он нуждался в постоянном контингенте рабочих для отбывания барщины или «изделья» на боярской пашне и в получении достаточного и постоянного оброка, по крайней мере отчасти—если не целиком — денежного»[2]. Таково об'яснение Н. Рожковым происхождения крепостного права. Процесс закрепощения крестьянства неотделим от захвата помещиками—дворянством, по терминологии Н. Рожкова,—политической власти. Мы не будем здесь анализировать отдельных моментов Смуты, которую Н. Рожков, с нашей точки зрения, об'ясняет правильно.

Заключительным моментом Смуты автор «Истории» считает воцарение Романовых. Это не значит конечно, что в 1613 г. закончился хозяйственный кризис,—он продолжался еще и позднее. Выбор Романовых был «символом торжества дворянства и городской торговой буржуазии с сильным перевесом первого над последним»[3]. Характеристика классовой природы власти первых Романовых совершенно правильная. Решающую роль в союзе помещика и торговой буржуазии играл помещик-крепостник, а не городская торговая буржуазия. Блок этих двух классов пришел к власти, сметая окончательно остатки феодальной знати и подавив восставшее крестьянство, сделавшее попытку под руководством Болотникова активно бороться против закрепощения.

Социально-экономическая эволюция России в XVII в. означала не что иное, как дальнейшее усиление и развитие тех отношений, которые сложились ко времени смуты. В области хозяйственной жизни окончательно складывается и развивается крепостное хозяйство. На базе крепостничества бурно развивается торговый капитал. В социальном строе оформляется сословность: «в это время,—пишет Н. Рожков,—окончательно сложились отдельные чины или слои разных сословий, самые сословия сложились сильнее и обозначились определеннее». В области политической надстройки государственная власть приобретает все более характер абсолютизма и диктатуры класса помещиков-крепостников и торговой буржуазии. Но все же Н. Рожков нигде не употребляет термина Покровского—«самодержавие как политическая надстройка торгового капитала».

---

[1] Н. А. Рожков, Из русской истории, Очерки и статьи, т. I, с. 197—198 (разрядка автора).

[2] Н. А. Рожков, История, т. IV, ч. 1, с. 96.

[3] Н. А. Рожков, История, т. IV, ч. 2, с. 21.

К чести Н. Рожкова, он отвергает буржуазно-помещичью теорию о надклассовости самодержавия и о том, что оно сложилось благодаря стремлению всех классов общества защитить себя от внешней опасности как со стороны кочевников юга и востока, так и необходимости военной борьбы с западными соседями. Н. Рожков сумел критически отнестись к теориям «своих учителей». Он выступает против Чичерина, Ключевского, Милюкова и других авторитетов и основоположников теории внеклассовой природы самодержавия, которую по-разному интерпретировали Плеханов и Троцкий. Он видел и фактическую и методологическую несостоятельность этой теории. «Дело здесь было вовсе не в том, что государство подвергалось внешним опасностям и должно было организоваться по-военному, а в том, что настояла необходимость справиться с грандиозной экономической проблемой: приспособить общество, живущее прежде в условиях почти исключительно натурального хозяйства, к новым обстоятельствам, созданным переходом к товарному хозяйству, рассчитанному на обширный рынок,—к торговому капитализму. Скачок был огромный, колоссальный. Внешние опасности—польская угроза в Смутное время и позднее—были здесь только дополнительным условием, тесно связанным с тою же проблемой: ставился ребром вопрос о том, кто будет гегемоном восточно-европейского торгового капитализма» [1]. В этой борьбе победило русское дворянство, русский помещик и купец. Здесь Н. Рожков отбрасывает все разговоры о «примитивности» экономической базы в России и ее хозяйственной отсталости. Важное, определяющее значение имеет торговый капитал, крепостная система эксплоатации крестьянства. Самодержавие являлось лишь политической организацией этого крепостного строя. Мысль и ход доказательства были бы вполне марксистскими, если бы Н. Рожков ограничился только приведенным выше об'яснением.

Однако, ему оно кажется почему-то не исчерпывающим, и он вносит к нему кое-что «новое». Это «новое» является отрыжкой той самой буржуазной теории, против которой направлены приведенные выше строки. Оказывается, что, по Н. Рожкову, в XVII—XVIII вв. были крепостными не только крестьяне, но все классы общества, в том числе и помещики-землевладельцы, которым принадлежали крепостные. Так как помещики-дворяне являлись господствующим классом, то, естественно, их никто не мог закрепостить. Однако, по Н. Рожкову, они сами «закрепостились».

Их «самозакрепощение» заключалось в обязанности службы государству. По мнению Н. Рожкова, дворянское «самозакрепощение» «не подлежит сомнению и не стоит ни в каком противоречии ни с экономическим пониманием истории, ни с классовой теорией общества. И напрасно поэтому некоторые новые исследователи возлагают на себя ненужный и вредный для научного понимания русской истории труд опровергнуть теорию дворянского закрепощения. Не надо только забывать, что то было самозакрепощение дворянства, необходимое, как и весь вообще крепостной и сословный строй, для дальнейшего развития производительных сил страны» [2]. Я нарочно привел всю эту большую цитату, чтобы можно было

[1] Н. А. Рожков, Русская история, т. IV, ч. 2, с. 67.
[2] Там же, с. 68.

В другом месте Рожков пишет на этот счет следующее: «Вот почему надо признать совершенно неосновательным отрицание того положения, что в организации служилого дворянского сословия в Московском государстве принцип обязанности преобладал над правом, и что, следовательно, дворянство стало во 2-й половине XVI в. крепостным сословием. Но конечно этим еще не опровергается теория классового интереса: нет, она остается в силе; просто дворянство того времени—этот новый, завоевавший себе власть класс—проявило достаточную зрелость, здоровый классовый

видеть всю аргументацию автора. Оказывается, борьба с этой идеей «самозакрепощения» является «вредной для научного понимания». Здесь говорит уже вовсе не марксист и не материалист, а «оборонец» и сторонник той самой теории, против которой он сам же выступал. Оказывается, сбросить «ветхого Адама», целиком рассчитаться с теорией Чичерина не так-то легко. Несмотря на внесение «поправки» к Чичерину, все же Н. Рожков стоит здесь целиком на буржуазной, идеалистической точке зрения.

Здесь мы еще раз можем убедиться в органической неспособности Н. Рожкова понять марксистское учение о государстве. Будь он в этом основном вопросе действительным марксистом, он никогда не стал бы в буржуазную теорию вносить поправку в виде «классового интереса» и причесывать ее под марксизм. Говоря о крепостном хозяйстве, Н. Рожков часто останавливается на его прогрессивном характере, иногда сбиваясь на его «защиту». Это вполне естественно для «материалиста», который видит одно голое развитие производительных сил, но отнюдь не для марксиста.

Оценка петровских реформ издавна разделяла русскую историческую науку на несколько враждовавших школ. Вернее будет сказать иначе: историки различных классов: помещиков, буржуазии и пролетариата, по-разному оценивали петровскую эпоху. Однако, буржуазной историографии (Соловьев, Милюков) не удалось сколько-нибудь научно об'яснить необходимость реформ, которые были проведены Петром I.

Милюков в своей работе «Государственное хозяйство» пытается все дело свести к политическим причинам. «Вся эта государственная реорганизация в ее целом есть продукт военно-финансовых потребностей государства»,— пишет он. Дело отнюдь не в хозяйственном развитии, не в интересах определенных классов, а в той нужде в деньгах и материалах для ведения войн, которую государство испытывало. Марксистам удалось преодолеть эту точку зрения. Они показали об'ективные экономические причины, подготовившие условия для реформ Петра. Попытка организовать крупное производство в начале XVIII столетия потеряла характер исторической аномалии: «в России конца XVII в. были налицо необходимые условия для развития крупного производства: были капиталы—хотя отчасти иностранные — был внутренний рынок, были свободные рабочие руки»,—пишет Покровский[1]. Все эти обстоятельства позволяют отбросить теорию об искусственном насаждении Петром крупных предприятий.

В об'яснении петровской эпохи Н. Рожков по существу стоит на точке зрения Покровского, хотя и полемизирует с ним относительно характера реформы, подчеркивая вопреки Покровскому не буржуазный, а «дворянский» характер реформ.

Н. Рожков считает петровскую эпоху третьим моментом дворянской революции в России, завершающей те перемены, которые начались еще во второй половине XVI века. Исторические причины, подготовившие реформу Петра, по мнению Рожкова сводятся к развитию торгового капитала и победе крепостнических отношений. Новые социально-экономические условия способствовали превращению дворянства в «торгово-капиталистическую социальную силу», в особый общественный класс, резко отличный от класса феодалов. «Дворянин» у Н. Рожкова отожествляется с помещиком-крепостником. Об'ясняя третий момент

инстинкт, облагая себя службой, все—и в том числе свои права—ставя в зависимость от службы, определяя их ею». (Н. А. Рожков, Русская история, т. IV, ч. I, с. 75—76).

[1] М. Н. Покровский, Русская история, т. II, изд. 3-е, с. 296.

«дворянской революции» в России, автор развивает интересную систему взглядов. Суть ее сводится к установлению понятия торгово-капиталистической общественной формации как исходного пункта для понимания общественной роли классов в эпоху крепостничества и природы самодержавия.

Во второй половине XVII в., дворянство стало, по мнению автора, «превращаться в один из классов, в господствующий класс торгово-капиталистического общества, начало становиться представителем торгового капитализма и придавать организованному им дворянскому государству, при помощи его монополий и исходящих от него привилегий, торгово-капиталистический характер. И это делалось в неразрывной, органической связи с производственно-организаторской деятельностью дворянства в сельском хозяйстве и индустрии. Именно эта тесная связь торгово-капиталистических функций дворянства с организацией им производства и создала ему господствующее положение, потому что делала его классом содействовавшим развитию производительных сил в большей мере, чем то делало напр. купечество, буржуазия того времени»[1]. Как видно из приведенной цитаты, Н. Рожков в значительной мере усвоил точку зрения Покровского, но не решается назвать вместе с ним петровские реформы буржуазными. Н. Рожков считает дворянство «представителем торгового капитализма», а петровский государственный строй—«торгово-капиталистическим», и несмотря на это он всюду подчеркивает дворянский характер реформ, преобладание именно этого класса, а не торговой буржуазии. В другом месте своей работы Н. Рожков пишет: «нельзя торговый капитализм отожествлять с одним купечеством»[2]. Дворяне-помещики так же, как и купцы, устраивали фабрики, торговали на внутреннем и внешнем рынке, поэтому их также следовало бы причислить к представителям торгового капитала. Но тогда нельзя противопоставлять «дворянский» характер петровских реформ (что делает Н. Рожков, дискуссируя с Покровским) буржуазному. В конце-концов Н. Рожков даже провозглашает купечество «второй классовой силой», на которую опирался торговый капитализм. Если купечеству отзодится только второстепенная роль, то первенствующая, значит, принадлежала помещику, дворянину, что совершенно опровергает все обычные представления о роли классов в эпоху торгового капитала.

Совершенно ясно, в чем заключается ошибка Н. Рожкова: он путает вопрос о классовой базе самодержавия с вопросом о роли значения классов в «торгово-капиталистической», надо сказать крепостнической, системе. Первый вопрос им разрешается совершенно правильно: самодержавие опиралось на блок двух классов—помещиков-крепостников и торговую буржуазию. Руководящая роль в этом блоке принадлежала «дворянству», классу крепостников-землевладельцев.

В данном случае Н. Рожков говорит совсем по Покровскому. В полемике с Троцким Покровский писал: «русское самодержавие было таким же исполнительным комитетом крупных земельных собственников и крупного купеческого капитала, как и западноевропейский абсолютизм XVI—XVIII веков»[3].

Зато Н. Рожков совсем неправильно представляет себе роль классов во всей системе торгового капитала. С его точки зрения торговый капитализм в первую очередь представляется помещиком и лишь во вторую купцом. М. Н. Покровский никогда не допускал такой вульгаризации: признавая помещика «агентом» торгового капитала, он считает все же купечество, торговую буржуазию, центральным

---

[1] Н. А. Рожков, Русская история, т. V, с. 48.
[2] Там же, с. 154.
[3] М. Н. Покровский, Марксизм и особенности исторического развития, с. 40.

классом, представляющим систему торгового капитализма. Для него крепостничество и судьба русского самодержавия неразрывно связаны с историей русского торгового капитализма. «Русский абсолютизм не только об'ективно был «политически организованным торговым капитализмом», он и мыслил себя как таковой»[1]. Концепция Покровского много последовательнее, чем у Н. Рожкова. У Н. Рожкова основным классом, представляющим торгово-капиталистическую систему, является «дворянство», хотя он сам стирает всякую разницу между ним и купцом и в то же время всячески боится назвать вещи своими именами. Характеризуя политику меркантилизма, Н. Рожков буквально повторяет Покровского. Меркантилизм—политика буржуазная, а не дворянская. Еще предшественники Петра старались подчинить руководству крупного торгового капитала «весь класс торговой буржуазии» в целом, «заведывание государственными торговыми монополиями и оптовый сбыт товаров внутри страны и за границей—вот экономические функции этого класса»[2],—пишет Н. Рожков. Мы видим, какую важную роль играла торговая буржуазия в системе самодержавия, и все же. Н. Рожков настойчиво подчеркивает дворянский, а не буржуазный характер политики Петра. В данном случае мы видим противоречие между правильным пониманием конкретных вещей и неумением их теоретически об'яснить. Исходный ложный момент «теории» Н. Рожкова заключается именно в признании «торгово-капиталистической системы», которая сочетает в себе торговый капитал и крепостное хозяйство, в полном отожествлении и смешении двух классов этой системы: торговой буржуазии и крепостников-помещиков. Освободиться от этого противоречия можно, лишь разграничив крепостное хозяйство, представлявшее определенный способ производства, от торгового капитала. Усиление «связи» крепостного хозяйства с рынком означает одновременно подготовку условий для его разложения, так как экономическая природа крепостного хозяйства заключается в том, что оно—натуральное хозяйство, а не денежное, как думает Н. Рожков. Эту ошибку Н. Рожков делает вслед за Струве, который считал крепостное хозяйство «денежно-хозяйственным клином, глубоко вбитым в натурально-хозяйственное тело страны». В своей работе «Крепостное хозяйство» Струве полемизирует с данной Лениным оценкой крепостного хозяйства как натурального. По мнению Струве, «производство хлеба на продажу» не было чем-то противоречащим существу крепостного хозяйства, «как думает один выдающийся исследователь нашей новейшей экономической эволюции»[3].

В заключение уместно разобрать, почему Н. Рожков рассматривает петровскую эпоху как «третий этап» дворянской революции. Этого своего положения он ничем не обосновал. Им приводится лишь одно соображение: «необходимо было сделать еще один гигантский, последний прыжок, чтобы хотя до некоторой степени, условно и относительно, догнать Европу»[4]. По мнению Н. Рожкова, дворянство до Петра не было еще господином положения. Полностью «правящим классом» оно стало лишь в результате реформ Петра. Эпоха Петра—это дальнейшая ступень закрепощения сословий дворянским государством. Дворянство, «самозакрепощаясь»—правда, только временно,—закрепощало торговую буржуазию и другие классы общества. Таким образом Н. Рожков старается укрепить буржуазно-помещичьи теории, подводя под них марксистский фундамент, или, как он называет, «классовый интерес».

---

[1] М. Н. Покровский, Марксизм и особенности исторического развития, с. 101.

[2] Н. А. Рожков, Русская история, т. V, с. 51.

[3] П. Струве, Крепостное хозяйство, с. 159.

[4] Н. А. Рожков, Русская история, т. V, с. 272.

Изучая развитие исторических взглядов Н. Рожкова, приходишь к странному заключению: чем ближе, современнее эпоха, которую описывает Н. Рожков, тем более его историческая концепция становится расплывчатой и менее определенной. При об'яснении эпохи дворянской революции, Н. Рожков старался как-то примирить старые буржуазные концепции с марксизмом. В вопросах новейшей истории буржуазные теории слишком резко бросаются в глаза, поэтому защищать их, даже перекрашенными в «марксистский» цвет, трудное дело. Вот почему Н. Рожков отмежевывается как от об'яснения Струве причин распада крепостного хозяйства, так и от позиции Кизеветтера, Корнилова и др. В открытом блоке с буржуазно-кадетской историографией Н. Рожкову итти было невозможно. Поэтому он идет «собственными путями» в об'яснении истории России в XIX веке. Внешне, здесь Н. Рожков как-будто бы применяет марксистский метод. Он начинает с об'яснения хозяйства, потом переходит к устройству общества, внутренней и внешней политике и неизменно кончает духовной культурой. Читатель не найдет однако у Н. Рожкова марксистской схемы, а лишь кучу фактов, искусственно сгруппированных.

В периодизации истории XIX века Н. Рожков следует за ходячими шаблонами старых учебников по истории литературы, в которых развитие литературы характеризовалось по десятилетиям. «Разложение крепостного хозяйства» Н. Рожковым также разделено на три момента: 20, 30 и 40-е годы. Чем руководствовался он при этом делении, остается его тайной. Во всяком случае сколько-нибудь серьезных соображений автор не приводит. Вместо целостной характеристики всей эпохи, рисующей процесс разложения крепостного хозяйства, у Н. Рожкова получается вермишель, беспорядочная куча фактов, органически несвязанных между собой, искусственно сгруппированных по десятилетиям. Это не недостаток изложения, а неумение методологически правильно подойти к освещению целой эпохи, понять ее, выделить наиболее характерное.

Уступка старой, буржуазной историографии при изучении новейшей истории у Н. Рожкова заключается и в том, что он не изучает особо классовой борьбы (декабристы), а рассматривает ее в связи с духовной культурой. Создается впечатление, что декабристское движение является естественным продуктом только идейных настроений эпохи; оно отрывается от экономических процессов. В частности у Н. Рожкова никак не связываются два факта: развитие предпринимательства среди помещиков с буржуазным характером декабристского движения. Трубецкой для него лишь умеренный и «либеральничающий аристократ». Следующая группа декабристов—это «средний помещик», политическим идеологом которого являлся Никита Муравьев. Никакой классовой характеристики северян и их политической программы Н. Рожков фактически не дает, смазывая тем самым весь характер движения, делая тем самым в изучении декабристов шаг назад к Семевскому. «Декабристы были дворяне-землевладельцы, как и их противники, и отсюда—дворянски монархический, построенный на господстве дворянского землевладения, конституционализм большинства»[1]. Вот и все по части классового анализа. Но ведь «южане» тоже помещики, и не только мелкие помещики. Чем же об'ясняются их республиканизм и революционность в отличие от Северного общества? Об этом у Н. Рожкова нет ни слова, хотя он и характеризует Пестеля «буржуазным идеологом». Аграрную программу Пестеля, вообще его отношение к «аристократии богатства», резкую критику Муравьевской конституции, устанавливавшей господство капитализировавшегося помещика и верхушки буржуазии, Рожков подробно не анализирует. Им делается странный переход после

[1] Н. А. Рожков, Русская история, т. X, с. 276.

об'яснения «поражения декабристов» к анализу сектантского движения «беспоповцев», как-будто бы декабризм бесследно прошел для русского революционного движения.

Два последних тома «Русской истории» (XI и XII) Н. Рожкова охватывают наиболее близкую и интересную нам эпоху, начиная со 2-ой половины XIX века и кончая Октябрьской революцией. Характерно самое название обоих томов. Том XI имеет подзаголовок: «Производственный капитализм в России», а XII—«Финансовый капитализм в Европе и революция в России».

В самом названии обоих томов выявляется уже особый подход Н. Рожкова к новейшей эпохе. Почему речь идет о финансовом капитализме только в Европе и исключается Россия? Из изложения мы узнаем, что Рожков признает наличие финансового капитала и в России. Судя по заголовку того же тома, нельзя сказать, о какой революции речь идет, не то о революции 1905 г., не то—1917 года. Россия пережила за это время три революции, из них одну социалистическую. Рожков все это смазывает. Судя по заголовку, да и по изложению II тома, создается такое впечатление, будто элементы «производственного капитализма», т. е. промышленного, в России появляются только после крестьянской реформы 1861 г. Конечно, «дореформенная Россия»—это Россия крепостного хозяйства, барского кнута, помещичьего произвола, но и она уже знает промышленный капитал, новейшую капиталистическую эксплоатацию. Развитие капитализма внутри крепостничества заставляет помещиков «дать реформу» 19 февраля. Н Рожков эту самую реформу считает «исходным пунктом промышленно-капиталистической эволюции в России». Н. Рожков делает серьезную ошибку, неправильно изображая генезис, а потом и дальнейшую эволюцию промышленного капитализма в России. Значение этой «ошибки» Н. Рожкова становится полностью ясно только в свете его теории о «культурном капитализме», при помощи которой автор стремится обосновать и доказать невозможность в России социалистической революции. Н. Рожков писал оба эти тома, разорвав уже формально с меньшевиками. Однако, прошлое достаточно сильно тяготело над ним, и он дал классически меньшевистское об'яснение новейшей истории России и Октябрьской революции.

Рассмотрим его взгляды по существу. Н. Рожков начинает с об'яснения «крестьянской реформы». В качестве одной из причин, толкавших правительство на скорейшее осуществление реформы, Н. Рожков правильно отмечает крестьянское движение. Если до юбилея Чернышевского у нас были известные колебания насчет удельного веса «политического фактора» в об'яснении реформы, то теперь вопрос выяснен полностью. Сводки III отделения дают реальную картину об'ема крестьянского движения перед реформой. Н. Рожков правильно оценивает его роль. Он пишет: «Итак, несомненно, что крестьянская революция в России шестидесятых годов была не плодом испуганного воображения, а совершенно реальной возможностью, которая при замедлении дела реформы легко могла превратиться в действительность и естественно осложнилась бы и революцией городской [1]. Н. Рожков правильно считает ситуацию в России во время реформы революционной. В оценке характера реформы он примыкает к революционной марксистской точке зрения, разделяя в большинстве случаев те положения, которые т. Покровский выставил в своей работе о «реформе». Однако в оценке характера «реформы» у Н. Рожкова есть некоторое «своеобразие». Считая в полном согласии с Лениным реформу «крепостнической», помещичьей, мы думаем, Рожков недостаточно оценил другую сторону реформы, подчеркнутую и Лениным и Покровским—буржуазную тенденцию в реформе. Не будучи диалектиком, он обратил внимание

[1] Н. А. Рожков, Русская история, т. XI, с. 7—8.

только на одну сторону, на то, что реформу проводили помещики-крепостники, обезземелившие крестьян, привязавшие их к земле и общине и заставившие платить большой выкуп. Несмотря на это, реформа была буржуазной, она создавала в России условия для довольно быстрого развития капитализма. «Крестьянская реформа,—пишет Ленин,—была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем меньше урезывались крестьянские земли, чем полнее отделялись они от помещичьих, чем ниже был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем свободнее от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. Поскольку крестьянин вырывался из-под власти крепостника, постольку он становился под власть денег, попадая в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитализма. И после 1861 г. развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершились превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века»[1].

В этой цитате нет никакой переоценки реформы. Ленин диалектически отметил все стороны в реформе—теневые и «положительные», ее консервативный характер, потому что она сохраняла экономическое и политическое господство класса крепостников-помещиков, и то, что она являлась буржуазной по своему содержанию и открывала дорогу промышленному капитализму.

Н. Рожков несколько иначе оценивает реформу, делая исключительное ударение на ее крепостнической стороне. Он считает «русский тип» освобождения крестьян и последующей социально-экономической эволюции России «особым, своеобразным во многих отношениях»[2]. Это «своеобразие» заключалось в том, что «реформа» «являла собой пример создания наиболее отсталых условий развития производственного капитализма»[3].

В Западной Европе Н. Рожков намечает три вида ликвидации крепостного права: английский, французский и прусский. Ошибка Н. Рожкова заключается в том, что он сравнивает русскую «реформу» с французской и английской революциями, где была произведена революционная чистка остатков феодализма. Конечно, темп пореформенного развития капитализма в России был более медленный, остатков крепостничества в экономике (не говоря уже о политическом строе)—более, чем там. Это понятно. Но «реформа» является начальным пунктом прусского пути, и поэтому едва ли Россию следует противопоставлять Пруссии, где изживание остатков крепостничества растянулось на весь девятнадцатый век. В Германии промышленный капитал стал более быстро развиваться, чем в России, лишь после того, как ей удалось ограбить Францию. Нельзя видеть принципиального отличия в путях развития капитализма в России и Пруссии, как это делает Н. Рожков.

---

[1] В. И. Ленин, Собр. сочин., т. XI, ч. 2, с. 262. «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция» (разрядка в начале и конце цитаты наша—*А. С.*) В другом месте Ленин пишет следующее: «После падения крепостного права в России все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая». Там же, с. 220, «50-летие крепостного права».

[2] Н. А. Рожков, Русская история, т. XI, с. 35.

[3] Там же.

«Русское освобождение крестьян было отлично по существу от всех тех типов, какие даны историей Европы и Америки: в нем были сделаны сравнительно с европейскими и американскими примерами наименьшие уступки новому духу, и сохранены больше, чем где-нибудь в других странах, традиции прошлого. И потому развитие капитализма сельскохозяйственного и промышленного было относительно слабее, чем где бы то ни было, и осложнялось многочисленными остатками крепостничества и грубого хищничества»[1].

Мы уже говорили в чем ошибка Н. Рожкова. Он старается все время доказать примитивность, слабость и хищничество русского капитализма, очень медленный темп его развития—ссылками на крепостнический характер реформы, на ее исключительную своеобразность. Конечно, пореформенное развитие России совершалось «медленнее», чем в Англии или Франции, но ведь там и никакой «реформы» не было, а была революция.

Если брать темп развития капитализма в России не на протяжении одного десятилетия, а за все пятьдесят лет от «реформы» до мировой войны, то Россия представляет пример необычайно быстрого развития капитализма, пожалуй даже более быстрого, чем развитие капитализма в Германии или Франции. Поэтому положение Н. Рожкова о «чрезвычайной отсталости» русского капитализма, о его исключительно медленном развитии, как исходный пункт всех дальнейших социологических построений, является исторической подпоркой к гнилой меньшевистской политике во время мировой войны и Октябрьской революции в России.

Социально-экономический анализ Н. Рожкова пореформенной России страдает известной однобокостью. Он правильно отмечает элементы крепостничества в сельском хозяйстве, особенно помещичьем. Им верно характеризуется и классовая база самодержавия в России, которую он видит в классе помещиков-крепостников.

Но Рожков не понял одного, и самого главного—характера и темпа развития промышленного капитализма в России. С освещением развития крупной промышленности и определением удельного веса промышленного капитала, которое дается Н. Рожковым, нельзя согласиться.

Русский промышленный капитал в конце 70-х гг. находился, по мнению Н. Рожкова, на зачаточной ступени своего развития[2]. Общая масса промышленной продукции в 1881 г. им оценивается всего лишь в 600 рублей. Экономика была двуличной: одна сторона ее была крепостнической, а другая — капиталистической, при чем первая преобладала: «капиталистическая половина этой экономической действительности была сродни ее крепостнической половине, она отличалась грубохищническим характером, расточением живых и вообще производительных сил ради самой элементарной личной наживы»[3]. Эпоха и методы первоначального накопления, по мнению Н. Рожкова, характерная черта русского капитализма не только до 70-х гг., но чуть ли не до Октябрьской революции включительно. Н. Рожков не оценил правильно всей пестроты нашей экономической действительности, сочетавшей на ряду с прогрессивным, передовым капитализмом самые архаические экономические отношения. Поэтому на картине, нарисованной Н. Рожковым, преобладают тона, окрашивающие нашу экономическую действительность под

---

[1] Там же, с. 404. В другом месте Н. Рожков пишет, что открывшиеся в России после «реформы» возможности для развития капитализма были «вообще наименьшие из всех мыслимых: сделать меньше в этом отношении, чем сделано было 19 февраля 1861 г., значило бы не сделать ничего». Там же, с. 392—393.

[2] Там же, с. 52.

[3] Там же, с. 88.

крепостничество, а не под капитализм. Н. Рожков недооценивает революционизирующего значения железных дорог, постройка которых быстро происходила и в 70-х и в 80-х гг. Они являлись сильнейшим толчком в деле развития крупной промышленности в России и проникновения капитализма в глубинные массы крестьянства.

Значительные перемены в развитии капитализма в России происходят в 90-х гг., но общая оценка Н. Рожковым характера капитализма остается неизменной. Выгодная мировая кон'юнктура создала благоприятные предпосылки для развития аграрного капитализма в России. Но промышленность в это время развивалась, по мнению Н. Рожкова, «недостаточно», т. к. внутренний рынок не мог потребить всего хлеба. В области земледелия обнаружилась диференциация районов с преобладанием крепостничества и победившего аграрного капитализма. В промышленность только за 7 лет (с 1893 по 1900 г.) было вложено 1 410 млн. руб. новых капиталов, почти в три раза более, чем за предшествующие 13 лет[1]. Таковы успехи капиталистического развития России, по словам самого Н. Рожкова. Несмотря на такие быстрые успехи капитализма, он так и остался, по мнению Н. Рожкова, «хищническим, малокультурным», отсталым и хилым[2].

Рассмотрев финансовую реформу Витте, Н. Рожков опять предостерегает против «преувеличения» успехов капиталистического развития России. В общем итоге получается следующая характеристика русского капитализма. Несмотря на все успехи, которые он проделал за 90-е годы, капитализм России отличался от западноевропейского своей неразвитостью, слабостью, некультурностью и хищническими методами эксплоатации рабочих.

С такой суммарной и чрезвычайно сгущающей краски оценкой нельзя согласиться, потому, что она искажает действительное положение дела и служит отправным пунктом всей меньшевистской концепции новейшей истории России, в том числе и Октябрьской революции.

Речь идет у Н. Рожкова вовсе не о культурном уровне наших капиталистов, а о противопоставлении нашего капитализма западноевропейскому, как какого-то особо отсталого типа, применяющего какие-то особые методы эксплоатации рабочих, чем там. А между тем «культурный» капитализм, перераставший в империализм, достаточно показывал свое лицо в колониях, куда он проникал и где он по «культурному» эксплоатировал китайцев, индусов, негров. Действительная разница между русским и западноевропейским капитализмом на грани XX в. заключается в том, что один уже «перерос», превратился в высшию стадию — в империализм, а другой только начинал перерастать. Только в этом и заключалась «отсталость» нашего капитализма. Было бы полбеды, если бы, по мнению Н. Рожкова, русский капитализм только до революции 1905 г. оставался «некультурным». Но в XII т. своей истории, Н. Рожков пишет: «Одним словом: русский капитализм

---

[1] Мы не можем согласиться с Н. Рожковым и в оценке, данной им роли иностранного капитала в русской промышленности. По его мнению (т. XI, с. 241) почти $^2/_3$ капиталов промышленности (64%) были иностранные. При этом он ссылается на М. Н. Покровского, у которого в «Истории культуры» приводятся две цифры: 425 и 777 млн. рублей. Первая—обозначает сумму русских капиталов, вложенных в промышленнось с 1894 по 1904 г., а вторая—величину иностранных капиталов, вложенных за то же время. Мы не знаем, откуда М. Н. заимствовал эти цифры, но в нашей экономической литературе они нигде не приводятся. Финн-Енотаевский считает, что преобладание русских капиталов, вложенных в промышленность за время под'ема к началу XX века, над суммой иностранных капиталов определяется в 780 млн. рублей в промышленности, торговле и банках.

[2] См. «Русская история», т. XI, с. 245.

и после революции 1905—1907 гг. оставался некультурным, грубо-хищническим» [1].

Между тем, после революции 1905 г. русский капитализм успел пройти довольно большой этап в своем дальнейшем развитии: он подобно своему западноевропейскому «собрату» превратился в империализм, со всеми отличительными чертами последнего. Россия встретила мировую войну империалистической страной. Исчезла всякая качественная разница между капитализмом России и Европы. А Н. Рожков попрежнему продолжает твердить об экономической «отсталости», худосочии и хищничестве русского капитализма, не останавливаясь при этом перед фальсификацией экономического развития России перед мировой войной.

Он совершенно смазывает грандиозный промышленный под'ем, который пережила Россия за последние 5 лет перед войной, во время которого мы имеем чрезвычайно бурный рост капитализма, банковой системы и оформление русского империализма. Чтобы доказать, что капитализм в России развивался «медленно», Н. Рожков употребляет следующий статистический прием: он сравнивает 90-е годы с десятилетием 1905—1914 г. В результате такого сравнения он приходит к следующему выводу: «развитие промышленного капитализма в России после революции 1905—1907 гг., несомненно, продолжалось, но, вопреки высказывающимся в последнее время в литературе мнениям, это развитие было далеко не грандиозным и уже во всяком случае не беспримерным, а напротив—шло несравненно более замедленным темпом, чем то было в эпоху Витте» [2]. В данном случае Н. Рожков неправильно применяет статистический метод, ибо период депрессии—1905—1909 гг.—он берет за одни скобки с годами бурного под'ема и механически сравнивает этот период как нечто цельное с другими десятилетиями.

Идейно политической подоплекой таких подсчетов Н. Рожкова является непонимание им столыпинщины и ее влияния на развитие капитализма в России. На этом вопросе Н. Рожков «обжегся» еще в 1911 г. в своей статье, провозгласившей победу капиталистического столыпинского эволюционизма над бурями революции. Ленин назвал эту статью минифестом ликвидаторства. В настоящее время, оставаясь целиком на меньшевистско-ликвидаторской точке зрения, Н. Рожков не «переоценивает» развития капитализма в связи с столыпинщиной, а недооценивает его. Он не понимает, что столыпинская политика, хотя и не уничтожила сразу, по революционному, всех преград для капиталистического развития, тем не менее, по сравнению с прежней политикой царизма, стимулировала его, создавала более широкую базу для крупной промышленности. В основе медленного развития капитализма в России во время столыпинщины, по мнению Н. Рожкова, лежит поражение революции и ограниченность, урезанность «конституции», которая действовала после 3 июня 1907 г. и которая не могла в достаточной мере развязать, освободить для надлежащего развития производительные силы страны» [3].

Выходит, дай Николай II немножко «получше» конституцию, и в России появился бы «культурный» капитализм. Н. Рожков не понимает, что столыпинская политика была шагом царизма к буржуазной монархии, и что она расширяла базу для капитализма. У Н. Рожкова получается, что столыпинщина прошла бесследно для русского капитализма: был он раньше «некультурный»—таким и остался. Резюмируя экономическое развитие России перед войной, он пишет: «Итак, промышленный капитализм в 1907—1914 гг. в России оставался попрежнему некультурным, хотя действительность того времени неуклонно напоминала о необхо-

[1] Н. А. Рожков, Русская история, т. XII, с. 952.
[2] Там же, с. 161.
[3] Там же, с. 162.

димости и неотложности перехода именно к культурно-производственному капитализму»[1]. Вначале Н. Рожков думал, что столыпинская политика создала возможности для развития «культурного капитализма». Последующая действительность разубедила его в таком «оптимизме». Поэтому он попрежнему остается на своей «старой» позиции, считая, что об'ективной задачей предстоящей в России буржуазно-демократической революции является создание культурного капитализма. Различные классы, пишет Рожков, «и более культурная часть буржуазии и трудящиеся массы—те и другие по-своему, сообразно своему классовому положению,—именно, и стремились к хозяйственной культурности и самостоятельности»[2]. В данном случае Н. Рожков почти буквально повторяет свою либеральную и ликвидаторскую постановку вопроса 1911 г., несмотря на то, что «время изменилось». Ликвидаторство Н. Рожкова здесь выявлено еще более последовательно, чем прежде. Прежде он не говорил об интересах и позиции различных классов, а теперь прямо сводит задачи пролетариата до задач либеральной буржуазии. Оказывается не только буржуазия, но и пролетариат боролся в 1917 г. за то, чтобы господа Гучковы, Рябушинские и Коноваловы «культурно» и самостоятельно, т. е. независимо от иностранной буржуазии, вели свое хозяйство и эксплоатировали рабочих. В этом классовый интерес пролетариата! Это не марксистская, а либерально-меньшевистская философия истории.

Февральская революция произошла; свергли царизм и помещиков; только бы либеральной буржуазии начать хозяйствовать «культурно», как большевики провозгласили в апрельских тезисах Ленина борьбу за социализм. Из «исторических» предпосылок Н. Рожкова и из основ его политического мировоззрения не вытекает возможность и необходимость победы социалистической революции и свержения капитализма. «У нас самостоятельно ввести социализм было бы немыслимо»,—писал Н. Рожков в одной из своих политических статей. Для социализма еще нет экономических предпосылок: страна не прошла еще через «культурный капитализм», а поэтому у массы населения «еще недостаточно сознания и понимания». Мы видим, что исторические взгляды Н. Рожкова ничуть не расходятся с его политической концепцией. Последняя столь же «марксистская», сколько и его политические взгляды имеют общего с марксизмом.

На основе такой «концепции» подойти к правильному пониманию Октябрьской революции невозможно. Нисколько неудивительно поэтому, что как ни хочет Н. Рожков сказать об Октябре по-большевистски, по-ленински, у него ничего не получается. Октябрь под пером Н. Рожкова превращается в буржуазно-демократическую революцию, которая заканчивает борьбу с царизмом. «Октябрьский переворот был завершен: образовалась новая рабоче-крестьянская власть. Началась диктатура пролетариата в союзе с крестьянством в надежде в будущем положить основу общеевропейской социалистической революции». Здесь как-будто бы Н. Рожков марксист. Но буквально через две страницы он сводит задачи Октябрьской революции к «более решительной победе над царизмом», чем это сделала Февральская революция. «Побочные задачи» Октябрьской социалистической революции Н. Рожков провозглашает за главное, основное, принижая фактически Октябрьскую революцию до уровня буржуазной. Социалистические тенденции в Октябрьской революции—это не ее социальное содержание, а некоторый «заскок», который необходимо было сделать для того, чтобы окончательно рассчитаться с царизмом. Точка зрения Н. Рожкова коренным образом отличается от оценки Октябрьской революции, данной Лениным. Последний пи-

---

[1] Н. А. Рожков, Русская история, т. XII, с. 169.
[2] Там же, с. 274.

сал: «Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, пролетарской революции, социалистической работы»[1].

Пафос Октябрьской революции дает борьба с капитализмом за социализм, за пролетарскую диктатуру. А по Н. Рожкову, «величайшее одушевление трудящихся масс, их энтузиазм» в Октябре порождались борьбой за «окончательную», реальную, а не формальную победу над царизмом[2]. Выходит, что и в области исторической концепции Октября Н. Рожков так же далек от Ленины, как и в своей политической позиции. Совершенно прав был М. Н. Покровский, сказавший, что главы XII т. «Истории» Н. Рожкова, посвященные анализу мировой революции и революции 1917 г., являются для современного читателя совершенно неприемлемыми, так как они представляют меньшевистскую концепцию «Октября». Либерально-буржуазную концепцию Октября дал неудачный политик буржуазии Милюков, пролетарскую—Ленин и Покровский, а мелкобуржуазную—Н. Рожков, приемлющий Октябрь за то, что он покончил с ненавистным царизмом.

Какие теоретические предпосылки лежат в основе взглядов Н. Рожкова на новейшую русскую историю, в том числе и на Октябрьскую революцию? Нам кажется, что «социал-демократическое», гильфердинг - каутскианское понимание империализма. Оценка последнего является отправным пунктом и политической линии и научных трудов Н. Рожкова.

Здесь мы хотим остановиться не на взглядах Н. Рожкова на русский финансовый капитализм и империализм, а разобрать его взгляды на «новейшую» систему капитализма, на империализм. Этому вопросу Н. Рожков отвел в своем XII т. большую главу, почти четверть всей книги.

Каково происхождение и сущность новейшей стадии капитализма—империализма?

Согласно ленинской теории, «самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия»[3], а отличительная черта новейшей стадии капитализма заключается в господстве монополистических организаций капиталистов, господствующих в промышленности, банках и торговле. При империализме место отдельного капиталистического предпринимателя занимает крупнейший союз, концерн, поэтому борьба и конкуренция совершаются еще в более острых формах, чем ранее.

Развитие техники, концентрация производства подготовила господство монополий. В этом Ленин видел основу, базис новейшего капитализма. Кроме того, Ленин прослеживает исторически подготовку монополий по линии банков, по линии колониальной политики и борьбы за рынки сбыта и сырья. Основной методологический подход к рассмотрению формирования империализма у Н. Рожкова не ленинский, а гильфердинговский. Он выводит новейшую стадию капитализма не из развития производственной базы капитализма, а из взаимоотношений банковой системы с промышленностью. Кредитование банками индустрии постепенно приближает банковых воротил к промышленности, они становятся организаторами акционерных предприятий: финансист делается индустриалом-предпринимателем. В этих новых функциях банков Н. Рожков видит «самый первоначальный корень происхождения финансового капитала»[4]. Вслед за Гильфердингом он прослеживает различные другие формы влияния и подчинения банками индустрии

[1] В. И. Ленин, Собр. сочин., т. XVII, с. 336 (разрядка наша—*А. С.*).
[2] См. Н. А. Рожков, Русская история, т. XII, с. 304 и «Историк-марксист» № 9, ст. Кина, Покровский как историк Октябрьской революции, с. 26.
[3] В. И. Ленин, Собр. сочин., т. XIII, с. 314.
[4] Н. А. Рожков, Русская история, т. XII, с. 196.

как посредничество и пр. К этому сводится, собственно, все «происхождение» финансового капитала. Основные решающие факторы создания финансового капитала не рассматриваются. Поэтому, естественно, что Н. Рожков не заметил факта загнивания и паразитизма современного капитализма.

Если в вопросе о происхождении финансового капитала Н. Рожков следует по стопам Гильфердинга, то в об'яснении всей системы империализма он является вернейшим учеником Каутского. Для него империализм не особая ступень капитализма, не «умирающий» капитализм, а всего лишь политика финансового капитала. «С этим вывозом финансового капитала и его господством в отсталых странах связана колониальная политика или империализм...»[1].

Можно ли на основе такого «теоретического» базиса дать правильный, марксистский анализ причин мировой войны и подготовки Октябрьской революции в России? Конечно, дальше Каутского трудно уйти и в политике и в об'яснении причины столкновений, приведших к мировой войне. Н. Рожков об'ясняет причины войны не кризисом капитализма, не борьбой отдельных империалистических хищников за господство, за монополию на мировом рынке, а из частичных столкновений Англии с Германией. Торговое, а следовательно и промышленное соперничество обеих этих стран «играет важную, хотя и не исключительную роль». «Центр тяжести» конфликта, по мнению Н. Рожкова, находился в Азии, в Багдадской дороге, в которой больше всего была заинтересована Германия, избравшая ближний Восток об'ектом своей колониальной деятельности. Таким образом, общие противоречия системы империализма Н. Рожковым несколько сглаживаются; решающее значение придается «частным» конфликтам, которые в действительности наиболее остро выражали общие противоречия империализма.

* * *

Наша статья о Н. Рожкове затянулась, а поэтому мы кратко остановимся еще лишь на одном вопросе. Слабая сторона Н. Рожкова как историка заключается в том, что он недостаточное внимание уделял вопросам революционного движения. В этой области Н. Рожков не дал ничего оригинального и интересного. Даже в «Истории» эти вопросы как-то выпадают из круга внимания автора. Он совсем не останавливается на крестьянском движении XVII и XVIII столетий. Декабристов «втиснул» в главу о духовной культуре 20-х гг. XIX столетия. То же самое получается и с народнической революцией. «Духовную культуру» и классовую борьбу Н. Рожков механически «об'единяет» вместе. В результате такого подхода о литературе и психологии господствующих классов написано довольно много и подробно, а революционное движение смазывается.

В роли историка революционного движения Н. Рожков выступает скорее рассказчиком, мобилизовавшим огромный фактический материал, чем исследователем и социологом. Да и трудно дать какую-либо выдержанную схему, когда после декабристов Н. Рожков говорит о сектантах беспоповцах, а от Муравьева «вешателя» перепрыгивает к Чернышевскому. Он «верит на слово» народникам и вслед за ними об'ясняет неудачу хождения в народ полицейскими преследованиями. Разногласия внутри «Земли и воли» и ее раскол совершенно не анализируются. О «Народной воле» и ее деятельности он рассказывает довольно подробно, давая характеристики отдельным руководителям этой партии, но совершенно обходит политическую и классовую сторону движения.

[1] Там же, с. 198 (разрядка наша—*А. С.*).

Рабочее и социал-демократическое движение XIX в. описывается Н. Рожковым с чисто внешней стороны и довольно подробно: когда какой кружок и организация возникли, кто были участниками их и т. д.—все это перечислено с исчерпывающей полнотой, но он избегает социологических обобщений.

Там же, где Н. Рожков их делает, с ним трудно согласиться. Так, например, он поставил вопрос о причинах двух фракций в среде русской социал-демократии. Основную причину этого раскола он видит в неоднородности пролетариата. Среди рабочего класса есть узкий слой рабочей аристократии, склонной к скепсису, постепеновщине, уступкам, и пролетариат неквалифицированный, чернорабочий. Последний чужд «соглашательства», оппортунизма; он более решительно и непримиримо борется. Верхушка рабочих шла с меньшевиками, а неквалифицированный пролетариат, которому нечего терять, по мнению Н. Рожкова, шел за большевиками.

В основном автор правильно указывает социальную базу оппортунизма и меньшевизма, который опирался на узкую верхушку рабочей аристократии и мелкую буржуазию. Однако, не верно, будто большевизм опирался главным образом на пролетариат «необученный, чернорабочий». Металлисты являлись более культурной, квалифицированной и лучше оплачиваемой частью рабочего класса, но они выступали под руководством большевиков, а не меньшевиков застрельщиками в борьбе с царизмом и буржуазией. Одно дело «верхушка» рабочих, рабочая аристократия и мелкобуржуазная интеллигенция, как опора меньшевизма, другое дело механическое, огульное деление рабочего класса на квалифицированных и неквалифицированных и расписывание их по «фракциям». Тут уже, несомненно, мы имеем дело с рожковским упрощенством.

Н. Рожков анализирует меньшевизм в России совсем изолированно от оппортунистических течений, предшествующих ему, как, напр., экономизма, с которым он сам находится в неразрывной связи. Разногласия между обеими фракциями социал-демократической партии также смазываются и принимают под пером Н. Рожкова совсем невинный характер.

Основная линия тактических разногласий между большевиками и меньшевиками накануне революции 1905 г. им излагается так: «Меньшевики имели в виду соглашение с либеральной буржуазией, поддержку ее с целью таким путем ее усилить и достигнуть конституции, открывающей более широкие возможности для рабочего движения и социалистической пропаганды; большевики имели в виду борьбу с либеральной буржуазией, гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции путем привлечения к себе всех демократических элементов в буржуазии. Это—два непримиримые тактические положения...»[1].

В изложении Н. Рожкова действительные разногласия между обеими фракциями пропущены. Читатель, прочитав цитированное нами место, будет разводить руками от недоумения: в чем же заключались «непримиримые» разногласия? Одни добивались «союза» с буржуазией и конституции, а другие—большевики—старались осуществить гегемонию пролетариата путем «привлечения к себе всех демократических элементов в буржуазии». Позицию меньшевиков, их оценки Н. Рожков выдает за большевистскую, умалчивая о том, что большевики старались осуществить демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства против предательской, контрреволюционной роли буржуазии. Н. Рожков нигде не сказал о союзе пролетариата с крестьянством, как основе большевистской революционной тактики. Именно в отношении к крестьянству в различном понима-

---

[1] Н. А. Рожков, Русская история, т. XI, с. 388 (разрядка наша—*А. С.*).

нии его роли—в этом кардинальном вопросе лежит водораздел между большевиками и меньшевиками. Буржуазная революция в России была не совсем «обычная» по своим движущим силам, чего никак не хотели и не могли понять меньшевики. И этот важнейший пункт разногласий смазывается Н. Рожковым.

Под флагом «об'ективного» изложения разногласий, Н. Рожков фактически проводит полнейшую ревизию всей большевистской линии в революции 1905 года. На анализе революции 1905 г. Н. Рожков остановился довольно подробно. Около трети XII т. «Истории» отведено описанию хода революции 1905 г. Поэтому на концепции Н. Рожкова стоит немного остановиться. По мнению М. Н. Покровского, главы XII т., посвященные революции 1905 г., являются у Н. Рожкова «наиболее приемлемыми»[1] для нас. Тов. Покровский чрезвычайно снисходительно и мягко оценивает произведение Н. Рожкова. Тов. Горин считает, что Н. Рожков дал меньшевистскую концепцию революции 1905 г., и в этом он в значительной мере прав. От классически меньшевистской концепции, изложенной в «Общественном движении», точка зрения Н. Рожкова отличается тем, что он считает, в отличие от меньшевиков, русскую либеральную буржуазию контрреволюционной силой. Такую оценку можно встретить у Н. Рожкова не один раз[2]. Контрреволюционность буржуазии им об'ясняется ее классовым положением, а также тем, что она чувствует у себя за плечами революционный пролетариат и крестьянство. Это очень важное отличие Н. Рожкова от ликвидаторской «Истории» 1905 года. Но все же его точка зрения гораздо ближе к меньшевикам, чем к большевикам. Элементы меньшевизма буквально пронизывают все содержание его книги. Даже в оценке буржуазии ему не всегда удается удержаться на правильной точке зрения.

Мы остановимся, для иллюстрации, лишь на нескольких фактах, которые показывают меньшевистскую сердцевину автора.

В полном согласии с меньшевиками Н. Рожков считает «Октябрьскую забастовку» «высшей точкой» в развитии революции. Этим самым он обнаруживает непонимание и недооценку значения вооруженного восстания, которое являлось, несомненно, кульминационным пунктом революции. Уступкой меньшевизму и оправданием его тактики является и другое положение, будто революция 1905 г. началась на «широкой социальной базе»[3]. Это расширение базиса революции им относится целиком за счет участия буржуазии «мелкой, средней, отчасти даже крупной». В данном случае автор совсем забывает свою принципиальную оценку буржуазии как контрреволюционной силы и идет за меньшевиками, за их баснями, будто «отход» буржуазии от революции сузит ее размах. Меньшевики об'ясняли поражение революции тем, что был нарушен единый фронт борьбы пролетариата и буржуазии. Почти также об'ясняет поражение революции и Н. Рожков. На первый план он выдвигает «расхождение оппозиционных и революционных сил», начавшееся после октябрьской «полупобеды»[4]. Конечно, Н. Рожков не ограничивается только этим: он говорит также о недостаточной организованности пролетариата, известных колебаниях в крестьянстве, но выпячивание на первый план, всемерное подчеркивание отхода буржуазии, несомненно свидетельствуют о сильном влиянии меньшевизма на концепцию Н. Рожкова.

Н. Рожков дает меньшевистскую характеристику деятельности Стокгольмского с'езда. Он выступает в данном случае в роли адвоката, защищая меньшеви-

---

[1] «Большевик», № 12, 1926, с. 79.
[2] См. Н. А. Рожков, Русская история, т. XII, с. 124, 151 и др.
[3] Там же, с. 29—30.
[4] Там же, с. 152.

ков перед историей. Как-то странно читать у Н. Рожкова, и это звучит издевкой над читателями его истории, что меньшевики на IV с'езде партии «не имели конституционных иллюзий». Кто же был ими заражен? Уж не большевики ли? Оказывается, тоже нет. А все-таки, в конце концов, Стокгольмский с'езд «об'ективно, независимо от воли всех его участников и даже от воли его меньшевистского большинства уже тем содействовал росту конституционных иллюзий, что не поставил борьбы с ними во главу своей работы и, в сущности, отверг решительное выступление как очередной тактический лозунг». В данном случае мы имеем дело с открытой защитой меньшевизма и прямым искажением фактической истории дела. Ведь достаточно сослаться на доклады Аксельрода—об отношении к Думе, и Мартынова—о текущем моменте, чтобы видеть, что дело было не так, как изображает его Н. Рожков.

Мартынов заявлял, что кадеты «против своей воли» должны занять революционную позицию, а Аксельрод старался все внимание партии и рабочего класса сосредоточить на Думе. Большевики последовательно боролись против соглашательства меньшевиков.

Н. Рожков не разобрался в классовой природе кадетов. Он страшно переоценил «революционное» значение этой партии и ее аграрной программы. Кадеты—это партия соглашательства с царизмом. Вся ее деятельность была направлена не на развитие революции, а на то, чтобы ввести ее в известное русло «законности и порядка». Аграрная программа кадет оставляла власть помещиков нетронутой, за выкуп они старались отобрать у «диких» помещиков часть их имений и отделаться этой подачкой революционному крестьянству. Аграрная программа к.-д.—это та же столыпинщина, прусский путь развития капитализма. Н. Рожков этого не видит. По его мнению, аграрные реформы по кадетскому проекту в состоянии были «расчистить» путь для развития культурного капитализма в сельском хозяйстве и вместе с тем создать в русской деревне хороший внутренний рынок для фабричных изделий»[1]. Оказывается для победы «идеала» Н. Рожкова—«культурного капитализма» вовсе не требовалась победа пролетариата и крестьянства над самодержавием, надо было самодержавию осуществить лишь аграрную программу кадет.

Тов. Покровский был прав в своей рецензии на XII т. «Истории» Н. Рожкова: чем ближе «к нашим дням», т. е. чем ближе Н. Рожков приближается к истории Октябрьской революции, тем яснее и ярче выступает «расхождение мировоззрений».

Сделаем некоторые общие выводы. Мы рассмотрели и социологические взгляды Н. Рожкова и его схему конкретной истории. На многочисленных примерах мы показали, в чем отличается «мировоззрение» Н. Рожкова от революционного марксизма. В его лице мы несомненно имеем мелкобуржуазного, а не пролетарского историка. Точка зрения революционного марксизма ему чужда. В марксизме он не понял двух вещей: диктатуры пролетариата и диалектики.

Несомненно, Н. Рожков развивался. Но это развитие не пошло дальше меньшевистской интерпретации марксизма. Н. Рожков был меньшевиком не только по своим политическим взглядам, но и по теоретическим предпосылкам в понимании теории марксизма вплоть до последнего времени. Распространенное мнение, что Н. Рожков в последние годы своей жизни был ближе к большевикам, чем к меньшевикам, нам кажется совершенно неверным. В понимании возможности перехода к социализму он попрежнему остался на меньшевистской, гильфердинговской точке зрения. В полном согласии с теорией «организованного капитализма»,

---

[1] Н. Рожков, Русская история, т. XII, с. 133.

Н. Рожков полагал, что в Германии, как и везде в Европе, будет социалистическая эволюция, а не революция». Эта цитата—из документа, написанного Рожковым в 1924 году[1]. По мнению Н. Рожкова, западноевропейский пролетариат «склонен к эволюции, а не к революции, к меньшевизму, а не к большевизму»[2].

Таким образом Н. Рожков оставался типичным меньшевиком, отрицавшим диктатуру пролетариата и всю деятельность Коммунистического интернационала. Характерной чертой меньшевистского понимания марксизма является преклонение перед стихийной силой экономики, непонимание роли и значение классовой борьбы, отрицание диктатуры пролетариата. Отсюда вытекает их отношение к капитализму, к развитию производительных сил, которые стихийно, без социальных и политических катаклизмов развиваются к социализму.

Меньшевистский акцент всей исторической схемы Н. Рожкова особенно становится ясен в вопросах новейшей истории и истории революции. Здесь Н. Рожков явным образом «натягивает» историю на аршин меньшевистской политики, извращая роль классов и освещая развитие капитализма таким образом, чтобы ссылкой на экономику доказать невозможность социалистической революции России. Для этого нужно было сочинить «теорию» о культурном капитализме, наличие которого является об'ективным свидетельством зрелости страны для социалистической революции. Об'ективный смысл Февральской и Октябрьской революций сводится Н. Рожковым к расчистке путей для свободного развития «культурного капитализма». Так как Февральская революция не разрешила этой задачи, то доведение ее до конца, по мнению Н. Рожкова, выпало на долю Октябрьской революции. При этом был совершен некоторый заскок к социализму, но основное содержание Октябрьской революции—буржуазное. По мнению Н. Рожкова, Октябрьская революция и гражданская война нанесли решительный удар не капитализму, а только царизму, «старому режиму», который был «сокрушен не в феврале и марте 1917 г., а в октябре и во время гражданской войны 1919—1920 гг.». Н. Рожков совершенно упускает, что гражданскую войну пролетариат России вел не только против реставрации феодальной земельной собственности, но и против реставрации капитализма. «Новая экономическая политика советской власти — это уступка пролетариата не только крестьянству, но и городской демократии»,— читай буржуазии. Экономический строй Советской России он характеризует как госкапитализм с примесью «капитализма частного». Экономический анализ находится в полном соответствии с пониманием характера революции.

Экономическое строительство на базе новой экономической политики он рассматривает не как строительство социализма путем преодоления капиталистических элементов, а как сотрудничество государства с буржуазией, которой «суждена важная культурная роль содействия развитию производительных сил». Поэтому, по мнению Н. Рожкова, «советская власть обязана в свою очередь построить для буржуазии, так настроенной, золотой мост для перехода к стойкой поддержке именно этой власти. Надо производительную буржуазию не третировать en canaille, не ставить ее вне закона и обеспечить ей в случае экспроприации государством действительно хорошо поставленных производственных предприятий выкуп и даже ренту»[3]. Как видим, Н. Рожков развертывает кулацкую капиталистическую программу открытого реставрирования капитализма. Советская власть должна заручиться «стойкой» поддержкой новой производственной буржуазии. Естественно, тогда от диктатуры пролетариата ничего не останется. Советское

---

[1] «Ученые записки», т. V, с. 122—123.
[2] Там же.
[3] Ученые записки, т. V, с. 123—124, статья Н. Степанова.

государство превратится в форму классового господства новой буржуазии. Меньшевик Н. Рожков развивает чисто устряловскую политическую программу, по которой советы должны остаться лишь вывеской для нового культурного капитализма.

Поэтому, даже с оговорками и «поправками» изучать историю революций 1905—1917 гг. по Рожкову нельзя, ибо он является проводником не пролетарской, а буржуазно-капиталистической идеологии. Поэтому новое переиздание 12-томной истории России является положительно вредным делом.

* * *

Вся историческая схема и периодизация истории Н. Рожкова не являются марксистскими. Н. Рожков является более или менее последовательным экономическим материалистом. Он придавал «экономическому фактору» решающую роль в историческом процессе.

У его предшественников Щапова и Ключевского мы находим уже элементы материализма, но в еще более несовершенной и неразработанной форме.

Рожков продолжает их традиции в деле материалистического об'яснения истории; эту работу он выполняет гораздо смелее, совершеннее и научнее своих предшественников, потому что признает классовую борьбу. Его мировоззрение складывается под влиянием теории Маркса и в обстановке ожесточеннейшей классовой борьбы пролетариата и крестьянства. На примере борьбы с царизмом он видел, что основной движущей силой, толкавшей классы на борьбу, является экономическая необходимость, и поэтому не мог не усвоить этого. Однако признать классовую борьбу против крепостничества еще не значит быть марксистом. Н. Рожков, будучи мелкобуржуазным революционером-демократом, примкнул к пролетариату потому, что видел в нем решающую силу в борьбе с царизмом.

Первый решительный поворот событий (столыпинщина) показал, что он плохо понял марксизм, что он является больше демократом, чем социалистом. Мелкобуржуазное происхождение и, вероятно, профессорское положение сделали из него проводника буржуазных настроений в рабочий класс. Последовавшее после поражения революции дальнейшее оформление оппортунистических, мелкобуржуазных элементов окончательно захватило с собой и Н. Рожкова. Долголетняя принадлежность к меньшевизму наложила явный отпечаток на его научные труды, особенно на 12-томную «Историю России», в которой автор сводит в стройную систему свои исторические взгляды. Эта схема не является марксистско-ленинской. Основной ее порок — недиалектичность и отсутствие выдержанной материалистической точки зрения. А политический акцент, проводимый автором особенно заметно в последних томах (X, XI и XII), делает рожковскую историю совершенно неприемлемой для советского читателя и положительно вредной.

Историческая концепция Н. Рожкова—продукт своего времени и обстоятельств. Она не является фундаментом марксистско-ленинской концепции русской истории. В этом отношении приоритет бесспорно принадлежит М. Н. Покровскому. Но многочисленные научные труды Н. Рожкова по социально-экономической истории являются необходимым пособием и теперь в деле марксистской разработки отдельных проблем истории. Поэтому и теперь, отбрасывая его общую схему, преодолевая его слабые места, мы найдем в его огромном научном наследстве многое, что может принести пользу марксистской исторической науке. Безусловно неприемлемым является Н. Рожков как историк революционного движения в России и историк революций. Но его исследования о развитии крепостного хозяйства, о происхождении торгового капитала в России и образовании само-

державия являются вкладом в историческую науку. Поэтому мы не можем приветствовать 2-е издание 12-томной «Истории России», по которой нельзя современной молодежи изучать русскую историю, но считаем, что гораздо полезнее было бы издать в нескольких томах лишь избранные сочинения, не утратившие свое значение для науки до сих пор. Мы не хотим связывать всю совокупность исторических взглядов Н. Рожкова с какой-либо одной прослойкой интеллигенции (учителя, врачи и т. д.). Едва ли это было бы верно. Н. Рожков довольно типичный представитель не только «дотехнической интеллигенции», но широких слоев мелкой буржуазии, активно боровшейся вместе с пролетариатом против царизма, но отстававшей от него по мере того, как все острее развивалась борьба между капиталом и трудом.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

И. Звавич

ОБЗОР АНГЛИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

Интерес к экономической истории, как к специальной отрасли исторического знания, вызвал появление в Англии двух специальных журналов, посвященных вопросам истории хозяйства. В нашем предшествующем обзоре мы отмечали первый номер журнала «Economic History Review»» и указывали, что этот ежегодный журнал английского общества экономической истории является, по существу, лучшим из всех английских исторических журналов. Появившиеся с тех пор два выпуска журнала (за 1928 и 1929 гг.) вполне оправдывают такого рода мнение. На общем фоне английских исторических журналов, уделяющих мало места общим и актуальным вопросам истории, «Economic History Review» заметно выделяется, как подбором материала, так и характером рассмотрения исторических проблем.

Достоинством «Economic History Review» является также привлечение к работе в журнале иностранных, а не только английских ученых. Статьи, помещаемые в «Economic History Review», делятся на 2 категории: это обычно или обширные обзоры историографии в какой-либо области исторического знания, или обширные авторефераты крупных работ по экономической истории, представляющие несомненный интерес. «Economic History Review»—лучшее, что в настоящее время имеется в английской периодической литературе, посвященной вопросам истории, и требует к себе внимательного отношения со стороны русского читателя, которому, к сожалению, номера этого журнала часто недоступны, так как журнал не поступает в наиболее важные книгохранилища Москвы.

Другой из рассматриваемых нами журналов «Economic History Journal», три номера которого мы рассмотрим ниже, по своему характеру отличается от «Economic History Review». Этот журнал, представляющий собою приложение к известному экономическому журналу английского экономического общества, уделяет на своих страницах внимание преимущественно чисто специальным вопросам истории хозяйства. Обычно, помещаемые в этом журнале статьи отличаются детальностью, кропотливым и тщательным рассмотрением мелких фактов, без всякой методологической установки. Авторы статей в большинстве своем не историки, а экономисты.

Знаменательным для английской историографии фактом следует считать то, что в обоих рассматриваемых нами журналах уделяется внимание вопросам теории. Но поскольку для английских буржуазных историков вопросы методологии и теории все еще остаются чуждыми, поскольку на берегах Темзы, Изис, Кэма и Клайда историки все еще испытывают суеверный страх перед привнесением в историческую науку не только марксизма, но даже буржуазной социологии, статьи, посвященные теории и в «Economic History Review» и в «Economic History Journal», написаны иностранцами: в «Economic History Review» Вернер Зомбарт написал статью под заглавием «Экономическая теория и экономическая история», а в «Economic History Journal» шведский историк Гекшер, известный своей работой о континентальной блокаде, выступил со статьей «О необходимости теоретических знаний при изучении экономической истории».

Одно «революционное» положение, выставляемое Зомбартом и Гекшером, усвоено у нас всеми, кто только еще приступает к занятиям историей, и едва ли не лучшим свидетельством о глубоком кризисе западной исторической науки может служить то, что такое требование, да еще в революционной форме, Англии все еще необходимо. И Зомбарт, и Гекшер требуют от историка, интересующегося вопросами экономической истории, знакомства с экономической теорией. «Одна лишь техническая выучка еще не делает исследователя историком, пишет Зомбарт. Если техническая выучка остается его единственным достижением, на долю такого «историка» выпадает лишь выполнение предварительной, черновой работы. Только теоретическая подготовка создает настоящего историка. Теория является предварительным требованием научных занятий историей». Перебирая представителей исторической науки за последние 50—75 лет, Зомбарт приходит к убеждению, что у них отсутствовала четкая теоретическая установка; Зомбарт называет известную работу Роджерса «История сельского хозяйства и цен» лишь «комментарием к собранным автором статистическим данным, комментарием, полным технических указаний, и не более того». Другие работы, подобно трудам Маурера, Эшли, Кеннингэма и Левассера, свидетельствуют о том, что авторы их смешивают экономическую историю с историей права или учреждений, или, наконец, с историей экономической политики. Основной причиной такого состояния экономической истории Зомбарт считает тот факт, что экономическая теория до сих пор мало давала историкам в области теоретических построений науки об обществе; экономическая теория и ее категории не удовлетворяли основному требованию: установлению основных черт, характерных для каждого данного комплекса экономических условий. Зомбарт, конечно, ни слова не говорит о марксизме и о марксистской теории общественных формаций; все попытки установления «стадий» общественного развития, сделанные историками хозяйства, он считает неудавшимися, так как эти попытки не удовлетворяют требованиям теории. Отметим, что Зомбарт категорически отмежевывается от теории Бюхера, основанной на длине пути, проходимого товаром в процессе обмена. Вместо теории Бюхера и прочих более ранних или поздних теорий Зомбарт предлагает собственную классификацию, знакомую читателям новейшего издания «Совр. капитализма». На этой классификации обнаруживается, что, поставив правильно диагноз о полной теоретической несостоятельности буржуазной исторической науки в области теории, Зомбарт менее чем кто-либо в состоянии изобрести универсальный рецепт для излечения болезни. Зомбарт устанавливает наличие в хозяйственной жизни «экономических систем», под которыми он понимает «способ удовлетворения хозяйственых потребностей, который может быть рассматриваем как нечто единое, и в пределах которого каждый составной элемент хозяйственного процесса отличается особой характерной чертой». Влияние марксизма в данном определении несомненно, и уже неоднократно отмечалось критиками Зомбарта. Заслуживает быть отмеченным также особое влияние теории предельной полезности: Зомбарт ориентируется на потребление, а не на производство; в этом залог эклектичности его теории. Составными элементами каждой «экономической системы» Зомбарт считает: 1) хозяйственный дух—общую сумму целей, мотивов и принципов, определяющих поведение людей в хозяйственной области; 2) методы экономической организации, отображающие формы экономической жизни; 3) характер технических приспособлений, участвующих в производстве. Для теории Зомбарта самым характерным является заявление, что вариации каждого составного элемента хозяйственной жизни логически и исторически ограничены; поэтому ограничена и сумма этих вариаций, т. е. ограничено число «экономических систем». Зомбарт

дает далее своеобразный подбор возможных вариаций указанных им составных элементов.

1. Хозяйственный дух: а) принцип удовлетворения натуральных потребностей — принцип денежной прибыли; б) традиционализм — рационализм; в) солидарность — индивидуализм.

2. Организация экономической жизни: а) ограничение—свобода; б) частное предприятие — общественное владение средствами производства; в) демократия — аристократия; г) единство связей — слабость связей системы; д) производство для потребления — производство на рынок; е) индивидуальное предприятие — социалистическое предприятие.

3) Технические методы: а) эмпирические—научные; б) неподвижность техники — революционность техники; в) органические — механические методы.

«Экономическая система» Зомбарта, представленная выше, производит впечатление жалкого эклектизма, в котором в одну кучу свалено все, что угодно. Зомбарт мыслит логическими, абстрактными категориями, противопоставляя их друг другу, что допустимо, быть-может, для мистика, подобного Шпенглеру, также оперирующему подобными «двойцами», но не для историка хозяйства.

Другой теоретик Гекшер («Economic History Journal», № 4) не претендует на создание собственной теории. Гекшер исходит из того основного положения, что для понимания всех периодов истории человечества, всех человеческих обществ достаточно единой экономической теории, так как в хозяйственной жизни народов более, чем в какой-либо другой области, существуют некоторые постоянные факторы, а именно: «недостаточность ресурсов для удовлетворения общих потребностей человека». Основным понятием экономической теории, применимым, по мнению Гекшера, во все времена и ко всем народам, является отношение между потребностями и средствами их удовлетворения, между спросом и предложением. Такое единство «экономической проблемы» у Гекшера естественно ведет к другому, параллельному утверждению: «хозяйственная жизнь, как и вообще человеческая история, не изменяется от одной логической системы отношений к другой, а, напротив того, непрерывно изменяется во времени и пространстве... Создание твердых границ между отдельными периодами является поэтому весьма неудачным...».

По сравнению с Гекшером, Зомбарт при всем его эклектизме оказывается своего рода революционером. Гекшер отрицает какое-либо качественное изменение в жизни общества; он борется с революцией методом отрицания всяких революций; он призывает к занятию теорией своеобразным путем отрицания всяких теорий развития. Но у Гекшера вдруг прорываются «теоретические» построения, напоминающие построения небезызвестного Питирима Сорокина; Гекшер делит историю на периоды «обилия» и «редкости» товаров, периоды, которым соответствуют «любовь» и «страх» к товарам. Это «новое слово» в науке напоминает читателю библейские мотивы: семь «тощих» лет и семь лет сытости чередовались еще в библейской «экономической теории».

Статьи Гекшера и Зомбарта, этих «варягов», приглашенных со стороны для ознакомления английских историков с вопросами теории и методологии, поражают крайней бедностью теоретических построений. Оставим их и перейдем к работам, посвященным конкретной истории.

Древней истории крайне не посчастливилось в рассматриваемых номерах английских исторических журналов; ей посвящена лишь обширная рецензия Гитланда (автора книги «Агрикола» по аграрной истории Римской империи) о книге Франка, американского историка Рима («Economic History Journal», № 2).

Зато ряд ценных статей посвящен средневековой истории. Едва ли не наиболее интересной является статья Постана в № 2 «Economic History Review»—«Кредит в средневековой торговле». Отрицание кредитных операций в средневековой торговле является, по мнению Постана, результатом теоретических построений и схем, подобных схемам Бюхера и Гильдебранта: поскольку кредит является характерной чертой современной экономики, составители такого рода исторических схем отрицали его в прошлом, т. е. и в средние века. Постан дает систематическое описание форм кредита в последние столетия средних веков, прибегая для этого к материалам преимущественно английской внешней торговли XIV—XV столетий; им использованы архивы и имеющиеся печатные источники. Размеры кредита остаются в значительной мере необследованными. Большим недостатком работы Постана является то, что, погруженный в рассмотрение специфических форм кредита, присущих средневековой торговле, автор не уделил достаточного внимания экономическому содержанию этих форм, не показал, какую роль играл кредит в создании торгового капитала, в какой мере кредит разлагал феодальное хозяйство.

В статье «Место Нидерландов в экономической истории средневековой Европы» известный бельгийский историк Пиренн («Economic History Review», № 3) устанавливает, что Нидерланды служили в средние века средоточием международного обмена. Разрушение экономической жизни Нидерландов приходится не столько на период франкской оккупации в V столетии, сколько на период норманнских набегов конца IX и начала X столетий. Однако, уже начало XI столетия характеризовалось возрождением торговли в Северной Европе, в которой нидерландским торговцам довелось принять значительное участие; основной формой этого участия было выступление торговых ассоциаций, наличие групповой и караванной торговли. С начала XII столетия Нидерланды становятся основным рынком сбыта товаров севера и юга Европы, центром обмена между Италией, с одной стороны, и Англией, скандинавскими странами, городами Руси, землей тевтонского ордена—с другой. Развитие торговли Нидерландов было тесно связано с развитием промышленности, в первую очередь, шерстяной, посудной и металлической: отсюда раннее развитие городской жизни. Развитие южных Нидерландов—Бельгии—далеко опередило развитие северной части страны—современной Голландии, которое начинается лишь в XV веке, в послебургундский период. Пиренн недостаточно останавливается на причинах, способствовавших постепенному увяданию Брюгге и росту Антверпена; он считает, что эти причины лежали, главным образом, в плоскости экономической политики. Преобладание Антверпена по мнению автора об'ясняется системой свободной торговли. Это последнее положение нуждается в исторической критике.

В том же третьем номере «Economic History Review», помещен очень интересный обзор японского историка К. Асакава—«Сельское хозяйство в японской истории». Автор указывает на специфические черты японского сельского хозяйства: отсутствие скотоводства, рисосеяние, мелкое землевладение и мелкое хозяйство. Японский феодализм характеризуется отсутствием барского домэна. Японский крестьянин был неизмеримо более свободным в распоряжении своим держанием, нежели его западно-европейский собрат эпохи Каролингов. Автор считает, что развитие прекарного держания—«Shiki»—в Японии было значительно бóльшим, чем в Западной Европе. Закрепощение крестьян и придание крестьянской общине («mura») административных функций является результатом исторического процесса XV—XVI веков.

Во втором номере «Economic History Journal» помещен весьма важный для интересующихся английской аграрной историей очерк В. Бевериджа: «Урожай-

ность и цены на зерно в средние века». Автор сопоставил результаты исследования урожайности зерна по ряду маноров с XIII по XV столетие и пришел к выводу, что теория истощения почвы к концу средних веков является неоправданной по отношению к английской аграрной истории. Может итти лишь речь об изменении способов посева: в XV столетии применяется более редкий посев пшеницы и овса на акр. Урожайность на посеянную единицу зерна возрастает по всем трем основным культурам (пшеница, ячмень, овес), урожайность на акр растет, главным образом, по ячменю. Беверидж отмечает, что наиболее значительный рост цен приходится на вторую половину XIII столетия; в первой половине XV столетия цены падают. Беверидж выражает сомнения в справедливости теории Роджерса о «золотом веке» английских рабочих в XV веке, но его работа не содержит, по его собственному указанию, достаточного материала для опровержения этой теории.

Беверидж использовал для данной работы материалы манориальной отчетности маноров Винчестерского аббатства. В кратком очерке в третьем номере «Economic History Review» им приведены основные данные для характеристики и датировки этих материалов. К сожалению, материалы маноров Винчестерского аббатства доступны далеко не всем исследователям, работающим в области английской аграрной истории, даже в самой Англии; поэтому следует надеяться, что Беверидж будет способствовать их напечатанию.

В статье «Испольничество в Италии» проф. Гэнкок рассматривает вопрос об эволюции крестьянской аренды в Италии с XIV столетия до наших дней («Economic History Journal», № 3). Рассмотрение вопроса остается по необходимости весьма общим, но статья проф. Гэнкока принадлежит все же к числу лучших в этом журнале. Особенностью испольничества в Италии является техническое руководство помещика, остающееся вплоть до наших дней. Испольничество является своеобразной формой эксплоатации земли, при которой сельскохозяйственный рабочий наделен землей, но не является ее распорядителем; испольничество занимает промежуточное место между арендой и наемным трудом. Интересны бытовые подробности, сообщаемые автором: характерные пословицы и поговорки. Недостатком статьи является ее чрезмерная схематичность и отсутствие динамического рассмотрения исторического процесса.

В статье Пэджа: «Bidentes Hoylandiae» в четвертом номере «Economic History Journal» содержатся данные об овцеводстве на группе маноров во второй половине XIII и начале XIV веков. Комментарии автора к этим данным явно недостаточны. Развитие овцеводства на рассматриваемых манорах весьма значительно; два обстоятельства бросаются в глаза при рассмотрении приведенных Пэджем данных: единство организации по группе маноров, дающей значительный денежный доход, и значительные потери от болезней скота.

Главная масса статей относится к новой и новейшей экономической истории.

Г. Кларк в статье «Военная торговля и торговая война 1701—1713 гг.» («Economic History Review», № 2) рассматривает экономическую политику Англии и Голландии во время войны за испанское наследство. Англия пыталась заставить Голландию прекратить торговые сношения с Францией, но эти попытки были обречены на неудачу. Кларк устанавливает наличие значительной торговой конкуренции между союзниками в войне за испанское наследство. Кларк останавливается далее на правительственной организации содействия контрабанде. В том же номере проф. Денгэм в статье «Развитие хлопчатобумажной промышленности во Франции и англо-французский торговый договор 1860 г.» пытается установить, что последствия торгового договора отнюдь не были невыгодными для Франции, и

что в торговом договоре не было угрозы развитию французской хлопчатобумажной промышленности. В злоключениях этой отрасли французской промышленности виновна скорее гражданская война в Соед. Штатах и предшествовавший войне общий кризис сбыта хлопчатобумажных изделий («Economic History Review», № 2). Ту же точку зрения развивает автор в другой статье («Economic History Journal», № 2), под заглавием «Правительственное содействие промышленности во французском экономическом законодательстве 1860 г.». Денгэм указывает, что торговый договор 1860 г. не был случайным проявлением самодержавной воли Наполеона III, а частью общего плана, разработанного экономистом Шевалье о правительственном содействии повышению технического уровня французской промышленности.

Для историков рабочего движения в Англии представляет интерес статья Племмера: «Место Бр. О'Брайена в рабочем движении» («Economic History Review», № 3). Автор рассматривает О'Брайена, как главного проводника идей французской революции в Англии, сторонника Робеспьера, Бабефа и Буонаротти. Автор отмечает борьбу О'Брайена против «экономического фатализма», господствовавшего в общественной мысли тридцатых и сороковых годов прошлого столетия в Англии. Борьба О'Брайена против агитации промышленников за отмену хлебных законов обнаруживает в О'Брайене ясное понимание особых интересов рабочего класса. Тот же Племмер в статье во втором номере «Economic History Journal» рассматривает вопрос о «всеобщей стачке в течение ста лет». Заглавие статьи не соответствует ее содержанию, так как автор рассматривает лишь попытки всеобщей стачки в тридцатых годах в Англии. Племмер считает возможным установить контраст между планом стачки 1839 г. и всеобщей забастовкой 1926 г.: последняя преследовала экономические цели, первая—исключительно цели политические. Племмер пытается предсказать те факторы, от которых будет зависеть осуществление всеобщей стачки в будущем, но не возвышается в данном случае над мещанским миросозерцанием; он говорит о национальном темпераменте, как одном из определяющих стачки факторов. Д. Джордж в статье о законах против об'единений 1799—1800 гг. («Economic History Journal», № 2), пытается установить, критикуя работы Веббов, что эти законы не внесли ничего нового в решения судов по рабочему вопросу и что, в общем, применение общего права к рабочим об'единениям было более суровым, чем применение указанных специальных законов. Джордж не рассматривает эти законы как проявление «духа времени», т. е. не пытается сопоставить их с французским законодательством и с рабочим движением в самой Англии. Поэтому основной тезис статьи остается недоказанным; наличие специальных законов 1799—1800 гг. обращало внимание предпринимателей на возможность использовать аппарат права против рабочих в их борьбе за улучшение условий труда. В очень интересной статье об «Изменениях в питании сельскохозяйственных рабочих за два столетия» Г. Фесселля в том же номере журнала, мы находим подсчет основных предметов питания сельскохозяйственных рабочих в течение двух столетий—с начала XVIII до начала XX века. Автор приходит к убеждению, что изменение к лучшему незначительно; технический прогресс мало затронул условия питания сельскохозяйственных рабочих Англии. Основным изменением является введение картофеля; количество сахара и разнообразящих пищу элементов (варенье, чай, кофе и т. п.) остается до сего времени крайне незначительным. Вопрос об обнищании рабочего класса должен рассматриваться в связи с историческим рассмотрением рабочих бюджетов; в этом отношении сделано до сих пор очень мало.

Т. Эштон, известный своей работой о железной и стальной промышленности в Англии накануне промышленного переворота, в третьем номере «Economic History Journal», выступил со статьей, посвященной углекопам XVIII века. Кре-

постничество в угольных копях Англии в XVI - XVIII веках еще ждет своего исследователя. Данные, приводимые Эштоном, свидетельствуют о том, что крепостничество сменилось лучшими условиями труда лишь в связи с промышленным переворотом. В начале XIX века условия труда на угольных копях были лучше, чем во многих других отраслях промышленности; заработная плата семьи была довольно высока, благодаря привлечению к работе в копях малолетних детей углекопов.

По общей экономической истории и истории промышленности в рассматриваемых журналах также имеется несколько ценных статей. Небольшая статья Сэ дает представление о значении интендантских мемуаров 1698 г., как источника по экономической истории («Economic History Review», № 2). Многие из этих мемуаров напечатаны, и поэтому их использование представляет особый интерес для историков, находящихся вне Франции и отрезанных от французских архивов. В. Блэдэн в статье «Ассоциация горшечных фабрикантов 1784—86 гг.» («Economic History Journal», № 3), рассматривает раннюю попытку об'единения промышленников для парламентских выступлений и влияние новых отраслей промышленности, выросших вследствие промышленного переворота, в экономической политике Англии. Г. Аллен в статье «Методы промышленной организации в центральной Англии 1860—1927 гг.» («Economic History Journal», № 4), устанавливает характер зарождения крупной промышленности и ее развития в районе Бирмингама. Зарождению крупной промышленности содействовали технические изменения, как-то: открытие бессемеровской стали и газового двигателя, а также улучшение транспорта, иностранная конкуренция. Изменение типа промышленной организации происходило обычно после крупных экономических потрясений, когда неустойчивость мелкой промышленности проявлялась особенно резко. Такими крупными потрясениями были великая депрессия (1875—1887 гг.), в начале рассматриваемого автором периода, и мировая война в конце того же периода (1914—18 гг.).

Особое место в журнале «Economic History Review» занимают обзоры, каждый из которых имеет значительную ценность для занимающихся экономической историей. Проф. Косминский в № 2 «Economic History Review» дал исчерпывающий обзор русских работ по английской экономической истории, сопоставив появление этих работ с общими условиями развития русской историографии. Профессор Бродниц дал в том же номере обширную библиграфию работ по экономической истории Германии. Библиография Бродница охватывает 1900—1927 гг. и является единственной в своем роде. Весьма интересен также обзор Мореланда о работах по экономической истории Индии в третьем номере того же журнала.

В «Economic History Review» прекрасно поставлен отдел библиографии, в котором приводятся списки книг и статей по экономической истории Англии, САСШ и Франции за данный год. В «Economic History Journal» отдел библиографии отсутствует.

А. Васютинский

ИЗ ИТАЛЬЯНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

(«NUOVA RIVISTA STORICA» 1928, ff. I, II, III, IV, V—VI).

Как приходилось уже говорить, несмотря на ничтожное количество получаемых у нас итальянских исторических журналов, достаточно русскому читателю внимательно присмотреться к содержанию «Нового исторического обозрения», издаваемого проф. Коррадо Барбагалло, чтобы перед ним ярко обрисовалась характерная продукция итальянской исторической науки под пятой фашистской диктатуры.

Первое место среди вопросов, изучаемых историками, занимает, конечно, эпоха развития «итальянского духа», «итальянизма» («italianità), история об'единения Италии. И тут характерны дебаты, поднятые около вопроса, кто более всего способствовал рождению этого «итальянского духа», кто был наилучшим итальянским патриотом. Уже с 1926 г. тянется горячий спор между Антонио Монти и Боллеа. Последний упрекает ломбардцев в том, что они виновны в провале итальянской революции 1848 г., ибо вяло и слабо отозвались на призыв Карла Альберта. Теперь Этторе Рота в статье «Об участии ломбардцев в войне 1848 г.: проблема добровольчества» (Ettore Rota. Del contributo dei Lombardi alla guerra del 1848: il problema del volontarismo, «N. R. S.», f. I) на основании документов и солидной литературы пытается ликвидировать эту распрю, доказывая, что вина лежит на самом пьемонтском правительстве, которое боялось республиканских тенденций ломбардских волонтеров, боялось и вообще народного движения; вскрываются попутно и другие причины подавления итальянской революции—ошибочные и неумелые тактика и стратегия пьемонтского дворянства, захватившего гегемонию в борьбе с Австрией.

Витторио Адами в своей статье «О французской интервенции в Италии в 1848 г.» (Vittorio Adami. Dell'intervento francese in Italia nel 1848; f. 2) по новым документам освещает темные страницы истории отношений между временным правительством второй французской республики, с одной стороны, Карлом Альбертом Сардинским и временным правительством Милана, с другой стороны. Попытка французской буржуазии (Ламартин) вмешаться в австро-итальянскую войну и выступить на защиту итальянской революции сперва была отклонена и сардинским дворянством и ломбардской буржуазией, которые боялись получить вместо старого австрийского ига новое французское, впоследствии же, когда итальянцы домогались сами интервенции французской буржуазии, вожди ее (Э. Кавеньяк, Бастид и др.) заняли осторожную и выжидательную позицию, опасаясь и внешних осложнений и внутренних, ввиду резко определившегося враждебного отношения к французскому временному правительству французского пролетариата. Если факты, излагаемые Рота и Адами, дают нам, таким образом, полную возможность интерпретировать их с точки зрения истории классовой борьбы, то вовсе никчемной представляется громоздкая и растянутая статья Доменико Петрини (Domenico Petrini. Tra ilegitimisti, dell'800—negli ultimi anni del Principe Canosa, «N. R. S.», f. V—VI). Тягуче и словоохотливо описывает он малоинтересные личные переживания и дружеские отношения итальянских реакционеров 20-х и 30-х годов XIX века.

Много интересного материала мог бы дать Феррари в своей статье «Факты и образы третьей Италии: трансформизм—1881—92». (Aldo Ferrari. Fatti e figure della terza Italia. Il Transformismo—1881—92; f. IV), но он ограничивается лишь внешней стороной политической истории эпохи буржуазных министерств Депретиса, Франческо Криспи и маркиза ди Рудини; экономическому развитию Италии уделено в буквальном смысле 12 строчек, рабочему вопросу—2 беглых странички из 27, зато столько же католическому социализму!

Приличную сводку обширного материала по истории реформы школьного и университетского образования в Италии после ликвидации ордена иезуитов дает Бальдо Перони (Baldo Peroni. La politica scolastica dei principi riformatori in Italia, f. III). Автор ограничивается, правда, одной идеологической стороной, но зато дает весьма ценную библиографию этого мало исследованного вопроса политики просвещенного абсолютизма в Италии—6 страниц мелкого, убористого текста.

Вообще итальянский историк чувствует себя тем более свободным, чем больше удаляется вглубь от современности.

Так, Джузеппина Сасси со вкусом подробно рассказывает о шантажисте-гуманисте Пьетро Аретино, ловко вымогавшем денежки у знатных современников, держа их под

страхом гнусной инвективы (Giuseppina Sassi, Figure e figuri del Cinquecento: Pietro Aretino, Vittoria Colonna e il marchese del Vasto, f. V—VI).

Франческо Ландонья повествует о том, как в XIV веке при поддержке лукканской буржуазии король-авантюрист Иоанн Чешский с сыном едва не успели достигнуть об'единения ряда городских республик Северной Италии в единое сильное государство (Francesco Landogna. Giovanni di Boëmia e Carlo IVdi Lussemburgo, f. I). Но ни экономика эпохи, ни международная кон'юнктура нимало не вскрыты. Автор довольствуется пересказом фактов, хотя в его распоряжении имеется богатая литература и новооткрытые документы (они приложены к статье и дают солидный материал для исторического анализа). Тем же повествовательным характером отличается и статья Карло Ростан «Христианство четвертого века: первое обращение к светской власти» (Carlo Rostan. Il Cristianesimo nel IV secolo: il primo appelo al braccio secolare, f. IV). На основании работ немецких историков церкви автор дает общую картину религиозных течений в римском обществе IV века, не вносящую ничего нового, и затем излагает подробно содержание сочинений христианского апологета Фирмика Матерна, его своеобразную критику римского политеизма и призыв к выступлению государственной власти против политеистических культов.

Сам редактор Коррадо Барбагалло, естественно, является деятельнейшим сотрудником журнала. Его перу принадлежит начало статьи «Античное и современное хозяйство» (Corrado Barbagallo. Economia antica e moderna, f. V—VI). Он подвергает ревизии и критике взгляды Карла Бюхера на экономическое развитие древнего мира, попутно делая враждебные выпады против авторов Коммунистического манифеста. Несмотря на эрудицию Барбагалло и большой полемический задор, он мало вносит нового сравнительно с Эдуардом Мейером. Для окончательной критики его суждений подождем окончания статьи.

Особое место занимает статья по исторической методологии. Марио Гови пытается раскрыть «об'ект и задачу истории» (Mario Govi, L'oggetto e il compito della storia, f. III). Шаблонно-академическая точка зрения автора, представителя старой буржуазной теории прогресса, не представляет ничего нового. Даже литература предмета недостаточно использована. К марксистской интерпретации истории, вполне понятно, отношение враждебное.

Столь же избитые положения об интуиции при историческом анализе, о значении гипотезы при реконструкции исторических фактов повторяет Джованни Патрони в фельетонной статейке «Наблюдение и фантазия в естественных и моральных науках» (Giovanni Patroni, Osservazione e fantasia nelle scienze naturali e morali, f. III). Автор не ушел далее книги Бернгейма и работы Тэна «О Тите Ливии».

Как ни пусты эти статьи, они все же произвели некоторое движение в итальянском академическом мирке. Так, проф. А. Киапелли возражает против безграничной веры в прогресс и естественную эволюцию (A. Chiappelli, N progresso nella storia; f. V—VI); Ф. д'Антонио утверждает, что история есть искусство (Ferdinando d'Antonio, La storia e scienza, f. V—V).

Но самой показательной для диагноза состояния итальянской исторической мысли является, конечно, статья покойного генерала Филарети «Идеалы и интересы во время французской революции» (Generale Filareti, Idealità e interressi nella Rivoluzione Francese, f. V—VI). Заклятый реакционер генерал-историк доказывает, что французская революция уклонилась от нормального развития и пошла по ложной дороге после 1791 г. Идеология революции, по его мнению, складывается из негативных и позитивных сил; представителями первых были Вольтер и энциклопедисты, вторых—Руссо и пионеры его направления, Ламеттри, Гельвеций, Гольбах, Мабли. Статья преисполнена и фактических ошибок, и диких противоречий. Критикуя идеи Руссо, автор в то же

время полагает, что симпатичный ему первый период революции осуществил программу Руссо (!!) и в то же время идеи и общественный порядок, намеченные уже мыслителями итальянского возрождения. Филарети смутно представляет себе существование какой-то связи между идеологией и интересами, но последние он мыслит лишь как погоню за властью для достижения личных целей. Народ, по его мнению, способен лишь разрушать и непреложно или склоняется к анархии, или подчиняется своекорыстным «вожакам». Вообще нация управляется кучкой высших людей, создающих ценности. Громадное же большинство, хотя и ученых и образованных людей,—стадо. Но теории—лишь пустая видимость, основа—борьба партий за власть.

Дальше в этой злобной фашистской белиберде, повидимому, итти некуда. Но безграмотный фашист продолжает поучать своих слушателей (статья представляет вступительную лекцию генерала-фашиста в одном римском высшем учебном заведении), что последний период революции—«бестиальный», а термидор порожден смелостью низости и отчаяния и представляет «восстание инстинкта социального самосохранения». Закон гражданского общества—солидарность существ («la solidarità tra gli esseri»). Робеспьер погиб, потому что покусился на этот закон.

Таков образчик работ фашистских историков, выдвигаемых Бенито Муссолини на кафедры истории,—смесь невежества, тупоумия и развязности.

Думается, что редактор поместил эту образцовую ерунду «по причинам дипломатическим», испугавшись сам последствий своей статьи о кризисе исторической науки в Италии (см. дальше), но, по прочтении этой образцовой фашистской галиматьи, ему стало конфузно, и он снабдил статью некоим послесловием, в котором робко выражает свое методологическое несогласие с некоторыми взглядами «почтенного» автора.

Естественно, что внимание итальянских историков, страха ради властей предержащих, переносится в область обзоров и рецензий. Но здесь благодарную тему представляют рассуждения о происхождении наименования гор. Милана (A. Colombo, A proposito delle origine del nome di Milano, ff. V—VI) или рьяная защита исконности «итальянского духа» на Адидже (Aldo Ferrari. La penetrazione tedesca nell'alto Adige, f. IV), или скрупулезные филологические разыскания в области легенды о святом Иосифе Аримафейском и святом Граале (Gn. Revel. Una folla di leggenda medievale. Giuseppe del Arimateo: San Gral, f. IV). Сравнительно большей содержательностью отличаются обзоры литературы по мировой войне: хотя авторы их и не высказывают оригинальных взглядов, но, по крайней мере, знакомят с содержанием выходящих трудов. Так, А. Торре (A. Torre) излагает содержание XI тома британского издания документов о происхождении войны (f. 1). Он же («Le origini della guerra mondiale», f. IV) сжато, но толково излагает основные тезисы книги американского историка Барнеса о происхождении войны («если Германия сделала войну возможной, Россия и Франция сделали ее неизбежной»,—H. Barnes. The genesis of the World War); содержание книги А. Лумброзо об экономических и дипломатических причинах мировой войны («если Извольский направлял, Пуанкаре следовал, то и тот и другой подчинялись верховному указанию Грея из Лондона»,—Alberto Lumbroso. Le origine economiche e diplomatiche della guerra mondiale); книгу Штиве, освещающую тайные ходы русской дипломатии в турецком вопросе (F. Stieve. Das russische Orangenbuch über den Kriegsausbruch mit der Türkei), наконец, здесь же мы найдем скандальные и нуждающиеся в тщательной проверке разоблачения Богичевича о салоникском процессе, имевшем место в июне 1917 г. Богичевич пытается поднять завесу, покрывающую сараевское убийство. Под предлогом покушения на Александра Карагеоргиевича с целью установления военной диктатуры был, уверяет Богичевич, инсценирован в Салониках процесс нескольких членов сербской военной организации «Единение или смерть»—иначе «Черная рука», организовавшей с ведома сербского правительства, русского военного атташе Артамонова, русского

посла в Сербии Гартвига и русского правительства сараевское убийство. Таким образом, всесильный диктатор Сербии Никола Пашич одним ударом избавился от неудобных свидетелей тайных переговоров с Германией в 1915 г. о свержении династии Карагеоргиевичей и возведении на сербский трон Мекленбургского принца (Bogitchevitch. Le procès de Salonique, juin 1917). Вопрос этот имеет весьма важное значение в связи с проблемой ответственности за начало мировой войны.

Сам редактор поместил отчет о VI международном историческом конгрессе. Рассыпаясь в похвалах представителям английской, немецкой, французской исторической науки, почтительно критикуя доклад бельгийского проф. Пирена, он спешит излить враждебную иронию по поводу марксистских выступлений русской делегации (Corrado Barbagallo. Il VI Congresso Storico Internazionale. f. V—VI).

Для внимательного читателя ясно теперь положение итальянской исторической науки. Стиснутый фашистской диктатурой, либеральный буржуазный историк принужден следовать правительственным указаниям или уходить в область античной истории, эпохи Возрождения, об'единения Италии, да и там он не чувствует себя в безопасности. Поэтому историк экономики Сегрэ спешит написать монографию о Викторе-Эммануиле I, проф. Вольпе печатает обширный курс по истории средних веков (Volpe. Il medio Evo.). Зато пышно процветают работы по археологии, истории искусства, филологические изыскания в области литературы. Клерикальные историки чувствуют себя привольно и вольготно. Так проф. Джемоло дарит публику томом по истории итальянского янсенизма перед революцией (Jemolo. Il Giansenismo in Italia prima della Rivoluzione). Два толстенных тома выпускает проф. Гамбаро о религиозной реформе по переписке монсиньора Рафаэля Ламбрускини (A. Gambaro. Riforma religiosa nel carteggio di Raffaello Lambruschini. 2 vv.); описывает средневековые религиозные братства Верхней и Средней Италии Монти (G. M. Monti. Le confranità medievali dell'alta e media Italia); без конца тянет огромную (уже около 2.000 с.) нудную, архиклерикальную и реакционную историю латинской христианской литературы У. Морикка (U. Moricca. Storia della letteratura latina cristiana, 2 vv.).

Как ни старается редактор Барбагалло изворачиваться под Дамокловым мечом фашистских репрессий, но и у него лопается терпение. Крайне любопытна поэтому его статья «Кризис исторических исследований» (La crisi degli studi storici, f. IV). Это, буквально, вопль человека, уставшего от своих дипломатических ухищрений и задыхающегося под гнетом фашистской цензуры. Ни о чем нельзя писать свободно,—горько жалуется автор. Попробуй уклониться от официальных взглядов,—тебе достанется так, как Альберто Лумброзо. Нельзя писать историю русской революции, не осыпая ругательствами «людей отверженных, без веры и без отечества». «Недреманное око» зорко следит за несчастным историком. Всюду раздаются окрики: «Смотрите за историками!» («Occhio agli storici!»). А католическая пресса еще подзуживает и улюлюкает.

Таково положение итальянской историографии, описываемое пером самого же итальянского историка. Правда, он сейчас же пугается своей смелости и в следующем номере журнала (V—VI) стремится загладить свое «дерзкое» выступление: здесь помещены и уже известная читателю статья генерала Филарети, и статья Д. Петрини о легитимистах, статейки об итальянском янсенизме, о католической истории христианской литературы, об Иосифе Аримафейском и святом Граале; тут же выругана русская делегация на VI международном историческом конгрессе, тут же помещено славословие кардинала Пио-Ченчи умершему клерикальному историку папства барону Лудвигу Пастору (Олару было уделено ранее всего несколько строк). Не поздно ли? Не попал ли проф. Барбагалло уже под действие того закона «о подозрительных», о котором он с содроганием говорит в своей статье о кризисе итальянской исторической науки?

РЕЦЕНЗИИ

BIBLIOGRAPHY OF BRITISH HISTORY. Stuart Period, 1603—1714. Issued under the direction of the Royal Historical Society and the American Historical Association. Edited by Godfrey Davies, Assistant-Professor in the University of Chicago. Oxford, Clarendon Press, 1928. pp. 8+459.

BIBLIOGRAPHY OF THE WRITINGS OF SIR CHARLES FIRTH, sometime regius professor of modern history in the University of Oxford. Oxford, Clarendon Press, 1928. pp IV+45.

Настоятельная необходимость в серьезных справочниках по английской истории XVII века ощущалась уже давно, и отсутствие их являлось серьезным пробелом в литературе предмета. Поэтому появление сразу двух работ на эту тему можно только приветствовать.

Первая из них по своему характеру представляет прямое продолжение классической книги Гросса «Sources and literature of English History to about 1485» и еще не вышедшей «Bibliography of Britich History: Tudor Period» под редакцией проф. Чейни. Вместе с указанными трудами ныне рецензируемая работа составит монументальное руководство для всякого, кто только занимается или интересуется историей Англии.

Ценность настоящего издания подтверждают имена его составителей, ибо помимо официального редактора Г. Дэвиса в нем приняли участие лучшие силы английской и американской исторической науки, как Чарльз Фёрс (в некоторых отношениях второй, негласный редактор книги), Виллиам Роберт Скотт (составитель отдела экономической истории) и ряд других не менее крупных ученых.

По содержанию своему книга распадается на 16 отделов, из которых особенно обширны военная и морская история, религиозное движение и история хозяйства. Особые главы посвящены Шотландии, Ирландии и Уэльсу, не мало места занимает местная история, колониальная политика, и даже таким специальным вопросам, как медицина и музыка XVII столетия, уделено достаточно внимания. Насколько широко задуман этот труд, видно из общего количества собранных здесь названий, доходящего почти до 4 тысяч (3 858); и, действительно, лишь немногие работы не нашли себе здесь места: все, что вышло по XVII веку на всех языках в течение трех слишком последних столетий, составители тщательно разыскали и заботливо собрали. Сверх того, каждому отделу или главе предпослано обычно краткое, но содержательное введение, дающее ряд ценных сведений не только справочного, но, отчасти, и методологического характера (например, глава об аграрной истории).

Внутри каждой главы литература правильно разделяется по двум основным рубрикам: с одной стороны, библиография и источники, с другой—позднейшие работы. Что очень важно, составители в этом отношении сумели избежать повторений и очень наглядно и четко представили литературу каждого предмета. Последняя подобрана крайне внимательно: отброшены все школьные учебники и чересчур грубые популяризации, оставлены только оригинальные исследования, либо ценные в методологическом или справочном отношении работы. Бесспорное достоинство представляют аннотации к перечисленным работам, где дается ряд полезных библиографических указаний, краткая характеристика и очень часто ссылки на книги, в самой библиографии специально не выделенные[1]. Наконец, при пользовании трудом Дэвиса большую помощь оказывает подробный индекс авторов и предметный указатель.

Из всего сказанного мы можем заключить, что разбираемый труд является несомненно, одним из лучших справочников по истории Англии XVII века, но все же здесь есть некоторые упущения, и их нельзя обойти молчанием. Мы говорили уже выше, что библиография заключает почти всю, за немногими ис-

---

[1] Таким образом общее количество названий на много превышает основную цифру—4 тысячи.

ключениями, литературу предмета; к сожалению, упущены книги, представляющие для нас особую важность,—книги, трактующие вопросы социальной борьбы и по своему научному достоинству весьма ценные. Так, например, не упомянуты: старая книга В. Ротшильда—«Der Gedanke der geschriebenen Verfassung in der grossen englichen Revolution» 1903, «История революций» Конради (хотя и не вполне выдержанная, но все же марксистская работа), недавнее исследование В. Коттлера—«Rätegedanke als Staatsgedanke in der grossen englischen Revolution» (Leipzig, 1925), в разделе о Мильтоне пропущен серьезный труд бордосского проф. Dénis Saurat—«Milton, man and thinker» (London. 1925).

Я не говорю уже о том, что вся русская литература о XVII веке совершенно игнорируется: нет не только новых работ, по своему миросозерцанию или марксистских, или приближающихся к ним (Пашуканис, Попов-Ленский). но даже старые работы, как С. Фортунатов «Представитель индепендентов Генри Вэн» или исследования А. Н. Савина по аграрной истории XVII века и ряд других работ, отсутствуют. Последнее обстоятельство выявляет определенную политическую тенденцию, ибо обо всех указанных работах можно было легко навести справки и получить необходимые сведения.

Существенные недостатки имеются в классификации всего материала. В данном отношении составители библиографии придерживались совершенно неправильного принципа распределения материала, в связи с чем у них к социальной истории отнесены такие вопросы, как кулинария, спорт, и в то же время сюда включена известная книга Беренса—«The Digger Movement»; работы о социальном реформаторе XVII века—Самюэле Гартлибе—попали в отдел воспитания, а «люди пятой монархии» значатся в главе о религии[1]. Кроме того, отделы. посвященные революционной борьбе, классовому антагонизму отдельных социальных групп, представлены очень слабо, и самая революционная сущность движений такого рода составителями искусно замазывается.

Все это придает книге тенденциозно-консервативный тон, лишает ее какой-бы то ни было об'ективности. В данном случае наглядно еще раз подтверждается всеобщее наступление антимарксистских сил на революционную, пролетарскую науку. Даже в таком безобидном вопросе, как библиография, сказывается реакционная классовая сущность авторов разбираемой книги. И характерный признак: участие в этом издании, субсидируемом крупными капиталистическими предприятиями, американской исторической ассоциации ясно показывает полное подчинение западноевропейской науки капиталу, капитуляцию гордого Альбиона перед американскими банками, к которым его ученые должны обращаться за помощью и поддержкой.

Вторая из вышедших на эту тему работ—Библиография трудов проф. Фёрса—представляет прекрасное дополнение к разобранной выше книге Дэвиса.

Фёрс в настоящее время является, несомненно, первым авторитетом по вопросам Великой английской революции, и в течение его многолетней ученой деятельности[2] не было ни одной так или иначе интересной книги, ни одного, хотя бы мелкого вопроса в изучаемой им области истории, на который он не отозвался бы.

Для нас проф. Фёрс известен прежде всего как издатель знаменитых «Clarke Papers», документов, рисующих один из периодов напряженнейшей классовой борьбы в эпоху «Великого восстания». Но не этим только исчерпываются его научные заслуги. Фёрс с особенным вниманием относится ко всем радикальным движениям эпохи революции, много сведений о которых мы почерпаем в его многочисленных статьях и заметках. И хотя по политическим убеждениям своим он, вероятно близок к консерваторам, а методологически работы его написаны в значительной степени прагматично и в идеалистическом духе, тем не менее историк-марксист сможет использовать их с большой выгодой в качестве богатейшего и ценного материала.

Кроме того разбираемая книга может представлять для нас большой интерес, еще и потому, что по характеру своему она в значительной степени является библиографией английской революции вообще. Несмотря на свои небольшие размеры, она охватывает сочинения не-

[1] Я разумею книгу L. F. Brown, Political activities of Baptist and Fifth Monarchy-men during the Great English Revolution, Washington 1912.

[2] Первая работа Фёрса—«Marquis Wellesley» вышла в 1877 г.

только самого Фёрса, но и многочисленные работы других авторов, о которых он писал (рецензии, предисловия, редакция).

Весь собранный в книге материал разделен на три части: 1) работы самого Фёрса, 2) изданные им документы и 3) имеющиеся в бесконечном количестве его рецензии и заметки. Если в связи с этим и встречаются трудности при пользовании книгой, то их в значительной степени устраняет умело составленный указатель.

Разбираемая книга представляет безусловно ценный вклад в литературу по истории английской революции и окажет большую помощь работающим в этой области.

В. Васютинский

М. ДОББ. Очерк истории Европы (от упадка феодализма до нашего времени). Перевод с английского И. Маркельса. Изд. «Пролетарий», 1929, с. 151.

Рецензируемая книжка дает, как гласит ее заглавие, краткий очерк истории Европы от эпохи феодализма до нашего времени. На английском языке она была издана Plebs League для целей просвещения английских рабочих в духе марксизма и ленинизма.

Задача автора была нелегка. Нужно было изложить историю Европы на протяжении огромного периода времени и значительное количество материала уложить в брошюру небольшого формата.

Автор не справился со своей трудной задачей, и брошюру надо признать неудачной, главным образом, из-за путаницы понятий, из-за ошибочности оценок и об'яснений тех событий, которые излагаются в книге. В брошюре то и дело попадаются грубейшие фактические ошибки, ляпсусы, в некоторых местах вместо марксистской трактовки событий дается чисто психологическое изложение и об'яснение фактов. Правда, часть грубых ошибок автора исправлена в примечаниях переводчика, но исправлено далеко не все, а кроме того примечания настолько кратки, что являются далеко недостаточными для раз'яснения сути дела.

Необычайно большое количество фактических ошибок мы имеем в отделе «Либеральные политические революции», в особенности в той главе, в которой излагается история Великой французской революции. Здесь что ни страница, то грубая ошибка или неверное положение.

Так, например, нам представляется совершенно ненаучной и неправильной мысль автора, что если бы король пожелал выполнить свою роль конституционного монарха, то революция окончилась бы пустяками (с. 58). Эта точка зрения уделяет слишком много места явлениям случайным и роли личности.

Независимо от поведения короля, монархия должна была пасть. Падение последней было вызвано классовыми противоречиями, создавшимися к моменту революции. Старые производственные отношения, закрепленные монархией, становятся препятствием к развитию капитализма. Буржуазия должна была захватить власть революционным путем, для того, чтобы создать новое буржуазное право, освящавшее новые производственные отношения.

Автор впадает в чистейший психологизм, когда различие между «бешеными» и робеспьеристами он видит в большей нетерпеливости и неумолимости вождей «бешеных» (с. 61). Классовой основы разногласий автор не дает, а краткое примечание переводчика мало помогает делу. Известно, что разногласия вырастали из различия социальных основ этих группировок, что «бешеные» являлись представителями обнищавших ремесленников, городской бедноты и нарождающегося рабочего класса, и их вожди выявляют интересы именно этих социальных групп; борьба «бешеных» с представителями зажиточного слоя городской буржуазии — робеспьеристами — вполне естественна и понятна.

В примечании оговорена грубая ошибка автора, который считает вождем «бешеных» Гебера. Но примечание не оговаривает того факта, что автор вообще не отмечает существования либерально-анархического течения, связанного с именем журналиста Гебера и опиравшегося преимущественно на беднейший интеллигентный пролетариат.

Но самое замечательное место в книге это — изложение истории 9-го термидора.

В числе причин, определивших 9-е термидора, кроме улучшения положения на фронтах, указывается только одна: разногласия между Робеспьером и его товарищами по вопросу о терроре.

Товарищи Робеспьера желают усилить террор, а Робеспьер проявляет щепетильность. Щепетильность Робеспьера надоела его товарищам, и они решились его свергнуть. Как, в самом деле, просто! Это место оговорено в примечаниях переводчика, но примечание дает такое суммарное изображение причин

9-го термидора, что все же основные моменты 9-го термидора остаются нераз'ясненными. Более того, естественно возникает вопрос, насколько все эти примечания достигают цели. Ведь, книга предназначается для малоподготовленного читателя. Наличие примечаний, по своей краткости слабо раз'ясняющих суть дела, наряду с противоположными точками зрения автора, в данном случае и во многих других должно создать еще большую путаницу в голове читателя.

Укажем еще, что, по мнению автора, во Франции 1848 г. промышленники и рабочие сосредоточены только в Париже, вне Парижа они пользуются малым влиянием (?!) (с. 75). А Лион, Нант, Амьен,—ведь, и там была борьба и даже отзвуки парижского июльского восстания.

Раз автор изложил нам Великую французскую революцию, революцию 48 года во Франции, Германии, Венгрии, Италии, то уж надо было бы не забыть и Парижской Коммуны. Автор о Парижской Коммуне совершенно не упоминает,—так, как-будто ее никогда и не было.

Более свободна от фактических ошибок и более правильна в смысле идеологическом последняя часть книги, касающаяся довоенного и послевоенного империализма, но изложение этих проблем занимает только четверть книги.

Не стоило переводить и печатать у нас эту книгу. У нас имеется довольно обширная марксистская популярная литература по тем же вопросам, которые трактует книжка, чего-либо нового и ценного она не дает. Рекомендовать же ее как краткое сводное пособие очень трудно из-за многочисленных неправильностей, относящихся и к фактам, и к их об'яснению и оценке.

Р. Авербух

Академик Е. ТАРЛЕ. Очерк новейшей истории Европы (1814—1919), изд. 2, «Прибой», 1929, с. 208.

На нашем книжном рынке нет ни одной популярной работы небольшого размера, освещающей всю многосложную совокупность событий XIX в. и первых десятилетий XX в. Видимо, это обстоятельство и побудило академика Тарле взять на себя роль популяризатора и выступить в качестве автора такой весьма нужной книжки.

Сам академик Тарле в предисловии характеризует свою работу как пособие к лекциям, читанным для «взрослой, но мало подготовленной аудитории»; несколькими строками ниже предисловие говорит, что задачей автора книги было «дать неподготовленному читателю первоначальную путеводную нить».

Казалось бы, что эта неподготовленность читателя должна была обязать автора сугубо внимательно отнестись к своей работе. К сожалению, при самом поверхностном чтении книги академика Тарле легко заметить совершенно обратное. Как-будто даже напротив, неподготовленность читателя сыграла какую-то особо-роковую роль для автора книги, и из-под его пера вышла в величайшей степени небрежная, неряшливая, содержащая громадное количество непростительных промахов, переполненная—стыдно сказать—фактическими ошибками работа.

Никто не станет отрицать того, что обозреть на двухстах страницах всю многосложность событий европейской истории за промежуток времени от Венского конгресса до Версальского мира—является задачей далеко не легкой. Но при строгом использовании марксистского метода эта задача вероятно могла бы быть более или менее выполнена, и читатели действительно могли бы получить некоторые «путеводные нити». Но как-раз с применением то марксистского метода дело и обстоит очень плохо. Автор «Очерков новейшей истории Европы», правда, пользуется марксистской терминологией, но и только. Да и эта терминология иногда весьма хромает: что можно, например, сказать по поводу такого термина, как «рабочий пролетарий»? (с. 100).

В виду почти полного отсутствия популярных работ общего характера, касающихся столь важной для изучения эпохи, как эпоха империализма, читатель в первую очередь и с величайшей жадностью пробежит те страницы, на которых академик Тарле трактует именно эту эпоху европейской истории. Увы, чтение этих страниц «неподготовленному читателю» не даст никаких «путеводных нитей» для понимания сущности империалистической эпохи. В самом деле, какую «путеводную нить» к пониманию империалистического периода можно дать читателю, если не трактовать последних десятилетий XIX и протекших годов XX в. как эпоху финансового капитала, экспорта капиталов, грандиозного могущества банков и трестов? Именно такой-то трактовки мы и не находим у нашего почтенного историка.

«Последние 30 лет XIX в. и первые годы XX в.» являются, по мнению на-

шего автора, эпохой «роста торгово-промышленного капитала». Оказывается, именно этот рост торгово-промышленного капитала «вызвал завоевание новых рынков сырья и сбыта» (с. 105). Таким образом, финансовый капитал, роль банков, значение трестов, экспорт капиталов,—все эти немаловажные для понимания истории эпохи империализма моменты бесследно исчезли, и это не случайная недомолвка. Прочтите страницы, рисующие Германию конца XIX в., проследите места, касающиеся Англии того же периода, и вы убедитесь в определенной последовательности, с которой академик Тарле игнорирует основные социально-экономические черты, характеризующие эпоху империализма (с. 109 и 121).

Но, игнорируя такое явление, как монопольный характер финансового капитала, наш автор оказывается не в состоянии дать четкую и стройную картину внутренней истории империалистических государств, межклассовых отношений, рабочего движения. Так, например, ему остается лишь меланхолически констатировать наличие двух крыльев, правого и левого, в рабочем движении, при чем одной из характернейших черт левого крыла наш академик почему-то считает применение с а б о т а ж а. Никакого анализа причин такого «расслоения» (как говорит наш автор) в рядах рабочего класса мы не находим (с. 108). То обстоятельство, что эпоха империализма характеризуется разложением парламентаризма и буржуазной демократии, автору даже не приходит в голову. Было бы очень утомительно указывать на все промахи нашего автора в его трактовке эпохи империализма. Стоит обратить внимание хотя бы на трогательное описание прелестей рабочего законодательства в Англии или на характеристику состояния рабочего движения в той же Англии конца XIX и начала XX века. Оказывается, здесь существовали «огромные профессиональные организации рабочего класса (тред-юнионы)», которые «упорной и часто успешной борьбой против хозяев, организуя и проводя большие стачки, толкали вперед это (рабочее, о котором упоминалось раньше) законодательство». Конечно, и огромность организации английских рабочих. и мощные, руководимые тред-юнионами стачки, и упорство этих стачек—по меньшей мере фантастичны.

Трактовка вопроса о виновниках мировой войны, данная академиком Тарле, получила в свое время должную оценку со стороны марксистской критики. И вот, сравнивая первое и второе издание разбираемой нами книги, мы находим в настоящем втором издании ряд оговорок и поправок, которые, впрочем, не изменили ошибочного характера основных взглядов нашего автора. Попрежнему Англия оказывается «внезапно» вступившей в войну (с. 175), хотя рядом, на соседней странице, говорится, что «финансовый капитал (вот он, наконец, появился!) долгие годы толкал английскую дипломатию к войне». Но именно эти строки и оказываются исправленными сравнительно с первым изданием. Попрежнему, как и в первом издании, Гаврило Принцип, убийца эрц-герцога Фердинанда, оказывается лишь «настроенным патриотической пропагандой», а не подосланным сербскими патриотическими организациями, находящимися в связи с сербским правительством (с. 168). Относительно участия в войне царской России мы читаем: Россия «не собиралась» еще воевать в 1914 г., в России оказывается имелись лишь группы некоторых деятелей, «часто и «н е о б д у м а н н о говоривших о России, как о защитнице славянства», и министр Сазонов «лишь по с л а б о с т и с в о е г о х а р а к т е р а и н е р е ш и т е л ь н о с т и» «ни разу резко не отмежевался от воинственных пропагандистов славянского освобождения» и т. д. (с. 167).

Наконец, на страницах, посвященных военной эпохе, мы находим такой перл, как трактовку Брестского мира в качестве фактора, ухудшившего положение сторонников мира. Здесь же мы найдем и указание на тактику коммунистов в Германском национальном собрании по вопросу о Версальском мире, хотя всем известно, что коммунисты бойкотировали выборы в это собрание, и ни один из них в него не вошел.

Если мы перейдем от эпохи империализма к эпохе, ей предшествующей, то, прочтя соответствующие страницы работы академика Тарле, придем опять-таки к весьма неутешительным выводам относительно качества его работы. Для примера достаточно будет указать два-три шедевра, вышедшие из-под пера автора разбираемой книги. Чего стоит утверждение его о том, что «агитация Лассаля оказывала влияние на Бисмарка» (с. 113), или что «часть (Парижской) Коммуны стояла на почве Коммунистического манифеста», т.-е., иными словами, разделяла взгляды Маркса! Говоря о временном правительстве послеседанской эпохи, академик Тарле говорит о

нем, что оно «хотело продолжать борьбу» (с пруссаками), в то время как этого-то именно «правительство национальной измены» и не хотело.

Академик Тарле является автором солидных работ по истории рабочего класса начала эпохи промышленного капитализма. Казалось бы, что по крайней мере эти и смежные проблемы должны были быть им освещены более удачно, нежели все ранее рассмотренные вопросы. Увы, эти ожидания далеко не оправдываются.

Возьмем для примера революцию 48 года во Франции. Уже на страницах, посвященных июльской монархии, находим утверждение, что Одилон Барро возглавлял мелкобуржуазную партию, между тем как он представлял, конечно, интересы крупной буржуазии. В изложении событий самой Февральской революции мы натыкаемся буквально на чудовищные утверждения. Так, мы узнаем, что Временное правительство, открывая национальные мастерские, «немогло и не хотело отказать рабочим в их требованиях»; в самой истории мастерских, по мнению академика Тарле, особенно тревожным было то, что «нельзя было даже приблизительно представить себе, чем кончится это увеличение числа (собранных в мастерских) безработных». Еще более удивительно заявление нашего атора о том, что для того, чтобы «покрыть эти расходы (на содержание мастерских), Временное правительство увеличило налоги на 45%». Под всеми строками, относящимися к истории национальных мастерских и увеличению поземельного налога, охотно подписался бы любой член реакционного Учредительного собрания, спровоцировавшего кровавые дни июня 48 года.

Своей работе академик Тарле предпослал список книг, предназначенный для «желающих более полно ознакомиться с новейшей историей Европы». В этом списке, благодаря столь обычной в рассматриваемой книге небрежности, работа Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» приписана Марксу, но зато не указано ни одной работы Маркса, относящейся к 48 году. Не коренятся ли чудовищные, относящиеся к революции 48 года во Франции утверждения нашего автора в его полном незнакомстве с работами Маркса?

Не лучше обстоит дело и с английским рабочим движением начала XIX в. Так, говоря об обезземелении английских крестьян, академик Тарле величественно игнорирует блестящую 24-ю главу «Капитала» и находит возможным говорить о скупке земли помещиками (с. 25). На страницах, посвященных чартистскому рабочему движению, мы тщетно будем искать трактовки этого движения как «политического по форме и социального по существу» (Энгельс). Ни выяснения значения чартистского движения, ни анализа причин его краха мы не найдем у академика Тарле. Не найдем мы у него и упоминания о введении 10-часового рабочего дня (с. 33).

В своем месте мы уже говорили о неумелом использовании академиком Тарле марксистской терминологии. В начале главы, посвященной домартовской Германии, мы встречаемся с прямо-таки невероятным применением одного из терминов Маркса, а именно его термина «первоначальное накопление». Игнорирование автором 24-й главы «Капитала» оказывается очень последовательным, именно благодаря этому академик Тарле держится того мнения, что «первоначальным накоплением» Маркс называл «время первого внедрения и расширения капиталистически организованной промышленности» (с. 52).

А мы по своей наивности думали, что этот период называется эпохой «промышленной революции». Кстати, академик Тарле упорно избегает пользоваться этим термином. Воистину становится жалко тех «неподготовленных читателей», которым преподносятся подобные «путеводные нити».

Излагая события революции 48 года в Германии, наш автор (хотя бы своей характеристикой Франкфуртского парламента) обнаруживает полное незнакомство со статьями Маркса из «Новой Рейнской газеты». Но зато ему оказываются известными совершенно удивительные вещи: «Только передовые, наиболее развитые слои германского пролетариата успели ознакомиться с Коммунистическим манифестом,—пишет наш историк,—но влияние его на усиление революционного настроения среди рабочего класса Германии в 1848 году бесспорно» (с. 54). Это было бы конечно очень хорошо, но плохо то, что «в Германию первые экземпляры Манифеста попали только через несколько недель после мартовской революции», как заявляет нам такой крупный знаток вопроса, как Д. Рязанов [1].

[1] «Коммунистический манифест» с введением и примечаниями Д. Рязанова, 1923, с. 28.

Нужно ли нам останавливаться на других, более мелких ошибках и промахах академика Тарле? Нужно ли упомянуть, например, о том, что он говорит о 25 государствах, составлявших Германскую империю (с. 111), о средине 90-х гг. как об эпохе, когда начался экономический упадок Англии (с. 120), или о словах «жить работая или умереть сражаясь» — как о лозунге борцов июньских баррикад (с. 44) и т. д., и т. д.?

Мы полагаем, что из всего вышесказанного характер и качество разобранной нами книги делаются совершенно ясными. Мы имеем дело с книгой, написанной наскоро, крайне небрежно, с книгой, из каждой страницы, из каждой строки которой выглядывает лицо буржуазно-либерального историка, неумело и неловко прикрытое тонкой маской марксистской терминологии. В этом свете совершенно неслучайными являются и игнорирование термина «промышленной революции», и «скупка земель» английскими Лендлордами и т. д. и т. д. Помимо того, в этой книге, мы встречаемся с чудовищным пренебрежением всеми достижениями и выводами марксистской науки, с незнанием ее автором основных марксистских работ и т. д. и т. д. В виду всего вышеизложенного приходится — именно тем, для кого, по словам автора, книга написана, «читателям мало подготовленным» — категорически рекомендовать воздерживаться от пользования этой книгой. В противном случае эти «малоподготовленные читатели» получат совершенно ложное, превратное и искаженное представление о «путеводных нитях» исторического процесса, протекавшего на отрезке времени от Венского конгресса до Версальского мира.

С. Моносов.

«**DIE ENTSTEHUNG DER DEUTSCHEN REPUBLIK** 1871—1918». Арт. Розенберг, приват-доцент Берлин. Ун-та, референт комиссии рейхстага для выяснения причин краха Германии».—1928. Ernst Rowohlt Verlag, Berlin, S. 283.

История Германии за 1871—1918 гг., с момента возникновения империи до ее краха, привлекает за последнее время сугубое внимание историков и публицистов. Богатая — по числу книг — немецкая историческая литература пытается об'яснить причины под'ема и гибели империи — «Германии Бисмарка». Эта литература не блещет богатством идей, — она посвящена возвеличению Германии старого порядка или критической ее оценке под углом зрения либерализма и пацифизма. Книга А. Розенберга занимает особое место в немецкой историографии. Это первая серьезная попытка социал-демократической оценки, облеченная в тогу «научной об'ективности». «Я видел перед собою, — пишет наш автор, — только одного врага: историческую легенду, безразлично — творят ли ее «справа» или «слева».

Ничего удивительного, что эта книга была с восторгом встречена на страницах «Gesellschaft». Историографом с.-д. выступает приват-доцент, до войны не чуждый монархистских симпатий, в послевоенные годы принадлежавший к коммунистической партии, бывший даже одним из вождей ее ультралевого крыла, а ныне начинающий очередной «тур приват-доцента» как член социал-демократии. Артур Розенберг выступает историографом немецкой республики Мюллера и Гинденбурга. Историк Розенберг, активный участник комиссии рейхстага по изучению причин «краха Германии», поставил себе благородную задачу бороться «с иллюзиями и политической ложью», которые, по его справедливому замечанию, в немецкой истории играли бо́льшую роль, чем у других народов. Но делает это наш автор своеобразным способом: он без стеснения повторяет пошлые заключения и «философские положения» немецкой буржуазной исторической науки. И прежде всего, он конечно возвеличивает Бисмарка — «Bismarcks Reich». Бисмарк как организатор и вождь государства может быть сравнен только с Фридрихом Великим.

«Как мы видим, функционирование этой системы основано исключительно на деятельности верховного главы правительства. Необходим был канцлер, подобный Бисмарку, или король, подобный Фридриху Великому, чтобы провести диагональ в борьбе враждебных сил». Эти аргументы в устах историка с.-д. звучат не более оригинально, чем в устах любого консервативного официоза. Ф. Энгельс дал исчерпывающую характеристику герою буржуазной Германии — Бисмарку — еще в 80-х годах XIX в. В незаконченной рукописи «Сила и экономика в образовании германской империи» он показал нам «железного канцлера» как «Луи Наполеона, перешитого из французского авантюриста, претендента на престол, в прусского деревенского юнкера и студента-корпоранта». Ф. Энгельс вскрыл нам и секрет культа личности Бисмарка: «сила воли

никогда не покидала его; скорее она переходила у него в грубое насилие... Все правящие классы Германии—и юнкерство, и буржуазия—в такой степени растеряли последние крохи энергии..., что единственный человек среди них, еще обладавший волей, именно поэтому стал для них величайшим человеком и тираном над ними всеми, перед которым, вопреки своему сознанию и совести, они, по их собственному выражению, угодливо «скачут через палочку на задних лапках». «Рабочий класс,— добавляет Ф. Энгельс,—доказал, что у него есть воля, с которой не справиться даже сильной воле Бисмарка». Но Энгельс не знал современной с.-д. Книга Ар. Розенберга блестяще доказала, что в современной немецкой историографии с.-д. историки могут быть взяты за одни скобки с их консервативными и либеральными коллегами...

Правда, для Ар. Розенберга существует одна решающая отрицательная сторона в деятельности Бисмарка: он не допустил к власти буржуазию. Розенберг видит в этом основное отличие Версальского мира 1871 г. от трактата 1919 г.: отличие «республики Гинденбурга» от «империи Бисмарка»—«в разрушении прусской армии, благодаря военному поражению на Западе, революцией и Версальским договором». Немецкая революция, — утверждает наш историк, — была исключительно буржуазной революцией. В ноябре 1918 г. было сломлено господство военной касты, и началось царство буржуазии. Собственно эта революция была «катастрофой», нежданной и нежеланной, она пришла в результате случайной политической ситуации, но она очистила Германию от феодального мусора. «Естественно» поэтому, что ни о каком предательстве германской с.-д. не может быть и речи: она не предала пролетариата ни в октябре 1918 г., когда защищала либеральные реформы, которые могли спасти страну от революции,—ни в ноябре—январе 1918—1919 гг., когда защищала буржуазную республику от выступления большевиков, идеологов люмпен-пролетариата. Вот, собственно, «оригинальная» философия книги, написанной «об'ективным» историком с.-д.—ренегатом, который об'единил и сформулировал то, что буржуа и мелкий буржуа Германии повторяют на протяжении последнего десятилетия.

Но книга Ар. Розенберга представляет для нас не только исключительно политический интерес. Анализ ее должен заинтересовать нас и с точки зрения методологической. Автор наилучшим образом показал сущность социал-демократического «марксизма» в применении к историческому исследованию. Тщетно будем мы искать в книге социально-экономический анализ событий, тщетно мы пытаемся уяснить себе борьбу классов, движущую силу исторического процесса. История Германии в изображении приват-доцента остается ареной, где танцуют бледные тени политических деятелей, и где не только Бисмарк, но и Людендорф играет роль решающего фактора, определившего ход и исход событий.

Эпоха империализма характеризуется не только признаками чисто экономического порядка. Мы имеем в данном случае дело с исторической эпохой определенной социально-экономической и политической структуры. Она характеризует не только внешнюю, но и внутреннюю политику капиталистических государств конца XIX и начала XX вв. Эпоха империализма, взятая в историческом разрезе, резко отлична от эпохи промышленного капитализма по всей своей классовой структуре. Необходимо прежде всего отметить углубление классовых противоречий в капиталистическом обществе, обострение классовой борьбы под оболочкой буржуазной демократии. Произошло срастание и взаимное проникновение интересов землевладельческой и буржуазной аристократии, создалась крепкая связь между имущими классами капиталистического общества и мелкой буржуазией, наконец, в рядах рабочего класса сформировалась рабочая аристократия. Частичные конфликты в рядах этого блока не уничтожают основного, что отличает классовые взаимоотношения эпохи империализма от предшествующих десятилетий: защиту всеми этими социальными группами экспансии «своего отечества», реакционную сущность блока имущих классов и их боевую готовность в борьбе с приближающейся пролетарской революцией. Всего этого не понимает Ар. Розенберг. Он утверждает, что «прусская аристократия не имела никаких оснований участвовать в империалистической и военной политике Германии, так как ост-прусские юнкеры не вели торговли с Китаем и не имели горных предприятий в Марокко». Но как же тогда об'яснить всю империалистическую политику Вильгельма II, строительство флота и колониальные авантюры правящей Германии? Наш ис-

торик раз'ясняет: «Так создался хаос внешней политики Вильгельма II. Он питался двумя источниками. Прежде всего беспланововстью и хаотичностью работ императора и, во-вторых, беспрерывной грызней отдельных фирм». Это не осмеливаются утверждать даже добросовестные, мало-мальски осведомленные буржуа! Итак, империалистическая политика Германии на протяжении четверти века определялась отсутствием плана в работах Вильгельма и частными интересами отдельных предпринимательских фирм. Иначе говоря: ни землевладельцы, ни буржуазия как класс в этой политике неповинны. Отсюда вывод: «Люди, возглавлявшие Германию в 1914 г., не несут моральной ответственности за войну». Наш приват-доцент идет дальше, он с наглостью ренегата утверждает, что поведение германской социал-демократии 4 августа «соответствовало марксистской социалистической традиции»: Маркс и Энгельс были всегда за национально-оборонительную политику пролетариата в войне народов и особенно в войне против царской России. Конечно, в этих утверждениях нет ничего оригинального, все эти истины преподносились пролетариату социал-патриотами в годы войны в достаточных дозах. Опровергать эти выводы цитатами из Маркса бесцельно прежде всего потому, что позиция социал-патриотов не определяется теми или другими положениями Маркса и Энгельса. Оригинальным становится Ар. Розенберг только тогда, когда утверждает, что и Роза Люксембург была за оборону отечества «в духе Энгельса» и это потому, что она требовала «защиты Германии рабочими с целью захвата власти пролетариатом». Для историка Ар. Розенберга нет разницы между защитой буржуазного отечества угнетенным пролетариатом и защитой революционного отечества победившим рабочим классом!

Но так же, как Ар. Розенберг не видит разницы между взаимоотношениями землевладельческой и буржуазной аристократии двух эпох: промышленного и финансового капитала, он не понимает значения огромной важности исторического факта срастания интересов мелкой буржуазии и крупного капитала за последние десятилетия накануне войны. Вот почему для него остается секретом роль центра в немецкой истории, и он оставляет без анализа крах бюловской политики либерально-консервативного блока в борьбе с центром и социал-демократией. Его интересует другое: сближение с.-д. с леволиберальной оппозицией накануне войны. К об'единению стремилась активно та и другая сторона прежде всего потому, что «серьезного политического стремления к власти в массах с.-д. рабочих не существовало». Историка Ар. Розенберга при этом весьма мало интересует, скажем, борьба немецких масс в период 1905—1910 гг., он оставляет в стороне и процесс диференциации в рядах немецкой социал-демократии, формирование и рост революционной оппозиции в ее рядах. Здесь его точка зрения совпадает со взглядами ак. Е. Тарле.

Эпоха войны привлекает внимание автора отнюдь не для анализа классовой борьбы этих лет. Его, как и всякого буржуа, интересует прежде всего проблема взаимоотношений военных и гражданских властей. Решающий, переломный момент в истории войны для него —назначение Людендорфа. Когда власть имущие увидели, что военное банкротство имперского правительства неизбежно, а допустить парламентаризацию Германии они не хотели, они вынуждены были призвать к власти «einen starken Mann». Людендорф отныне выступает в роли диктатора. Но он-то и вынужден был вступить в результате военных поражений на путь либеральных реформ. «Парламентаризация Германии не была достигнута борьбой рейхстага, а начата Людендорфом», пишет Ар. Розенберг. Провозвестником превращения консервативной империи в либеральную был законопроект прусского ландтага в январе 1917 г. о фидеикомиссах. Затем последовали проекты расширения избирательного права: германское правительство готово было теперь уступить массам в требованиях, за которые оно расстреливало и разгоняло демонстрации в 1907—1910 гг. В революции собственно не было больше необходимости, так как война была проиграна еще в сентябре 1918 г., а переворот в октябре—ноябре не мог бы изменить положения дел. Наконец, в правительство вступили демократы, центр и социал-демократы: «Германия Бисмарка,—заявляет наш историк,—была устранена». Империя стала парламентской монархией в стиле Англии, утверждает автор. Вчерашний «коммунист» Ар. Розенберг категорически утверждает, что революция 9 ноября—«самая странная из всех революций», потому что массы выступили против послушного большинства рейх-

стага, против правительства Макса Баденского, т. е. собственно против самих себя». «Почему же собственно произошла революция?» — удивленно спрашивает историк Розенберг и отвечает: потому что трудящиеся массы Германии не верили в искренность поведения нового правительства... Революционные массы нарушают стройность схемы Розенберга. Но он находит выход из этого положения, он утверждает, что германская революция была буржуазной революцией и что радикальная пролетарская оппозиция в Германии рекрутировалась среди неквалифицированных рабочих и деклассированных масс. Немецкая революция, пишет Розенберг, «war eine bürgerliche Revolution, die von der Arbeiterschaft gegen den Feudalismus erkämpft wurde». Неудивительно поэтому, что с точки зрения нашего автора и возникающие в Германии советы ничего общего не имели с советами в большевистском смысле этого слова. Но Ар. Розенберг не об'ясняет нам, почему рабочий класс в этой буржуазной революции выступал под знаменем социалистической республики, почему даже шейдемановское правительство под давлением масс вынуждено было поставить в порядок дня вопрос о национализации средств производства. Он утверждает, что революционные элементы пролетариата представляли в Германии деклассированных, но он не раз'яснил нам, почему именно металлисты шли во главе революционного движения военных лет и почему неорганизованные массы солдат были главной опорой социал-демократического правительства в немецких советах 1918 года. Розенберг не удовлетворяет нашего законного любопытства и по вопросу о том, каким образом социал-демократия постепенно сдавала реакции и те буржуазно-демократические завоевания революции, которые добыты были пролетариатом в кровавой борьбе 1918 года.

Словом, Ар. Розенберг, по всем видимостям, никогда не понимал утверждений Ленина: «Весь ход развития германской революции и особенно борьба спартаковцев, т. е. истинных и единственных представителей пролетариата, против союза предательской сволочи, шейдеманов, зюдекумов, с буржуазией — все это показывает ясно, как поставлен вопрос историей по отношению к Германии: «советская власть» или буржуазный парламент, под какими бы вывесками он не выступал, такова всемирно-историческая постановка вопроса» («Письмо к рабочим Европы и Америки», январь 1919).

Неудача пролетарской революции, по мнению Ленина, исторически об'ясняется в Германии отсутствием революционной партии. Ленин предвидел эту опасность еще в октябре 1918 года. «Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней нет революционной партии... Конечно, могучее, революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он остается величайшей бедой и великой опасностью». Что в этом—и только в этом—основная политическая причина неудачи пролетарской революции в Германии вынужден был признать даже... Носке (см. его статью «Die Abwehr des Bolschewismus» в сборнике «Zehn Jahre deutscher Geschichte»). Но этого не понимает Розенберг. Его «историческое исследование» должно доказать, что поведение партии Шейдемана и Эберта, Носке и Ландсберга отнюдь не было предательством, так как... революция 9 ноября была буржуазной революцией. Книга Ар. Розенберга не исторический труд, а добросовестно выполненный ренегатом заказ для партии, предавшей германскую революцию.

Ц. Фридлянд.

ЛЕТОПИСЬ ЗАНЯТИЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ЗА 1927/28 г., вып. XXXV, изд. Академии наук СССР, **Л. 1929 г., с. 316.**

Последний выпуск «Летописи занятий» содержит следующие статьи: П. А. Садикова, Земская печать и нижегородское ополчение 1611—1612 гг.; В. Г. Геймана, Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в. (Материалы по истории русской промышленности); Б. Д. Грекова, Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в.; С. Ф. Платонова, Проблема русского Севера в новейшей историографии. Затем идут сообщения и заметки: С. В. Юшкова, Правосудие митрополичье; Н. С. Чаева, Северные грамоты XV в.; Л. И. Андреевского, О новом списке Судебника 1589 г.; А. И. Андреева, Заметки к истории русского Севера. I. Писцовые и переписные книги по Ваге и Чаронде. А. И. Андреевым опубликованы материалы из переписки П. М. Строева.

Заканчивается выпуск описанием актов, хранящихся в археографической комиссии Академии наук СССР, и указателями к этому «Описанию», печатаю-

щимися, начиная с предыдущего 34 номера «Летописи занятий».

В своей статье П. А. Садиков рассказывает о думном дьяке Ф. Ф. Лихачеве, примкнувшем к Пожарскому и севшем в сформированном при ополчении поместном приказе. П. А. Садиков анализирует грамоты, выданные для оформления «приобретательской деятельности» Ф. Лихачева. Рассматривая эти грамоты и их печати, П. А Садиков приходит к любопытным выводам. Во-первых, он подтверждает, что нижегородское ополчение старалось подчеркнуть свою обособленность от Ляпуновского ополчения и больше того: не признавало за последним прав земского правительства. Приговором 30 июня 1611 г. под Москвою земская печать находилась в руках Ляпуновского ополчения. Грамоты Лихачева характерны тем, что их владелец имел возможность юридически оформить выгоды политической ситуации. Две «вводных» имеют личные печати Пожарского, третья (от 25 сент. 1612 г.) имеет земскую печать (об этой земской печати см. Н. П. Лихачев, Земская печать Московского государства в Смутное время, Нумизматический сборник, изд. Моск. Нумизм. о-ва, т. III, М. 1914). Дата последней грамоты и показывает, что «капитуляция Трубецкого сопровождалась выдачей единственной государственной регалии, имевшейся в таборах».

Фигура Лихачева типична для характеристики социального облика нижегородского ополчения.

Статья В. Геймана описывает купеческую солеварню и основана на приказчичьих письмах хозяину. Статья детально характеризует это предприятие, его размеры (варили до 300 000 пудов), техническую основу, формы конкурентной борьбы (приходилось опасаться соперничества не только частных промышленников, но и царя), обслуживание подсобными предприятиями (строительство дощаников и т. п.). Попадаются интересные цифры о стоимости того или иного товара и о размерах торга, кой-какие подробности об условиях труда и его оплате. Последний вопрос однако не выяснен, хотя сообщаются данные о расплате товаром, т. е. солью, которая давалась вместо зарплаты рабочим из расчета 1 алтын 4 деньги за пуд; рабочие продавали купцам на ближних торгах эту же соль по алтыну за пуд.

Автор статьи пишет, что сообщаемый им материал позволяет рассматривать историю промышленности «в несколько ином свете». В каком именно «свете»— из последующего изложения не видно; неясно также, какая «иная» точка зрения имеется в виду. Солеварение на технической основе, описанной В. Гейманом, восходит к самым ранним периодам капитализма и ничего принципиально-нового в наше представление о зарождении промышленного капитализма данная статья не вносит. Повидимому, автор не уяснил себе методологически четко самого понятия «промышленный капитализм».

Статья Грекова—самая обстоятельная в данном выпуске и посвящена крайне любопытному, но неосвещенному в литературе вопросу. Речь идет о материале анкет: т. н. Академической (предпринята Академией наук по инициативе Ломоносова), Кадетской (предпринята Кадетским шляхетным корпусом по инициативе акад. Миллера в противовес Ломоносову) и наконец, Сенатской о причинах дорожания хлеба.

Б. Д. Греков, сопоставляя данные трех анкет, подробно описывает Воронежскую губернию с ее четырьмя провинциями: Воронежской Тамбовской, Елецкой и Шацкой. Анкетами представлено 38 уездов из 44, причем не все уезды охвачены тремя анкетами. Наиболее полно уезды охвачены Сенатской анкетой.

Описательный материал представляет несомненный интерес. В сопоставлении с некоторыми данными, иногда и архивными, так например, хранящимися в б. Сенатском архиве губернаторскими отчетами, разработанные анкеты обогащают нас рядом хозяйственно-статистических сведений о положении Центрально-черноземного района. Спорными в ст. Б. Д. Грекова являются его методологические приемы. Прежде всего, самый источник. Степень достоверности этих анкет определяется им полнотой и детальностью сообщаемых сведений. Это не всегда может служить верным критерием. Так, Сенатская анкета, в этом смысле наиболее благополучная, вызывает как раз бóльшие сомнения, нежели Кадетская и Академическая. Материалы, какие сообщает в своих «Топографических известиях» Бакмейстер, первый использовавший Кадетскую и Академическую анкеты, позволяют судить о степени их достоверности. Сопоставление сведений только между этими тремя анкетами совершенно недостаточно. Клингштетовскую анкету Вольно-экономического об-ва автор совершенно упускает из виду.

Недостаточное сопоставление данных в работе Б. Д. Грекова особенно ясно выступает пред нами, если вспомнить, что об'ектом описания служит отдельная область. Данные этого района следует непременно сопоставить с данными аналогичного района. В этом смысле небезынтересно сопоставить Воронежский район с Курским. Имея в наличности такие показания современников, как напр. книгу Сергея Ларионова, прокурора местной Верхней расправы,— «Описание Курского наместничества», вышедшую в 1787 г., можно говорить о допустимости такого приема. Но наибольшим недостатком в подходе к источнику является отказ от классового анализа составителей этих анкет. И тут надо прямо сказать, что Б. Д. Греков не заметил, что разница между анкетами лежит в классовом акценте. Если в Кадетской и Сенатской анкетах много академизма и звучат бюрократические нотки крепостнического государства, то Сенатская анкета—выражение активно-настроенной части т. н. предпринимательского дворянства. И чистейшим идеализмом звучат замечания о том, что «от воеводы требовалось гражданское мужество и острый ум...» (с. 52), или о «суб'ективном» подходе воевод. Между тем сам Б. Д. Греков именно в отношении Сенатской анкеты признает, что «воеводы в качестве дворян не хотели подчеркивать свою заинтересованность в высоких ценах на хлеб».

Третьим недостатком в пользовании источником является то, что Б. Д. Греков одним тоном читает анкеты по всей Воронежской губернии. Между тем Воронежская провинция резко отличается от Тамбовской и Елецкой провинций. Если в Воронежской провинции мы имеем высокий процент оброчных крестьян и низкий барщинных, то в Тамбовской—наоборот. В Воронежской провинции исключительно высокий процент однодворцев (см. напр. с 66), в Тамбовской же больше помещичьих крестьян.

Соответственно этому и классовые взаимоотношения складываются разно. Характеристику этих классовых отношений можно видеть у самого же Грекова—они лежат на поверхности его экономического описания. Сенатская анкета по Воронежской провинции отмечает с нарочито классовой подчеркнутостью нерадивость однодворцев. Здесь помещик еще не тронул по-настоящему крестьянских земель. Но он не прочь позариться на этот край, где можно заняться экспортом хлеба, а для этого надо раньше закрепостить население. В соответствии с этим звучит и ответ о причинах дороговизны на хлеб. Сенатская анкета прямо подсказывает причину удорожания хлеба: местные-де, обыватели, свободные земледельцы, много продают хлеба, особенно на юг.

Иная картина в Тамбовской провинции. Там идет резкий процесс классовой борьбы: «сильные у бедных (землю) во владение отбирают, а паче однодворцы от дворян обидимы» (с. 86). Полупромышленная и полуземледельческая провинция с развитым помещичьим землевладением, Тамбовская провинция отмечена чертами дворянского приобретательства, попытками лэнд-лордизма и «обезземеления». Недаром упомянутая фраза о замалчивании воеводою причин удорожания хлеба относится именно к Тамбовской провинции.

Нельзя забывать, что анкета составлялась всего лишь за несколько лет до пугачевщины.

Работа Грекова стоит по своему уровню ниже его работ по XVI в. Об'ясняем мы это тем, что при изучении XVI в. Б. Д. Греков опирался, сознательно или бессознательно, на то, что привнесено марксизмом в изучение XVI в. и эпохи торгового капитала. В отношении же XVIII в. Б. Д. Греков шел тем же «самобытным» путем, каким шел, скажем, Дэн в своей работе о V ревизии. Результаты не замедлили сказаться. Будем тем не менее надеяться, что Б. Д. Греков в дальнейшем будет стремиться развивать свою сильную сторону.

Статья Платонова представляет собой литературно связанный обзор новейших работ по истории Северного края. Этот обзор был прочитан в качестве доклада на Берлинской исторической неделе в июле 1928 г. Немного конечно было предложено вниманию иностранной публики, но быть может большего буржуазная историческая наука в СССР и не в состоянии дать...

Интересное сообщение сделал Юшков об одном историко-юридическом памятнике, который автор статьи относит к концу XIII и первой четверти XIV в. В «Правосудии митрополичьем» 36 статей, из которых 23 статьи содержат новый, незаимствованный материал.

Н. С. Чаев сообщает текст 67 грамот XV в. монастырей Соловецкого и Николаевского Вятицкого, а также Двинские грамоты, больше всего в публикации данных и купчих. Есть одна оброчная «на прислон» и три жалованных.

Л. И. Андреевский сообщает о вновь найденном им списке Судебника царя Федора Ивановича 1589 г., представля-

ющего собой варьянт Судебника 1550 г. Судебник 1589 г. был опубликован в 1900 г. С. К. Богоявленским под редакцией Ключевского.

А. И. Андреев сообщил о писцовых и переписных книгах на Ваге и Чаронде и опубликовал материалы из переписки Строева. Не отрицая археографического значения первого сообщения, мы считаем излишней Строевскую публикацию. Нового она почти ничего не вносит в то, что мы знаем о деятельности Строева. Разве только начинаешь понимать отношение к нему Погодина... К тому же переписка относится к 1835—36 гг., когда Строев прямого отношения к Арх. ком. уже не имел. Зато большой интерес представляет описание актов, находящихся в Арх. комиссии. В данном томе «Летописей занятий» помещен II вып. «Описания», охватывающий годы 1601—1613. Разновидностей документов представлено много. Очень много проезжих грамот, многие из них не безынтересны. О сыске только под № 36 значится отписка Березовского воеводы.

Возникает только вопрос—а не лучше ли все же давать описание не хронологическое, а исходить в таком описании от фондообразователя? Тогда естественно получилось бы и географическое разделение, внутри которого соблюдалась бы хронологическая разбивка. Иначе исследователю придется по каждому случаю просмотреть все 608 номеров только настоящего выпуска.

И. Татаров

ПАМЯТНИКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XIV—XVII вв. Т. I. Под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. Изд. Центрархива РСФСР. М. 1929. Стр. VI + 396.

Выпущенный Центрархивом I том сборника памятников русской истории XIV—XVII вв. содержит материалы, извлеченные в 1926 г. С. Б. Веселовским и А. И. Яковлевым из архива б. Троице-Сергиевой Лавры. Том распадается на две части; в первую входят жалованные и указные грамоты XIV—XV вв., во вторую—свозные и дозорные книги начала XVII в.

Из напечатанных в сборнике 176 жалованных и указных грамот, охватывающих столетие с 1392 по 1498 г., 120 появляются в печати впервые; остальные 56 были уже опубликованы ранее в разных изданиях, но напечатаны либо неполностью, либо неисправно и печатаются здесь в исправленном и дополненном виде. Что касается грамот, напечатанных ранее удовлетворительно (их 71), то составители сборника, не перепечатывая их, упоминают о них в соответствующих хронологическому порядку издания местах сборника, с указанием места напечатания, места хранения подлинника (если он найден) и местонахождения списков. Большая часть вновь найденных грамот взята из позднейших списков XVI—XVII вв., хранящихся в лаврском архиве, при чем нередко составители имели возможность проверять точность копий, сопоставляя их между собою. По отношению к 107 грамотам (из общего числа 247 известных ныне троицких грамот) им удалось разыскать и подлинники: 4 неизвестных доселе подлинных грамоты были найдены в архиве Лавры, остальные 103 разысканных ими подлинника—в разных других архивохранилищах. В этих случаях лаврские списки были, конечно, сверены с подлинниками, при чем эта сверка дала возможность не только проверить точность списков, но в некоторых случаях и восстановить точное чтение текстов, напечатанных ранее с плохо сохранившихся подлинников. В одном случае наличие лаврского списка середины XVI в. с грамоты 1442 г. дало возможность обнаружить подчистку, сделанную монахами в подлиннике позднее снятия копии (с. 44). В другом случае обнаружена грубая ошибка в грамоте, напечатанной ранее в «Актах Археографической экспедиции»,—ошибка, давшая повод для недоразумений: напечатано, что кн. Василий Борисович дал монастырю сельцо Егорий-святой «в поместье», тогда как следует «в Поемечье» (название местности по р. Емсне) (с. 137—138). Грамоты воспроизведены тщательно, с полным соблюдением орфографии оригиналов, и снабжены примечаниями, в которых точно указывается местонахождение подлинника (если он известен) и копий с него, отмечаются разночтения, упоминается о напечатании документа ранее (если он был уже напечатан), сообщаются сведения об упоминаемых в тексте лицах и событиях (к сожалению не указываются источники, откуда эти сведения заимствованы). На отдельных листах приложены снимки с рукописей трех документов.

По содержанию печатаемые грамоты очень разнообразны: здесь имеются грамоты на пожалование деревень и пустошей, соляных варниц, бобровых гонов и рыбных ловель, грамоты тархан-

ные, льготные и несудимые, грамоты на беспошлинный провоз товаров, на свободу от поставки подвод и от постоя княжеских гонцов, на право рубки леса в княжеских владениях, на отчисление в пользу монастыря известной доли княжеских доходов, на право беспенной высылки с пиров и братчин незванных княжеских чиновников и боярских людей, на право не выпускать отказывающихся крестьян помимо Юрьева дня, а крестьян-старожильцев не выпускать совсем, грамоты о назначении особых приставов для охраны пожалованных монастырю льгот, о досмотре и восстановлении меж и о разных других предоставляемых монастырю льготах и привилегиях. При общем небольшом количестве дошедших до нас грамот XIV и XV веков обнаружение и включение в научный оборот 120 новых грамот и исправление 56 старых является чрезвычайно ценным вкладом в науку. В частности, число известных нам грамот, данных Троице-Сергиевому монастырю, благодаря настоящей публикации, почти удвоилось; изучение же истории этого крупнейшего феодального владения имеет большое значение для истории русского феодализма вообще. Из собранных в книге грамот видно, между прочим, что княжеские пожалования до самого конца XV в. играют видную роль в процессе роста монастырского землевладения, при чем великий князь санкционирует даже самовольные захваты монастырем княжеских земель (№ 156, с. 113). Видно также, что монастырь цепко держится за свои феодальные привилегии, добиваясь подтверждения их великокняжескими грамотами вплоть до середины XVI в.: среди напечатанных грамот свыше 30 имеют подтверждения Ивана Грозного, относящиеся к 40-м и началу 50-х годов XVI в. Наконец, важно отметить, что среди опубликованных в сборнике грамот имеются и такие, которые представляют существенные отклонения от опубликованных ранее образцов. Так, тарханно-несудимая грамота вел. кн. Василия Васильевича на рыбные ловли в Ростовском озере и в реках (№ 19) освобождает монастырских людей не только от суда великокняжеских наместников (как это обычно бывает в несудимых грамотах), но и от суда удельных князей ростовских.

Вторая часть вышедшего тома содержит памятники двух типов; это, во-первых, свозные книги 1614 г. и, во-вторых, книги дозорные, относящиеся к 1610—1616 гг. Все помещенные здесь книги перепечатаны из изданного в 1926 г. машинописным способом двухтомного сборника «Памятники хозяйственной истории Троице-Сергиевой Лавры», под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. Но упомянутый сборник, не говоря уже о технических недочетах, неизбежных при переписке на машинке, был издан всего в 10 экземплярах и поэтому мало доступен. Перепечатку собранных в нем материалов не только не приходится признать излишней, но, напротив, следует пожалеть, что недостаток, повидимому, места не позволил составителям перепечатать и другие материалы, входящие в этот машинописный сборник. Напечатанные здесь свозные книги 1614 г. относятся к троицким вотчинам в Нижегородском, Балахонском, Владимирском, Юрьевском, Суздальском и Муромском уездах. В них закреплены результаты организованного повсеместно, по ходатайству монастырских властей, сыска троицких крестьян, бежавших во время Смуты. В книгах переименовываются один за другим бежавшие крестьяне, с указанием, кто откуда и в каком году выбежал, на каком жеребьи сидел до побега, где и за кем жил после побега, вывезен ли обратно и куда водворен после возвращения. Очень многих крестьян, хотя и обнаруженных по сыску за боярами и детьми боярскими, за другими монастырями или в черных и дворцовых волостях и казачьих слободах, возвратить в троицкие вотчины не удалось, так как новые их владельцы и начальники «учинились государеву указу сильны» и вывезти их из-за себя не дали. Материалы свозных книг дают возможность сделать целый ряд ценных наблюдений по вопросу о борьбе за крестьян между различными социальными группами,—борьбе, закончившейся окончательным оформлением крестьянской крепости,—по вопросу о движении сельского населения в эпоху Смуты и пр. Попытки использовать данные свозных книг для освещения этих вопросов сделаны уже Л. В. Черепниным (в статье «Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве в начале XVII в.»—Ученые записки Института истории РАНИОН, т. VII) и И. И. Полосиным (в неизданной еще работе).

Из напечатанных в сборнике 27 дозорных книг (9 собственно дозорных, 12 переписных, 4 отписных, 1 отказная и одна дымная) 25 представляют описи троицких владений, произведенные по инициативе монастырских властей монастырскими же переписчиками в 1610—1616 годах, т. е. в последние годы Смуты

и непосредственно после нее. В сравнении с правительственными переписями, монастырские дозорные книги дают гораздо более богатый материал для характеристики монастырского хозяйства и положения монастырских крестьян: тогда как правительственные чиновники, производившие переписи в фискальных целях, интересовались лишь общей суммой платежа с целого селения, монастырские переписчики пытались определить платежеспособность каждого отдельного двора. Кроме того, монастырских переписчиков, естественно, интересовало и хозяйство самого монастыря. Поэтому в книгах дается прежде всего подробное описание монастырского двора (если таковой в данной вотчине был), со всеми его постройками и населением, с живым и мертвым инвентарем, со всякого рода запасами. Затем идет описание монастырской пашни с указанием высеянного озимого и ярового хлеба, описание монастырских лугов и пожень с указанием количества снимаемого сена и пр. При описании отдельных селений перечисляются поименно дворохозяева (иногда и их дети, с указанием даже возраста последних), указывается количество пашни у каждого из них, количество высеваемого хлеба, количество собираемого сена, иногда и количество скота, размер уплачиваемого оброка, или отбываемого изделья, или арендной платы за сдаваемую монастырем землю,—иногда еще и некоторые другие сведения. Напечатанные здесь же две дозорные книги, составленные казенными чиновниками по государеву указу (№№ 4 и 12), резко отличаются от книг монастырского письма краткостью и суммарностью сообщаемых ими сведений.

Сводные и дозорные книги изданы так же тщательно, как и жалованные грамоты. Орфография подлинников в основном сохранена; исключение почему-то сделано для і, ѣ ь тогда как в памятниках XIV и XV вв., напечатанных в этом же сборнике, сохранены и эти буквы, как это, разумеется, и следует. К сборнику приложены два указателя—личных имен и географических названий, составленные Л. В. Черепниным.

Несколько слов относительно предисловия, в котором имеется ряд существенных недочетов. В нем напр., совершенно не об'яснено, почему жалованные и указные грамоты, подлинники которых разысканы, печатаются не с подлинников, а с лаврских списков. Можно догадываться, что это сделано для единообразия, или для того, чтобы включить в сборник и позднейшие подтверждения грамот, имеющиеся в списках, но, может быть, издатели руководствовались и другими какими-либо соображениями, которые остались неизвестными читателю. Не мотивирован также выбор для напечатания в сборнике дозорных книг. В упомянутом выше машинописном сборнике имеется еще ряд дозорных книг, относящихся к тем же годам, а, может быть, в лаврском архиве имеются еще и другие; чем руководствовались составители, выбирая для напечатания те или другие книги, читателю опять приходится догадываться. Не указано, сохранились ли сводные книги 1614 г. по другим уездам, и если сохранились, то почему они не напечатаны. Только из упомянутой выше статьи Л. В. Черепнина мы знаем, что остальные книги до нас не дошли. Вызывает, наконец, недоумение разбивка жалованных и указных грамот на группы: «1392—1428 гг.», «вторая четверть XV в.», «1428—1432 гг.» и т. д.; это тоже нужно было об'яснить в предисловии.

Сборник представляет большую ценность для исследователя и может быть очень полезен в качестве материала для семинарских занятий студентов. Учитывая последнее его качество, приходится пожалеть о низком тираже издания (500 экз.): книга несомненно найдет спрос, тем более, что цена ее (2 р. 50 к.), относительно, очень недорога.

Е. Мороховец

А. А. НОВОСЕЛЬСКИЙ. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. РАНИОН, Институт истории, Гиз, 1929, с. 192.

Вотчинные архивы крепостной эпохи являются одним из наиболее ценных материалов, анализ которых позволяет вплотную подойти к действительной жизни как в области экономической, так и социальной, позволяет не только представить картину сложившихся отношений, но и проследить молекулярные процессы нарастания противоречий. Пополнение книжного рынка в этом направлении работой Новосельского нельзя не приветствовать.

Написанная на ту же тему, что и ранее вышедшие работы Забелина, Заозерского и др., работа Новосельского является в отношении их не только дополнением, но и естественным продолжением, так как анализирует хозяйство более низкого типа по размаху своей деятельности. Об'ектом исследования взято хозяйство А. И. Безоб-

разова, владельца вотчин в 11 уездах с населением более чем тысяча душ мужского пола, на основании анализа переписки вотчинника с приказчиками. Исследование ведется с точки зрения развертывания хозяйственной инициативы Безобразова и влияния его личных способностей на всю жизнь вотчины и оставляет совершенно открытым вопрос о влиянии на самого Безобразова как общей социально-экономической обстановки, так и обстановки, складывающейся внутри вотчины.

Название работы не вполне соответствует содержанию—жизнь вотчины рассматривается на протяжении не всего XVII в., а только 70—80 гг., и не во всей деятельности, а только во внутренней. Анализ хозяйственной связи вотчины с остальным миром отсутствует.

В указанных рамках работа разбивается на пять глав: I—А. И. Безобразов, II—Землевладение, III—Вотчинное управление, IV—Боярское хозяйство, V—Крестьяне и холопы. Вместо анализа содержания каждой главы остановимся на тех узловых вопросах, по которым книга дает достаточно материала,—их три: 1) направление хозяйственной деятельности вотчины, 2) влияние этой деятельности на положение главным образом эксплоатируемого класса, 3) итоги.

В самом хозяйстве происходил своеобразный процесс «реконструкции» и «рационализации». Частично ликвидировались владения в северных уездах при усиленном приобретательстве земли в черноземных южных (Орловский, Кромский), где за десять лет землевладение Безобразова вырастает на 500 четей. На ряду с твердой линией в сборе всевозможных натуральных поборов сильно увеличивалась барская запашка, за десять лет с 150 чт. до 300—400 чт. При слабом развитии денежных поборов делаются решительные шаги в сторону организации интенсивных товарных отраслей хозяйства: животноводства, садоводства, рыболовства (устройство прудов), винокурения, лесоразработок. В самой усадьбе, в селе Спасском Боровского уезда, производились большие строительные работы (церкви, хоромы, дворы, сады и пр.), стягивавшие большое количество крепостных—мастеровых и обслуживающих работы конных и пеших крестьян. Именно эта хозяйственная работа толкала Безобразова искать всевозможных путей для ухода со службы или в крайнем случае для устройства службы поближе к вотчине.

Оборотной стороной «рационализации» было ухудшение положения крепостных. Трех-четырехдневная барщина в сочетании с поборами и другими повинностями дает ключ к пониманию положения крестьян.

Тактика вотчинника поражает своей изобретательностью при выжимании из крестьян последних соков; на них перекладывается развитие интенсивных отраслей хозяйства через систему заданий (поручение разводить птицу, выкупать вино, доставать яблони, рыть и чистить пруды и пр.) вплоть до перевода на денежный оброк районов с дешевыми ценами на продукты. В результате шел процесс разорения крестьянского хозяйства, рост безлошадных, непрерывные просьбы о ссуде семян для посева и хлеба для питания, уход в мир за милостыней и на заработки и, наконец, бегство семьями и в одиночку с «животами» и без них.

Линия развития вотчины захватывала в свой оборот и низший слой помещиков по линии легальной и нелегальной, добровольной и насильной ликвидации ими своих вотчинных земель и «мены» поместий. Доставалось и купцам—сбор «подужных», «причальных», «отчальных» почестей и «поминок»—вплоть до битья менее податливых.

В итоге, несмотря на внешний рост богатства (земля, иконы, сосуды, стекло и т. д.), мы имеем несомненный кризис хозяйства. Выпаханная и поздно обработанная земля давала систематические недороды. Вместо развития животноводства и птицеводства происходило сокращение их не только в усадьбе, но и среди крестьян. Сады и пруды с трудом «выбивались» из крестьян.

В самой вотчине, несмотря на сосредоточение всего управления в руках Безобразова (он не доверял даже жене), имелся постоянный недостаток в деньгах, продовольствии, фураже и пр. Довольно четко выделяются причины такого положения. Разоренное крестьянство чтобы выполнять функцию «рабочей силы», требовало ссуды. Крепостная дворня явно не оправдывала себя, ее снабжали землей и семенами с тем, чтобы, превратившись в крестьян, она в свою очередь могла проделать путь разорения. Незначительная верхушка деревни—старосты и зажиточные (девять—четыре лошади)—не желала участвовать в общей обработке барской земли совместно с бедняками, требуя разделить работу на части; в то же время разорить их—значило потерять одну из подпорок устойчивости вотчины. Получа-

лась своеобразная «квадратура круга». Под влиянием крепостнической эксплоатации в рассматриваемый период положение создалось такое, что пораженное кризисом крестьянское хозяйство тянуло за собой в кризис всю вотчинную организацию.

Автор—не марксист. Сосредоточив центр внимания на личности Безобразова, он вместо анализа социально-экономических противоречий, вынужден перед фактом краха предпринимательской деятельности хозяйствующего «индивидуума» ограничиваться замечаниями о недостатке «культурных веяний», «традиционности», грубости эпохи и т. д., и в этом главный недостаток работы. Она не только потеряла в своей яркости, но и поставила перед читателем вопрос о необходимости переконструирования материала под иным углом зрения.

Не менее важным недостатком, чем методология книги, является неправильное освещение автором некоторых вопросов; так «память» Безобразова приказчикам (с. 69): «над крестьянами смотреть и меж ними расправу чинить, а налоги никакой не чинить и от дурна всякого унимать и указ чинить при всех крестьянах», рассматривается автором как мероприятие, направленное «прежде всего и главным образом против произвола приказчиков» (разр. наша.—С. С.). Этак ведь можно договориться, что и крепостное право было создано на пользу крестьян. Предписание «карать огурьщиков... на всем мире» трактуется как борьба Безобразова против единоличного управления приказчиков, как «деревенская конституция» (разр. наша—С. С.).

Неужели автор не понимает, что если община со старостой и существовала, то дело шло не об ограничении единоличного произвола приказчиков, а о круговой поруке в выполнении вотчинных повинностей, во-первых, и о создании опоры вотчиннику в деревне путем давления мира на недовольных, путем предоставления старостам некоторых возможностей эксплоатировать крестьян и т. п., во-вторых, не говоря уже о том, что в вотчине Безобразова нормой была не «конституция», а единоличная расправа и управление. Вмешательство вотчинника в личную жизнь крепостных, регулирование браков и «запрещение выхода невест в другие вотчины» под пером автора превращаются в мероприятия, проводимые в интересах крестьян и «особенно беднейших». И точно с прямой целью демонстрировать свою антимарксистскую позицию автор рассматривает оброчные поборы как процент за первоначальное снабжение крестьян боярским скотом и семенами. В таком случае с неменьшим успехом можно было бы и барщину рассмотреть как форму арендной платы, а вотчинное хозяйство—как вотчинный капитализм.

Отмеченные недостатки дополняются беглыми, как бы случайно брошенными характеристиками явлений, составляющими фон работы. Злоупотребления приказчиков «были явлениями обычными и непредотвратимыми», право приказчиков выступать в качестве сватов «превращалось иногда в прямое насилие», требование Безобразовым скота в Москву характеризуется как «нерасчетливое» и т. д. и т. п.

Прикрашивание, смягчение существующих отношений и т. п.—иначе мы не можем характеризовать подобный неопределенно мирный характер этих замечаний. Хотя автор в предисловии и заявляет о желании дать материал не для какой-либо определенной исторической схемы, а для об'ективного исследования, но методология, выводы и самый «стиль» работы являются показателем, что «об'ективность» автора—только дымовая завеса для проведения буржуазно-реакционной схемы даже в такой конкретной работе, как анализ вотчинного архива.

Наш вывод: книга Новосельского окажет несомненную помощь историкам своим фактическим материалом. Она является антимарксистской по своей идеологической установке.

С. Симонов.

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ. МАТЕРИАЛЫ, т. VI, Гиз, М.—Л., 1929, (Центрархив). Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского. Восстание Черниговского пехотного полка. К печати подготовил Ю. Г. Оксман. XVI (1 вкл. л.) + 406 с.

Шестой том «Восстания декабристов» посвящен восстанию Черниговского полка. Последнее старательно замалчивалось буржуазной историографией и до революции оставалось почти неизученным,—понятен поэтому интерес, который вызывает рецензируемая книга.

Структура тома и принципы отбора документов значительно отличаются от принятых для предыдущих томов того же издания. В то время как прежние томы содержали публикацию компактных архивных «дел», сложившихся в

одно архивное целое еще во время следствия над декабристами, VI том дает искусственно составленное из различных фондов собрание документов, относящихся к восстанию Черниговского полка. Сюда частично вошли дела штаба главнокомандующего I армией, хранящиеся в Ленинградском центральном Историческом архиве, дела комитета для следственных разысканий о злоумышленных обществах, хранившиеся в Архиве Октябрьской революции в Москве, документы из секретной части канцелярии начальника главного штаба (Военно-исторический архив в Москве) и из канцелярии военного министерства (также из Архива Октябрьской революции), дела аудиториатского департамента, некоторые бумаги из министерства юстиции и министерства внутренних дел. Все собранные документы разбиты на следующие отделы:

I. Официальная переписка о восстании Черниговского пехотного полка и о мерах его ликвидации.

II. Материалы дознания и конфирмованные приговоры по делам нижних чинов 8-й пехотной дивизии и 8-й артиллерийской бригады и

III. Приложения. Последние содержат документы относительно распространения «возмутительных катехизисов» С. И. Муравьева-Апостола и материалы следствия, касающиеся некоторых лиц, связанных с восстанием: священника Д. Кейзера, разжалованных в рядовые Грохольского, Башмакова и др.

В настоящий том вошли не все документы по восстанию Черниговского полка, имеющиеся в архивах. Так, не включены в него документы из личных дел лиц, связанных с восстанием, например, М. Бестужева-Рюмина, Артамона Муравьева и др. Так как эти дела в настоящее время не предполагается публиковать в других томах издания «Восстание декабристов», то исследователь, лишенный возможности изучить архивные подлинники, получает существенный ущерб. С другой стороны, целый ряд личных следственных дел важнейших участников восстания—И. Сухинова, А. Кузьмина и др.—не мог быть опубликован, так как давно утрачен. Ряд местных архивных материалов о восстании Черниговского полка сосредоточен в украинском издании «Повстання декабристів на Україні. З матеріялів Київського центрального історичного архіву. За редакцією В. Базилевича, Л. Добровольського та В. Міяковського (Харків, 1926)». Но несмотря на все это, рецензируемый том является несомненно основным собранием ценнейших документов о восстании. Приходится лишь пожалеть, что том так сильно запоздал выходом в свет. Запоздание привело и к тому, что многие документы, включенные в том, до издания последнего, уже пущены в оборот по архивным подлинникам или копиям исследовательской литературой о декабристах.

С изданием шестого тома любому историку-исследователю или популяризатору революционного движения легко будет поставить восстание Черниговского полка на принадлежащее ему по праву место в революционной истории. Все важнейшие вопросы проблемы восстания Черниговского полка находят обильный материал для своего разрешения в опубликованном томе. Правда, материал этот, как и следовало ожидать, неравномерно отражает все стороны восстания: состоя главным образом из правительственных донесений или из показаний на следствии, он гораздо обильнее иллюстрирует действия правительства против «мятежников» и настроения в правительствечных кругах, чем действия, настроения и планы противной стороны, конечно, гораздо более интересные для нас. Иначе и не могло быть. Но и материал о противоправительственном лагере все-таки очень богат и ценен, особенно в таких документах первостепенной важности, как, например, всеподданнейший доклад аудиториатского департамента «об офицерах Черниговского пехотного полка, судимых в Могилеве за участие в произведенном полковником Сергеем Муравьевым-Апостолом возмущении», или протоколы и рапорты Белоцерковской военно-судной комиссии, подготовлявшей расправу с солдатами-декабристами. Из опубликованных материалов можно многое извлечь для документального исследования важнейшего вопроса — отношения масс к движению декабристов и к восстанию Черниговского полка. Документы шестого тома ярко обрисовывают роль инициаторов восстания—Славян, дают обильнейший материал для характеристики кипучей деятельности Сухинова, Кузьмина, Щепиллы во время восстания. Эта деятельность захватывала все стороны жизни восстания от выработки стратегических планов, внутренней организации восстания и поддержания революционной дисциплины до забот о провианте, фураже и обмундировании восставшего

полка. В рецензии невозможно полностью охарактеризовать фактическое содержание документов. Отметим лишь, что в свете целого ряда публикаций рецензируемого тома ярче видны колебания «вождя» восстания С. Муравьева-Апостола, его пассивность, боязнь решительных действий и стремление сохранить тактику «военной революции» от напора уже намечающейся волны массового движения, направление которой чутко отразили участники восстания—Славяне. Это подтверждает сходство в конечном счете восстания на Сенатской площади с южной тактикой «военной революции». Изданный том явится драгоценным подспорьем для исследователей борьбы внутренних противоречий в восстании и классового смысла этой борьбы.

Документы тщательно прокомментированы Ю. Г. Оксманом. Отдел примечаний составлен очень хорошо, в нем использован богатый литературный и документальный материал, даны параллельные сопоставления источников, сведения об авторах документов и обстоятельствах их возникновения. Но подготовка к печати самого текста документов, к сожалению, приводит к грустному выводу: шестой том «Восстания декабристов» явно снижает качество этой подготовки по сравнению с ранее вышедшими томами и почему-то меняет принципы подготовки текста, принятые для всего издания. Ранее вышедшие томы полностью сохраняют орфографию подлинника со всеми ее особенностями. В предисловии сказано (с. XIII), что и настоящий том был подготовлен так же, но при печатании «пришлось» (?) приготовленный текст «подвергнуть некоторой транскрипционной нивелировке», дав текст «по общепринятой ныне орфографии». Причиной этого явилось желание избежать... пестроты, вносимой в тексты особенностями письма у канцеляристов начала XIX в. и техническими преимуществами печатания по новой орфографии. Но обе эти причины могли бы существовать и для предыдущих томов и не содержат ничего специфического, вызванного лишь особенностями шестого тома. Сохранение же «основных фонетических особенностей речи писавших» (напр., «притчина», «Иванович» и пр.), создает невероятную путаницу транскрипций, утерявшей сразу особенности и новой орфографии и эпохи декабристов. То же и с пунктуацией: запятая перед «который» торжественно восстанавливается в квадратных редакторских скобках, а точка с запятой там, где надо, по смыслу, без всяких оговорок и скобок, заменяется запятой. Спрашивается, какой же смысл в первой эмендации? Ведь все равно особенности пунктуации подлинников не сохранены. Затем, не оговорено, что отмечается курсивом,—поэтому редакционные ремарки в сносках на сс. 162, 169, 174 и др. можно принять за текст подлинника, тем более, что они заключены в круглые скобки, которые в предисловии (с. XIV) оговорены как скобки подлинника. Отметим также, что подлинный текст документов на иностранных языках почему-то попадает в примечания, в основной же текст идут переводы, в то время как в предыдущих томах было обратное, т. е. гораздо более правильное расположение материала.

Документам предпослано обширное редакционное введение Ю. Г. Оксмана. Очень жаль, что автор не выдвинул своей концепции восстания Черниговского полка, — по ряду разбросанных полемических замечаний можно заметить, что автор не согласен с уже известными в литературе концепциями, но в противовес им автором собственная схема не выдвинута. Вводная статья Ю. Г. Оксмана посвящена главным образом критико-библиографическому обзору всех прежних публикаций материала о восстании Черниговского полка, а также исследований, общих оценок и популярных характеристик за сто с лишним лет. Обзор доведен до последних юбилейных изданий. Этот обзор очень интересен, он—плод огромного и кропотливого труда, тщательных изысканий. История восстания Черниговского полка в литературе прослежена до мельчайших деталей, и выполненная Ю. Г. Оксманом работа явится серьезным подспорьем для всех исследователей южного декабризма. Разбор многих работ сопровождается ценными и тонкими критическими замечаниями; особенно отметим среди них замечания о работах П. Е. Щеголева. Но настоящей историографической работой обзор Ю. Г. Оксмана, к сожалению, не может быть назван,—слишком незначительное внимание уделено классовой интерпретации той литературы, за которой следит Ю. Г. Оксман. А «общеизвестной» эту интерпретацию счесть никак нельзя. Тем более, что в тех редких местах, в которых автор слегка касается классовой сути выдвигаемых в литературе концепций восстания Черниговского полка, его формулировки подчас более чем спорны; так,

например, он предполагает, что «правящие классы России и Европы» имели «сочувствие» к революционной вспышке на юге (с. XVII). Не описка ли это? Вопрос — почему одно толкование южного восстания сменяло другое, в какую эпоху и в какой обстановке это происходило—обзором Ю. Г. Оксмана не разрешен.

Размеры рецензии не позволяют разобрать многие частные спорные вопросы, затронутые в обзоре. Остановимся поэтому лишь на некоторых,— касающихся взаимоотношений Южного общества декабристов с Обществом соединенных славян, отраженных в «Записках Горбачевского». Анализ текста «Записок» ясно показывает, что мы имеем дело с трудом коллективным. В частности, некоторые места «Записок» (рассказ о заседании в Млынищах, свидание Борисова 2-го с Бестужевым в конце лагерного сбора и др.) если не написаны Борисовым 2-м, то представляют очевидно почти буквальную запись его слов. Затем общеизвестно, что «Записки Горбачевского» — памятник острого классового антагонизма славян и южан. Отсюда совершенно правильно сделать вывод о необходимости очень осторожного обращения с отзывами автора (или авторов) «Записок» о южанах. Но Ю. Г. Оксман идет другим путем и проблему классового антагонизма, чтоже сумняшеся, заменяет вопросом... литературной формы. Оказывается, автор Записок заострил идеологически конфликт славян и южан под влиянием некоего литературного образца, которому подражал, а именно 75-й главы книги «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce». При чем надо добавить, что прямых доказательств знакомства Горбачевского с этим семитомным изданием не имеется. Надо всячески предостеречь от этого сугубо «литературного» уклона. Каждый мемуарист связан со стилем своего класса в определенную эпоху его существования и испытывает влияние литературных образцов. Исключений из этого правила как-будто нет. Конечно, это влияние необходимо учитывать, но никак не подменять проблемы классовой борьбы вопросами литературной формы.

Остановимся затем на утверждении Ю. Г. Оксмана, что «Правила» Соединенных славян есть «несомненный сколок» с «Пифагоровых законов и нравственных правил», переведенных В. Сопиковым (СПБ. 1808). Это соображение очень интересно (с. XVI), но совершенно непонятно, в какой специальной работе [1] это установлено Оксманом. Конечно, рецензия Ю. Г. Оксмана на пятый том «Восстания декабристов» не может быть сочтена такой работой. Будем ждать появления этой работы, пока же, несмотря на самое сильное желание, в «правиле»—«не презирай народ Иудейский за то, что он поклонялся ослу: народы, обоготворяющие человека, благоразумнее ли поступают? (правило 102-е стр. 26). Я не могу усмотреть совпадения ни с одним из «правил» Соединенных славян. Мною сличены со славянскими «правилами» все 325 правил переведенных Сопиковым, и я никак не могу согласиться с мнением, что первые—«сколок» со вторых. Выдвинутый Ю. Г. Оксманом вопрос очень интересен, но опубликованная им аргументация неубедительна.

Подводя итоги, скажем, что Ю. Г. Оксманом проделана большая и ценная работа и что, несмотря на указанные недостатки, рецензируемый том является крупным вкладом в документальную литературу декабризма, и его появле-

---

[1] В поисках ее я наткнулась на случайно ускользнувшую ранее от моего внимания рецензию Ю. Г. Оксмана на V т. «Восстании декабристов» [«Каторга и ссылка» 1928, № 2(39)], где Ю. Г. Оксман приводит некоторые тексты «Пифагоровых законов», «сколком» с которых, по его мнению, являются славянские «Правила». Попутно я наткнулась на одно утверждение Ю. Г. Оксмана о моей книге «Общество соединенных славян», которое нуждается в фактическом опровержении. Ю. Г. Оксман пишет, что архивные материалы о славянах, вошедшие в V т. «Восстания декабристов», «разысканы были уже после того, как закончила в 1925 г. свою юбилейную книгу об Обществе соединенных славян М. В. Нечкина», почему я и не могла де их полностью изучить. Это фактически неверно с начала до конца: упомянутые дела о Славянах (без которых, кстати, просто немыслимо исследование Общества соединенных славян) были найдены не после, а во время моей работы над книгой, и, конечно, изучены мною.

Непонятно, зачем понадобилось «пускать в оборот» такие заведомо неверные сведения. Кстати, в моей книге использованы также документы военно-судного производства, законченного в 1827 г. в Могилеве (дела об Усовском, Драгоманове и др.), которые Оксман в упомянутой рецензии почему-то считает «совершенно неизвестными» в литературе.

ние должно оживить изучение интереснейшей проблемы истории декабристов—восстания Черниговского полка.

М. Нечкина

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. Избранные сочинения в пяти томах. Т. I. Под ред. М. Н. Покровского. Приготовили к печати и снабдили примечаниями М. В. Нечкина, Н. М. Чернышевская-Быстрова и А. Н. Штраух; Гиз, М.—Л. 1928, с. 633+110.

Настоящее издание задумано и выполняется Комиссией ЦИК'а по ознаменованию столетия со дня рождения Чернышевского совместно с Комакадемией. Первый том должен дать характеристику Чернышевского как историка, второй—будет посвящен Чернышевскому-экономисту, третий—философским, четвертый—литературно-критическим и пятый—беллетристическим работам Чернышевского.

Обращаясь к вышедшему первому тому, мы должны прежде всего остановиться на его основном содержании. По замыслу составителей, в него должны были войти те произведения Чернышевского, которые характеризовали бы две группы исторических фактов, сильнее всего повлиявших на выработку его политического миросозерцания вообще и его исторических взглядов в частности: европейскую, главным образом французскую, классовую борьбу 1815—1851 гг. и крестьянский вопрос в России конца 50-х и начала 60-х годов. Но такой принцип построения тома, ставящего себе задачей дать более или менее полное и яркое представление о Чернышевском как историке, кажется нам спорным. Во-первых, «крестьянские» статьи Чернышевского являются не столько историей, сколько публицистикой и лишь отчасти (во всяком случае, не больше, чем его замечательные обзоры зап.-европейской политической жизни) характеризуют его исторические взгляды. А, во-вторых, как правильно отмечают и сами составители, благодаря такой структуре тома в него не вошли некоторые исключительно интересные исторические статьи Чернышевского. Поэтому правильнее было бы—кроме тома специально исторического—дать еще том, посвященный Чернышевскому-публицисту.

Но если отвлечься от этого — неудачного, по нашему мнению, принципа построения тома, то надо признать, что содержание его представляет все же огромный интерес, и составлен он в общем весьма умело.

Избранным сочинениям самого Чернышевского предпослана известная уже читателям «Историка Марксиста» статья М. Н. Покровского — «Чернышевский как историк», затем довольно обширный (свыше 70 с.) биографический очерк, составленный В. И. Невским, и «Вводные замечания», посвященные характеру той работы, которая проделана составителями настоящего тома.

Из статей Чернышевского, вызванных крестьянским вопросом в России, в том вошли: «Труден ли выкуп земли?», «Материалы для решения крестьянского вопроса», далее, статья, посвященная известной работе Гакстгаузена, затем «Письма без адреса» и прокламация—«Барским крестьянам». Отдельно стоит имеющая исключительный интерес статья «Национальная бестолковость», выявляющая взгляды Чернышевского на национальный вопрос в России и Австрии. Наконец, более половины текста Чернышевского (около 300 с.) занимают три его знаменитых статьи о борьбе классов и партий во Франции (эпоха реставрации, июльская монархия и «Кавеньяк»).

Самой замечательной особенностью настоящего издания является текст Чернышевского, впервые полностью восстановленный по сохранившимся рукописям и корректурам, следовательно, в том виде, в каком сам Чернышевский представлял свои работы в цензуру. Кроме цензурных помарок и изменений в тексте сохранены и те изменения, которые делал сам автор в порядке стилистической правки текста. Всего таких купюр и редакционных изменений в томе около 400. Все это делает данное издание не только популярным, но, в известной степени, и научным, чрезвычайно интересным не только для рядовых читателей, но и для исследователей.

Особенно интересны, конечно, те отрывки (местами занимающие почти страницу текста), которые были выброшены цензурой. Иногда они вносят ряд новых или более ярких черточек в то представление о Чернышевском, которое сложилось на основании текста его опубликованных сочинений. Такова например поистине замечательная страница в «Июльской монархии» (сс. 416—417), посвященная процессу сен-симонистов и ставящая принципиальный вопрос, почему новые идеи подвергаются преследованиям. Здесь Чернышевский с исключительной даже для него силой и логической беспощадностью сформу-

лировал характерные черты того революционного реализма, той вражды к сентиментальной фразе, которые моментами так сближают его с Марксом.

Кроме подбора материала и указанной нами кропотливой работы над текстом Чернышевского, составители данного тома дали в приложении огромное число примечаний (всего 587), занимающих 64 страницы, и словарь-указатель имен.

Примечания, согласно той двойной цели, которую поставили себе составители (дать одновременно популярное издание Чернышевского и научный текст его статей), носят двойственный характер—то популяризаторский, то библиографический и текстологический. Кроме того, самые примечания к особенностям текста расположены не всегда в строго арифметическом порядке: это вызвано повидимому тем, что многие из них составлялись после того, как том был уже сверстан. Указатель имен преследует и популяризаторские и справочные цели.

Вся эта популяризаторская работа, большая и полезная, не свободна от отдельных ошибок. Остановимся на некоторых из них, бросившихся нам в глаза.

В примечании 426 слово «санкюлоты» переводится «бесштанники». Это ненужное упрощение. Санкюлотами называли тех, что не носил, как дворяне и высшая буржуазия, коротких штанов с чулками (culottes), а длинные брюки, т. е. не «бесштанников», не «голытьбу», а плебеев, простолюдинов. В словаре-указателе имен мы нашли целый ряд неверных или спорных утверждений. Так, про Бабефа говорится, что он «не играл роли в революции до 9 термидора». Это конечно совершенно не соответствует действительности. Его роль была, правда, довольно скромная, но все же настолько заметная, что он неоднократно подвергался преследованиям. Далее, на с. 596 мы читаем, что «в 1871 г. Бланки был избран членом Парижской Коммуны, но правительство Тьера не пропустило его в революционный Париж». (Разрядка наша—*Б. Г.*). Бланки был в это время замурован в крепостной тюрьме на севере Франции и речь шла не о «пропуске» его в Париж, а об его освобождении в обмен на арестованных Коммуной заложников. На с. 604 про Гюбера говорится, что он «участвовал в заговоре Бланки». Совершенно непонятно, о каком «заговоре» идет здесь речь. На с. 610 про публициста Карреля не упомянуто, что он был также историком, написавшим известную книгу «История контрреволюции в Англии». На с. 616 далеко не точно утверждение, что «большинство классовых группировок», которое поддержало государственный переворот Наполеона III, «скоро... жестоко разочаровалось в своем избраннике»: это произошло отнюдь не «скоро»,—значительные массы крестьянства были настроены бонапартистски (по крайней мере, пассивно) почти до самого падения империи.

Можно было найти еще ряд таких неточностей. Но они не уменьшают большого историко-литературного и культурно-пропагандистского значения той огромной и ценной работы, которая проделана составителями I тома. Остается пожелать, чтобы и остальные томы этого издания были составлены с такой же тщательностью, а также, чтобы цена их была понижена. Ибо 6 р. для такого издания—непомерно большая цена, которая затрудняет его распространение.

Б. Горев

Б. П. КОЗЬМИН. Революционное подполье в эпоху «белого террора». Ист.-рев. биб-ка Изд. Общ. политкаторжан, М. 1929, с. 191.

В своей новой работе неутомимый исследователь нашего далекого революционного прошлого Б. П. Козьмин ставит своей задачей заполнить «промежуток между каракозовским и нечаевским делами», т. е. найти следы или зародыши революционных организаций в годы, следовавшие за разгромом ишутинского кружка и получившие название «эпохи белого террора», в годы, когда по мнению большинства историков революционного движения и даже мемуаристов «в России вообще никакой революционной работы не велось, и никаких революционных организаций не существовало».

Путем изучения большого архивного материала, к которому до сих пор еще почти не прикасалась рука исследователя (показания и переписка ряда арестованных по политическим делам в 1868 и 1869 гг., официальные донесения и докладные записки III отделения и т. п.), и опираясь на огромное количество уже опубликованных источников исторического и мемуарного характера, автор в результате кропотливого анализа всего этого материала приходит к выводу о существовании в Петербурге

в 1867 и 1868 гг., довольно многочисленного революционного кружка или группы, об'единявшей, между прочим, некоторых бывших каракозовцев с будущими нечаевцами. Эта группа занималась пропагандой среди студенчества, пыталась завязать сношения с тогдашней женевской эмиграцией (главным образом с Элпидиным) и, может быть, даже обсуждала планы цареубийства. Без подготовительной деятельности этой группы, по мнению автора, трудно было бы об'яснить, как мог Нечаев «создать среди этой мертвой пустыни (какой кажется историкам и мемуаристам эпоха «белого террора».—*Б. Г.*) революционную организацию и вызвать интенсивное движение среди петербургского студенчества в зиму 1868—1869 гг.».

Надо отдать справедливость автору. Собранные им материалы, филигранная работа исторического анализа и живость изложения делают его книжку весьма интересной, притом—не только для историков.

Перед нами встает целый ряд фигур революционно настроенной молодежи конца 60-х гг. и между ними особенно любопытная личность Бочкарева, пытавшегося об'единить революционные планы в России с пропагандой тогдашних радикальных идей среди балканских и австрийских славян, стойко и умело, вопреки тогдашнему обыкновению, державшегося на допросах. Нам удается заглянуть в закулисную сторону части женевской эмиграции, во главе с Элпидиным, а также в розыскную работу III отделения. Мы узнаем о самых разнообразных начинаниях и попытках молодежи — от студенческой кассы и кухмистерской до планов освобождения Чернышевского и даже до разговоров о цареубийстве. А где-то, вдали от главных действующих лиц, смутно вырисовываются фигуры Ткачева и Нечаева.

Повторяем, все это весьма ценно и интересно. Но главная задача автора—доказать и убедить нас в существовании определенной р е в о л ю ц и о н н о й о р г а н и з а ц и и, целого «революционного подполья» в 1867—1868 гг. Несмотря на ряд оговорок о небольшом масштабе работы этой организации и о полной неудаче всех ее начинаний,—эта главная задача, думается нам, далеко не вполне достигнута. В его работе на ряду с твердо установленными фактами много гипотез, правда, нередко весьма интересных и остроумных, но все-таки только гипотез. Он слишком долго останавливается на мистификации с подготовкой взрыва царского поезда. Иногда его попытка,—на основании весьма косвенных улик и довольно случайных связей между действующими лицами—доказать существование организации, напоминают юридическое построение обвинительного акта. Наконец, на ряду с весьма тщательной критикой источников, которая составляет, как известно, весьма сильную сторону всех исторических работ автора, он в данной книжке подчас слишком доверяет мемуарам. Так, он принимает на веру переданное из вторых рук (со слов Неттлау) воспоминание Черкезова, будто одним из членов изучаемой им группы был Ткачев.

Но как бы ни относиться к некоторым доказательствам и гипотезам автора, собранный им и тщательно проанализированный материал сам по себе является безусловно новым и ценным вкладом в историю революционного движения, вернее, революционных настроений и попыток 60-х гг., а мастерство его анализа, даже при несогласии с некоторыми выводами, доставляет почти эстетическое удовольствие.

Б. Горев

С. АГУРСКИЙ. Р е в о л ю ц и о н н о е д в и ж е н и е в Б е л о р у с с и и (1863—1917). Истпарт ЦК ВКП(б)Б, Белорусск. Гос. изд., Минск, 1928, 346 стр.

Достоинством этой книги является то, что она вышла, т.-е. то, что появилась, наконец, на свет книга, которая пытается дать цельную и обобщенную картину революционного движения в Белоруссии в течение послереформенного периода.

К сожалению, если книга на такую тему является только выражением назревшей потребности, она этой потребности вовсе не удовлетворяет.

Основным ее недостатком является, если можно так сказать, отсутствие «философии». Это вовсе не значит, что мы упрекаем автора в отсутствии рассуждений или в недостатке мысли. Нет, в книге можно найти и рассуждения, и мысли. К сожалению, эти мысли и рассуждения слишком общи, очень часто стоят вне связи с материалом книги, с ее содержанием, с фактами, которые группирует автор. Наличие т а к и х рассуждений не только не опровергает нашего мнения об отсутствии «философии», но, напротив, еще более ярко подтверждает. В самом деле. При изучении истории револю-

ционного движения в Белоруссии мы сталкиваемся не только с специфичностью экономической структуры, хозяйственных отношений в стране; мы сталкиваемся также и с весьма оригинальной внешней питательной средой, с многоразличным влиянием не только русского, но и польского, и еврейского революционного движения. Задачей исследования, таким образом, становится не только изучение специфических экономических отношений, не только анализ влияния национально-идеологических традиций (и перевод их на язык социальных отношений) внутри Белоруссии, но и вскрытие характера и степени влияния революционного движения в России и Польше на таковые же в Белоруссии.

Только уяснив все эти моменты, можно дать внутренне-единую картину революционного движения. Такое изучение, конечно, само по себе еще не гарантирует правильности результатов (понятно, что в результате большего или меньшего охвата материала, более или менее глубокого проникновения в него, более или менее критического взгляда можно даже при одном и том же марксистском методе притти к различным положениям. Это верно). Но без такого подхода никакого внутреннего единства получиться не может. Именно эта беда случилась и с тов. Агурским. В его истории факты нанизаны одни на другие, без всякой внутренней связи; чисто внешне и механически соединены эти факты революционного движения в Белоруссии с событиями российского революционного движения.

Эта механическая связь сказалась и на построении книги: всюду перед тем как подойти к какому-нибудь явлению или этапу истории революционного движения, автор предварительно дает очерк по истории событий в России (перед историей народничества в Белоруссии дается история народничества в России, очерк переходного периода в рабочем движении Белоруссии сопровождается таким же очерком по истории России; перед тем как рассказать историю экономизма и зубатовщины в Белоруссии рассказывается история этого же периода в России). Но автор и не пытается вскрыть ни закономерностей в истории российского движения, ни различия или тождества по сравнению с российским движением в революционном движении Белоруссии. Для автора все главы о российском движении, занимающие кстати очень много места, не меньше четверти книги, имеют значение только хронологического предисловия; в результате читатель имеет дело с утомительным и бесполезным повторением материала. Весьма общие, чтобы не сказать, шаблонные выводы, хорошо известные, повторяются и тут, и там, и в русской, и в белорусской главах, а материал, независимо от этих выводов, в весьма сыром виде распределяется под чисто внешними рубриками.

Как добрый марксист автор обращается к экономике. Но он так беспомощно оперирует теми данными, которые случайно подвернулись ему под руки, что нужно только благодарить автора, что он из своего экономического анализа не делает никаких выводов. Обращение к экономике является для автора той данью «марксистской» добродетели и традиции (которая обязательно требует экономического анализа. Помилуйте, что же это за марксизм, если без экономики, без базы, без цифр!). Цифры, однако, несмотря на свой скромный вид, могут иметь весьма злодейские последствия: их употребление иногда может разоблачить «качество» «марксизма» еще больше, чем их отсутствие. Так получилось и у тов. Агурского. Характеризуя экономическое положение Белоруссии во второй половине XIX века, в частности положение крестьянства, автор так цитирует манифест 19 февраля 1861 г.: «...помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют крестьянам, за установленные повинности, в постоянное пользование усадебную их оседлость...». На этом автор о б р ы в а е т цитату и у читателя, не имеющего самых элементарных сведений, может создаться представление, будто бы освобождение крестьян было у нас безземельным. Между тем, сейчас же вслед за цитируемой фразой следует другая, отделенная только запятой от приведенной автором, фраза, которая говорит о наделении крестьян на определенных условиях землей для выполнения ими соответственных повинностей перед государством и помещиком. Как увидит читатель ниже, эта ошибка у автора не случайна; пока же мы хотим только отметить, что как раз на Белоруссии условия крестьянского «освобождения» были значительно отличными от русских. Не отметив этого отличия, нельзя дать правильной характеристики экономического положения крестьянства. Но это

ошибка десятистепенная по сравнению с той, какую делает автор сейчас же вслед за ошибочно цитируемым манифестом. На стр. 7 он приводит из книги проф. Довнар-Запольского «Народное хозяйство Белоруссии» таблицу землевладения Белоруссии в 1877—87 гг. По этой таблице у автора получается, будто к 1877 г. максимальный процент крестьянской земли в белорусских губерниях по отношению ко всей земельной площади составлял 3,5%, а в 1887 г.—8,1%. Всякий, имеющий хоть сколько-нибудь ясное представление о распределении земельных владений между различными социальными группами, этими цифрами поразится. Откуда их взял автор? (Уж не решил ли он, что крестьянам, действительно была предоставлена только усадебная оседлость? Но и тогда откуда эти цифры?). Простая справка у Довнар-Запольского успокоит читателя. Эта таблица говорит не о распределении всего землевладения, а только частного землевладения. Автор безмятежно вычеркнул все крестьянское надельное землевладение и потому получил такие нелепые цифры, по которым «в Минской губернии крестьяне владели до 1887 г. всего 1,2% всей земельной площади, помещики—93%) (эти же цифры, ничтоже сумняшеся, в доказательство нищеты белорусской деревни, повторяет рецензент этой книги в одном из номеров «Пролетарской Революции»). Это у автора не оговорка—на стр. 115—117 повторяются подобные же данные. Конечно, после такого анализа уже в качестве положительного явления должно быть отмечено то, что весь этот анализ просто пристегнут к остальному материалу. Ни в какой связи с ним он не стоит. Экономические экскурсы как-то вклеены в чисто описательный и весьма сырой материал, которым книга загружена.

Преобладание описательной стороны над аналитической вообще исключительно велико; у автора нельзя заметить и попытки об'яснить такие явления, которые вопиют об об'яснении. Например, на 42 стр. можно прочесть следующее: «Дух истинной интернациональной пролетарской солидарности господствовал в еврейском рабочем движении лишь до 1 мая 1895 года. С этого дня берет свое начало новое направление в еврейском рабочем движении—националистическое, от которого оно не могло освободиться в течение десятков лет». Напрасно будете вы искать причин такого поворота в еврейской революционной мысли к национализму, напрасно ждете вы выяснения: почему именно в день 1 мая 1895 г. этот поворот обнаружился—ответа не найдете. Но если здесь утверждение заменяет собою об'яснение, то в других местах вы столкнетесь с тем, как анализ подменяется беллетристикой: «Кровавые бойни и погромы, сопровождавшие царский манифест 17 октября, окончательно разоблачили перед массами сущность царских «свобод». Идиллия была разрушена, и народные массы потеряли всякую веру в обещанные свободы. Для всех стало ясно, что освобождения можно добиться только путем решительной борьбы против царизма». Но так ли это было в действительности? Действительно ли царизм окончательно и перед всеми (в том числе и перед крестьянством) был разоблачен? Об этом автор и не думает. Агитационная фраза, в свое время может быть и необходимая, освобождает нашего историка от исторического рассмотрения вопроса. Целого ряда проблем, давным-давно поднятых в марксистско-ленинской литературе при изучении революции 1905 г., автор даже не подозревает (ср., например, ленинскую трактовку взаимоотношения экономической и политической борьбы рабочего класса с тем, как изумительно-примитивно рисует эти отношения автор на стр. 127), а там, где автор чувствует проблему (как, например, в вопросе о причинах отсутствия Советов на Белоруссии), он ее совсем неудовлетворительно решает.

В конце-концов с описательным характером всей книги, с отсутствием анализа можно было бы примириться, если бы они не дополнялись весьма грубыми ошибками. На некоторых из них мы считаем необходимым остановиться. Раньше всего, мы считаем совершенно неправильной ту характеристику, которую автор дает польскому восстанию 1863 г.: «Подобно восстанию 1830 г., восстание 1863 г. было организовано помещиками и духовенством. Все восстание проходило под чисто шовинистическими лозунгами. Как помещики, так и духовенство звали массы на борьбу за католическую религию и независимое отечество» (15 стр., см. также 17 стр.). Вот центральный вывод автора—вывод, нужно прямо сказать, сугубо неправильный. Конечно, верно, что в польском восстании 1863 г. были две струи: струя помещичья и

революционно-народническая. Несомненно верно, что Центральный польский комитет, например, отражал эти помещичьи интересы, когда в письме к Герцену заявлял: «народная организация в первую минуту восстания наделит сельских обывателей землей, ныне ими обрабатываемой, а народное правительство возьмет на себя вознаграждение помещиков из общих государственных сумм» (наличие таких шляхетско-консервативных тенденций в польском восстании неоспоримо, но можно ли отсюда делать такой вывод, какой сделал тов. Агурский?). Но можно ли забывать про другую струю в движении, струю вынесшую Домбровского и Врублевского на баррикады Парижской Коммуны? Можно ли забыть про огромное международное об'ективно-революционное значение польского восстания? Нельзя указывать только на националистический характер движения и забывать про его революционную роль. Рассматривая польское восстание вне исторической перспективы, неправильно делая ударение на его, так сказать, шляхтетско-консервативной струе, автор приходит к выводам, которые противоречат мнению Маркса и Энгельса, Ленина, Герцена и Чернышевского. Энгельс в 1874 году довольно категорически заявил: «Польша еще в большей степени, чем Франция, поставлена своим историческим развитием и своим современным положением перед выбором—или быть революционной, или погибнуть. И в силу этого теряет всякое значение вся нелепая болтовня о преимущественно аристократическом характере польского движения». (Д. Рязанов. Очерки по истории марксизма, т. II, стр. 349—350). Точно также и Ленин, цитируя мнение Маркса, что «даже польское дворянство, стоявшее еще частью на феодальной почве, примкнуло с беспримерным самоотвержением к демократической аграрной революции», заявлял: «Тогда революционною была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства... Тогда полная победа демократии в Европе была действительно невозможна без восстановления Польши. Тогда Польша была действительно оплотом цивилизации против царизма, передовым отрядом демократии» (Ленин, IV том, I отд., стр. 224—225).

Тов. Агурский все время подчеркивает, что крестьяне не принимали участия в «панском» восстании, выдавали даже повстанцев в руки полиции и т. д... По тов. Агурскому выходит также, что крестьяне выступали против польских помещиков, в силу чуть ли не сознательного классового расчета, потому что хотели избежать неизбежного владычества польского помещика на освобожденной земле. Это все равно, как если бы сказать, что те же крестьяне, одетые в солдатские шинели, из-за соображений классового расчета или даже классовой ненависти, расстреливали русских бар, офицеров-помещиков в 1825 г. на Дворцовой (Сенатской) площади. А ведь суть-то в том и заключается, что крестьяне повернули против революционных бар и встали на защиту бар реакционных. Оправдывать, даже косвенно, такое поведение крестьянства никоим образом нельзя. Его можно только об'яснить, и в правильном об'яснении окажется, что «главной причиной» пассивности и даже враждебности крестьянства было вовсе не то, что помещики «хотели таким путем (путем предоставления земли) использовать крестьянство в борьбе за независимую Польшу», а невежество, темнота, распыленность, политическая индиферентность крестьянства. Поведение крестьянства было реакционным, и то, что крестьяне выступали против повстанцев, также мало меняет об'ективный смысл 1863 года, как тот факт, что русские крестьяне выдавали «сицилистов» полиции, ничего не меняет в революционном значении нашего народнического движения. Чернышевский, величайший русский демократ, точно также расценивал поведение русских крестьян в восстании 1846 года, и он же в статье «Национальная бестактность» в 1862 г. предупреждал против демагогического направления украинских и русинских крестьян против поляков, подготовлявшихся тогда к восстанию. Ленин целиком поддержал мнение Чернышевского, который, по его словам, подобно Марксу сумел оценить значение польского движения, и противопоставляет ему Драгоманова, «который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии» (Ленин, XII т., ч. II, 523—524).

Таким образом оценка тов. Агурского (15 и 17 стр.) решительно противоречит и оценке пролетарских демократов—Маркса и Ленина—и оценке революционных демократов—Герцена, Ба-

кунина и Чернышевского, хотя соответствует точке зрения Прудона. Единственным утешением и здесь является тот факт, что и в своих рассуждениях, и в своих оценках наш автор не страдает последовательностью. После того, как он назвал восстание чисто шовинистическим и чуть ли не католическим, он все же—на стр. 22—признает, что восстание «имело колоссальное значение для демократического и революционного движения того времени».

Беда, однако, в том, что т. Агурский далеко не всюду так непоследователен, т.-е. не всегда меняет совсем неправильную оценку или формулировку на более или менее правильную. Очень часто он абсолютно неправильные замечания оставляет, не изменяя. К числу таких относится и сообщение т. Агурского о национализации земли: «Ленин предложил включить в аграрную программу пункт об отмене частной собственности на землю и о передаче всей земли в руки государства, т.-е. национализации земли. Меньшевики высказались против национализации земли, так как это привело бы, по мнению меньшевиков, к усилению государства, которое после революции будет находиться в руках буржуазии—врагов рабочего класса. Ленин, однако, исходил из того положения, что аграрная программа должна быть рассчитана не на буржуазную революцию и буржуазную власть, но на такое государство, где во главе власти будут стоять рабочие и крестьяне, и когда такое правительство получит в свои руки всю землю, то этим будут усилены позиции пролетариата, который получит благодаря этому возможность развития по пути к социализму» (158 стр.). Здесь в двух-трех фразах нагроможден целый ряд ошибок. Тов. Ангурский «открыл», что аграрная програма РСДРП, в частности национализация земли, рассчитана н е на буржуазную революцию. Это после того, как Ленин потратил столько усилий, чтобы доказать Маслову, что национализация теоретически не только совместима с буржуазными отношениями, но и способствует более быстрому их развитию, это после цитат из «Теорий прибавочной стоимости», широко пущенных Лениным в оборот русской марксистской мысли. Вдобавок ко всему еще одна неправильность: меньшевики возражали против национализации вовсе не потому, что она усиливала б у р ж у а з н о е государство, а как раз потому, что могла усилить а б с о л ю т и з м. Именно на IV с'езде, выступая против ленинской национализации, Плеханов и развил эти соображения.

Наряду с этими капитальными ошибками, в книге очень много и менее существенных ошибок. Нельзя не признать ошибочным утверждение, будто после 9 января в Белоруссии начинаются восстания, чуть ли не организуемые социал-демократией. Автор пишет: «Уже 11 января, как только получились первые сведения о петербургских событиях, во всех городах и местечках Белоруссии начинаются выступления и забастовки, носившие характер р е в о л ю ц и о н н о г о восстания» (стр. 123). В Вильне, во время забастовки «руководители с.-д. партий хотели организовать вооруженное восстание» (124). «13 января Сморгонь была в руках пролетариата». «Восстание было подавлено 14 января» (14). Вся эта картина являлась бы несомненно одной из эффектнейших страниц январского движения, если бы... если бы она соответствовала действительности. Неверно далее, будто «Земля и Воля» (70-х годов) «совершенно не касалась рабочего движения» (26 стр.), будто только в конце 70-х годов на арене русского революционного движения появляется рабочий (33 стр.). Не говоря уже о Петре Алексееве, к 1874 г., т.-е. к первой половине 70-х годов, создается Южно-Российский Союз Рабочих. Неверно, будто «благодаря стачкам к убеждению о необходимости сокращения рабочего дня пришли не только фабриканты, но д а ж е и царское правительство» (44). Правительство, руководствуясь побуждениями полицейского характера, было настроено более решительно за сокращение рабочего времени. Неверно, будто манифест I с'езда не поручали писать и редактировать Плеханову, потому что считали его слишком оторванным (53). Автор напрасно следует здесь Эйдельману. Неверно, будто первый Совет родился в октябре в Петербурге. Сейчас общепризнано, что первый Совет создался летом в Иваново-Вознесенске. Неверно, будто все министры состояли почетными членами Союза русского народа (154). На Витте, например, Союз русского народа даже устраивал покушение. Неверно, будто «под влиянием аграрных волнений кадеты также вынуждены были стать в оппозицию к правительству» (156). Они находились в оппозиции значительно ранее, и как раз обратно, усиление аграрных волнений в 1906 г. должно было усилить у них соглашательское, а не оппозиционное крыло.

Наряду с этими ошибками очень много и таких замечаний, которые об'ясняются небрежностью, неряшливостью. Нельзя, например, писать о периоде реакции—1907/08 г.г. так: «Многим казалось, что если такие работники, как Азеф, Каплинский, Малиновский и др., оказались провокаторами, то уже почти невозможно кому-либо доверять» (170). Предательство Малиновского было окончательно установлено только уже ко времени революции. Нельзя относить крестьянские беспорядки, которые произошли в апреле 1912 года в результате, как пишет сам автор, длившейся много лет тяжбы, к разделу, который озаглавлен: «Отклики ленского расстрела в Белоруссии». Нельзя в доказательство того, что рабочее движение убедило народников, ссылаться на 4-й номер «Летучего листка группы народовольцев». Листок это был почти совсем марксистским и почти вся группа во главе с Ольминским, как известно, перешла к марксистам.

Много опечаток или пропусков. Дворянский банк был организован не в 1895 г., а в 1885 г., партия социалистов-революционеров организовалась не в 1903 г., а в 1901 г. и др.

Использованные источники носят самый разнообразный характер, но преимущественно автор оперирует уже опубликованным материалом. Но совсем странный характер имеет использованная автором литература по экономическим вопросам, больше всего он почему-то цитирует книжку Батуринского об аграрной политике царизма и крестьянском банке. Оттуда он берет цитаты даже из Туган-Барановского (!). По военной экономике автор пользуется только совершенно устарелой книжкой Авилова, и то он пользуется только тем ее отрывком, который помещен в хрестоматии «Революция и РКП».

Наконец, необходимо отметить излишность некоторых приложений. Вообще приложения занимают более трети всей книги и наряду с весьма ценными, вроде «Мужицкой Правды», есть и такие, которые перепечатаны из «Пролетарской Революции», «Красной Летописи», из «Пролетария», переизданного уже в наше время, из изданных опять-таки в последнее время сборников по 1905 году.

Нужно обратить также внимание и на стиль книги. (Правда, здесь вина уже не автора, а переводчиков: книга переводилась с еврейского). Попадаются такие выражения: «рабочий день продолжается круглые сутки», «основным капиталистическим элементом были магазины» и т. д.

В книге собран впервые,—нужно отметить,—значительный и интересный материал, вроде «Мужицкой Правды» или очень ценного предисловия Ленина (98—99) к отчету о III с'езде, изданному на еврейском языке (по сообщению т. Агурского предисловие это впервые появляется на русском языке). Но весь собранный материал преподнесен страшно сыро, мало или плохо обобщен, специфические черты экономических отношений не выяснены, «социологический эквивалент», как говорил Плеханов, социальная база различных революционных групп не вскрыта, национально-идеологические традиции не об'яснены, не переведены на язык социальных отношений. В книге много ошибок, иногда весьма грубых, иногда вызывавшихся, вероятно, небрежным переводом, спешкой и т. д. Все это и заставляет нас в общем вынести отрицательный отзыв о книге. Ее нужно коренным образом переработать и тогда она сумеет в известной степени удовлетворить потребность в книге по истории революционного движения в Белоруссии.

М. Югов

ПРОТОКОЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РСДРП. Институт Ленина при ЦК ВКП(б) Государственное Издательство. Москва-Ленинград. 1929 г.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) охватывают период с августа 1917 г. по февраль 1918 г. включительно. Они изданы Институтом Ленина под общей редакцией М. А. Савельева. Подготовил их к печати т. В. Рахметов. Протоколы снабжены примечаниями, имеют также приложения, относящиеся к тому или иному протоколу, а также и приложения в конце книги, а именно: семь номеров бюллетеней, издававшихся в октябре по постановлению ЦКП(б) Секретариатом ЦК. Кроме того, приложены некоторые документы о Брестском мире, а также указатели—именной, предметный и даже географический.

В сообщении, сделанном от редакции указывается, что в основу издаваемых протоколов, охватывающих по существу период с VI по VII с'езд партии, положена хранящаяся в архиве Института Ленина, переплетенная тетрадь, где записаны подряд протоколы ЦК. Они записаны «сперва рукой Е. Д. Стасовой, входившей в 1917/18 г. в Секретариат ЦК, а затем рукой неизвестного переписчика». Редакция при этом оговаривает, что «протоколы эти, насколь-

ко известно, официально никем не утверждались и потому скорей могли быть названы протокольными записями заседаний ЦК». Редакция также указывает, что кроме так называемой «тетради т. Стасовой» имеются в Секретном архиве ЦК ВКП(б) «черновые наброски» протоколов ЦК, начиная с 10 октября по 24 февраля 1918 г. по старому стилю. Они использованы в качестве варианта к основному тексту протоколов из «тетради т. Стасовой». И только четыре протокола—из сорока четырех напечатанных — даны по тексту Секретного архива, так как «он значительно подробнее текста «тетради т. Стасовой», как отмечает редакция. Кем были составлены эти черновые наброски, хранящиеся в Секретном архиве ЦК ВКП(б), редакция не оговаривает. Можно предполагать, что это осталось к сожалению невыясненным.

Необходимо отметить, что издаваемые протоколы не охватывают всех заседаний ЦК за этот необыкновенно важный период, на что указывает и сама редакция. Так, нет совсем протоколов ЦК за корниловские дни. А между тем в газетах имеются воззвания и декларации ЦК, относящиеся к этим дням, которые указывают на то, что заседания ЦК происходили и в это время. Не все протоколы сохранились и за октябрьский период. Так, например, нет протокола от 31 октября, хотя на заседании ЦК 1 ноября Ф. Э. Дзержинский говорит о «вчерашнем заседании». Нет также протокола заседания от 2-го ноября, но есть резолюция ЦК от этого же числа. За декабрь сохранился только один протокол. За январь и февраль сохранились только протоколы, касающиеся мирных переговоров с Германией. Трудно, конечно, предположить, что ЦК не обсуждал других вопросов в этот период, как и отмечает редакция. К сожалению, редакция не указывает, найден ли был ею какойлибо газетный материал, относящийся к заседаниям ЦК за этот период. В силу этих весьма важных причин издаваемые протоколы ЦК, конечно, не дают исчерпывающей картины деятельности ЦК. Но они не дают исчерпывающей картины и по другой причине—в силу некоторой скудости записи. Естественно, поскольку запись была не стенографическая, а обычная, она не могла отразить целиком прения по ряду рассматриваемых, особенно политических, вопросов. Правда, при чтении некоторых протоколов удивляешься подробности их записи, но с точки зрения обычной протокольной фиксации, а не стенограммы. Так, по нашему мнению, особенно слабо отраженным оказался в протоколах важнейший момент деятельности ЦК, именно процесс подготовки Октября. В этом отношении отдел 1-й издаваемых протоколов, идущий под заголовком «ЦК на подступах к Октябрю», хотя и содержит 24 протокола из 44 напечатанных, все-таки не дает широкой картины всей работы ЦК в этом направлении.

Второй отдел издаваемых протоколов «ЦК в Октябре», содержащий всего 10 протоколов, но с многочисленными, в большинстве неопубликованными приложениями к ним, представляет собою и сейчас колоссальный, злободневный интерес. Поскольку за этот период, октябрь—ноябрь—декабрь, сохранилось всего 10 протоколов, конечно, процесс захвата власти и руководства первоначальным строительством не нашел себе достаточного отражения. Но эти протоколы очень важны с другой стороны—с точки зрения внутренней политической дискуссии, которая была в этот период. Она интересна и злободневна с точки зрения разногласий ряда товарищей с Лениным и ошибочности позиции и тактики этих товарищей. То же самое нужно сказать и о третьем отделе протоколов «ЦК в период Бреста», содержащем тоже 10 протоколов за период январь—февраль и ряд очень важных и любопытнейших приложений, относящихся к этому периоду и помещенных во второй части раздела «Приложений». Большинство из этих приложений еще не опубликовано и взято из Секретного архива ЦК ВКП(б).

Надо отметить, что с точки зрения опубликования документов, изданные протоколы представляют очень большое достижение по сравнению с рядом изданий различных сборников документов, материалов и т. п. Очень удобно для чтения и вполне правильно, когда перед протоколом, имеющим варианты, вначале дается описание этого протокола, как документа, а также и других вариантов, указывается также, который из них кладется в основу и печатается, построчно оговариваются разночтения и иногда, если они велики, приводится на ряду с одним протоколом параллельно и второй вариант. Правильно также, что вслед за протоколом идут приложения, относящиеся к этому заседанию, и затем сейчас же

примечания, а не в конце книги, как это обычно делается. Помещение примечаний после каждого протокола представляет очень большие удобства, т. к. весь материал, который они дают, действительно, используется при чтении этого протокола. Тем более, что примечания сами по себе дают довольно большой материал. К сожалению, к числу существенных недостатков этих примечаний необходимо отнести и то, что автор очень часто не указывает, приводя различные воззвания, декларации, откуда он их берет. В одних случаях он делает ссылки на источник—газету, частные сведения и т. п., в других случаях абсолютно его не оговаривает. Так, на стр. 44, примечание 3-е, приводится декларация большевиков в петроградской центральной думе на заседании 1-го (14-го) сентября и совсем не упоминается источник, откуда оно взято. То же—на стр. 60 примечание 3—печатается декларация большевиков на Демократическом совещании в заседании 18-го сентября (1-го октября). без указания источника. То же относится к декларации большевиков, оглашенной в Предпарламенте 7-го (20-го) октября по старому стилю (стр. 91—примечание 4-е). То же—в телеграмме Викжеля от 11-го ноября, стр. 145 примечание 1-е к совещанию при Викжеле от 29-го октября о конструировании власти, где приводится заявление Каменева, стр. 146 — 147 прим. 5-е и страница 156 прим. 2-е, где приводится подробный отчет об этом совещании—с речами, резолюциями и т. п., также без указания источника. На стр. 159 прим. 10-е приводится «газетный отчет о речи Сокольникова» на этом совещании, но не указывается какая газета, ее номер, число и т. п. В некоторых случаях приводится название газеты, но без указания ее номера и даты. (Например, на стр. 136 прим. 1-е и стр. 40 прим. 2-е). Но, если часто о документах, напечатанных в примечаниях, нет указания, откуда они взяты, то, приводя там же те или иные факты, тов. Рахметов также не оговаривает, на чем он их обосновывает. Так, на стр. 8-й прим. 7-е—тов. Рахметов указывает, что газета «Рабочий и Солдат», заменившая «Правду», закрытую в июльские дни Врем. Пр-вом, выходила «первое время, как орган Военной организации РСДРП(б), хотя и не имела соответствующего подзаголовка». Естественно, что нужно было указать на источник этих сведений. То же относится к информации тов. Рахметова о 3-й Циммервальдской конференции, стр. 33 прим. 4-е, о распоряжении министерства внутренних дел арестовать Ленина и Зиновьева при входе на Демократическое совещание — стр. 57 прим. 3-е и в ряде других случаев. С этой точки зрения тов. Рахметову при втором издании необходимо очень тщательно просмотреть примечания и сделать всюду ссылки на источник, в особенности где приводятся речи, декларации и т. п. официальный материал. Тем более, что в некоторых случаях он это делает, но, к сожалению, не всюду. Кроме того, некоторые примечания являются весьма спорными в своей мотивировке и иногда неверными. Так, говоря о Комитете народной борьбы с контрреволюцией, организованном ВЦИК'ом на заседании 27-го августа ст. ст., тов. Рахметов заявляет следующее: «Благодаря преобладанию в нем соглашателей (меньшевиков, эсеров и народных социалистов—*Е. К.*), Комитет занимал нерешительную позицию в борьбе с корниловщиной. В корниловские дни—подчеркивает он—меньшевики и эсеры не столько боролись с Корниловым, сколько покровительствовали корниловцам» (стр. 43 прим. 1). Это утверждение нам кажется не совсем правильным. Ясно, что соглашательское большинство всей своей политикой и тактикой подготовило корниловщину. Можно также указать, что оно недостаточно беспощадно расправилось с участниками мятежа по его ликвидации. Но с корниловским мятежом оно все же боролось и приняло меры к его подавлению. Можно сослаться хотя бы на характерное в этом отношении об'единенное заседание ВЦИК'а и Совета Крестьянских Депутатов, бывшее 30-го августа ст. ст., посвященное этому вопросу, и на ряд других заседаний, где ВЦИК пытался мобилизовать и об'единить силы для подавления корниловского мятежа. ВЦИК согласился даже на вооружение рабочих, хотя понимал, что это для него—обоюдоострое оружие. Правда, бо́льшую часть работы в органах ВЦИК'а, практически занимавшихся борьбой с Корниловым, выполнили большевики.

Неверной нам кажется и мотивировка тов. Рахметовым организации междурайонных совещаний районных советов Петрограда, возникших, по его мнению, «вследствие замирания работы в меньшевистском Петербургском Со-

вете» (стр. 58 прим. 7-е). К сведению тов. Рахметова, первое «совещание представителей районных комитетов Советов Рабочих и Солдатских Депутатов» состоялось 23-го апреля. И это «совещание признало необходимым создать организацию всех районов для установления связи с Испол. Ком. С. Р. и С. Д. С этой целью совещание выбрало из своей среды комиссию из 10-ти лиц по одному от района для выработки плана работ и для представления доклада собранию представителей районных комитетов». Эта комиссия заседала 25-го апреля, выработала ряд очень важных мероприятий об отношении районных советов к выборам в районные думы, об участии в продовольственных органах и т. д. И второе совещание—по пяти представителей от каждого района—было назначено на 1-е мая (см. «Известия Петр. Совета Р. и С. Д.», № 52 от 28 апреля). С этого момента, момента отнюдь не замирания деятельности Совета, а его развертывания, эти совещания стали собираться, и по их инициативе был позднее организован при Петр. Совете— городской отдел. Это была живая инициатива самой массы под руководством большевиков, и отнюдь не связанная с замиранием деятельности Петр. Совета, которое относится к гораздо более позднему периоду. Поэтому данное примечание тов. Рахметова является совершенно неправильным.

По указанию тов. Рахметова, «Узкий состав ЦК исполнял в 1917 г. обязанности теперешних политбюро и оргбюро ЦК» (стр. 8-я прим. 5-е). А между тем на стр. 69 помещено об'явление о созыве партийного с'езда за подписью «организационного бюро ЦК ВКП(б)». Если это было бюро только по созыву с'езда, то ни в самой подписи, ни в примечаниях это не оговорено. Кроме того, на стр. 21 в протоколе ЦК от 6 (19-го) августа есть такое постановление: «Решено все хозяйственные дела передать в оргбюро», а на стр. 49 протокола заседания от 31-го августа говорится о докладе организационного бюро. Очевидно, оргбюро существовало самостоятельно. Необходимо указать и на некоторую путаницу в примечаниях старого и нового стиля. Так, на стр. 53 прим. 1-е сначала помещен новый стиль и в скобках старый, а на стр. 54 под протоколом идет сначала новый стиль в скобках и потом без скобок старый. И таких случаев несколько. Нужно было руководствоваться каким-нибудь одним обозначением, иначе затрудняется чтение. Иногда в текст протоколов, например, на стр. 42, вставлено т. Рахметовым слово «перед», на стр. 55 вставлена в текст фраза: «фамилия отсутствует в оригинале», на стр. 57 вставлена фраза: «в оригинале 8 строк оставлены чистыми» и т. п. Хотя эти фразы и слова заключены в прямые скобки, но необходимо отметить, что в текст протокола даже такого рода редакционные фразы нельзя вставлять, а нужно помещать их внизу в подстрочных примечаниях. В некоторых случаях в протоколах перепутаны цифровые обозначения пунктов. Это также следует оговорить в примечаниях, т. к. неизвестно — отнести ли это за счет подлинника или за счет ошибок корректуры. Неправильным нам кажется, что редакция иногда, помещая приложение вслед за протоколом, не оговаривает над документом, что это приложение (см. стр. 90). Или в одних случаях приложение обозначается римскими цифрами, а в других —приложения идут под цифровым обозначением протокола с добавлением: a, b и т. д. (стр. 101 и 161).

К числу недостатков издания относится и то, что в сообщении от редакции не оговорено, как обозначены примечания, как обозначены разночтения, приложения и т. п. Это при издании документов полагается делать. Кстати, в заключение отметим, что ни на обложке книги, ни на первом листе нет указания, что это протоколы Центрального Комитета РСДРП (большевиков), т.-е. буква «б» выпала. Такая небрежность совершенно недопустима, тем более, что это издание Института Ленина.

В итоге—протоколы не только будут с интересом читаться особенно членами партии, но могут служить пособием для научно-исследовательской работы по этому периоду. Книга издана с технической стороны прекрасно и сравнительно недорого.

Евг. Кривошеина

НОВЫЕ КНИГИ

АРХИВ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА. Под редакцией Д. Рязанова. Кн. 4-я, Гиз, М. 1929, с. 514, ц. 4 р. 50 к.

Отдел статей и исследований состоит из пяти работ, которые посвящены Вико (В. Максимовский), Фурье (В. Волгин), Консидерану (Домманже), новому, после недавней работы Е. В. Тарле, изучению вопроса о причинах восстания лионских рабочих в 1831 году. (Ф. Потемкин) и впервые поставленному вопросу об изучении истории текста первой главы «Капитала» (И. Рубин). Отдел «Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса» включает публикации: из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса (Д. Рязанов), конспект первого тома «Капитала» Ф. Энгельса (Д. Рязанов) и выписки Маркса из Макиавелли (В. Максимовского). В отделе материалов и сообщений находим интереснейшую работу Б. И. Николаевского о «Русских книгах в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса», в которой приведены пометки, имеющиеся на книгах; здесь же сообщение Е. Косминского об Энгельсе. Как всегда, имеются отделы критики и рецензий.

ЛЕТОПИСЬ ЗАНЯТИЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ЗА 1927—1928, вып. 35 (Академия Наук СССР). Л. 1929, с. 316, ц. 5 р. 50 к. (См. рецензию И. Татарова в настоящем номере).

НАУКОВІ ЗАПИСКИ. Праці науково-дослідчої катедри історії европейської культури. Вып. III, ДВУ 1929 (Нар. Ком. Осв. Упр. Наук Установал.), с. 454.

Из четырех отделов этого посвященного В. П. Бузескулу сборника лишь один посвящен «новой истории» (другие—античной культуре, истории наук и истории искусств). А. Киктев, вновь пересматривая вопрос о «происхождении крестьянской войны в Германии», дает этюд по экономической истории Германии и приходит к выводу, что происхождение войны «надо искать не в церковно-религиозных отношениях эпохи Реформации, не в политическом положении, а в условиях крестьянского, иначе в условиях сельского хозяйства XV в.», и что программа движения сводилась к уничтожению «сеньориальных форм аграрных отношений». Л. Александренко характеризует одного из представителей французского мелкобуржуазного социализма—Франсуа Видаля, впоследствии генерального секретаря Люксембургской комиссии. О. Багалей-Татаринова, уже писавшая о военных поселениях, дает сводку данных об отношении к ним французских дипломатов и публицистов первой половины XIX века. А. Гладстерн в статье «К истории русско-монгольских отношений» останавливается преимущественно на эпохе временного правительства. В. Н. Веретенников касается в своей статье, состоящей из двух этюдов, понятия случайности—в одном и стиля—в другом, в их значении для техники исторического исследования.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 1. Отдел: Общественные науки. Вып. I, Пермь 1929 г.

Среди почти исключительно историко-литературных статей (о Салтыкове как сотруднике «Искры»—В. В. Гиппиуса, о Ф. М. Решетникове—Л. С. Шептаева, и др.) имеется лишь одна историческая работа—проф. А. А. Савича, издавшего два года тому назад свое исследование о Соловецком монастыре. В данной работе—«О вкладах и вкладчиках в северорусских монастырях XV—XVII вв.» автор значительно расширяет рамки своего исследования, привлекая монастырские акты всего севера, но вместе с тем его работа становится расплывчатой: хронологически и отчасти географически отличные явления сводятся им—без соответствующего четкого их приурочения—в однородный источник исследования. Однако для истории хозяйственного быта севера эта работа благодаря значительному привлечению автором архивного материала представляет несомненный интерес.

ПАМЯТНИКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XIV—XVII ВВ., т. I. Под редакцией С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. Изд. Центрархива, М. 1929, с. 397, ц. 2 р. 50 к. (См. рецензию Е. Мороховца в настоящем номере).

С. Г. СТРУМИЛИН. Договор займа в древнерусском праве. Опыт историко-юридического исследования, М. 1929 (Коммунистическая Академия. Секция общей теории права и государства), с. 72, ц. 1 р.

Новая работа о займе написана с привлечением сравнительно - исторического материала (заимствованного, впрочем, из монографий, а не из источников) и направлена в значительной мере против наблюдающегося «оживления на Западе деликтной теории происхождения обязательств, каковая на наш (т. е. автора) взгляд отнюдь не подтверждается данными истории русского права». Первый очерк книги устанавливает точку зрения автора самым своим заглавием: «Генезис обязательства из займа». Второй очерк посвящен «характеру древнейшего обязательства из займа».

М. ЛЮБАВСКИЙ. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и об'единение центра. Л., 1929, Изд. Академии Наук СССР, с. 175 + карта, ц. 3 р.

Очерк исторической географии, данный в этой работе М. Любавским, написан с традиционной точки зрения «возвышения Московского княжества», историографическая давность которой общеизвестна, а содержание вряд ли нуждается в раз'яснениях. Очерк этот основан на сводке данных летописей и актового (частью неизданного) материала. Однако, пользование материалом этих первоисточников, в особенности же летописей, у М. Любавского столь же традиционно, что весьма удивительно после трудов А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова и—специально в области изучаемых автором явлений—А. Е. Преснякова.

А. А. НОВОСЕЛЬСКИЙ. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М. 1929, РАНИОН. Институт истории, с. 190, ц. 1 р. 80 к. (См. рецензию С. Симонова в настоящем номере).

ДНЕВНИК В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА. Предисловие Ю. Н. Тынянова. Редакция, введение и примечания В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. «Прибой» Л., 1929, с. 375, ц. 2 р. 50 к. + переплет 25 к.

Дневник Кюхельбекера, давно известный исследователям по публикации М. И. Семевского в «Русской Старине», в настоящем издании выходит отчасти в новом виде благодаря обнаружению в Пушкинском доме части копии дневника. Как оказывается, Семевский не только сокращал текст, но и делал свои редакционные вставки и изменения без особых при этом отметок. Дневник теперь исправлен частью по копии, частью по догадкам новых редакторов (для частей, где копии нет). Преимущественное содержание дневника—историко-литературное; годы, им охватываемые,—1831—1845 гг.

С. Е. ЩУКИН. В. Г. Белинский и социализм. М. 1929, Коммунистическая Академия, Секция литературы, искусств и языка, с. 174, ц. 1 р. 80 к. + переплет 20 к.

Подвергая вновь пересмотру вопрос об отношении Белинского к социализму, автор полемически заостряет свои заключения против П. Н. Сакулина и приходит к выводу, что Белинский «не был социалистом, если социализм означает движение пролетариев», а «был вождем разночинной интеллигенции, в ту эпоху революционной и давшей целую плеяду славных, замечательных людей». «С Запада, как говорит автор, Белинский усваивал, хотя и поверхностно, не коммунистические, пролетарские, а мелкобуржуазные идеалы». В то же время пролетариат «видит в нем пионера-хранителя, проповедника того пути, по которому сам идет к освобождению,—пути революционного насилия».

И. М. КРАСНОПЕРОВ. Записки разночинца. Предисловие Б. П. Козьмина. М. 1929, «Молодая Гвардия», с. 151, ц. 1 р. 25 к.

Красноперов—участник так называемого Казанского заговора 1863 г. Но именно для истории этого факта записки Красноперова, стоявшего на периферии, не содержат и не могут содержать существенных данных. Главный интерес их—в социальной и бытовой характеристике того слоя, из которого вышел Красноперов (провинциальное духовенство), и той среды, в которую Красноперов попал в Казани, в университете, а затем в тюрьме.

А. Ф. ТЮТЧЕВА. При дворе двух императоров. Дневник 1855—1882, М. 1929, Изд. М. и С. Сабашниковых, с. 260, ц. 3 р. 25 к.

В значительнейшей своей части книга является продолжением предшествовавшего выпуска, уже рецензированного на сс. «Историка-марксиста», и охватывает 1855 (конец)—1859 гг. и носит тот же придворно-политический характер. Отдельные отрывки посвящены: 1870 г.—московскому адресу о Парижском трактате; 1881 г.—с любопытным разговором Александра III в мартовские дни; 1882 г.—Скобелеву и его смерти.

Е. М. ФЕОКТИСТОВ. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Редакция и примечания Ю. Г. Оксмана. Вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана. Л. 1929, «Прибой», с. 428, ц. 3 р. 50 к.

Выход в свет воспоминаний Феоктистова, отрывки из которых стали не так давно появляться в печати, должен быть признан крупным событием в нашей мемуарно-исторической литературе. Если имя Феоктистова было известно, главным образом, по его долголетней цензурной деятельности, то интерес его дневника далеко выходит за пределы литературы и, благодаря близости автора к руководящим кругам правительственного механизма и официально-министерским и закулисным — как Победоносцев, и идеологическим — как Катков, раскрывает ряд деталей, особенно для истории 60-х и начала 80-х годов, которые несомненно войдут в повседневный исторический оборот.

А. Ф. КОНИ. На жизненном пути, том 5-й. Примечания Ю. Г. Оксмана, Л. 1929, «Прибой», с. 376, ц. 4 р.

Преимущественное содержание этого тома — историко-литературное. Среди другого надо отметить большой очерк, посвященный С. Ю. Витте, в котором Кони излагает свои встречи с ним, начиная с 1876 г. (в комиссии для исследований железнодорожного дела в России), а также дает немало данных для характеристики отношения к Витте правительственных и правых кругов. Небольшой очерк посвящен Кони С. С. Манухину, министру юстиции в годы первой революции.

П. КРОПОТКИН. Записки революционера. 7-ое (русское) издание, под редакцией и с прим. Н. К. Лебедева, М. 1929, Изд-во Всес. о-ва политк. и сс.-пос., т. I, с. 408, ц. 3 р., т. II, с. 304, ц. 2 р. 75 к.

По сравнению с предыдущими изданиями и даже с последним изданием (посмертным) это издание содержит ряд дополнений по русской и по английской рукописям «Записок». Все эти вставки редактором сделаны в тексте. Для историков русского революционного движения, однако, особенно любопытно специальное приложение—более подробный текст главы о кружке чайковцев, которая дает новые детали для идейной жизни кружка.

С. СИНЕГУБ. Записки чайковца, М. 1929, «Молодая Гвардия», с. 341, ц. 1 р. 90 к.

Книжка эта составилась из двух когда-то отдельно напечатанных групп воспоминаний Синегуба. Первая, напечатанная в свое время в «Былом» и являющаяся одним из важнейших мемуарных свидетельств о деятельности чайковцев среди петербургских рабочих, перепечатана здесь целиком. Вторая, сибирская часть воспоминаний Синегуба воспроизведена со значительными сокращениями, впрочем оговоренными всякий раз многоточиями.

Ш. М. ЛЕВИН. Дмитрий Александрович Клеменц. Очерк революционной деятельности. М. 1929, Изд. Всес. об-ва политкаторжан и сс.-пос., с. 128, ц. 60 к.

Одна из виднейших фигур революционного движения 70-х годов, Клеменц впервые стал предметом историко-биографического этюда. Автор широко поставил свою тему, связав биографическое изложение с рядом крупнейших фактов в истории революционного движения 70-х годов (как, например, пропаганда среди рабочих, «община», «Земля и Воля» и т. п.), и столь же широко решил вопрос о составе источников своей работы, произведя ряд архивных изысканий в области каждой из затронутых им тем. Благодаря этому, книжка дает, помимо уяснения роли Клеменца, ряд свежих и иногда неожиданных фактов из истории революционного движения. Последнее в особенности надо сказать о взаимоотношениях Клеменца-землевольца с либералами — вопросе впервые здесь документально освещаемом, а затем и об известной, но по новому характеризуемой деятельности чайковцев среди петербургских рабочих.

А. БАХ. Записки народовольца, М. 1929, «Молодая Гвардия», с. 253, ц. 1 р. 65 к.

Записки Баха, известные по тексту «Былого», долгое время являлись почти

единственным источником для изучения времени заката деятельности Народной Воли. Если благодаря огромному приращению материалов той эпохи их значение теперь несколько изменилось, то все же для изучения народовольческой провинции они имеют существеннейшее значение. В новом издании они вышли в значительно измененном виде. Добавлена прежде всего новая глава о киевских студенческих беспорядках 1878 г. Кроме того, восстановлен целый ряд купюр, которые при печатании сделала редакция «Былого». Впрочем, эти купюры были сделаны почти исключительно в тех местах, где текст Баха содержал резкие характеристики действовавших тогда лиц (в особенности П. Якубовича и Г. Лопатина, тогда еще живых).

ВЕРА ФИГНЕР. Полное собрание сочинений, т. III. М. 1929, Изд. Всес. о-ва политк. и сс.-пос., с. 509, ц. 3 р. 20 к.

Если вышедшие в прошлом году тома сочинений Фигнер (I, II, IV) содержали перепечатки уже известных ее работ, то этот том в большей своей части написан заново (лишь первая его часть составила в свое время книгу «После Шлиссельбурга»). Помимо своего яркого психологического значения (в чем этот том может поспорить с предыдущими), третий том, в качестве исторического источника, существенен своими сведениями о деятельности социалистов-революционеров, участие в которой В. Н. Фигнер продолжалось весьма недолго, а также данными об организации так называемого «Фигнеровского комитета» помощи ссыльным.

Н. РУСАНОВ. В эмиграции. Под ред. с пред. и прим. И. А. Теодоровича. М. Изд-во политкаторжан, с. 312, ц. 3 р. 40 к.

Как известно, первый том воспоминаний Русанова, вышедший за границей, содержит любопытные и существенные сведения о лавристах, чернопередельцах, а также и о марксистах конца 70-х гг. Второй том, ныне появившийся в Москве и относящийся ко времени, когда Русанов близко стал сперва к делам Народной Воли, а затем—партии социалистов-революционеров (1882—1905 гг.) сулил, казалось, материал еще более интересный. Однако содержание тома разочаровывает. Наряду с ценными сведениями в них немало балласту—то из области малоинтересных нравов французской буржуазии, то других аналогичных сюжетов. К тому же поражает пренебрежительное отношение Русанова к характеризуемым им лицам.

В. А. ПОССЕ. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864—1917). Редакция и примечания Б. П. Козьмина. Предисловие В. И. Невского, М. 1929, с. 548, ц. 4 р.

Среди появляющейся в изобилии мемуарной литературы книга Поссе составляет одно из самых значительных явлений. В живом рассказе, с цитатами из материалов своего архива, Поссе дает много существенных данных для истории ряда литературных и общественно-политических событий дореволюционного времени. Вслед за гимназическими годами, годами пребывания в университете (автор, знавший группу Ульянова, был арестован и уволен после 1 марта 1877 г.) и годами заграничной жизни, начинается рассказ, тесно связанный с историей журналистики, с «Неделей», «Новым Словом» и больше всего, конечно, с «Жизнью» русской и заграничной. 1905 год уже известен по ранее вышедшим воспоминаниям Поссе. В позднейших годах говорится о рабочей кооперации «Вестника Знания», «Жизни для Всех» и др. изданиях. Для характеристики содержания книги показательно, что именной указатель (аннотированный) занимает около 35 страниц.

М. БАЛАБАНОВ. Очерк истории революционного движения в России. Л. 1929, «Прибой», с. 304, ц. 1 р 60 к.

В отличие от вышедших несколько лет тому назад очерков М. Балабанова, настоящая книга доведена до февраля 1917 г. (те кончались 1905 г.). В то же время она значительно сокращена по об'ему. Характер изложения—тот же популярный, без ущерба документальной основе работы.

В. АЛЕКСЕЕВ. Революционное прошлое ЦЧО (Краткий очерк). Воронеж 1929, Изд. «Коммуна», с. 56, ц. 25 к.

Эта популярная и поневоле беглая книжечка все же заслуживает внимания, так как в ней в некоторой мере использован архивный материал и приложена библиография с малоизвестными данными.

Г. МАРТИРОСИАН. Терская область в революции 1905 г. Владикавказ 1929, с. 118, ц. 1 р. 25 к.

Автор смотрит на эту работу, как на продолжение своих предыдущих работ о «Социально-экономических основах революционных движений на Тереке», и о «Фабрично-заводской промышленности на Тереке». Настоящая же работа должна быть «первым звеном» «летописи революции». В книге рассмотрены как социальные явления революции 1905 г. (город и деревня), так и деятельность революционных партий (социал-демократов и социалистов-революционеров). Вся работа основана, главным образом, на материале местных архивов.

С. ЛИВШИЦ. «Михаил Заводской» (Никифор Ефремович Вилонов). С предисловием В. Невского, М. 1929, Изд-во Вс. О-ва политк. и сс.-пос.

Имя Вилонова достаточно известно для того, чтобы посвятить ему отдельный очерк. С. Лившиц не только использовал оставшийся после Вилонова фонд его писем к жене, но собрал также значительное количество воспоминаний о нем, воспользовался документами официальных (жандармских и охранных) учреждений и рядом других материалов. В результате получилась книжка, воссоздающая образ самого Вилонова, русское подполье и, в особенности, каприйскую партийную школу.

С. ЛИВШИЦ. Партийные университеты подполья. М. 1929, Изд-во Вс. Об-ва политк. и сс.-пос. с. 143, ц. 65 к.

Первые две части этой работы о партийных школах на Капри и в Болоньи уже известны по «Пролетарской Революции»; третья—о школе в Лонтюмо—печатается впервые. Во всех очерках автор останавливается как на собственно школьной стороне дела, так и на партийной и фракционной борьбе, которая возгорелась вокруг школьного дела в 1909—1911 гг. Нельзя только сказать, чтобы автор достаточно хорошо разобрался в политических событиях и оценках эпохи реакции.

СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА. По материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. Составил А. Черновский. Ред. и вступ. ст. В. П. Викторова, Гиз. 1929, с. 444, ц. 6 р.

Деятельность правых организаций в свое время была мало освещаема, в революционной же литературе сколько-нибудь существенных материалов к их истории не появлялось. Настоящий том представляет в этом отношении несомненную ценность, хотя и ограничен по своему документальному составу. Составитель воспользовался для своего тома материалами чрезвычайной следственной комиссии, которые складываются из двух серий документов: показаний лиц, допрошенных комиссией (почти весь отдел первый), и своего рода «вещественных доказательств» (материалов, взятых при обыске, затребованных из архивов документов и т. п.). Но именно последняя группа страдает неполнотой, т. к. составителем не обследованы те архивы, отдельные дела которых были вытребованы в комиссию. Впрочем, самое существенное, несомненно, в сборнике есть. Материалы сборника разбиты территориально: Петербург, Москва, Одесса, Нижнее Поволжье, остальная провинция.

Е. ПИНЕЖСКИЙ. Красная гвардия. Очерки истории питерской красной гвардии 1917 г. Гиз, отдел военной литературы, с. 118, ц. 70 к.

По истории красной гвардии в Петербурге это не первая работа. Автор, согласно его словам, составил свой очерк «на основании личных воспоминаний своих и ряда товарищей, частью по литературным материалам». Действительно, в ряде случаев, ему удается восстановить кое-какие факты, а мнения о других подвергнуть сомнению; таким образом, с книжкой приходится считаться не только как с очерком, но и как с первоисточником.

И. И. УЛЬЯНОВ. Казаки и Советская республика. Гиз, 1929, с. 173, ц. 1 р. 60 к.

Обширная тема, взятая автором, участником описываемых им событий, значительно сужена, повидимому, тем кругом событий, который ему знаком, а с другой стороны—и тем материалом, который положен им в основу его работы. Последний—архив казачьего отдела при ВЦИКе обусловил рамки работы, которая начинается Февральской революцией и оканчивается по существу ликвидацией казачьего отдела. Введение этого архивного материала и составляет главную привлекательность книги, которая и не претендует, пови-

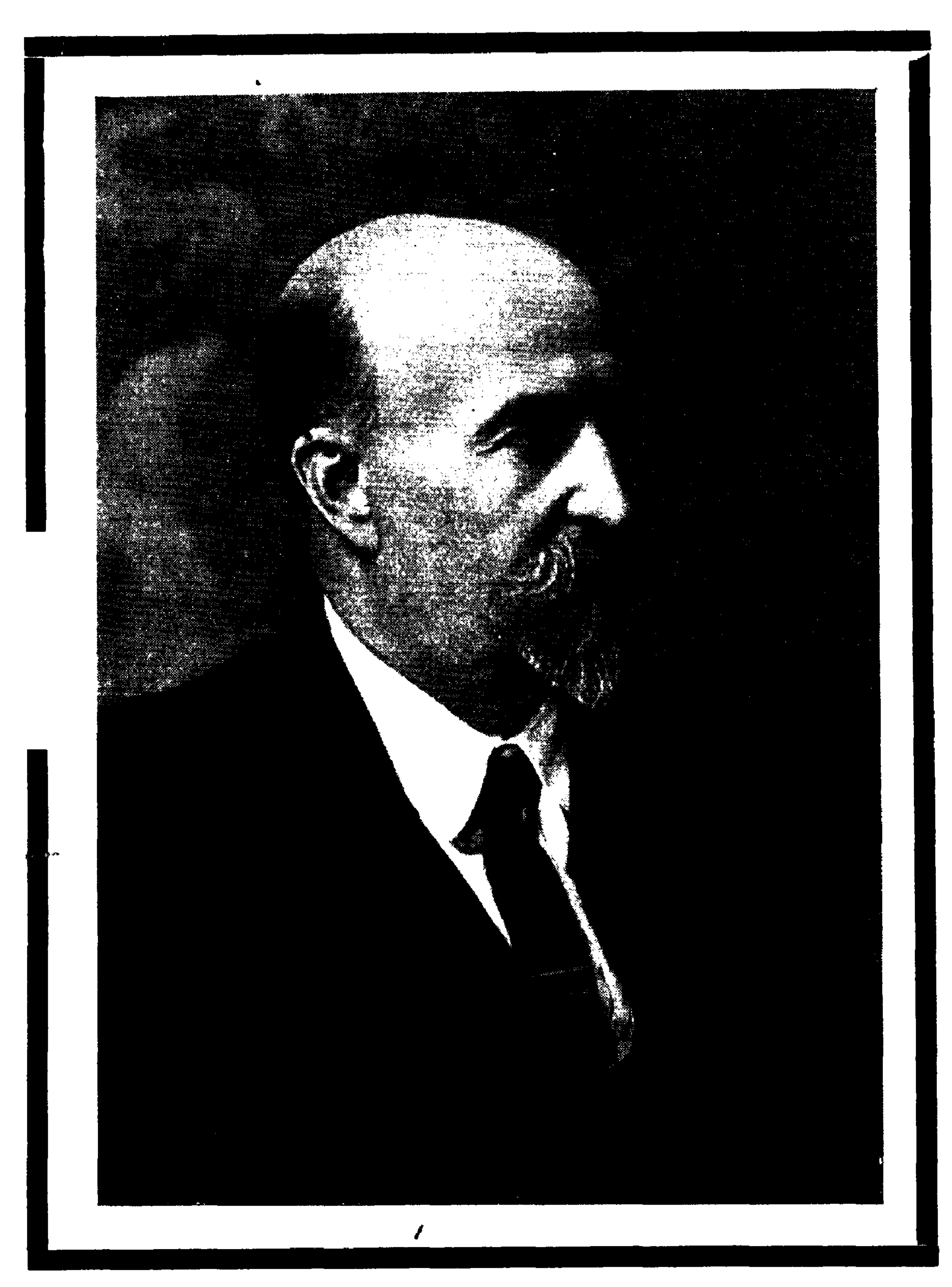
димому, на характер исторического исследования.

КОЛЧАКОВЩИНА НА УРАЛЕ (1918—1919). Сборник подготовлен А. Таняевым. Изд. Уральского областного совета профсоюзов, Свердловск 1929, с. 232.

Настоящий том—один из серии ценнейших публикаций, которые предпринял и успел издать А. Таняев в течение минувших лет. Документы настоящего тома, извлеченные из уральских архивов, разбиты на пять тематических глав: областное правительство Урала, директория и Колчак; колчаковское правительство и горнопромышленники Урала; профессиональные союзы в период Колчака; наступление буржуазии на рабочий класс; борьба уральских рабочих с колчаковщиной и ее ликвидация. Открывается сборник обстоятельной статьей А. Таняева; в приложении к сборнику имеется хроника событий, правда краткая, от 6 июня 1918 г. и до ликвидации колчаковщины.

Макс ГОФМАН, генерал. Записки и дневники. 1914—1918 гг. Предисловие Р. Эйдемана. Л. 1929, Изд-во «Красная Газета», с. 263, ц. 1 р. 50 к.

Имя ген. Гофмана прекрасно известно у нас со времен Брест-литовских переговоров, а позднее оно постоянно мелькало при сообщениях о планах антисоветских коалиций, которые должны были вывести Германию вновь на арену активной деятельницы в решении судеб Европы. В данной книге «Записки» являются известной работой Гофмана о «Войне упущенных возможностей», где он резко и метко критикует и германскую армию и ее противников. Точно так же и дневники охватывают только годы войны. Предисловие начальника Военной академии подробно характеризует военно-политические взгляды Гофмана.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

1870—1929

30 сентября этого года скончался в Ленинграде действительный член Общества историков-марксистов и Института истории при Комм. Академии— А. Е. Пресняков.

Александр Евгеньевич родился в 1870 г. В 1893 г. окончил университет. В университете начал работу с 1907/08 г. В 1908 г. был избран профессором по кафедре Истории русского права на Высших женских курсах. В 1918 г. становится профессором университета и защищает докторскую диссертацию «Образование великорусского государства». В 1920 г. избирается членом-корреспондентом Академии наук.

Редакция «Историка-марксиста» (сотрудником которого состоял А. Е.) в следующем номере подробнее осветит деятельность покойного, даст практический анализ его научного наследства и оценку этому выдающемуся ученому.

Х Р О Н И К А

ТРЕТЬЯ СЕССИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

(Венеция. 6—10 мая 1929 г.).

Совет Об-ва историков-марксистов и коллегия Института истории при Комм. Академии решили принять участие в этом году в работах Интернационального комитета исторических наук, избранного на Международном конгрессе историков в Осло. Для нас, историков-марксистов СССР, речь шла не только о присутствии нашего делегата на очередной сессии комитета. После года ожесточенной борьбы за марксизм на историческом фронте у нас в стране, необходимо было начать борьбу за пролетарскую историю на международной арене. В этой области предстоит проделать еще огромную работу: преодолеть сопротивление сплоченного фронта буржуазной историографии, собрать рассеянных по всем странам мира одиночек и небольшие группы историков-марксистов и близких к марксизму, показать и доказать научное значение марксистского метода при изучении конкретной истории. Сделать это особенно необходимо в наши дни, потому, что широкое распространение и влияние идей исторического материализма для многих означает превращение марксизма в «катедер-марксизм», в экономический материализм, противопоставление марксизма революции. Сплотить вокруг революционного марксизма подлинно-научные силы исторической науки всего мира—такова естественно наша ближайшая задача.

III сессия Международного комитета открылась в фашистской Италии, в Венеции. Быть может потому что весна в божественной Венеции предрасполагает к спокойной работе, быть может потому, что кое-кто предполагал демонстрацией интернациональной солидарности в националистической Италии несколько смягчить жестокие нравы фашизма, или наконец, потому, быть может, что для фашистов и их идеологов важно было предоставить гостеприимство историкам всего мира, чтобы этим продемонстрировать свое «уважение и любовь к науке»... Международный комитет заседал в Италии, и его работы протекали под знаком борьбы фашистской и марксистско-ленинской истории.

На заседании Комитета присутствовали представители «больших» и «малых» стран Европы и Америки. Многочисленно было представительство Италии, Германии, Франции, скандинавских стран, Польши. Приехали делегаты из Англии, Америки, Испании, Австрии. Итальянская делегация проявила особенно большую активность на сессии. Ее представляли сенатор проф. Феделе, глава итальянского национального комитета историков, проф. Вольпе—генеральный секретарь итальянской Академии Наук, проф. Чиапарелли, Родолико, Томасси и т. д. Каждый из них, особенно первые два, выступали в роли идеологов фашизма. И можно прямо сказать—находили сочувственный отклик у большинства делегатов и прежде всего у венгерских представителей. Среди других делегаций необходимо отметить проф. Кута—председателя Сессии, датского проф. Фризе, польских представителей проф. Бр. Дембицкого и Гандельсмана, проф. Допша (Вена), К. Бранди (Геттинген), Шустер (Прага), проф. Леритье, Глотца, П. Карона (Франция), Г. Темперлей (Кембридж), Леланд (Институт Карнеджи), Набгольц (Швейцария), Иорга (Румыния), Алессандри (Чили). Таким образом, если не считать СССР—о нашем делегате итальянские газеты упорно молчали первые два дня—на сессии представлено было более двадцати пяти университетских центров и ряд крупнейших величин мировой исторической науки.

Комитет предполагал не только рассмотреть ряд вопросов организационного порядка, но обсудить и некоторые теоретические вопросы большого научного значения. Утвердив новых пред-

ставителей Канады и Украины, сессия приступила к обсуждению финансового положения международной организации, к окончательному формированию своих научных комиссий, к обсуждению двух специальных вопросов: о составлении подробного списка дипломатов всех времен и народов и о выяснении практической возможности для историков работать в архивах Ватикана. Тот и другой вопрос были переданы на специальное рассмотрение комиссий. Дело в том, что по вопросу о списке дипломатов естественно развернулись прения между «старыми» державами и государствами «без стажа»... Румынский проф Иорга резонно спрашивал у членов Комитета: «Что такое дипломат?» — Следует ли таковым считать того, кто получил официальные полномочия от своего правительства, или также и того, кто неофициально выполнял функции представителя своего народа... Противоположную точку зрения защищали немцы. В виду очевидной «сложности» этого вопроса, его передали на рассмотрение специальной комиссии. Не менее любопытна судьба вопроса об архиве Ватикана. Римский папа, «владыка в своем доме», не считал до сих пор возможным допустить историков в свои архивы. Несмотря на неоднократные обращения Международного комитета, несмотря на особый интерес к разработке архивов Ватикана со стороны поляков и испанцев,—представители папы категорически отклонили просьбу ученых историков. Сессия была бессильна что-либо предпринять. Но на помощь пришли итальянцы. Проф. Федели отметил, что напрасно комитет не обратился в Ватикан через итальянцев; они могли бы помочь... Это было заявлением авторитетных союзников папы, в их голосе звучала уверенность, что в «медовый месяц» фашистско-католической дружбы его святейшество не решится отказать им в просьбе, тем более, что речь идет об «об'ективной» исторической науке... Решено было и этот вопрос передать на рассмотрение специальной комиссии.

Руководители Комитета были убеждены, что они служат науке. «об'ективной исторической науке», что им удастся в фашистской Италии избежать политики. В этом, собственно, был основной порок работ III сессии Международного комитета. И там, где большинство делегатов видело вопросы деловой работы, гостеприимные хозяева, фашистские профессора, видели п о л и т и к у — и нужно сказать, боевой тон заседанию задавали последние и прежде всего по к о л и ч е с т в у выступлений.

Уже внешняя обстановка сессии, декорум работ комитета, должен был убедить делегатов в силе и культурном величии «царства Муссолини». На первом торжественном заседании, в малом зале Дворца дожей, где караул отдавал салют мировой исторической науке, где многочисленные студенческие делегации с национальными знаменами и фашистскими значками приветствовали делегатов, представитель правительства Лейхт и подэста Венеции Орси, наконец, сенатор, проф. Феделе,— все пытались убедить нас, делегатов в том, что нынешняя Италия—наследница великого Рима. Они пытались доказать ученым историкам всего мира что Benito Mussolini «друг исторических исследований» и с особым энтузиазмом передали конгрессу «Il saluto del Duce e del Gaverno». Собравшиеся—и в том числе подавляющее большинство делегатов—аплодировали фашистам, аплодировали не без энтузиазма. Демонстративно молчали два-три делегата. Эта картина могла убедить всякого об'ективного зрителя в политической беспомощности «беспристрастных, аполитичных историков», явной безнадежности всякой попытки удержать комитет в деловых рамках... Это и обнаружилось через день, когда делегаты приступили к работе.

Среди всех комиссий Международного комитета наиболее бурно протекали заседания к о м и с с и и п о в о п р о с а м п р е п о д а в а н и я и с т о р и и. Споры начались еще в Осло, где заседание этой комиссии послужило боевым полем для легкой перестрелки по вопросу о «виновниках войны». На сей раз ситуация была несколько более сложной. За истекший год ряд стран представили свои доклады по вопросу о преподавании истории в школах «первой ступени» (по терминологии СССР). Эти доклады в дополнение к тем материалам, которые изданы были к конгрессу в Осло, дают нам ясное представление о положении дела с преподаванием истории во всем мире. Шовинизм и вражда к революции и коммунизму заполняют подавляющее большинство учебников по истории; те же принципы руководят и преподаванием истории. Так, скажем, в «Atlas Manuel de Geographie». изданном в Бельгии, мы читаем: «Hors de la Société des Nations, les Allemands, ces criminels qui, au cours de l'histoire, ont toujours été

les perturbateurs du monde» (1921 г.). Правда, в издании 1926 г. эти слова выброшены, согласно указаниям бельгийского министра народного просвещения Гюисманса, который предложил особым циркуляром сообщать школьникам о задачах и деятельности Лиги Наций.

Дух ненависти к другим народам, к национальным меньшинствам витает и над чехословацкой и венгерской исторической литературой. Чехи доказывают в своих книгах, что нет «народа словаков», что венгры «народ номадов, который жил убийством и грабежами»... Венгры платят чехам той же монетой. Так проявляет себя «дух об'ективной истории»... Венгры и итальянцы настаивают на том, что «всякое преподавание истории национально, но не космополитично». Итальянцы эту мысль особенно усердно развивали на сессии Международного комитета. Их идеал—национальное воспитание. Историческое образование должно, по их мнению, развивать в слушателях то, что они называют «Italianità»; их идеал—воспитание молодежи «à la discipline et au sacrifice pour un ideal suprême c e l u i d e l a p a t r i e...».

В о и н с т в у ю щ и й ш о в и н и з м является серьезной опасностью в деле преподавания истории не только в указанных странах. Его роль отмечают доклады всех стран мира, и нам кажется сомнительным, чтобы препятствием для него служила та миролюбивая агитация, которую ведут прогрессивные педагоги и ученые историки, входящие в состав Международного Комитета. Проф. Леритье, секретарь комитета, предлагает вести для борьбы с шовинизмом преподавание в духе «в с е о б щ е й и с т о р и и ч е л о в е ч е с т в а и ц и в и л и з а ц и и», в духе б и б л е й с к и х с л о в. «Истина делает вас свободными», читаем мы в немецком докладе. Эта попытка примирить служение национальным интересам и «братство народов» характерна для историков-пацифистов, для всего того большинства ученых либералов, которые на заседании комитета искренно имели в виду примирить все и всех во имя «об'ективной истины». Такова, скажем, мысль немцев: «подлинная любовь к своему отечеству — истинный путь к человечеству» («Gutachten über die deutschen Geschichtslehrbücher»). Но националисты и пацифисты, те и другие, решительно и резко протестуют против всякой попытки излагать историю под углом зрения классовой борьбы, излагать детям историю пролетариата и крестьянства и их борьбы за свое освобождение. Последняя точка зрения и была изложена в блестящей докладной записке членов международного об'единения историков незадолго до сессии комитета М. Н. Покровским и в докладе, розданном на самом заседании комитета делегатом СССР Ц. Фридляндом.

Ничего удивительного в том, что комиссия по вопросам преподавания истории заняла центральное место в работах сессии. Это была наиболее многолюдная по своему составу комиссия. Во главе ее стоял француз проф. Глотц, специалист по древней истории, человек, чьи политические принципы выразились прежде всего в попытке не допустить политических дебатов на заседании комиссии. Нужно прямо сказать, «об'ективность» председателя комиссии в значительной степени помешала плодотворной научной работе. «Деловой» академический тон проф. Глотца был тем более нецелесообразен, что политические споры всплыли на пленуме комитета и заняли его внимание в продолжение трех заседаний.

Собственно руководители комиссии проф. Глотц и Брант предполагали, что собрание ограничится обсуждением исключительно организационных вопросов: о форме и порядке представления докладов, о постепенности в обсуждении вопросов преподавания истории в школах I, II ступени и т. д. С этой целью маститый председатель комиссии заявил в своем вступительном слове, что историк ищет правду, что, к сожалению, до сих пор страсти мешали выполнению этой святой об'ективной задачи исторического исследования... «Задача историков состоит в том, утверждал он, чтобы порвать со страстями и, приступая к работе, как бы и с п о в е д а т ь с я перед самим собою». Это заявление председателя было дурным предзнаменованием для работ комиссии, тем более, что наш энергичный руководитель не считал целесообразным, чтобы делегаты излагали свои точки зрения по общим вопросам преподавания истории и тем самым как бы «исповедывались» перед синклитом историков всего мира. Однако, благие намерения Глотца были сорваны выступлением делегатки Голландии, графиней Ван-Калькен, которая «comme femme et mère» обратилась к собранию, с просьбою не забыть в учебниках по истории внушать детям общечеловеческие идеалы. Она говорила о святых принципах Лиги Наций и усиленно ре-

комендовала делегатам газету «Les peuples unis» с девизом «Pour la société des nations».

Принципы пацифизма встретили, однако, энергичное возражение проф. Вольпе, делегата Италии. Он идеалам «общечеловеческого воспитания» противопоставил «национально-историческое воспитание». И он особенно решительно защищал эти идеалы, когда делегат СССР в кратком замечании—его речь беспрерывно и усиленно гильотинировал аполитичный проф. Глотц—противопоставил идеалам националистов и пацифистов задачи интернационального исторического образования. Ц. Фридлянд отметил в своем кратком выступлении и повторил свою мысль дважды, что воспитание молодого поколения в духе братства народов предполагает не только пацифистские взгляды у преподавателей, но и изменение самого об'екта исторического образования. «История труда и борьбы трудящихся за свое освобождение—такова должна быть программа исторического образования». — К сожалению, проф. Глотц не внял его предложениям начать дискуссию об основных принципах преподавания истории. На первом заседании комиссии удалось, однако, обратить внимание делегатов на тот интерес, который представляет вопрос преподавания истории в школах взрослых рабочих и крестьян. Решено было, по предложению делегата СССР, этот вопрос включить в программу работ комиссии.

На этом, однако, как мы отмечали выше, не закончилась работа комиссии. Когда на завтра проф. Глотц прочел отчет о работе комиссии на пленуме комитета, глухо упомянув о разногласиях в комиссии, дебаты развернулись во всю ширь, заняв несколько заседаний и стимулируя активность делегатов. Инициативу прений взяли на себя итальянцы. Проф. Вольпе изменил теперь свою тактику; он энергично доказывал, что международному об'единению историков незачем обсуждать вопросы преподавания истории, так как эти методические вопросы ничего общего не имеют с **наукой** и являются вопросом национальной государственной **политики.** Вопросы эти, повторил он, могут интересовать педагогов, но не ученых. Необходимо, заявил он, ликвидировать комиссию по вопросам преподавания истории в составе Международного комитета. Так, замаскировавшись академической тогой, итальянцы хотели превратить международный комитет в беспомощное, бессловесное создание, занятое составлением листа дипломатов, вопросами об архиве Ватикана, только не тем, что имело бы актуальный научный интерес. В их устах характерно было третирование учителей и проблем педагогики. Проф. Феделе защищал взгляды своего коллеги и партийного товарища по фашизму, доказывая, что не может быть дискуссии между итальянцами и представителями СССР, потому, что в той и в другой стране народное образование построено на противоположных принципах. Выступления Вольпе и Феделе были покушением на компетенцию Международного комитета, и его руководители почувствовали себя задетыми. Проф. Кут, который, как председатель сессии, проявил огромный такт, решительно выступил против подобных поползновений фашистов. Проф. Кут великолепно понял политический смысл фашистских выступлений и дал развернуться прениям, предоставив всем, и в том числе делегату СССР, широкую возможность декларировать свои принципы и тем самым выявить имеющиеся в комитете разногласия.

В ответ на выступления проф. Вольпе и Феделе, Ц. Фридлянд обратил внимание собравшихся на то, что для нас вопросы преподавания истории теснейшим образом связаны с историей, как наукой, что требование итальянцев ограничивает международную компетенцию комитета, что «история—это политика, опрокинутая в прошлое», и что, поэтому, необходимо широко обсудить все спорные вопросы преподавания истории, для того, чтобы шовинизму и национализму противопоставить интернациональное и пролетарское воспитание детей. «Я совершенно согласен,—заявил наш делегат в заключение,—что в Италии и СССР историческое образование построено на различных, классово-противоположных принципах, но именно потому и желательно провозгласить эти принципы здесь, перед лицом представителей мировой исторической науки. Мы, историки СССР, готовы это сделать. Мы категорически отвергаем предложение итальянцев, но считаем, что его следует обсудить подробно здесь или на следующем международном конгрессе»... Но это было только началом споров, споров, в которых марксистская наука СССР противопоставляла свои принципы националистическим ламентациям фашистов. Подавляющее большинство комитета было встревожено и с нетерпением ожидало

дальнейшего развертывания дебатов. В этой обстановке особенно мало убедительными показались выступления графини Ван-Калькен и проф. Алессандри из Чили, провозгласивших здравицу Лиге Наций и утверждавших, что «патриотизм не есть эгоизм», что патриотизм следует сочетать с идеалами человечества. Заседание закончилось предложением одного из голландских делегатов принять резолюцию, в которой бы решительно осуждалась всякая попытка внести «политику» в работы комитета... Дело принимало серьезный оборот и решено было отложить прения на следующий день. Призрак «политики» воплотился в плоть и кровь, несмотря на заявление проф. Глотца, что он вынужден будет сложить с себя звание председателя...

На следующий день дебаты развернулись во всю ширь, опрокинув все установленные пределы. «Интернациональный» и «национальный» моменты в историческом образовании, политический смысл истории, как науки, и многое другое заняло внимание ученых историков. После вторичного выступления итальянцев, явно направленного против моего заявления, я решил опубликовать декларацию (по-немецки), в которой изложен был, хотя и в самых общих чертах, наш ответ историкам-националистам и пацифистам. Это было тем более необходимо, что датчанин проф. Фризе предложил резолюцию, смысл которой был в том, что, отвергая предложение итальянцев и сохраняя комиссию по вопросам преподавания истории в составе Международного комитета, сессия считает, однако, что следует избежать, при обсуждении, спорных вопросов, вопросов политики и т. д. Таково было, по всем видимостям, настроение подавляющего большинства делегатов, и если фашисты и не были согласны с этой формулировкой, они вынуждены были молчать, чтобы не продемонстрировать той «дурной» политики, которой они руководились все время в работах комитета.

Как делегат СССР, я не мог, конечно, ограничиться голосованием резолюции проф. Фризе. Для марксиста совершенно неприемлема была его аргументация, и моя задача была в том, чтобы резко отделить себя от единого блока буржуазной историографии. Я огласил следующую декларацию:

«М. г.! Я предполагаю, что мы будем единодушно голосовать за предложение проф. Фризе о сохранении в составе Международного комитета комиссии по вопросам преподавания, но я считаю совершенно невозможным голосовать за высказанное им здесь обоснование резолюции, особенно за ту часть резолюции, которая говорит об истории в ее отношении к политике. Дискуссия последних двух дней доказала, что мы имеем здесь дело с вопросом огромной политической важности. Речь идет не о простом педагогическом вопросе. Ведь и итальянцы вынуждены признать, что основным недостатком учебников по истории является то, что «эти книги часто пишутся так, будто задача школы не стремиться к тому, чтобы сделать ребят взрослыми, а к тому, чтобы оставить их детьми». Итак, школа должна готовить *граждан*. Думаете ли вы, м. г., что при решении этих важных вопросов *история, как наука*, не может сказать своего слова? Решение основных проблем преподавания истории зависит не только от целевой установки школьного образования, но и от *мировоззрения* педагогов, руководителей и организаторов школы, от *социального состава* учеников и преподавателей. *Вопросы педагогики и исторического образования — вопросы классовой борьбы* (шум).

С большим интересом и вниманием мы, историки СССР, следим за обсуждением в западно-европейской литературе вопросов преподавания истории, особенно за проблемами об элементах «национального и интернационального» в школьном преподавании. Та огромная масса шовинизма и человеконенавистничества, которая в связи с мировой империалистической войной заполнила учебную историческую литературу всех народов и которая соответствует тому, что мы имели у нас в стране до Октябрьской революции,— вызывает в нас чувство естественного протеста и искреннее желание принять участие в общем, для передовых педагогов всего мира, деле братского сближения народов. Эта близость необходима, прежде всего, в области воспитания молодого поколения, воспитания его в ненависти к шовинизму и войне, с тем, чтобы это поколение выросло в духе здоровых принципов строительства обновленной Европы. Мы прекрасно понимаем, что дело это нелегкое, оно настоятельно требует сотрудничества всех передовых элементов среди педагогов всего мира, в данном случае историков. Но,—именно потому, что мы одушевлены этим желанием,—мы, историки и педагоги Со-

ветского Союза, не можем не обратить ваше внимание на волнующие нас сомнения. Бесспорно решающее значение в данном случае имеет преподавание истории в духе строго-научного об'ективного исследования. Мы с вниманием отнеслись к мнению уважаемого г-на Леритье, высказанному в его тезисах доклада в Осло—«Над политической, экономической и социальной историей следует поставить интегральную историю, которая является историей человечества и цивилизации»... «До сих пор историки часто, чересчур часто,—убедительно продолжает г-н Леритье,—поддерживают тезисы, ищут успеха и скандала. История, таким образом, стала орудием пропаганды. История находится в плену у страстей». «История до сих пор,—продолжает он,—стремилась не к установлению об'ективной истины, а к тому, чтобы подчинить эту истину эгоистическим интересам, своим личным интересам или интересам своего отечества».

Основное недоразумение, которое вызывает, однако, утверждение г-на Леритье, это то, что не только интернационалисты, но и националисты убеждены в том, что они владеют «об'ективной истиной», защищая в учебно-исторической литературе идею «об избранности» своего народа. Они также уверены, что стоят вне «страстей» и интересов пропаганды. Националисты требуют, чтобы учебная литература служила интересам воинствующего патриотизма, утверждают, что до сих пор школьные учебники (итальянские) были полны «ложной концепции демократизма, составленной из пассивного нейтрализма и механически нивелирующих идей, которые готовят путь к социализму, ко всем его разрушительным тенденциям, готовят путь к пацифизму, который является лишь подлым практицизмом... Пацифизм и социализм пропагандируют материалистические идеи и не желают знать о настоятельных национальных задачах итальянцев спасти свое отечество и добиться ясного национального самосознания»...

Таким образом, м. г., две об'ективные истины, истина пролетариата и буржуазии, столкнулись друг с другом и по всем видимостям той истине, которую защищают интернационалисты, придется «avec passions d'une par partie» бороться с национализмом и шовинизмом за дух международного братства в историческом школьном образовании (шум, смех). Речь должна идти именно о решительной борьбе за новые принципы исторического образования. Вам придется, м. г., выбирать между этими двумя истинами, выбирать одну истину. Нам, советским историкам, кажется особенно важным подчеркнуть, что слабым пунктом защитников международного единения в деле преподавания истории является отсутствие ясности в самой постановке вопроса, в самой попытке сочетать, не нанеся ущерба той и другой стороне, «национальное» и «интернациональное». О подобном об'единении могла идти речь в конце XVIII века, когда Фихте писал: «Патриотизм—это воля, чтобы цель человеческого рода была достигнута тем народом, членом которого каждый человек сам является и, чтобы, исходя из этого успеха, расширить его на весь мир». Но в XX веке, в эпоху империализма, в обстановке ожесточенной классовой борьбы, этот идеал Фихте остается лишь историческим документом лучших времен буржуазного общества. Этот идеал может быть теперь осуществлен только в другой исторической обстановке, в другой общественной среде—в эпоху коммунизма. В наши дни слова Фихте толкуются как общее правило, иначе «мы видим и в чужаке страдающего и борющегося человека, который по своему божьему подобию стремится к осуществлению идеалов человечества. Мы хотим, однако, предпочесть немцев».

В этих словах идеал Фихте сведен к искаженному минимуму. Этот минимум не может нас удовлетворить, он не гарантирует нас от того, что в момент когда интересы наций столкнутся,—а в эпоху империализма это случится каждый раз, когда столкнутся интересы господствующих классов господствующих наций,—что в этот трагический для человечества момент шовинизм не победит идею международного сближения. На такой шаткой базе мы не можем и не должны строить воспитания наших детей. Для педагогов—историков Советского Союза ясно поэтому, что единственная солидная база исторического образования в духе идеалов гуманности, это выход из заколдованного круга противоречий национального и интернационального. Речь идет для нас не о примирении этих непримиримых положений, а о подлинной и исключительной интернациональной программе исторического образования, которое сохраняет национальную форму культуры, но ин-

тернационализирует ее содержание. Подобной программой может явиться только история труда и трудящихся и история их борьбы за свое освобождение, вообще говоря, история под углом зрения классовой борьбы, история, освещенная методом Маркса и Ленина. В этой истории освободительной борьбы прошлое своего отечества является лишь органической частью общей истории. Тогда и только тогда мы осуществим мысль Фихте.

Таковы те основные положения, которые одушевляют нас в нашем историческом преподавании в школах Советского Социалистического Союза, и мы самым решительным образом будем возражать против предложения итальянцев и против аргументировки проф. Фризе».

Любопытно, что декларация, прочитанная нашим делегатом, особенно в той части, где он говорил о двух об'ективных классовых истинах, «встретила всеобщий протест и недовольство. Создалось удивительное единство всех делегатов»,—пацифистов и фашистов. Со всех сторон наш делегат слышал возражения: «Почему только две истины?» «Это старая истина». Несмотря на всю любезность председателя проф. Кута, Ц. Фридлянд, к сожалению, не имел возможности сообщить ученой профессорской аудитории некоторые сведения о механике классовой борьбы в капиталистическом обществе...

Возражал проф. Феделе. Он утверждал, что цитаты, приведенные делегатом СССР из итальянских источников, взяты им не из учебников, а из министерских циркуляров, «как известно», фашистское правительство не отвечает за школьные учебники. Часть делегатов была удовлетворена этим раз'яснением... Наш делегат соответствующим образом реагировал на замечание проф. Феделе и предложил подробно обсудить этот вопрос на следующем конгрессе историков. Но со всех сторон раздалось единодушное «Nein! Non!»... Принята была резолюция проф. Фризе.

Так кончилась попытка организаторов и руководителей сессии избежать обсуждения политических вопросов в фашистской Италии, в дни когда после 1 мая в Германии вся буржуазная общественность Европы травила коммунистов и Советскую Россию с помощью с.-д. На сессии комитета, как в капле воды, отразилось то, что происходит и в самой Европе: никакие заклинания не могут задержать углубления и обострения классовых противоречий. Фашистские и пацифистские речи могут столь же мало помешать этому, как националистические празднования (3 мая в Польше, день Жанны д'Арк во Франции и т. д.) могут задержать и рост коммунистических партий и приближение социальной революции.

В кратком отчете трудно передать ряд интересных подробностей о ходе работ сессии, о работе отдельных комиссий комитета. Отметим только, что при обсуждении отчета комиссии по истории прессы решено было заняться описанием больших газет с постоянным заголовком, адресом редакции и т. д. Тем самым, конечно, выпала почти вся рабочая и революционная пресса. К сожалению, почтенные историки не обратили на эту «мелочь» внимания...

С грустью мы должны констатировать отсутствие на сессии комитета радикальных историков различных стран и в особенности проф. Матьеза из Франции, который по всей видимости порвал со своим национальным, а тем самым и с Международным комитетом, считая его организацией европейских правительств. План работ комитета нас, историков-марксистов СССР, конечно мало удовлетворяет, мы считаем необходимым и полезным, чтобы Международный комитет включил в план своих работ историю пролетариата и историю его освободительной борьбы—да и вообще обратил внимание на социально-экономическую историю. Неужели она имеет меньшее значение, чем, скажем, работа по составлению листа дипломатов всех времен и народов? В данном своем составе и с данной программой деятельности Международный комитет исторических наук оставляет в стороне значительные группы историков, служащих делу пролетариата в его классовой борьбе. Об этом наилучшим образом свидетельствует III сессия Международного комитета и работы его комиссии по вопросам преподавания истории. В порядок дня должен быть поставлен вопрос о сплочении и об'единении в международном масштабе всех историков-марксистов.

Ц. Фридлянд.

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

В Западной секции О-ва Историков-Марксистов за 1928—1929 год состоялось шесть заседаний, на которых было заслушано семь следующих докладов: Ф. Потемкина «О причинах Лионского восстания»; В. Далина «Вопрос о положении французской промышленности перед революцией в освещении так называемой „русской школы"»; одно заседание было посвящено научной и политической деятельности Олара и на нем было заслушано 2 доклада: С. Бантке «Эволюция политических воззрений Олара» и А. Васютинского «Олар как издатель исторических документов»; далее следовали доклады: К. Добролюбского «Финансовое законодательство термидорианской реакции»; А. Звавича «Ранний английский меркантилизм» и В. Максимовского «Идея диктатуры у Макиавелли».

Некоторые из вышеуказанных докладов были посвящены критике существующих взглядов буржуазной и псевдо-марксистской литературы. Так, доклад Ф. Потемкина «О причинах Лионского восстания» был построен на критике основных положений Е. В. Тарле по вопросу о причинах Лионского восстания, изложенных в его исследовании («Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства»).

Основные итоги доклада таковы: Лионское рабочее восстание—сложное движение различных элементов, об'единяющее не только пеструю сферу шелкоткацкого производства («хозяйчики», хозяева мастерских, одиночки, рабочие, ученики), но также и конгломерат представителей других профессий. Как различны участники, так различны и причины движения, толкнувшие на вооруженный конфликт рабочих шелкового производства, игравших руководящую роль в восстании. Этот конфликт был организован капиталистами не в меньшей степени, чем рабочим классом; капиталисты, не имея возможности удержать низкие расценки тарифов, явно сами провоцировали восстание.

Что касается рабочих этого производства, то они начинают движение не потому, что являются самыми страдающими представителями рабочего класса, но потому, что по определению докладчика «динамика изменения их жизненного уровня за несколько предшествующих лет характеризуется особенно крутым изломом». Вопреки точке зрения Е. В. Тарле, стремящегося рассматривать движение как целиком характерное для XIX в.—века фабричной стадии развития промышленного капитализма,—докладчик полагает, что в истории Лионского восстания 1831 г. гораздо больше от XVIII, чем от XIX в.: архаическая организация производства; тариф—как вполне удовлетворяющий результат борьбы; наличность в среде восставших значительнейшего числа собственников орудий производства и их аполитичность,—все это, говорит докладчик, «заставляет видеть в Лионском восстании скорее одно из последних и поздних движений мануфактурного периода». Но один момент связывает лионское движение с классовой борьбой XIX в., а именно организованность класса капиталистов, обнаруживших в конфликте необычайную ясность классового сознания.

Ту же критическую задачу выполнил доклад В. Далина. В основу доклада была положена критика построения русской школы по вопросу о положении французской промышленности в период Великой французской революции. Единство в мировоззрении и методах представителей этой школы (Ковалевский, Лучицкий, Кареев, Тарле), а именно присущее всем представителям этой школы народничество, дает право, как полагает докладчик, рассматривать взгляды русской исторической школы, как определенное направление.

Охарактеризовав взгляды отдельных представителей русской школы по вопросу о положении французской промышленности в конце XVIII в., докладчик остановился на основных ошибках этого направления. Ошибками русской школы являются: а) ошибочная оценка соотношения разных типов домашней промышленности и отрицание роли мануфактуры, б) ошибочное освещение техники французской промышленности, в) ошибочная общая оценка промышленного строя Франции.

Основные выводы докладчика таковы: В конце XVIII в. происходит непрерывная борьба кустарной деревни с цеховым городом; решающей силой в этой борьбе явились предприниматели, которые в деревне создают себе капиталистические центры в противовес корпоративным городским центрам. По вопросу о соотношении различных типов промышленности, докладчик стоит на той точке зрения,

что в сельской промышленности конца XVIII в. отсутствует мирное сосуществование различных ее типов, наблюдается непрерывная борьба между различными типами и, что является чрезвычайно существенным, капиталистическая мануфактура начинает занимать все более господствующее положение. Для капиталистической мануфактуры характерно наличие аппретурного разделения труда под руководством marchand-fabricant. В целом эти тенденции можно охарактеризовать как перерастание торгового капитала в промышленный и превращение кустарей в придаток капиталистической мануфактуры.

У историков русской школы встречается ошибочное освещение вопросов техники. Так, Тарле недостаточно оценивает рост механических бумагопрядилен; им не дана соответствующая оценка и таким явлениям, как применение детского труда, наличие движения «разрушителей машин».

Франция к концу старого порядка, говорит в заключение докладчик, выходила из периода ремесленного строя. В кустарном производстве мы имеем типичные черты развития капитализма. Конец XVIII в. во Франции есть эпоха перелома, врастания основных черт промышленного капитала в торговый, и этих основных черт хозяйства Франции не заметили историки русской школы.

Необходимо отметить доклад т. Добролюбского, в котором была дана оценка социальной сущности финансового законодательства термидорианской реакции. Финансовые мероприятия конвента этой эпохи были продиктованы, как утверждает докладчик, торжествующей реакцией, ликвидирующей наследие предшествующего демократического периода революции; они целиком защищали интересы имущих и всей своей тяжестью ложились на плечи широких масс населения.

Значительный интерес вызвали доклады, посвященные оценке политической и научной деятельности Олара, т. е. доклады С. Бантке и А. Васютинского.

С. Бантке характеризует политические воззрения Олара с 1905 года. Олар до 1908—1910 г. чрезвычайно радикально настроен. Агитируя молодежь по заданиям радикальной партии, он призывает ее к работе среди рабочих масс и т. д. Но и в этот период он предостерегает своих слушателей от всякого рода мыслей о насильственной революции и проповедует вместо насильственной революции революцию любви. Кроме того он и в эту эпоху является реваншистом и ярким сторонником франко-русского союза, на который он возлагает надежды в смысле возвращения Эльзаса и Лотарингии. Во время войны Олар проявил себя, как самый ярый шовинист, сторонник полного разгрома Германии. Олар оказался преданным слугой французского империализма, причем эта служба — не вынужденная, а полностью согласованная с желанием самого Олара. После революции в России министерство иностранных дел дало ему правительственный заказ — составить брошюру о войне. Французское правительство, стремясь продолжать войну и использовать русских солдат на фронте, хотело получить в этом отношении помощь со стороны Олара. Главной целью брошюры Олара было побудить русских последовать примеру французских патриотов 1792 года, причем Олар предлагал поднять дисциплину в русской армии введением смертной казни, указывая, что во время Великой французской революции наказанием за неповиновение на фронте были смертная казнь и пять лет каторжных работ.

После Октябрьской революции Олар выпустил небольшую книгу «Террор и теория насилия во Французской революции». Эта книга была полемическим произведением, направленным против Москвы и русских революционеров, которые на деле применяли насилие. Олар пытался здесь доказать, что в отличие от пролетарской революции в России, Великая французская революция была революцией любви.

Докладчик указывает на двойственность Олара в отношении пролетарской революции и Советской России, ибо Олар с одной стороны заявлял, что дух русского народа больше, чем какого-либо другого, склонен к социализму, с другой — всячески осуждал политику коммунистической партии и хулил советскую власть. «Если некоторые товарищи, — говорит в заключение докладчик, — считали Олара кандидатом в друзья Советской России, то он так и остался кандидатом до конца своих дней, не превратившись в друга Советской России.

А. Васютинский останавливается на характеристике Олара как издателя исторических документов. По словам докладчика, в этой своей деятельности Олар был выразителем чаяний крупной буржуазии, которая после победы над

Мак-Магоном почувствовала себя у власти и пыталась подкрепить и обосновать свою силу ссылкой на историческое прошлое, для чего и понадобилось издание архивных документов по Великой революции.

Олар застал архивы по Французской революции в полном забросе, ценнейшие документы по Конвенту сваливались в сорную кучу. За годы с 1788 по 1798 он проделал огромную работу по собиранию документов, он издал «Акты Комитета общественного спасения». Это—огромное издание, но в нем много недочетов, так, например, в этом издании нет соответствующего комментария, нет вводных статей. С этими же недочетами издаются и 6 томов «Актов якобинского клуба», 10 томов «Истории Парижа в эпоху термидора, во время консульства и империи». Следующая серия документов—мемуары Шометта, Фурнье-Американца издаются лучше, с комментариями и вводными статьями. Докладчик, наконец, отмечает, что Олар создал журнал «Révolution Française» и участвовал в нем до конца жизни. Олар не был, по словам докладчика, правительственным историком, и правая профессура проводила его в могилу кислыми некрологами в «Revue des Deux Mondes» и в других журналах. Олар не создал своей школы, если не считать присущей его последователям любви к архивным материалам.

Большой интерес вызвал также доклад В. Н. Максимовского «Идея диктатуры у Макиавелли», показавший, что марксистская историография все более выходит из узкого круга проблем новейшей истории Запада и обогащается исследованиями эпохи средневековья и нового времени. В. Максимовский обосновал следующие положения: Макиавелли был идеологом буржуазии в переходную эпоху от феодализма к капитализму; он выступал «последовательно-революционно» против феодального строя, католической церкви и феодалов за развитие торгового капитализма, за народ, руководимый буржуазией—этим новым передовым классом общества.

Макиавелли был, по мнению Максимовского, первым политическим писателем в Западной Европе, который положил начало теории буржуазного государства, выдвинув идею гражданского и политического равенства, неприкосновенности собственности, участия народа в управлении государством, народовластия и парламентаризма. Для Италии Макиавелли отстаивал образование единого национального государства нового типа. Убедившись из опыта своей обширной государственной деятельности, что для создания новой Италии нужна сильная авторитетная власть, он высказался за единоличную диктатуру, опирающуюся непосредственно на вооруженную силу и не считающуюся с существующими феодальными законами — т. е. за буржуазно-революционную диктатуру.

В своем весьма содержательном докладе «О раннем английском меркантилизме» (XV век) А. Звавич охарактеризовал политический памфлет «Libelle of Foreign Policy», принадлежащий анонимному автору. Этот политический памфлет представляет собой первую и определенную политическую программу торгового капитала; в нем ярко вырисовалось стремление торгового капитала заставить работать на себя государственный аппарат. Торговцы, по мысли Libelle, представляют самый важный класс государства, и удовлетворение их интересов совпадает с интересами государства в целом. Трактат дает яркую политическую программу, связывая развитие внешней торговли с усилением военной мощи английского государства (в частности с усилением флота для охраны торговых морских путей). Встречается понимание относительного значения продуктов импорта для экономической жизни страны—понимание, чуждое духу феодальной торговли.

Деятельность секции выражалась также в научно-популяризаторской работе, в виде издания «Книги для чтения». В ближайшие дни выпускаются II и III тт. «Книги для чтения» и готовится к печати IV т.

Р. Авербух

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

Социологическая секция в 1928—1929 академическом году заметно расширила свою работу. Увеличившееся число членов секции—теперь в ней записано свыше 30 человек—позволило чаще ставить доклады и разнообразить тематику работ секции.

На общем собрании членов секции в конце октября был утвержден ориентировочный план научных работ секции, предложенный бюро секции, и рассчитанный на длительный период времени. В этом плане намечено 4 цикла проблем: вопрос о формациях, генетические про-

блемы социологии, критика новейших социологических буржуазных теорий и изучение социологических проблем, связанных с программой Коминтерна (сюда кроме вопроса о формациях, имеющего и самостоятельное значение, входит также вопрос о внекапиталистическом пути развития). Кроме того, в плане была намечена дискуссия на тему о марксистском понимании социологии.

В текущем году предполагалось лишь начать осуществление этого широкого плана работ.

В области изучения формаций секция подготовила целую серию докладов, из которых несколько могло быть поставлено уже в текущем году. Однако, непредвиденные обстоятельства заставили перенести большинство подготовленных докладов на будущий год, а в этом году была проведена лишь широкая дискуссия по докладу С. М. Дубровского на тему «Азиатский, феодальный и крепостнический способы производства». Этот доклад вместе с прениями занял три вечера и вызвал живейший интерес не только среди членов общества, но и привлек большое количество слушателей со стороны (главным образом, из Института красной профессуры и из ряда комвузов). Об интересе к данной теме можно судить по тому, что количество записавшихся ораторов было исчерпано едва лишь на половину, и свыше 10 человек не могли за недостатком времени воспользоваться словом. Доклад т. Дубровского, затрагивая целый ряд проблем, был заострен, с одной стороны, на отрицании существования особой формации, основанной на «азиатском» способе производства, а с другой—на выяснении сущности феодализма и крепостничества, рассматриваемых докладчиком как две самостоятельных формации [1].

Большее количество докладов падает на цикл генетических проблем. Здесь прежде всего следует отметить секционный доклад т. Менхена на тему «Точка зрения Моргана и Энгельса на развитие семейных форм и современная этнология». Этот доклад, организованный совместно с секцией Комакадемии по изучению теории и практики международного женского движения, занял два вечера и вызвал обстоятельную критику со стороны оппонентов, направленную главным образом против попыток докладчика примирить теорию культурных кругов Гребнера с марксизмом. Затем идет доклад т. Токарева—«Социальный строй меланезийцев», посвященный проблеме происхождения классов и государства, и, отчасти, к этой же группе вопросов примыкают два критических доклада В. Зельцера—«Преанимистическая теория Прейса» и И. Д. Дмитриева—«Проблема происхождения языка в современной популярной литературе». Последний доклад был организован совместно с секцией Комакадемии по изучению литературы языка и вместе с прениями занял три вечера.

Критике современных буржуазных социологических теорий был посвящен доклад В. С. Сергеева—«Проблема капитализма в современной социологии» [1].

Наконец, секция провела дискуссию о марксистском понимании социологии (вводное слово делал В. Н. Максимовский) [2], приняла участие в организации доклада В. Н. Максимовского на тему «Идея диктатуры у Макиавелли» (доклад был поставлен совместно с секцией Запада) и посвятила специальное заседание заслушанию доклада В. К. Никольского по поводу состоявшегося в Ленинграде совещания московских и ленинградских этнологов.

Кроме того, секция приняла участие в первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, на которой от имени секции было поставлено шесть докладов (краткое изложение содержания этих докладов и развернувшихся по поводу них прений было дано в № 11 «Историка-марксиста»).

Такова «докладная» часть работ секции. Этим деятельность ее не исчерпывалась. Секцией был поставлен вопрос о включении в круг ее деятельности некоторых проблем этнографического и археологического характера. Она взяла на себя инициативу привлечь к полевым этнографическим работам внимание различных учреждений и институтов Комакадемии. Было созвано совещание из представителей аграрного института, института советского строительства, комиссий по изучению национального вопроса, по изучению религии, а также по изучению теории и практики междуна-

---

[1] Доклад т. Дубровского был поставлен совместно с секцией о-ва историков марксистов по истории Востока.

[1] Этот доклад напечатан в переработанном виде в прошлом номере журнала.

[2] Стенограмма этой дискуссии помещена в прошлом номере.

родного женского движения, на котором обсуждался вопрос о постановке Комакадемией регулярных этнографических работ. Совещание обсуждало план организации комбинированной экспедиции различных учреждений Комакадемии в одну из национальных республик Союза, причем была намечена общая тема экспедиции: «Процессы национального оформления отсталых народов в условиях диктатуры пролетариата и внекапиталистической эволюции восточного хозяйства».

За недостатком времени подготовить эту экспедицию в истекшем году не удалось, но можно думать, что в будущем году заинтересованные учреждения Комакадемии заблаговременно приступят к разработке планов и к подготовке регулярных полевых этнографических работ.

Секция занималась также и программно-методическими вопросами. Исходя из того соображения, что курс «Истории развития общественных форм», входящий в большинство учебных планов комвузов и некоторых общественных вузов, сейчас переживает кризис, секция созвала совещание преподавателей этого курса с участием представителей методической секции общества историков-марксистов и председателей исторических разрядов главнейших московских комвузов. Совещание занималось обсуждением вопроса о целевой установке предмета «История развития общественных форм» и об его взаимоотношении с другими дисциплинами в учебном плане комвузов. В результате обмена мнений, во время которого выяснилось, что «История развития общественных форм» вполне себя оправдала как предмет в учебных планах московских комвузов, совещание признало необходимым высказаться за сохранение этого предмета и на будущее время и за конкретизацию его программы, а также за дальнейшую его специализацию применительно к особенностям отдельных комвузов.

Переходим к перспективам дальнейших работ секции.

Оставаясь на основах ранее принятого плана работ, секция на будущее время детализировала этот план. В настоящее время план работ секции, утвержденный советом Общества историков-марксистов, сводится к следующему.

Секция прежде всего продолжает расширять свою научно-организационную работу. С этой целью намечается: создание подсекции этнографов и кружка археологов; создание социологических секций в филиалах Общества историков-марксистов с выделением в них по мере возможности этнографических и археологических групп; оживление и координирование полевых этнографических работ, осуществляемых различными учреждениями Комакадемии; установление более тесной связи с различными учреждениями в Москве и Ленинграде, занимающимися исследованиями в области социологии, а также ведущими этнографическую и археологическую работу, и оживление связи с аналогичными учреждениями на местах с целью общего методологического руководства ими.

В области организации докладов секция намечает прежде всего продолжение серии докладов, связанных с изучением вопроса о формациях. Здесь подготовлены следующие доклады: т. Минца—о торговом капитализме, т. Сергеева—об античности как формации, т. Удальцова—о феодализме и т. Кушнера—обобщающий доклад о формациях. В этом же ряду предположено поставить доклад о первобытном коммунизме (докладчик выясняется).

В плане предусмотрены далее 2—3 доклада, связанных с разработкой генетических проблем. Затем в начале года будет проведена подготовленная уже (совместно с комиссией Комакадемии по изучению религии) дискуссия о работе Морозова и поставлен доклад о новых путях в археологии.

В виду такой широкой программы докладов, организация внеплановых докладов по заявкам членов секции будет возможна лишь в виде исключения.

В области критико-библиографической работы секция предполагает начать подготовлявшуюся еще в истекшем году серию критических докладов о современных буржуазных социологических теориях (Макс Вебер, Гребнер, Трельч, Допш, Сей и др.), а также ставить рефераты и обзоры новинок социологической литературы как в виде докладов, так и в печати.

В плане предусмотрена и литературная деятельность. Здесь предположено приступить к изданию серии тематических сборников, составленных главным образом из переводных статей и крупных отрывков из отдельных работ современных социологов. Сборники будут снабжены вводными критическими статьями и примечаниями. Намечены следующие темы сборников: происхождение земледелия и скотоводства, происхождение брака и семьи, проблема революции у

Комиссии в значительной степени удалось осуществить идею об'единения военных и гражданских историков. Как те, так и другие с приблизительной равномерностью представлены в самом составе комиссии, выступали в качестве докладчиков на ее заседаниях, принимали участие в прениях по этим докладам и в разработке различных научно-организационных вопросов. Значительный шаг к дальнейшему укреплению об'единения военных и гражданских историков будет сделан, когда развернут свою работу создаваемые в настоящее время «тематические группы» по целому ряду наиболее актуальных вопросов (красная гвардия, октябрьские вооруженные восстания в Москве, в Петрограде и в провинции, вооруженные восстания послевоенного периода в Западной Европе и др.).

Составление тематических групп в то же время должно способствовать вытеснению методов индивидуальной работы и замене их методами работы коллективной, когда весь научно-исследовательский процесс, начиная от составления плана работы, включая собирание и обработку материалов, вплоть до обсуждения окончательно оформленной работы будет производиться в коллективе. В этом же направлении сыграют свою роль два семинара по изучению гражданской войны, организуемые по инициативе комиссии (об этом ниже).

В истекшем академическом году тематические группы не дали еще своей продукции, и непосредственная научная деятельность комиссии ограничивалась главным образом постановкой докладов, разработанных в индивидуальном порядке.

Наибольшее количество докладов было организовано подсекцией СССР, которая привлекла в свои ряды подавляющее число членов комиссии.

Здесь были поставлены следующие доклады:

1) т. Котова—«История крестьянских восстаний на Украине и в Крыму в 1918—1920 гг.»;

2) т. Гуковского—«К вопросу об экономической политике белых правительств (экономическая политика врангелевщины)»;

3) т. Аверьева—«Аграрная политика контрреволюции на востоке России. Поволжье—Сибирь 1918—1919 гг.» (Доклад был поставлен совместно с Аграрным Институтом Комакадемии);

4) т. Егорова—«Боевые действия Красной армии против повстанческой армии «Возрождения России» на юге Кубани летом 1920 г.» (этот доклад слушателя Воен. академии был перенесен в комиссию из академии).

Подсекция Запада провела три доклада:

Тов. Гайлиса на тему о гамбургском восстании, т. Рима—о ревельском восстании 1 декабря 1924 г. и т. Жбиковского на тему «Фашистский переворот в Польше в мае 1926 г.».

Подсекция Востока и колониальных стран ограничилась одним докладом т. Лапина: «Роль армии Фын-Юй-Сяна в национально-революционном движении 1925—1927 гг.».

Кроме того комиссия организовала в текущем году два публичных доклада Б. И. Горева: юбилейный доклад, приноровленный к столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, на тему «Чернышевский и революционные войны» (стенограмма этого доклада и прений опубликована в № 10 «Историка-марксиста») и доклад на тему «Бланки, Бакунин и Ленин как теоретики вооруженных восстаний» [1].

Кроме того, комиссия приняла участие в первой Всесоюзной конференции историков-марксистов и выделила двух докладчиков: т. Рабиновича («Военные организации большевиков в 1917 г.») и т. Горева («Марксизм и военная история» [2]. Тогда же с делегатами конференции состоялось совещание организационного характера для установления связей с местами.

Деятельность комиссии не исчерпывалась постановкой докладов. Из других работ здесь следует отметить в первую очередь организацию семинаров по изучению гражданской войны. По инициативе комиссии и при ее ближайшем участии на третьем курсе Института красной профессуры удалось организовать исследовательский семинар по изучению гражданской войны. Этот семинар будет работать под руководством М. Н. Покровского. К участию в нем привлекаются кроме слушателей ИКП представители Военной академии, члены комиссии, работники НИС ЦС Осоавиахима, Ленинградской военно-политической ака-

[1] Содержание наиболее интересных из перечисленных докладов будет изложено в следующем № «Историка-марксиста».

[2] Краткое содержание докладов, прочитанных на конференции, читатель найдет в настоящем номере журнала. Полная же стенограмма докладов и прений будет помещена в печатающихся в настоящее время трудах первой Всесоюзной конференции историков-марксистов.

демии им. Толмачева, а также представитель секции Комм. академии по изучению теории и практики международного женского движения. Основными проблемами семинара предполагаются, с одной стороны, изучение 1920 г. (главным образом, польской кампании), и с другой—изучение начальных моментов гражданской войны (вооруженные восстания в Октябре, боевые организации большевиков в 1917 г., организация красной гвардии и т. д.).

Кроме того, подготовляется организация пропедевтического семинара по гражданской войне. Этот семинар должен будет расширить круг исследователей истории гражданской войны и дать преподавателей для руководства проработкой тем по гражданской войне в наших комвузах и др. учебных заведениях. Организация этого семинара поможет сдвинуть с мертвой точки выполнение директивы высших партийных и правительственных органов, связанной с 10-летием Октябрьской революции и касающейся включения преподавания истории Октябрьской революции в программы высших учебных заведений.

В порядке организации научной базы для исследовательской работы комиссия взяла на себя инициативу упорядочить библиографические работы по эпохе Октябрьской революции и гражданской войны. В этом отношении комиссия добилась существенных результатов (см. подробнее в специально посвященной этому вопросу хронике). По вопросу о состоянии архивов комиссия и на заседании своего президиума, и на пленарном заседании рассматривала подробное информационное сообщение т. Максакова о состоянии архивных фондов в архиве Красной армии и флота. На этих совещаниях были разработаны и кое-какие практические предложения, переданные для проведения в жизнь в Центрархив.

Наконец, комиссия приступила к организации своего научного кабинета.

В истекшем году комиссия работала при обществе историков-марксистов. С начала текущего академического года, в связи с организацией при Комакадемии военной секции, комиссия влилась в состав этой секции.

Ал. Гуковский

ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ.

13 ноября 1928 года в г. Воронеже было образовано отделение общества, приступившее с начала текущего года к регулярным занятиям. 16 января с. г. по докладу А. В. Шестакова о работах Всесоюзной конференции историков-марксистов отделением была принята следующая резолюция:

«Заслушав доклад проф. А. В. Шестакова об итогах первой Всесоюзной конференции общества историков-марксистов, общее собрание членов отделения общества в ЦЧО считает политическую линию в работе конференции правильной. Придавая огромную значимость работе конференции, как в смысле консолидации марксистских сил на фронте идеологической работы в области истории, так и в смысле научных достижений, общее собрание настаивает на скорейшем издании протоколов конференции. Вместе с тем, собрание считает также необходимым, чтобы некоторые наиболее актуальные проблемы, стоявшие на повестке дня Всесоюзной конференции, были поставлены и в отделении общества в ЦЧО, для чего поручить бюро просить тех товарищей, которые работают над этими проблемами, прочесть свои доклады в Воронеже в ближайшие месяцы».

К ВОПРОСУ О БИБЛИОГРАФИИ ЭПОХИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В начале 1929 года в комиссии по изучению вооруженных восстаний, гражданских и революционных войн в Обществе историков-марксистов стал вопрос о библиографических работах по изучению октябрьских вооруженных восстаний и гражданской войны. Организация этой работы была поручена создаваемому при комиссии кабинету, который начал осуществление поставленной перед ним задачи с созыва совещания из представителей различных учреждений и организаций, ведущих библиографическую работу в указанном направлении.

Инициатива кабинета нашла живой отклик почти во всех учреждениях и организациях, причастных к библиографической работе. Дело не ограничилось одним совещанием. На протяжении четырех месяцев (январь—апрель) собралось три совещания, в которых приня-

ли участие представители следующих учреждений и организаций: Государственная центральная книжная палата, Институт Ленина (библиографический сектор), Центрархив (Библиотека АОР), Библиотеки Комм. академии и Военной академии, Научно - исследовательская секция центрального совета Осоавиахима, Центральный дом Красной армии, Научный кабинет истпрофа ВЦСПС и Библиографическое бюро Госиздата.

На совещаниях в первую очередь был проведен ряд информационных сообщений, которые с достаточной полнотой выяснили характер и содержание библиографических работ, осуществляемых в этих учреждениях и организациях.

Вот краткая сводка сделанных информаций:

Шире всего работа ведется в различных военных учреждениях и организациях. При Центральном доме Красной армии им. В. М. Фрунзе организована военно-библиографическая комиссия, которая ставит своей целью об'единение военных библиографов, работающих в области военной и военно - технической библиографии, и самостоятельное осуществление различных библиографических работ по военной и военно-технической литературе. В комиссии организуются секции: военная, военно-техническая , инностранная и секция теории и истории военной библиографии. Эта последняя секция ставит своей задачей учитывание организаций, ведущих военно-библиографическую работу. На нее возложены разработка классификаций военных знаний, а также библиография военной библиографии.

Эта военно-библиографическая комиссия при ЦДКА организовалась недавно и только приступила к разворачиванию своей работы.

Независимо от этого библиотека ЦДКА самостоятельно осуществляет некоторые библиографические работы. Из наиболее крупных отмечается составление библиографической картотеки, различных боевых операций и истории отдельных воинских частей Красной армии. Эта библиография носит не только описательный, но и рекомендательный характер. Учитываются книги и брошюры только советские. Дается краткое содержание без аннотаций, но с указанием степени трудности по индексу Главполитпросвета. Всего учтено 452 боевых действия и около 150 названий истории воинских частей Красной армии. Работа в настоящее время заканчивается и будет издана на средства ЦДКА (размер около 4 печатных листов).

Над библиографией гражданской войны работает группа сотрудников библиотеки Военной академии (5 человек). Эта работа началась с прошлого года и продлится еще, предположительно, не меньше года. Первоначально была составлена библиография гражданской войны справочного характера для слушателей академии, охватывающая только около 900 названий книг. Но эта библиография оказалась совершенно недостаточной не только для профессуры, но и для слушателей академии. Сейчас ведется учет книг русских, немецких, английских, французских и польских. Статейный учет охватывает только русские журналы, главным образом военные, общим количеством около 25 названий. Работы одновременно ведутся и над текущими журналами и за старые годы. Пока составляется картотека по различным библиографическим журналам и справочникам, затем предполагается проверка в натуре.

Библиографией гражданской войны занимаются и в научно - исследовательской секции Центрального совета Осоавиахима. Здесь работа ведется применительно к перспективному плану исследовательских работ в области гражданской войны, разработанному военно-исторической подсекцией НИС. Библиография охватывает весь комплекс проблем гражданской войны: военно-технические и оперативные вопросы, экономика, классы, партии, национальный вопрос, аграрный вопрос и т. д. Библиографируется литература советская, национальная, бело - эмигрантская, иностранная и «соседей». Заканчивается подготовка I тома—непериодическая печать. В этот том входит около 3 тысяч названий советской литературы, 500 названий национальной, 1 500 названий иностранной и 700 бело-эмигрантской. Кроме того, подготовляется к печати еще 2 выпуска: литература периодическая (газеты и журналы) и материалы и документы (приказы, лубки, карты и прочее).

Библиотека Комакадемии лишь подошла к библиографии эпохи 1917 г., уделяя до сего времени главное свое внимание библиографии 1905 г. (подготовлен к печати I том и находится в печати II по 1905 г.). Над 1917 г. работает отдел комплектования, который подготовляет предварительные материалы для последующей библиографии. Библиотека проделала пять экспедиций (в Ленинград и др. пункты) с целью выявления изданий 1917 г. и последующей революционной эпохи. В итоге подготовляется библиография периодических

изданий центральных советских и партийных учреждений в промежуток времени до 1923 г. Проделана вся изыскательная предварительная библиографическая работа и по возможности собирание литературы в библиотеке Комакадемии. Предполагается опубликовать схематическое историко-библиографическое описание этой литературы: переименование изданий, количество вышедших номеров, редакторы, издатели и т. д. Кроме того, библиотека (справочно-библиографический отдел) дает библиографические справки в виде «первой помощи» читателю и обслуживает 13 учреждений Комакадемии, а также различные советские, партийные и профессиональные учреждения по их запросам. Расширение библиографической работы библиотеки Комакадемии тормозится недостатком штатов. В библиографическом отделе работает всего 5 человек, а в справочно-библиографическом—3.

Кабинет истпрофа ВЦСПС лишь частично занят библиографией эпохи Октябрьской революции. Основной задачей кабинета пока что является собирание различных материалов (печатных и др.) по вопросам труда. Было издано несколько библиографических указателей, но в общем библиографической работе уделялось мало внимания. Истпроф ВЦСПС обратился в местные истпрофы с предложением заняться библиографированием местных изданий по вопросам профессионального и рабочего движения, но, за редкими исключениями, на местах в этом отношении ничего не было сделано. В настоящее время кабинет поставил себе целью расширить библиографическую работу. Это в значительной степени будет зависеть от финансовых возможностей. В ближайшем будущем истпроф решил издать работу Калганова по профсоюзной периодике за 10 лет (размер работы около 15 печатных листов). Есть основание предполагать, что кое-какие библиографические работы будут выполнены и центральными комитетами союзов, а также и губсоветами (Иваново-Вознесенск, Нижний-Новгород и др.).

Большая библиографическая работа ведется в архиве Октябрьской революции. Книгохранилище архива обладает одним из самых богатых в СССР собранием печатных материалов по истории Октябрьской революции и гражданской войны, причем подавляющее количество печатных изданий выделено в библиотеку из архивных фондов. Эти печатные материалы (главным образом газеты революционной эпохи) представляют огромный исторический интерес. Книгохранилище приступило к составлению библиографического указателя газет за первое пятилетие революции. В настоящее время уже описано свыше 6½ тысяч названий за первое пятилетие. Для выяснения недостающих названий собрания библиотеки АОР Центрархив обратился к местным архивным органам, которые зачастую обладают богатыми коллекциями местных газет.

Библиографический отдел Института им. Ленина в настоящее время занят составлением ленинианы за 1928 г. и библиографии ленинских работ за 30 лет (1893—1923). В планах дальнейших работ — библиография подпольных партийных изданий, лениниана за 1929 г. и библиография мемуарной литературы о Ленине. Никаких библиографических работ по гражданской войне и по вооруженным восстаниям Октябрьской революции библиотека Института в ближайших планах не предусматривает.

Государственная центральная книжная палата также не выделяет в своих работах специально библиографирования гражданской войны или вооруженных восстаний, но она может помочь в этом деле своими общими картотечными материалами, а также публикуемыми библиографическими указателями.

Кое-какая библиографическая работа ведется библиотекой и библиографическим бюро Госиздата. Здесь полностью отражена издательская продукция Госиздата за десять лет по всем разрядам литературы и, в частности, по гражданской войне и Октябрьской революции. Задачей библиографического бюро и библиотеки является практическое обслуживание редакционного аппарата Госиздата. Здесь же собираются и рецензии на литературу гизовских изданий, причем в данном случае библиографическое бюро пользуется указателями книжной палаты и материалами бюро газетных вырезок.

Кроме всех этих информаций от учреждений и организаций, участвовавших в совещаниях, выяснилось, что библиографическая работа по Октябрьской революции и гражданской войне ведется еще и в некоторых других учреждениях. Так, Ленинградский государственный музей революции составил библиографию гражданской войны, разработанную по темам (около 4 тыс. названий), затем Ленинградская военно-политическая академия им. Толмачева также составляет библиографию гражданской войны (вышло из печати лито-

графированное издание, охватывающее около 4 тысяч названий).

На основании всех этих информаций участники совещаний единодушно пришли к выводу о необходимости создания постоянного центра, который бы взял на себя общее руководство и координирование библиографической работой, ведущейся столь многочисленными учреждениями и организациями. Необходимость в таком руководящем центре обусловливается не только обнаружившимся параллелизмом в работе, но и тем, что в большинстве случаев учреждения, ведущие библиографическую работу, ставят перед собой слишком широкие задачи и, не имея достаточных возможностей для их осуществления, выполняют эти задачи без исчерпывающей полноты, совершенно необходимой в библиографической работе, что зачастую придает всему делу «кустарный» характер. На совещаниях были выработаны основные принципы для создания этого координирующего и руководящего центра. Он должен быть создан при Комакадемии и представлять из себя достаточно авторитетную, постояннодействующую комиссию, состав которой будет определен президиумом Комакадемии по согласованию с главнейшими заинтересованными учреждениями и организациями.

Эта комиссия должна осуществлять общее руководство библиографическими работами по эпохе Октябрьской революции. Участники совещания сочли нецелесообразным ограничить деятельность этой комиссии более узкими тематическими рамками (например, библиография только гражданской войны), так как подобные ограничения приводили бы к неизбежному параллелизму при библиографировании смежных вопросов.

В задачу комиссии должны быть включены:

1. Разработка общих вопросов методологии библиографии эпохи Октябрьской революции.

2. Координирование и руководство отдельными библиографическими работами по эпохе Октябрьской революции, ведущимися в различных учреждениях.

3. Организация отдельных наиболее важных подготовительных библиографических работ, необходимых для составления полной библиографии эпохи Октябрьской революции, в тех случаях, когда эта задача не может быть выполнена другими учреждениями.

4. По окончании предварительных работ составление полной научной библиографии эпохи Октябрьской революции, совместно с соответствующими организациями и учреждениями.

5. Разработка мероприятий к наилучшему учету, хранению произведений печати революционной эпохи.

Для осуществления этих задач комиссия развивает деятельность в следующих направлениях:

1. Организация докладов по различным вопросам методологии библиографии эпохи Октябрьской революции и по технике этой работы.

2. Критический разбор книг, статей и других работ по различным отделам библиографии эпохи Октябрьской революции (на заседаниях и в печати).

3. Критическое рассмотрение планов работ различных организаций и учреждений.

4. Информация о работе, осуществляемой как самой комиссией, так и различными связанными с нею учреждениями и организациями (на заседаниях и в печати).

5. Разработка различных инструкций по библиографической работе.

6. Консультация по различным библиографическим вопросам представителей учреждений и организаций, а в отдельных случаях и лиц, работающих индивидуально в области библиографии эпохи Октябрьской революции.

7. В порядке организации отдельных подготовительных работ для составления полной научной библиографии эпохи Октябрьской революции комиссия в первую очередь организует перепись периодических изданий, вышедших на территории СССР с 1917 по 1921 гг. (план этой работы разрабатывается особо).

Исключительная историческая ценность периодических изданий революционной эпохи придает переписи выдающееся значение. Опасность же частичной гибели материалов, ввиду их хрупкости и хранения зачастую в ненадлежащих условиях, заставляет торопиться с этой работой.

8. Составление полной научной библиографии эпохи Октябрьской революции является конечной целью работ комиссии.

Участники совещаний подчеркивали, что комиссия, создаваемая при Комакадемии, должна не парализовать или сокращать библиографическую работу, осуществляемую различными учреждениями и организациями, но способствовать развитию этой работы и устранению в ней параллелизма. В частности,

в своей работе комиссия должна обратить особое внимание на связь с центрами союзных республик и с провинцией для привлечения местных учреждений к общим библиографическим работам, что особенно важно при описании местных, особенно периодических изданий.

Кроме того, на совещаниях был поднят вопрос относительно своевременности создания общества библиографов-марксистов, так как существующее в настоящее время библиографическое общество не отвечает тем задачам, которые стоят перед советской библиографией. В этом отношении высказывалось пожелание, чтобы вокруг проектируемой комиссии сгруппировались бы кадры советских библиографов-марксистов, которые впоследствии могли бы оказаться основным ядром для создания нового библиографического общества.

В настоящее время проект создания при Комакадемии постоянной комиссии для координирования и общего руководства библиографическими работами по эпохе Октябрьской революции внесен по постановлению Совета Общества историков-марксистов в президиум Комакадемии.

А. Гуковский

ИЗДАНИЕ ЗАПИСОК Н. И. ЛОРЕРА

В настоящее время ведется работа по подготовке к печати рукописи записок декабриста Н. И. Лорера, принадлежащей Коммунистической академии. «Записки» будут опубликованы под ред. М. Н. Покровского в издательстве Коммунистической академии.

Найденный документ представляет большой интерес. Рукопись Лорера до сих пор не была исследована, и «Записки» изучались по разрозненным публикациям «Русского архива» (184...) и «Русского богатства» (1906 г.). Отдельного издания «Записок» не существует. Сличение опубликованных текстов с подлинником показывает наличие многочисленных и часто значительных по об'ему цензорских купюр, касающихся особо важных тем (следствия и казни декабристов, их политической идеологии, есть купюры, касающиеся Пестеля, Пушкина и пр.). Ценность рукописи увеличивается многочисленными замечаниями на полях современников Лорера (Остен-Сакена, Свербеева, Бартенева, декабриста Свистунова), которым декабрист давал рукопись для критики.

Марксистское изучение декабризма в корне перестроило старую проблематику вопросов, выдвинув на первый план исследование радикального Южного общества декабристов, игнорировавшегося буржуазной историографией, сосредоточившей свое внимание на либеральном Северном обществе и создавшей известную «легенду» о декабристах, как бесклассовых борцах за свободу. Между тем, литература мемуаров декабристов-южан, помогающих эту легенду опровергнуть, сравнительно бедна и представлена воспоминаниями малоактивных членов Южного общества (Басаргин, Волконский). Записки декабриста Лорера, члена Южного общества, выгодно выделяются на этом фоне: Лорер—активный член Тайного общества, приговорен к 12 годам каторги, ближайший товарищ главы Южного общества Пестеля, сослуживец его по полку и активный помощник Пестеля в делах Тайного общества. Материал записок Лорера, характеризующий Южное общество, обилен и ценен, его ценность усугубляется тем обстоятельством, что Южное общество почти не изучено в монографической литературе о декабристах, и его исследование—очередная проблема марксистского изучения декабризма. Кроме того, судьба Лорера была богаче обычной судьбы сосланных декабристов: часть ссылки он провел в Сибири, часть на Кавказе. Эта последняя описана во II томе записок и является ценным документом для малоисследованной, но крайне важной темы—колониальной политики царизма на Кавказе.

Ответств. редактор **А. В. Шестаков**. Ответственный секретарь **Н. Л. Татаров**.